

СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ В. Θ. ОДОЕВСКАГО

=

Multum magnorum virorum iudicio
credo, aliquid et meo vindico.

SENECÆ Ep. XLV. 3.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

ДОМАШНІЕ РАЗГОВОРЫ.

=

Изданіе книгопродавца Мѣанова.

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Э. ПРАЦА.

=

1844.

НОВЫЙ ГОДЪ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЛѢВНІВЦА.)

«Если записывать каждый день своей жизни, то чья жизнь не будетъ любопытна?» сказалъ кто-то.

На это я могъ бы очень смѣло отвѣчать: «моя». Чтò можетъ быть любопытнаго въ жизни человѣка, который на семь свѣтъ ровно ничего не дѣлалъ!

Я чувствовалъ, я страдалъ, я думалъ за другихъ, о другихъ и для другихъ. Пишу свои записки, перечитываю, и не нахожу въ нихъ только одного: самого себя. Такое самоотверженіе съ моей стороны должно расположить читателей въ мою пользу; увидимъ, ошибся ли я въ своемъ разсчетѣ; вотъ нѣсколько дней *не-моей* жизни; если они вамъ неслишкомъ наскучатъ, то расскажу и про другіе.

ДѢЙСТВІЕ I.

— Вина! вина! наливай скорѣе; уже безъ пяти минутъ двѣнадцать.

— Неправда, еще цѣлыхъ полчаса осталось до новаго года... — отвѣчалъ Вячеславъ, показывая съ гордостію на свои деревянные часы съ розанами на циферь-блатъ и чугунными гириами.

— Это по твоимъ часамъ: они всегда цѣлымъ часомъ отстаютъ!..

— За то они иногда двумя часами бѣгутъ впередъ; оно на то же и наведетъ — замѣтилъ записной насмѣшникъ.

— Неправда, они очень вѣрны, возразилъ Вячеславъ съ досадою: — я ихъ каждый день повѣряю по городскимъ...

— Сколько ему гордости придаютъ его часы! продолжалъ насмѣшникъ. — Купилъ у носящаго за цѣлковый, повѣсилъ на стѣну, смотрите, точно гостиная...

— Неправда, они куплены у часовщика и за нихъ заплачено двадцать пять рублей...

— Объявляю вамъ, господа, что отъ этой славной покупки у насъ будетъ сегодня двумя бутылками меньше...

Такъ мы кричали, шумѣли, спорили и болтали всякій вздоръ наканунѣ новаго года въ маленькой комнаткѣ Вячеслава въ третьемъ этажѣ. Насъ было человекъ двѣнадцать — всѣ мы только-что вышли

изъ университета. Вячеславъ былъ немногимъ богаче всѣхъ насъ, но какъ-то щеголеватѣе и къ тому же большой мастеръ устроить въ своей комнатѣ и хозяйничать; на примѣръ, у Вячеслава сверхъ табака водились всегда сыръ и такъ называемое вино изъ *ренсковаго* погреба; въ комнатѣ, вмѣсто классической желѣзной кровати студента съ байковымъ одѣяломъ, стоялъ диванъ, обтянутый полосатою холстинкою; на этомъ диванѣ лежали кожаныя подушки, съ которыхъ на день снимались наволочки; возлѣ дивана былъ растянута сплетенный изъ покровокъ коверъ, отъ чего диванъ получалъ видъ роскошнаго оттомана; книги лежали не на полу, по общему обыкновенію, но на доскѣ, прибитой къ стѣнѣ подъ каленкоровой занавѣской; не только былъ столъ для письма, но и еще другой столъ особенно, хотя и безъ ящика; надъ единственнымъ окошкомъ висѣлъ кусокъ полотна; даже были вольтеровскія кресла; наконецъ, знаменитые часы гордо размахивали маятникомъ и довершали убранство комнаты.

Такое пышное устройство возбуждало всеобщую зависть и всеобщее удивленіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ было причиною, почему квартира Вячеслава была всегда мѣстомъ нашихъ собраній. — Такъ было и сегодня. За мѣсяцъ еще, Вячеславъ преважно пригласилъ насъ встрѣтить у него новый годъ, общая даже сдѣлать зженку. Разумѣется, отказа не было. Мы знали, что онъ уже давно хлопочетъ о приготовленіяхъ, что заказанъ пирогъ, и что, сверхъ

обыкновеннаго его, такъ называемаго вина, будетъ по крайней мѣрѣ три бутылки шампанскаго!

Послѣ смѣха и шума, къ 12-ти часамъ все пришло въ порядокъ.

Кѣкъ мы всѣ усялись на трехъ квадратныхъ саженьяхъ, я теперѣ ужъ не понимаю, только всѣмъ было мѣсто: кому на диванъ, кому на окошкѣ, кому на столѣ, кому на полкѣ; на однихъ вольтеровскихъ креслахъ сидѣли. мнѣ кажется, три человѣка! — Вотъ на столѣ уже уставлены огромный пирогъ, огромный сыръ, бутылки и, разумѣется, черепъ — для того, чтобъ наше пиршество больше приближалось къ лукуллову. Двѣнадцать трубокъ закурились въ торжественномъ молчаніи; но едва деревянные часы продребезжали полночь, мы чокнулись стаканами и прокричали «ура» новому году. Правда, шампанское было немножко тепло, а горячій пирогъ былъ немножко холоденъ, но этого никто не замѣтилъ. Беседа была веселая. Мы только-что вырвались изъ школьнаго заточенія, мы только-что вступали въ свѣтъ: широкая дорога открывалась предъ нами — просторъ молодому воображенію. Сколько плановъ, сколько мечтаній, сколько самонадѣянности и — сколько благородства! Счастливое время! Гдѣ ты?...

Къ тому же, мы были люди важные: мы уже имѣли наслажденіе видѣть себя въ печати — наслажденіе, въ первый разъ неизъяснимое! Уже мы принадлежали къ литературной партіи и защищали одного добросовѣстнаго журналиста противъ его

соперниковъ, и ужасно горячились. Правда, за то намъ и доставалось. Сначала раздаватели литературной славы приняла-было новыхъ авторовъ съ отеческимъ покровительствомъ; но мы, въ порывъ безпристрастія, въ отвѣтъ на нѣжности, задѣли всѣхъ этихъ господъ безъ милосердія. Такая неблагодарность съ нашей стороны чрезвычайно ихъ разсердила. Въ эту позорную эпоху нашей критики литературная брань выходила изъ границъ всякой благопристойности; литература въ критическихъ статьяхъ была дѣломъ совершенно постороннимъ: онѣ были просто ругательство, площадная битва площадныхъ шутокъ, двусмысленностей, самой злонамѣренной клеветы и обидныхъ примѣненій, которыя часто простирались даже до домашнихъ обстоятельствъ сочинителя; разумѣется, въ этой безславной битвѣ выигрывали только тѣ, которымъ нѣчего было терять въ отношеніи къ честному имени. Я и мои товарищи были въ совершенномъ заблужденіи: мы воображали себя на тонкихъ философскихъ диспутахъ портика или академіи, или по крайней мѣрѣ въ гостиной; въ самомъ же дѣлѣ мы были въ райкѣ: вокругъ пахнетъ саломъ и дегтемъ, говорятъ о цѣнахъ на севрюгу, бранятся, поглаживаютъ нечистую бороду и засучиваютъ рукава, — а мы выдумываемъ вѣжливыя насмѣшки, остроумные намеки, діалектическія тонкости, ищемъ въ Гомерѣ или Виргиліи самую жестокою эпиграмму противъ враговъ нашихъ, боимся расшевелить ихъ деликатность... Легко было угадать

слѣдствіе такого неравнаго боя. Никто не бралъ труда справляться съ Гомеромъ, чтобы постигнуть всю ѣдкость нашихъ эпиграммъ: насмѣшки нашихъ противниковъ въ тысячу разъ сильнѣе дѣйствовали на толпу читателей, и потому-что были грубѣе, и потому-что менѣе касались литературы.

Къ счастью, это скорбное время прошло. Если бы остаткамъ героевъ того вѣка и хотѣлось возобновить эту выгодную для нихъ битву, — такое предпріятіе едва ли увѣнчается успѣхомъ; общее презрѣніе мало-по-малу налегло на достойныхъ презрѣнія — и имъ уже не приподняться! Но тогда, — тогда другое дѣло. Многіе изъ насъ были задѣты этими господами со всею лакейскою грубостію; насмѣшники были противъ насъ, и стыдно признаться, глупыя шутки нашихъ критиковъ звенѣли у насъ въ ушахъ; мы чувствовали всю справедливость нашего дѣла — и тѣмъ досаднѣе была намъ несправедливость общаго голоса. — Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, человѣкъ привыкаетъ къ людской несправедливости, находитъ ее дѣломъ обыкновеннымъ, часто горькимъ, чаще смѣшнымъ; но въ юности, когда такъ хочется вѣрить всему высокому и прекрасному, несправедливость людей поражаетъ сильно и наводитъ на душу невыразимое уныніе. Этому состоянію духа должно приписать тотъ байронизмъ, въ которомъ, можетъ-быть, уже слишкомъ упрекаютъ молодыхъ людей, и въ которомъ бываетъ часто виновата лишь доброта и возвышенность ихъ

сердца. Люди бездушные никогда и ни о чемъ не тоскуютъ.

Какъ бы то ни было, эти нападки безславныхъ враговъ, ихъ торжество въ общемъ мнѣніи, сближали товарищей въ нашемъ маленькомъ кругу; здѣсь мы отдыхали; каждый зналъ труды другаго; каждый по себѣ цѣнилъ усилія товарища; общая несправедливость была намъ даже полезна: мы съ бо́льшею бодростію поощряли другъ друга къ новымъ трудамъ, и съ каждымъ днемъ становились болѣе строги къ самимъ-себѣ.

Наша бесѣда предъ новымъ годомъ была полна этой пламенной, этой живой, юношеской жизни.— Сколько прекрасныхъ надеждъ! Сколько плановъ, перемѣшанныхъ съ тонкими аттическими эпиграммами противъ нашихъ гонителей!... Вячеславъ былъ душою нашего общества: онъ намъ преважно доказалъ, что новый годъ непременно должно начать чѣмъ нибудь дѣльнымъ, самъ въ качествѣ поэта схватилъ листъ бумаги и сталъ импровизировать стихи, а намъ предложилъ каждому выбрать себѣ какую-нибудь дѣльную, важную работу, которой надлежало предаться въ теченіи года. Предложеніе было принято съ восторгомъ — и въ этотъ день мы погрозились читателямъ нѣсколькими системами философій, нѣсколькими курсами математики, нѣсколькими романами и нѣсколькими словарями. Отъ близкой работы мы перешли къ отдаленной: всѣ отрасли дѣятельности были разобраны: кто обѣщался возвысить наукою воинственное имя сво-

ихъ предковъ; кто перенести въ нашъ міръ промышленности всѣ знанія Европы; кто на царской службѣ принести въ жертву жизнь на полѣ брани или въ тяжкихъ трудахъ гражданскихъ. Мы вѣрили себѣ и другимъ, ибо мысли наши были чисты и сердце не знало расчетовъ. Между-тѣмъ, Вячеславъ окончилъ свои стихи, въ которыхъ намекалъ о трудахъ, заказанныхъ нами самимъ-себѣ. Нѣтъ нужды сказывать, что мы превозгласили его истиннымъ поэтомъ и убедительно ему доказывали, что его предназначеніе въ этой жизни — *развивать идею поэзии*; долго потомъ, встрѣчаясь, мы, вмѣсто обыкновеннаго «здравствуй», привѣтствовали другъ друга стихами нашего поэта: они наводили свѣтлый, радужный отблескъ на всѣ наши мысли и чувства.

Мы расстались съ дневнымъ свѣтомъ, общали другъ другу собираться всѣмъ въ этотъ день ежегодно у Вячеслава, не смотря на всѣ препятствія, и давать другъ другу отчетъ въ исполненіи своихъ обѣщаній.

Нѣсколько лѣтъ мы были неразлучны. Многихъ судьба переменилась; кромчатый коверъ замѣнился хитрыми издѣліями англійской промышленности; маленькая комнатка обратилась въ пышные, роскошные хоромы; шампанское мерзло въ серебряныхъ вазахъ, наполненныхъ химическимъ холодомъ. — но мы, въ честь старой студенческой жизни, сходились запросто, въ сертукахъ, и по прежнему дѣлились откровенными мыслями и чувствами. Между-тѣмъ, нѣкоторыя изъ нашихъ работъ были

пачаты, большая часть — не окончены, остальные перемѣнены на другія. Мало-по-малу судьба разнесла насъ по всѣмъ концамъ міра ; оставшіеся сходились по прежнему въ первый день года ; отсутствующіе писали къ намъ, что они въ эти дни мысленно переносились къ друзьямъ : кто изъ цареградскаго храма св. Софіи, кто съ береговъ Ореноко, кто отъ подошвы Эльборуса, кто съ холмовъ древняго Рима.

ДѢЙСТВІЕ II.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Судьба носила меня по разнымъ странамъ. Я пріѣхалъ въ Москву наканунѣ новаго года ; искать Вячеслава — нѣтъ его : онъ въ подмосковной верстѣ за десять ; я въ томъ же экипажѣ въ подмосковную, куда пріѣхалъ около полуночи. Лошади быстро пронесли меня по запушенному снѣгомъ двору ; въ барскомъ домѣ еще мелькалъ огонь. Прощедъ нѣсколько слабо освѣщенныхъ комнатъ, я дошелъ до кабинета. Вячеславъ на колѣняхъ передъ колыбелью спящаго младенца ; ему улыбалась прекрасная, въ цвѣтъ лѣтъ женщина ; онъ узналъ меня и далъ знакъ рукою, чтобъ я говорилъ тише : «онъ только-что сталъ засыпать» сказалъ Вячеславъ шопотомъ ; жена его повторила эти слова. Нѣсколько минутъ я смотрѣлъ съ умиленіемъ на эту семейную картину. Видно было по всему, что въ этомъ домѣ жили, а не кочевали ; все было придумано съ англійскою прозорливостію для жизни семейной, ежедневной :

столъ былъ покрытъ книгами и бумагами, мѣбель спокойная, необходимая занятому челоуѣку; вездѣ безпорядокъ, составляющій середину между порядкомъ празднаго челоуѣка и небрежностью лѣнливца; на креслахъ пюпитры для чтенія, фартельяно, начатая канва, развернутые журналы и наконецъ воспоминаніе прежней нашей жизни — студенческіе деревянные часы. Я не успѣлъ еще осмотрѣться, когда младенецъ заснулъ крѣпкимъ сномъ невинности. Вячеславъ приподнялся отъ колыбели и сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ. «Это мой старый товарищъ» говорилъ онъ, знакомя съ своею женою; «сегодня канунъ новаго года, надобно встрѣтить его по старинѣ».

Мы усѣлись втроемъ за маленькимъ столикомъ; въ 12 часовъ чокнулись рюмками, и стали вспоминать о быломъ, припоминать товарищей... Многихъ не досчитывались: кто погибъ славною смертію на полѣ брани, кто умеръ не менѣе славною смертію, изнуренный кабинетнымъ трудомъ и ночами безъ сна; кого убила безнадежная страсть, кого невозвратимая потеря, кого несправедливость людская; по половины уже не существовало въ семъ мѣрѣ!

Не было криковъ, не было юношескихъ восторговъ на этомъ мирномъ пирѣ, не было необдуманыхъ обѣщаній, легкомысленныхъ надеждъ; мы говорили шопотомъ, чтобъ не разбудить дитя; часто мы останавливались на недоконченной фразѣ, чтобъ взглянуть на спящаго младенца; мы говорили не о будущемъ, но лишь о прошедшемъ и на-

стоящемъ; нашъ разговоръ былъ тотъ тихій, семейный лепетъ, гдѣ васъ занимаютъ не сказанныя слова, но тотъ, кто сказалъ ихъ; гдѣ мысль въ половину угадывается и гдѣ говорятъ, кажется, для того только, чтобъ имѣть предлогъ посмотрѣть другъ на друга.

«Мое время прошло» сказалъ наконецъ Вячеславъ. «Стихи мои въ каминъ; попытки не удались; юношескихъ силъ не воротить; великимъ поэтомъ мнѣ не бывать, а посредственнымъ быть не хочу; но то, чего я не успѣлъ додѣлать въ себѣ, то постараюсь докончить въ немъ» — прибавилъ Вячеславъ, указывая на колыбель: — «здѣсь моя настоящая дѣятельность, здѣсь мои юношескія силы, здѣсь надежды на будущее. Ему посвящаю жизнь мою; у него не будетъ другаго, кромѣ меня, наставника; у него не будетъ минуты, которой бы онъ не раздѣлил со мною, ибо въ воспитаніи важна всякая минута: одинъ мигъ можетъ разрушить усилія цѣлыхъ годовъ; отецъ, не порадовшій о своемъ сынѣ, есть въ моихъ мысляхъ величайшій преступникъ. Кто знаетъ! природа на растеніяхъ производитъ слабый, будто ненужный листокъ, который вырастаетъ только для того, чтобъ сохранить нѣжный зародышъ, и потомъ — увянуть незаметно: не случается ли того же и между людьми? Можетъ-быть, я этотъ слабый, грубый листокъ, а мой сынъ зародышъ чего-нибудь великаго; можетъ-быть, въ этой колыбели лежитъ поэтъ, музыкантъ, живописецъ, которому ввѣрило Провидѣ-

ніе всю будущность человѣчества. Я увяну незамѣтно, но все, что есть въ моемъ сынѣ, выведу въ міръ; въ этомъ, я вѣрю, единое назначеніе моей второстепенной жизни!»

Тутъ Вячеславъ принялся мнѣ рассказывать планъ, предпринятый имъ для воспитанія сына; его бібліотека была наполнена всѣми возможными книгами о воспитаніи: онъ показалъ мнѣ кучу огромныхъ выписокъ: онъ учился не шутя, но по-нашему, по-старинному, какъ студентъ, готовящійся къ строгому экзамену.

Я разстался съ Вячеславомъ рано; мы не выпили и четверти бутылки: онъ, какъ человѣкъ семейный, не любилъ обращать ночи въ день; я не хотѣлъ заставить его перемѣнить заведенный имъ строгій порядокъ. Часы, проведенные съ нимъ, оставили надолго въ душѣ моей сладкое и невыразимое чувство.

ДѢЙСТВІЕ III.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Однажды, подъ новый годъ, судьба занесла меня въ П. Я зналъ, что Вячеславъ поселился уже болѣе двухъ лѣтъ въ этомъ городѣ. Я бросилъ въ трактиръ мой экипажъ и чемоданы, и по-старому, не переодѣваясь, какъ былъ, въ дорожномъ платьѣ, сѣлъ на перваго попавшагося мнѣ извозчика и поспѣшилъ скорѣе къ прежнему товарищу. Быстрое движеніе блестящихъ каретъ, скакавшихъ по улицѣ, привело меня съ непривыч-

ки въ какое-то опѣмѣніе ; я едва могъ выговорить мое имя швейцару, встрѣтившему меня у Вячеслава крыльца. Думаю , что онъ принялъ меня за сумасшедшаго, потому-что нѣсколько времени смотрѣлъ мнѣ въ глаза и не отвѣчалъ ни слова. « Баринъ сей-часъ ѣдетъ , барыня ужь уѣхала » наконецъ проговорилъ онъ.

— Какой вздоръ ! быть не можетъ.

— Карета уже подана, баринъ одѣвается...

— Быть не можетъ.

— Позвольте объ васъ доложить...

· Я хожу безъ доклада.

— Однако же...

Я оттолкнулъ върнаго пристаивника и поспѣшно пробѣжалъ рядъ блестящихъ комнатъ. Въ домѣ все суетилось ; въ крайней комнатѣ я нашелъ Вячеслава во всемъ парадѣ передъ зеркаломъ ; онъ ужасно сердился на то , что башмакъ отставалъ у него отъ ноги ; парикмахеръ поправлялъ на головѣ его накладку.

Вячеславъ, увидя меня, обрадовался и смѣшался.

— Ахъ , братецъ ! говорилъ онъ мнѣ съ досадою, обращаясь то къ камердинеру, то къ парикмахеру.

— Затяни этотъ шнурокъ... Зачѣмъ было мнѣ не сказать, что ты здѣсь ?

— Я сейчасъ только изъ дорожной кареты.

— Я бы какъ-нибудь отдѣлался. Ты не знаешь, что такое здѣшняя жизнь... прикрѣпи эту пуклю... ни одной минуты для себя, не успѣваешь жить и не чувствуешь какъ живешь...

— Ты ѣдешь — я тебѣ не мѣшаю...

— Ахъ, какъ досадно! Какъ бы хотѣлось съ тобою остаться... здѣсь накладка сползаетъ... но невозможно, повѣришь мнѣ, что невозможно...

— Вѣрю, вѣрю; какое нибудь важное дѣло...

— Какое дѣло! Я далъ слово князю Б. на партію виста... перчатки... онъ человекъ, отъ котораго многое зависитъ, — нельзя отказаться. Ахъ, какъ бы хорошо намъ встрѣтить новый годъ по-старинѣ, вспомнить бывшее... шляпу...

— Сдѣлай милость, безъ церемоній...

Тутъ вошелъ сынъ его съ гувернеромъ: — «*Adieu, rара.*»

— А, ты ужь возвратился? веселъ ли былъ вашъ маскарадъ? Ну, прощай; ложись спать... затяни еще шнурокъ... Богъ съ тобою. — Ахъ, Боже мой, уже половина двѣнадцатаго... прощай, моя душа! Помнишь, какъ мы живали! — Карету, карету!...

Вячеславъ побѣждалъ опрометью; я пошелъ за нимъ тихо, посмотрѣлъ на прекрасныя комнаты, — онѣ были блестящи, но холодны; въ кабинетъ величайшій порядокъ, все на своемъ мѣстѣ, пакеты, чернилица; на каминѣ часы *гососо*, на столѣ развернутый адресъ-календарь...

Этотъ новый годъ я встрѣтилъ одинъ, передъ кувшиномъ зельцерской воды, въ гостиницѣ для проѣзжающихъ.

ЧЕРНАЯ ПЕРЧАТКА.

ПОСВ. ЮЛ. МИХ. ДЮГАМЕЛЬ (КОЗЛОВСКОЙ).

Въ моей молодости, я былъ шаферомъ на одной очень интересной свадьбѣ. Женихъ и невѣста, казалось, были созданы другъ для друга. Равно молоды, равно полны жизни, равно прекрасны собою, оба хорошей фамиліи и, чудная вещь! оба равно богаты. Это были два созданія, которыхъ судьба, казалось, выпустила на свѣтъ для того, чтобъ не всегда можно было ее назвать немилосердою. Она съ колыбели осыпала юную чету всеми дарами счастья; она, казалось, даже была прихотлива въ выборъ этихъ даровъ, и каждому изъ нихъ старалась дать самую совершенную форму. Такъ, напр., у молодой четы было много имѣній и ни одной тяжбы, было нѣсколько добрыхъ, истинныхъ родныхъ, и не было вереницы тѣхъ второстепен-

ныхъ родственниковъ, о существованіи которыхъ порядочный человекъ знаетъ только по визитнымъ билетамъ, или по просительнымъ и рекомендательнымъ письмамъ.

Отцы и матери нашихъ любовниковъ давно уже не существовали на свѣтъ. Графъ Владиміръ росъ съ своею невѣстою въ домъ ихъ общаго опекуна и дяди Акинѳіа Васильевича Езерскаго, котораго, я думаю, вы знавали; помните: довольно дородный, румяный мужчина, всегда въ широкомъ коричневомъ фракѣ, немножко припудренъ, съ такимъ важнымъ и рѣшительнымъ лицомъ, еще немножко похожимъ на Франклина. У него-то жили мои молодые люди; почти съ пеленъ они не разставались другъ съ другомъ и заранѣе, въ головѣ опекуна, они назначались быть мужемъ и женою. Акинѳій Васильевичъ Езерскій былъ человекъ во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательный; природа дала ему умъ и доброе сердце. Къ сожалѣнію, природа даетъ намъ только глаза, но заставляетъ насъ самихъ выдумывать стекла, которыя видятъ немножко подальше природнаго зрѣнія; этихъ стеколъ Акинѳій Васильевичъ не получилъ въ дѣтствѣ; его учили по-старинному: заставляли вытверживать географическія имена, историческія числа, нравственныя сентенціи и фортификаціонные размѣры, но забыли научить его одному: думать о томъ, чему его учили. Такое ученье, какъ всегда бываетъ, отозвалось ему на всю жизнь: чтò видѣлъ природный умъ и чувствовало сердце, того не мо-

гло доглядѣть его образованіе; оттого онъ думалъ только половиною головы, чувствовалъ половиною сердца, и отъ-того часто понималъ только половину предметовъ. — Послѣ такого страннаго воспитанія, онъ брошенъ былъ судьбою въ Англію, гдѣ и провелъ нѣсколько лѣтъ своей жизни; этотъ новый міръ не могъ не поразить его; но, какъ дикаря, его поразило равно и хорошее и дурное; то и другое для него смѣшалось; онъ и въ томъ и въ другомъ многое не досмотрѣлъ, многое пересмотрѣлъ, и то и другое перенесъ цѣликомъ на русскую почву. Такъ, напр., несмотря на насмѣшки невѣждъ, ни на насмѣшки писателей, которые не стыдились своимъ перомъ подкрѣплять мнѣніе безграмотныхъ и въ своихъ сочиненіяхъ выставлать торжество закоренѣлой глупости надъ необходимыми улучшеніями, Езерскій ввелъ въ имѣніи своихъ питомцевъ усовершенствованное хозяйство и, на зло безграмотнымъ сосѣдямъ, безграмотнымъ повѣстямъ и комедіямъ, удесятерилъ свои доходы; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ перенесъ къ себѣ отростки этого сухаго методизма, который болѣе или менѣе отзывается во всей англійской жизни и убиваетъ въ ней всякую поэзію. Въ торопяхъ, онъ прочелъ Бентама, и мысль о пользѣ была ослѣпительнымъ солнцемъ для Езерскаго; она навела темныя пятна на его собственные мысли; человѣкъ показался ему машиною, которая тогда только счастлива, когда дѣйствуетъ въ урочные часы и для извѣстной цѣли; поэзія ему показалась вздоромъ, воображеніе — демономъ, ко-

тораго надобно избѣгать; всякій неразсчитанный порывъ сердца — едва ли не прегрѣшеніемъ. Но, къ счастью, онъ успѣлъ прочесть еще Томсона — и мысль о красотѣ природы связалась въ головѣ его съ бентамовымъ индустріализмомъ. Такимъ-образомъ, Акинѣй Васильевичъ составилъ себѣ систему, которая была смѣсью Бентама, Томсона, Палея и другихъ англійскихъ авторовъ, которыхъ онъ читалъ въ своей молодости; новыхъ онъ не зналъ, и потому не любилъ. Байрона онъ ненавидѣлъ, потому-что Байронъ проклялъ Англію, которая для Акинѣя Васильевича, вмѣстѣ съ его системою, была образцомъ совершенства. Дядюшка часто объяснялъ свою систему, но понять ее было довольно трудно. Къ мысли, что основаніемъ всякаго человеческого поступка должна быть польза, онъ присоединилъ невыразимую привязанность къ природѣ и свое восхищеніе выражалъ стихами изъ *Четырехъ Временъ Года*. Все, что было въ природѣ, ему казалось совершенствомъ, и онъ очень часто толковалъ о необходимости жить, какъ онъ говорилъ, «сообразно природѣ». Въ-слѣдствіе этого, онъ восхищался каждымъ пригоркомъ, каждымъ изгорбленнымъ деревомъ; но методизмъ не заставлялъ его забываться въ этомъ восторгѣ: онъ постоянно ложился спать въ десять часовъ, вставалъ съ восхожденіемъ солнца и читалъ къ нему томсоновы стихи; послѣ стиховъ, онъ пилъ чай, выкуривалъ двѣ сигары (ни больше, ни меньше) и садился за работу, которая продолжалась до трехъ часовъ; въ три

часа выходилъ гулять, и къ обѣду, даже когда обѣдалъ одинъ, выходилъ въ бѣломъ галстухѣ и башмакахъ. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ явственно отражалась эта, благодаря Бога, непонятная русскому человѣку англійская односторонность, отъ которой зависятъ все достоинства и все недостатки англійскихъ произведеній, отъ которой Англичанинъ знаетъ пару колесъ въ машинѣ, пару мыслей въ жизни, и знаетъ превосходно, но за симъ ни о чемъ въ мірѣ не имѣетъ никакого понятія. Несмотря на эти странности, привычка къ труду и порядку давала Акинѣю Васильевичу важное преимущество надъ всеми его сверстниками. Онъ одинъ успѣвалъ дѣлать то, чего не могли сдѣлать десять человѣкъ; отъ того самаго, дѣлъ у него было множество; онъ любилъ хлопотать, такъ какъ другіе любятъ ничего не дѣлать; а какъ охотниковъ въ послѣднемъ родѣ тысячи, то Езерскій былъ всесвѣтнымъ опекуномъ, председателемъ всѣхъ возможныхъ комиссій по дѣламъ своихъ пріятелей и посредникомъ во всѣхъ ссорахъ.

Разумѣется, воспитаніе, которое онъ далъ своимъ питомцамъ, было сообразно его системѣ: онъ пріучилъ Марію къ женскимъ руководльямъ и къ женскому смиренію, а графа ко всѣмъ коммерческимъ и гимнастическимъ упражненіямъ; отъ-того Марія прекрасно умѣла дѣлать чай и самыя тоненькія тартинки съ масломъ; плумъ-пудингъ и минцпайзы ей были очень хорошо знакомы; а графъ зналъ тригонометрію, бухгалтерію, славно боксировалъ,

ѣздилъ верхомъ и лазилъ по канатамъ; сверхъ-того, оба знали почти наизусть нѣсколько грамматикъ. Ихъ воспитаніе было, какъ видите, самое практическое, самое близкое къ дѣлу, основанное не на идеяхъ, а на пользѣ. Дѣйствительно, никакая другая книга, никакая мысль не попадала къ нимъ ни въ руки, ни въ голову, и только за мѣсяцъ до свадьбы Акинѣй Васильевичъ позволилъ будущимъ супругамъ прочесть «Кларису Гарло» Ричардсона.

Свадьба графа Владиміра и Маріи не была новостью для города, но всѣ непритворно ей радовались. Въ нихъ обоихъ было нѣчто неизъяснимо-невинное, неизъяснимо-ребяческое: это были двѣ дѣтскія головки, нарисованныя искуснымъ лондонскимъ гравёромъ, которыми невольно любуешься, забывая, что въ эти прекрасныя созданія уже положено сѣмя той нравственной ариѳметики, надъ которою такъ горько плакалъ Байронъ. Дѣйствительно, въ нихъ былъ родъ магнетизма, который производилъ то, что никто не завидовалъ имъ, никто не ропталъ на судьбу, видя ихъ счастье, но смотрѣлъ на него какъ на право собственности молодыхъ людей. Правда, толпы молодыхъ людей кружились вокругъ прекрасной Маріи, женщины невольно заглядывались на статнаго Владиміра; но это было удивленіе, а не ревность, не досада; они своимъ дѣтскимъ видомъ умѣли волновать только чистую, ясную поверхность души, оставляя на днѣ ея черныя, тяжелыя капли; ихъ свадьба казалась

веселымъ дѣтскимъ праздникомъ, которымъ всѣ любятъ и которому никто не завидуетъ

Въясненіе кончилось. Владиміръ нѣжно поцаловалъ свою Марію; въ церковь и въ домъ набрался почти цѣлый городъ; поздравляли новобрачныхъ; но къ 12 часамъ всѣ разъѣхались, оставя на свободѣ молодыхъ. Дядя, заступавшій для нихъ мѣсто отца, равно посаженные отцы и матери, исполнивъ домашніе обряды, удалились. Молодые были уже въ спальнѣ и съ дѣтскою невинностью любовались убранствомъ комнаты, которая до-тѣхъ-поръ была для нихъ секретомъ, какъ вдругъ на бѣломъ атласномъ диванѣ они увидѣли черную перчатку. Сначала, Владиміръ подумалъ, что ее забылъ кто-нибудь изъ гостей, но кому же могло прійти въ голову пріѣхать на свадьбу съ черной перчаткой? Съ нѣкоторымъ чувствомъ суевѣрнаго страха онъ поднялъ ее и ощупалъ въ ней пакетъ съ надписью на имя ихъ обоихъ. Съ трепетомъ Владиміръ сорвалъ печать, и съ ужасомъ прочелъ слѣдующее:

«Почитаю нужнымъ васъ увѣдомить, что ваше «счастіе разстроиваетъ мое счастіе, что исполненіе «вашихъ желаній уничтожаетъ всѣ планы моей «жизни. А такъ-какъ прощительно человѣку любить себя больше другихъ, то я положилъ себя «твердымъ правиломъ перевернуть вашу судьбу на «изнанку, ибо только вашимъ страданіемъ я могу «достигнуть моей цѣли. Если это мнѣ не удастся, «то по-крайней-мѣрѣ я буду имѣть наслажденіе «мстить вамъ, и это первое посвѣщеніе есть только

«первая степенъ того зла, которое я вамъ пригото-
«вляю. Одна ваша разлука въ ту минуту, когда вы
«будете читать эту записку, можетъ спасти васъ
«отъ моего мщенія. Залогъ, мною оставленный,
«можетъ показать вамъ, что для меня не суще-
«ствуетъ ни дверей, ни затворовъ. Осмѣлся под-
«нять его, слишкомъ счастливая чета!

«Черная Перчатка».

Владиміръ сначала не хотѣлъ показывать этого письма Маріи, но Марія, опираясь на его плечо, успѣла прочесть все письмо до конца.

— Это вѣрно шутка... мистификація... сказалъ Владиміръ нетвердымъ голосомъ; но невольно рука его дрожала.

— Нѣтъ, отвѣчала Марія : — это не шутка и не мистификація; кому бы такъ жестоко шутить съ нами?

— Но кому и желать намъ зла? замѣтилъ Влади-
міръ.

— Вспомни, не оскорбилъ ли ты кого-нибудь? Не давалъ ли ты кому-нибудь обѣщаній?

Тутъ Марія значительно взглянула на Владиміра, и голосъ ея прервался.

— И ты можешь это думать, Марія? сказалъ нѣж-
но Владиміръ. — Увѣряю тебя, это шутка, глупая
шутка, которая не пройдетъ даромъ. Если это
женщина, — нѣтъ нужды, если мужчина — тогда...
И глаза Владиміра заблестали.

— Тогда, что? спросила Марія.

— О, ничего! сказалъ-Владиміръ : — я постараюсь отплатить тою же монетою.

— Нѣтъ, твои глаза говорятъ не то... Слушай, Владиміръ, объщай мнѣ ничего не предпринимать, не сказавши мнѣ.

— О, къ чему эти объщанія?

— Объщай мнѣ, по-крайней-мѣрь, ничего не предпринимать до завтра.

— О, мы, право, дѣти! сказалъ Владиміръ разсмѣявшись : — глупый проказникъ подшутилъ надъ нами, а мы, какъ-будто въ угодность ему, провели цѣлый часъ въ тревогѣ.

— А если онъ здѣсь и подслушиваетъ насъ? замѣтила Марія.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, это не пришло мнѣ въ голову, сказалъ Владиміръ. Съ этими словами, онъ взялъ свѣчу, обошелъ кругомъ комнаты и отворилъ дверь, чтобъ выйти изъ спальни.

— Не ходи одинъ, сказала Марія : — надо позвонить людей.

— Ты хочешь, чтобъ стали смѣяться надъ нами?

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ.

Они вышли изъ спальни. Огни вездѣ погашены; все въ домѣ спало; на дворѣ слышалась лишь доска сторожа. По огромнымъ комнатамъ длинная тѣнь ложилась отъ свѣчи. Марія невольно вздрагивала, когда случайно ея собственный образъ отражался въ зеркалахъ, когда шорохъ шаговъ ихъ повторяло эхо и мерцающій свѣтъ мгновенно производилъ на складкахъ штофа причудливые очер-

ки. Такъ они обошли весь домъ : все было тихо : они возвратились въ спальню ; тогда пробило уже три часа утра , и когда Владиміръ отдернулъ занавѣску , заря уже занималась .

Дневной свѣтъ имѣетъ чудное свойство : онъ придаетъ невольную бодрость и спокойствіе разсудку . То , что кажется огромнымъ и страшнымъ во мракѣ ночи , разсыпается съ дневнымъ свѣтомъ , какъ сновидѣніе . Это чувство ощутили наши молодые люди .

— Мы , право , дѣти , повторилъ еще разъ Владиміръ : — кто видалъ , чтобъ первую ночь брака провести надъ глупою запискою ?

Съ этими словами , онъ подошелъ къ камину и едва не бросилъ въ него перчатку , но удержался при мысли , что не худо показать ее дядюшкѣ .

— Не-уже-ли этотъ вздоръ можетъ поколебать наше счастье ?

— Никогда ! отвѣчала Марія , обнимая его .

На другой день , молодые не забыли показать таинственную записку дядюшкѣ . Дядюшка посмотрѣлъ на записку съ своимъ обыкновеннымъ , систематическимъ хладнокровіемъ , и сказалъ :

— Это какой-то вздоръ , но котораго однакожь не надобно такъ оставлять . Отдайте мнѣ эту записку ; вамъ нѣчего ею заниматься ; это ужь будетъ мое дѣло .

Мы уже сказали, что дядюшка былъ человекъ весьма замѣчательный въ своемъ родѣ, и что строгій порядокъ въ жизни, неизмѣняемое хладнокровіе въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и нѣсколько удачныхъ финансовыхъ оборотовъ пріобрѣли ему довѣренность всѣхъ его знакомыхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, когда онъ произносилъ : «это уже мое дѣло» своимъ твердымъ, методическимъ голосомъ, съ удареніемъ на каждомъ словѣ, то ему нельзя было не повѣрить.

Когда всѣ визиты новобрачными были сдѣланы, Акиной Васильевичъ потребовалъ чтобъ молодые непременно отправились въ деревню. Ему очень хотѣлось отправить ихъ туда въ первый день брака, по англійскому обычаю, и въ первый разъ въ жизни онъ, противъ воли, уступилъ настоятельнымъ просьбамъ родственниковъ.

— Поѣзжайте въ деревню, говорилъ Акиной Васильевичъ : — первое — вы должны узнать другъ друга, а второе — человекъ на семь свѣтъ не долженъ жить бесполезно. Ты, Владиміръ, долженъ заняться хозяйствомъ; помни, что всякій владѣлецъ земли на семь свѣтъ долженъ постоянно увеличивать ея производительную силу, и что тотъ, кто ежегодно не увеличиваетъ своего дохода, теряетъ все то, что бы онъ могъ пріобрѣсть. Я нарочно не ѣду съ тобою : я хочу, чтобъ ты могъ привыкнуть къ своимъ силамъ, не полагаясь ни на чью помощь, и чтобъ, когда я умру, — ибо смерть есть необходи-

мый и благодѣтельный законъ природы, — ты и не замѣтилъ бы своей потери.

— Дядюшка, и вы можете говорить объ этомъ такъ хладнокровно?

— Ничего, ничего, пустое. Смерть есть законъ природы, а все въ природѣ прекрасно; люди должны умирать, потому — прибавилъ дядюшка съ значительнымъ видомъ — что люди должны родиться; и такъ — продолжалъ онъ — ты будешь заниматься хозяйствомъ, и ты также, Марія. Въ деревенскомъ домѣ, въ кабинетѣ, на бюро, ты найдешь тетрадку, которую я написалъ для васъ уже лѣтъ десять тому назадъ, и въ которой подробно описано, что долженъ дѣлать мужъ и что должна дѣлать жена. Исполните мои совѣты съ точностію — и раскаяваться не будете. Сначала, покажется трудно, а потомъ все будетъ легче и легче. Въ затруднительныхъ случаяхъ обращайтесь ко мнѣ съ вопросами. Болѣе всего старайтесь умѣрять свои страсти, и даже совсѣмъ уничтожать ихъ — послѣ этого все будетъ легко. Я буду въ симбирской деревнѣ, ибо провести лѣто въ городѣ есть преступленіе. Здѣсь не видишь природы, а что можетъ сравниться съ природою? «Ничто такъ не возвышаетъ души, какъ восхожденіе солнца,» говоритъ Томсонъ. Теперь поѣзжайте съ Богомъ; дорожная ваша карета готова, — я самъ занимался ея устройствомъ — и лошади уже приведены. —

Владиміръ и Марія бросились со слезами обнимать дядюшку, но онъ остановилъ ихъ: — Не нуж-

но ни слезъ, ни прощаній; это все бесполезныя вѣтви, которыя умный садовникъ долженъ тщательно обрѣзывать...

Однакожь, Владиміръ и Марія не послушались строгаго совѣта дядюшки и наплакались досыта... Наконецъ, они съѣли въ карету, а дядюшка отправился къ себѣ, потому-что онъ еще не успѣлъ выкурить своей второй сигары.

Мы не будемъ слѣдовать за нашими путешественниками по длинной дорогѣ, по косогорамъ, по испорченнымъ мостамъ; не будемъ останавливаться за порчей экипажа, за спорами съ станціонными зрителями и безконечными жеребьями извозчиковъ, — и предположимъ, что они доѣхали до своей деревни въ то блаженное время, когда Россію пересѣкутъ во всѣхъ направленіяхъ желѣзныя дороги, чего съ нетерпѣніемъ ожидалъ не одинъ Акинѣй Васильевичъ, несмотря на мудрыя толкованія нѣкоторыхъ философовъ, которые воображаютъ, что съ желѣзными дорогами истребится столь смиренный и трудолюбивый классъ ямщиковъ. Въ своей деревнѣ, подъ благословеннымъ небомъ Тамбовской-Губерніи, по которому не въ шутку, а въ-самомъ-дѣлѣ ходитъ яркое, теплое солнце, молодые нашли домъ, устроенный со всѣми просвѣщенными удобствами жизни. Въ кабинетъ, на бю-

рю, дѣйствительно находилась положенная десять лѣтъ тому назадъ тетрадь, писанная рукою Акинѳія Васильевича. Мы не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи выписать нѣсколько строкъ изъ этой истинно-практической тетради :

«Мужъ и жена суть двѣ половины одного и того же существа; но каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенныя свойства и обязанности, и своимъ образомъ должна способствовать къ достиженію единой цѣли природы и общества — общей пользы :

1) Мужъ и жена встаютъ въ одно время. Лѣтомъ, тотчасъ идутъ на свѣжій воздухъ и наслаждаются природою. Ничто столько не укрѣпляетъ силъ человѣка, нужныхъ ему для дневныхъ трудовъ его, какъ прекрасное мѣстоположеніе, освѣщаемое лучами восходящаго солнца, когда вся природа оживаетъ и каждый цвѣтокъ поетъ гимнъ Вседержителю». За этимъ слѣдовало нѣсколько стиховъ изъ Томсона, и въ концѣ примѣчаніе: «Зимою, супруги остаются въ своей комнатѣ».

2) Въ семь часовъ супруги завтракаютъ (чай или кофе); послѣ завтрака, супругъ отправляется осматривать дневныя работы; къ его занятіямъ принадлежатъ пашня, садъ, луга, огороды, о чемъ подробнѣе описано въ тетради подъ № 26. Къ хозяйству жены относится все домоустройство : молочный дворъ, кухня, прачешная, разныя домашнія рукодѣля, о чемъ подробнѣе описано въ тетради подъ № 28.

3) Къ полдню, всѣ распоряженія должны быть

кончены, и супруги собираются въ столовую для втораго завтрака (хлѣбъ, масло и холодный рост-бифъ); а какъ замѣчено, что всѣ животныя послѣ полудня предаются сну, изъ чего должно заклю-чить, что того требуетъ благодѣтельная природа, потому и супруги должны это время посвящать от-дыху...»

Мы не будемъ болѣе продолжать этой выписки, но можемъ увѣрить, что наши молодые прочли всю тетрадь съ должнымъ уваженіемъ и даже ни разу не улыбнулись.

Но исполненіе дядюшкиныхъ предписаній не имѣло такого успѣха. Началось съ того, что моло-дые въ первый день съ дороги проспали до полу-дня. Отъэтого, весь день пришелъ въ безпорядокъ. Они не успѣли во время насладиться природою, пошли гулять во время общаго естественнаго сна; завтракали въ половинѣ втораго, отъ-чего принуж-дены были обѣдать въ восемь; послѣ чего они про-гуляли вплоть до полуночи и легли спать часу въ третьемъ утра. Отъ этого, они на другой день снова проспали до полудня, и такимъ-образомъ нечув-ствительно всѣ дни пошли наизворотъ. Назначеніе работъ приходилось въ то время, когда работники отдыхали; посѣщеніе скотнаго двора тогда, когда всѣ коровы были на выгонѣ, и такъ далѣе. Доне-сенія приказчиковъ откладывались; наконецъ, ихъ накопилось столько, что уже прочесть ихъ сдѣла-лось невозможнымъ; мало-по-малу, англійское си-стематическое хозяйство превратилось въ обыкно-

венный бытъ русскаго барина, гдѣ все истребляется, поѣдается и выпивается, и никто ни о чемъ не знаетъ и не заботится, полагаясь на православное *живетъ*, которое *проживаетъ* гораздо болѣе, нежели вся возможная роскошь.

Немудрено, что хозяйство скоро надоѣло молодому графу. Къ тому же, онъ и графиня невзначай замѣтили, что имъ было скучно, что имъ случалось проводить цѣлый день съ-глазу-на-глазъ и промолчать; это происходило очень естественно и отъ очень-простой причины: потому-что имъ говорить было нѣ о чемъ. Люди, у которыхъ воображеніе и чувство развиты, проживуть цѣлый вѣкъ и всегда найдутъ сказать другъ другу что-нибудь новое; но нельзя же цѣлый вѣкъ говорить о лошадяхъ или о картинкахъ съ масломъ; а отъ-того, что супругамъ нѣ о чемъ было говорить, они стали другъ на друга дуться; но какъ и дуться цѣлый вѣкъ нельзя, то они стали отъ скуки браниться, а наконецъ и это привлекательное занятіе имъ скоро надоѣло. Къ-счастію, графъ нашелъ себѣ дѣло: въ околodкѣ было много псарныхъ охотниковъ; онъ познакомился съ ними, травилъ лисицъ и зайцевъ, и пилъ за двухъ, по-русски и по-англійски. Молодая графиня познакомилась съ сосѣдками, которыя, однакожь, ужасно ей надоѣли, и съ которыми она скоро разсорилаь. Графиня стала неволью вспоминать о московскихъ гостиныхъ, о московскомъ театрѣ. Въ этомъ занятіи, прошло лѣто и часть осени.

Между-тѣмъ, случилось небольшое происшествіе,

которое произвело совершенный переворотъ въ мысляхъ графа. Въ той губерніи начались выборы; нѣсколько изъ поклонниковъ графа, какихъ всегда много у всякаго богатаго челоуѣка, явились къ нему съ планами и разсужденіями о томъ, какъ-бы для нихъ и для ихъ дѣлъ было пріятно, а для графа почетно, еслибъ онъ согласился быть предводителемъ ихъ уѣзда. Молодому графу эта мысль очень понравилась; въ ней было что-то новое, а ужь ему все старое очень надоѣло. Онъ изъявилъ свое согласіе съ большимъ снисхожденіемъ; въ головѣ его уже вертѣлись планы для преобразованія всего уѣзда, ибо въ молодомъ графѣ было нѣчто дядюшкино, разбавленное обыкновенною нашею беззаботностію и лѣнью. Скоро эта мысль овладѣла совершенно остаткомъ его воображенія, и званіе предводителя даже грезилось ему ночью. Въ назначенный для выбора день, графъ надѣлъ мундиръ и явился съ твердою увѣренностію быть выбраннымъ. Но каковъ былъ ему ударъ, когда, вмѣсто его, выбрали другаго! Онъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія. — Что это значитъ? спрашивалъ онъ то у того, то у другаго: — какое преимущество имѣетъ мой соперникъ? онъ не богаче, можетъ-быть, не умнѣе?.. Кто отвѣкивался, кто отвѣчалъ обиняками, многіе потихоньку смѣялись надъ столичными жителями со всею провинціальною злостію.

— Я вамъ скажу, сказалъ ему наконецъ одинъ изъ сосѣдей постарѣе: — виновато не дворянство, а вы.

Вашъ соперникъ чловѣкъ чиновный, а вы, ваше сіятельство, извините, не имѣете никакого чина.

— Никакого чина! воскликнулъ графъ: — никакого чина? — и поспѣшно уѣхалъ изъ собранія. Эти немногія слова открыли для него цѣлый міръ, котораго существованіе онъ и не подозрѣвалъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, дядюшка, по своей англійской системѣ, никакъ не предполагалъ, что его племяннику нужно будетъ когда-нибудь служить; онъ хотѣлъ образовать изъ него отличнаго агронома, то, что онъ называлъ «владѣльца земли», и воображалъ, что весьма достаточно будетъ графу прослужить для проформы года два и потомъ зажить въ своемъ помѣстьѣ наподобіе англійскаго лорда или фермера.

Нѣчего сказать, жизнь прекрасная, но не по насъ. Владиміръ такъ привыкъ къ дядюшкину попеченію обо всемъ, что до него ни касалось, такъ привыкъ думать его мыслями, что когда дядюшка сказалъ ему: «невозможно служить и заниматься своими хозяйственными дѣлами», или «владѣлецъ земли обязанъ посвящать всю жизнь свою улучшенію своего состоянія», Владиміру не пришло и въ голову возражать Акинѣю Васильевичу, а просто на другой же день онъ подалъ въ отставку и вышелъ изъ службы въ званіи чиновника 14-го класса.

Происшествіе на выборахъ сильно подѣйствовало на молодаго чловѣка: его самолюбіе, которое

уже расшевелилось ожиданіемъ предводительскаго мѣста, теперь еще сильнѣе было взволновано; общая наша болѣзнь, чиновлюбіе, или, если угодно, честолюбіе, стало мало-по-малу закрадываться въ его душу; ужь ему казалось, что проходящіе по дорогѣ не такъ ему кланяются, потому-что онъ видѣлъ, съ какимъ почтеніемъ на выборахъ увивались вокругъ новаго предводителя, потому-что онъ замѣтилъ какое дѣйствіе производили на окружающихъ кресты и звѣзды, не столько замѣтные въ столицахъ. Въ эти нѣсколько часовъ, Владиміръ постарѣлъ десятью годами. — Что мнѣ гнить въ этой деревнѣ! говорилъ онъ самъ себѣ: — мнѣ надобно служить, мнѣ надобно чиновъ, крестовъ, звѣздъ, блеска, почестей.

Мало-по-малу, въ умѣ его начались тѣ вычисленія, которыя служатъ обыкновеннымъ, постояннымъ занятіемъ для закоренѣлыхъ чиновниковъ; онъ рассчиталъ, сколько лѣтъ потерялъ онъ напрасно, досадовалъ на дядюшку, на его англійскую систему, на самого-себя, на свою женитьбу, словомъ сказать, на все на свѣтѣ.

Онъ возвратился домой очень не въ духъ. Маріи также надоѣли сосѣдки своими рассказами о разныхъ провинціальныхъ сплетняхъ, которыя обыкновенно бываютъ во время выборовъ. — Марія также была не въ духъ. Въ этотъ вечеръ, они снова побранились, — за что, сами не знали, такъ, потому-что надобно было побраниться, каждому сорвать

на комъ-нибудь сердце: это одна изъ выгодъ супружескаго состоянія.

Дѣло въ томъ, что на-завтра оба стали мало-помалу заговаривать о необходимости оставить деревню; но какъ объявить объ этомъ желаніи дядюшкѣ, который писалъ къ нимъ каждую почту, напоминалъ имъ, какою полевою работою должно было заниматься въ то время, толковалъ о важности сельскаго хозяйства вообще и о красотѣ сельской природы въ особенности?...

Одно обстоятельство вывело ихъ изъ затрудненія: Марія сдѣлалась беременною. Супруги не замедлили объ этомъ увѣдомить дядюшку и объявить ему, что положеніе графини требуетъ непременно, чтобъ они переѣхали въ Москву или Петербургъ.

Хотя дядюшкѣ весьма хотѣлось предоставить беременность графини благотворной силѣ природы, но, подумавъ немного, онъ призналъ за лучшее согласиться на желаніе молодыхъ, и, вмѣсто природы, ввѣриться хорошему акушеру; кътому же, самого его опекунскія дѣла призывали въ Петербургъ, — и наконецъ онъ назначилъ этотъ городъ мѣстомъ свиданія съ молодыми. Молодые люди только того и ждали, и рѣшились въ тотъ же день выѣхать, несмотря на распутицу. *Его* тѣшили мечты о чинахъ и крестахъ, *ее* — петербургскіе балы; но посреди этихъ веселыхъ приготовленій, они получили письмо, запечатанное черною печатью. Владиміръ хотѣлъ-было скрыть это письмо, но Марія увидѣла его, и — есть ли возможность не удовлетворить лю-

бопытству женщины? Въ этомъ письмѣ были слѣдующія немногія слова :

«Вы теперь на верху вашего блаженства ; вы скоро будете отцомъ и матерью ; все вамъ удастся, все исполняется по вашему желанію ; но берегитесь и помните, что врагъ вашъ не дремлетъ, и что всякое счастье ваше есть для него новый поводъ васъ ненавидѣть и готовить вамъ втайнѣ всевозможное зло.

«Черная Перчатка.»

Это письмо поразило молодыхъ людей ; они не могли постигнуть, кто могъ быть имъ такимъ законеннымъ врагомъ. Въ словахъ «все удастся» Владиміръ видѣлъ свою неудачу на выборахъ : онъ подозрѣвалъ, не участвовала ли въ этомъ происшествіи эта досадная Перчатка ; тѣмъ больше ему захотѣлось, что говорится, выйдти въ люди и своимъ въсомъ задавить неотвязчиваго врага. Марію мучило другое чувство : любопытство узнать, кто была эта Черная Перчатка, и что могло быть причиною ея странныхъ преслѣдованій ; она надѣялась въ столицѣ скорѣе объяснить эту загадку, нежели въ своемъ захолустѣ ; — вы видите, что Марія сдѣлалась также гораздо опытнѣе.

Какъ бы то ни было, всѣ эти мысли не помѣшали приготовленіямъ ихъ къ отъезду. Они съ почтеніемъ положили дядюшкину тетрадку на прежнее ея мѣсто и сѣли въ карету, съ сожалѣніемъ посмотрѣли на окружавшую ихъ дворню, которая плакала навзрыдъ, а втайнѣ, разумѣется, радовалась,

что господа утѣшаютъ; нѣкоторые изъ вѣрныхъ слугъ на радости были уже въ полпьяна; они плакали громче другихъ.

Послѣ долгаго странствія, наши супруги въѣхали въ Петербургъ, который представился имъ во всемъ своемъ великолѣпнн: въ дождь, слякоти, изморози — это было 1-е мая.

Они нашли дядюшку уже въ Петербургъ. Этотъ человекъ, рожденный для безпрестанной дѣятельности, успѣлъ уже все имъ приготовить. Домъ въ лучшей части города, въ которомъ даже иногда бывало солнце, мѣбели, всю прислугу, даже повивальную бабку и акушера—все предвидѣла его неутомимая заботливость. — Первые дни, наши молодые провели довольно скучно. Надобно было отдавать дядюшкѣ отчетъ въ томъ, чего они не дѣлали, рассказывать о томъ, что ихъ не занимало, и скрывать настоящую причину своей поѣздки въ Петербургъ. Отъ всего этого, въ ихъ маленькомъ кругу родилась какая-то принужденность; еслибъ они были въ другомъ городѣ, дядя скоро догадался бы, что его молодые метятъ не въ англійскіе фермеры, а что имъ просто хочется, какъ по-русски говорится, пожить. Но петербургская жизнь, гдѣ на каждое дѣло дается по минутъ въ день и то съ изъясномъ, гдѣ человекъ походитъ на молотильню, которая стучитъ и трещитъ безпрестанно, пока со всѣмъ не изломается, — въ такой жизни, молодымъ легко было избѣгнуть отъ дядюшкиной пронизательности.

Скоро въ этой жизни постарѣли наши молодые. Графиня бросилась въ эту пропасть съ жаждою наслажденій, шума, разнообразія, танцевъ, волокитства, — графъ съ разжженною, свѣжею страстью честолюбія; скоро постигнулъ онъ всѣ тайны этого пестраго міра, скоро научился онъ искусству обращать на себя вниманіе, выжидать времени, знать съ кѣмъ познакомиться, къ кому оборотиться спиной, выучился тѣмъ словамъ, которыя бываетъ иногда выгодно бросить въ воздухъ, выучился кстати купить и кстати продать, выучился немножко лгать, немножко доносить и немножко клеветать. Онъ не спѣшилъ, не жаловался, но, какъ искусный полководецъ, тихо проводилъ свои траншеи.

Роды графини прекратили на время эти занятія супруговъ. Дядя, до сего времени спокойный, увѣренный въ полномъ успѣхѣ своей превосходной системы, наконецъ началъ догадываться, что отъ него что-то скрываютъ. Напримѣръ, онъ очень удивился, когда молодой графъ не умѣлъ рассказать ему балланса дебета съ кредитомъ по тамбовской деревнѣ, ни объяснить ему, какое дѣйствіе произвелъ въ урожаяхъ засѣянный лѣтъ десять тому назадъ Акинѳіемъ Васильевичемъ лѣсъ. Но каково было его удивленіе, когда однажды племянникъ показалъ ему письмо отъ одного значащаго человека, въ которомъ приглашали графа вступить въ службу, и когда, въ слѣдъ за тѣмъ, графъ съ жаромъ началъ ему доказывать о врожденной своей склонности къ дипломатической части; когда онъ

сталъ по пальцамъ ему разсчитывать всѣ выгоды, его ожидающія, и все это въ ту самую минуту, когда Владиміръ готовился быть отцомъ, «главою домашняго государства, естественнымъ наставникомъ и руководителемъ дѣтей своихъ», какъ говорилъ Акинѳій Васильевичъ, — когда акушеръ уже былъ возлѣ комнаты графини. Акинѳій Васильевичъ былъ изумленъ, пораженъ, и въ первый разъ въ жизни потерялъ въ голосъ свою обыкновенную твердость и рѣшительность; онъ даже не нашелся, что отвѣчать молодому честолюбцу. Первый шагъ былъ сдѣланъ.

Роды кончились благополучно, только ребенокъ вскорѣ послѣ того умеръ, повивальная бабка говорила отъ-того, что графиня туго шнуровалась и слишкомъ много танцевала передъ родами; но акушеръ говорилъ, что ребенокъ умеръ отъ-того, что не имѣлъ средствъ для продолженія своей жизни.

Графиня скоро оправилась. Былъ великій постъ: балы прекратились; графиня ѣздила по утрамъ на репетиціи концертовъ, потому-что она еще не могла надѣвать вечерняго платья. Однажды, графинѣ поутру было скучно; на дворъ вылъ вѣтеръ, на улицѣ такая же была мятелица, какъ въ жизни и въ головѣ Петербургцевъ. Графиня никого не ожидала. Она взглянула на огромный листъ аффишки; какой-то удалецъ давалъ концертъ, кажется, на варганѣ, да графинѣ было все равно: ей хотѣлось только куда-нибудь выѣхать. Графа давно уже не было дома.

Въ концертной залѣ было мало; но графиня была одѣта съ щегольствомъ по привычкѣ. Мысль, что она осиротѣвшая мать, что она молода, недурна собой, что она недавно освободилась отъ болѣзни — придавала графинѣ и нравственную и физическую томность. Она кокетничала своимъ нездоровьемъ и своей горестію. Когда графиня проходила по залѣ, мимо нея мелькнуло лицо какъ-будто бы ей знакомое; возлѣ этого лица было другое, въ-самомъ-дѣлѣ ей знакомое. Это послѣднее былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, кажется, гоняются за вами повсюду, которыхъ встрѣчаешь вездѣ: и на утреннемъ визитѣ, и на обѣдѣ, и передъ вечеромъ, и на вечерѣ, и даже ночью, въ каретѣ у подъѣзда, — люди, которые обо всемъ и всѣхъ спрашиваютъ, на все и всѣмъ отвѣчаютъ, которые готовы говорить даже съ нашими писателями нравовъ, не опасаясь ихъ глубокомысленной и тонкой наблюдательности. Этотъ господинъ, разумѣется, ѣздилъ къ графинѣ Орлиный взоръ его тотчасъ подмѣтилъ знакомую даму; онъ не замедлилъ подойти къ ней съ обыкновенными распросами.

— Съ кѣмъ вы сейчасъ говорили? спросила графиня.

— Это вашъ старинный знакомый, Воротынский.

— Старинный знакомый — повторила графиня: тому лѣтъ десять я танцевала съ нимъ на дѣтскихъ балахъ, съ-тѣхъ-поръ я потеряла его изъ виду.

— Онъ сію минуту просилъ меня его вамъ представить... Позвольте?...

— О, безъ сомнѣнія.

Молодой человекъ подошелъ, стараясь вспомнить то, о чемъ давно онъ забылъ, разныя приключенія дѣтства, замѣтилъ шутя, что онъ и тогда уже волочился за графиней, и просилъ позволенія продолжать. Графиня смѣялась, старалась также показать, что она помнила все давно-забытое, какъ вдругъ, посреди самага жаркаго разговора, она остановилась въ невольномъ смущеніи: она замѣтила, что на Воротынскомъ были черныя перчатки. Молодой человекъ замѣтилъ странное дѣйствіе, произведенное имъ на Марію, и также невольно смутился; но графиня, свѣтская женщина, тотчасъ опомнилась и хладнокровно спросила: — Что значать эти черныя перчатки? развѣ вы въ траурѣ?

— Въ траурѣ, графиня.

— По комъ?

— А на этотъ вопросъ позвольте не отвѣчать: вы будете смѣяться.

— Развѣ вы думаете, что я такого веселаго нрава?

— Мнѣ такъ кажется: *вы такъ счастливы.*

При этой фразѣ, графиня снова было-задумалась, но тотчасъ обратилась съ новымъ вопросомъ:

— Скажите же, по комъ вы въ траурѣ?

— Если вы уже этого непременно хотите, я вамъ скажу, графиня, но съ условіемъ — не смѣяться.

— О, полноте; я хочу непременно знать, по комъ вы въ траурѣ?

— По самомъ-себѣ , съ важнымъ видомъ сказалъ молодой человекъ .

Графиня захохотала .

— Развѣ вы умерли ?

— Я вамъ сказалъ , что вы будете смѣяться .

— Ваши слова или не иное что , какъ шутка , или они очень важны .

— И то и другое , графиня ; въ жизни все перемѣшано .

— Вы говорите о жизни , какъ-будто вы ее знаете ?

— Знаю , и очень давно .

— Вы не женаты ?

— Нѣтъ .

— Такъ вы ничего не знаете .

Послѣднія слова невольно сорвались съ устъ графини . Они оба замолчали . Не знаю , что происходило въ душѣ молодаго человека ; и трудно было бы узнать : онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей новаго поколѣнія , которые умѣютъ смѣяться не улыбаясь и плакать безъ слезъ ; которыхъ , кажется , ничто не въ состояніи ни удивить , ни тронуть , — и не изъ притворства , а по привычкѣ . Ни одно чувство не выходило у него наружу , ни одно движеніе не измѣняло непонятной тайнѣ души его . Онъ умѣлъ о самомъ горькомъ чувствѣ говорить съ равнодушною улыбкою , о самомъ радостномъ съ презрѣніемъ , которое , казалось , заранѣе отвѣчало на всѣ вопросы любопытныхъ . Его обращеніе было какъ его одежда : просто , безъ всякихъ претен-

зій, и методически застегнуто. Опъ былъ блѣдень; черные кудрявые волосы отгѣняли холодныя, почти безжизненные черты лица его; лишь иногда какой-то минутный огонь сверкалъ въ его глазахъ и потухалъ въ ту же минуту. Горе ли было въ душѣ его, или просто свѣтская аристократическая привычка ничего не чувствовать, или, наконецъ, простая фешёнебельность, — разгадать было трудно: все это такъ перемѣшано въ новомъ поколѣнїи, которое, кажется, положило себѣ за правило быть загадкою для всѣхъ и, можетъ-быть, больше всего для самого-себя.

На графиню онъ произвелъ удивительное впечатлѣнїе. Смутно представлялось ей, что между этимъ новымъ знакомцемъ и Черною Перчаткою существовала какая-то связь. Ея женскому самолюбію льстила мысль, что она зародила къ себѣ исключительную ненависть, которую тайный, едва слышный голосъ объяснялъ ей другимъ образомъ. Она страшилась и мучилась любопытствомъ. Последнее превозмогло.

Музыка снова связала нить прервавшагося разговора. Несчастный артистъ, хлопотавшій въ оркестрѣ, никакъ не ожидалъ, что онъ фальшивою нотою подастъ поводъ къ объясненію между двумя лицами, которыхъ такъ долго раздѣляло пространство и время. Эта фальшивая нота напомнила скрипача, игравшаго во время танцевальныхъ уроковъ, на которыхъ графиня и Воротынскій встрѣчались. Этотъ скрипачъ напомнилъ обстоятельство, о кото-

ромъ совсѣмъ забыла графиня, что Воротынскій въ своемъ дѣтствѣ всегда носилъ на лицѣ повязку. Эта повязка напомнила, что всѣ дѣти чуждались бѣднаго больнаго, и дала Воротынскому поводъ рассказать графинѣ, какъ судьба его преслѣдовала съ самаго дѣтства; тутъ уже разговоръ сталъ цѣпляться за каждое слово.

Графиня до-сихъ-поръ видѣла вокругъ себя людей богатыхъ, здоровыхъ, краснощекихъ, довольныхъ собою, для которыхъ несчастіе состояло въ проигранной партіи виста. Посреди этого довольства, графинѣ иногда бывало скучно, но отъ-чего — она не понимала. Она не смѣла себя назвать несчастливою: выговорить это слово ей казалось странно и неприлично. Воротынскій, говоря о себѣ, объяснилъ ей ея собственное чувство, и смутнымъ ощущеніямъ ея души придалъ жизнь и слово. Онъ рассказалъ ей о *несчастіи быть счастливымъ*, о несчастіи быть богатымъ, несчастіи ни въ чемъ не нуждаться, несчастіи исполнять всѣ свои желанія, несчастіи прожить нѣсколько лѣтъ въ чужихъ краяхъ, наконецъ о тѣхъ тайныхъ, необъяснимыхъ несчастіяхъ, которыя тяготятъ душу человѣка съ умомъ и чувствомъ, какъ на примѣръ: несчастіе слушать хорошую музыку, несчастіе смотрѣть на хорошую картину, несчастіе читать хорошіе стихи, вообще несчастіе жить, — словомъ, всѣ эти несчастія, которыя очень смѣшны въ романахъ и повѣстяхъ, но которыя на-самомъ-дѣлѣ такъ же существенны, которымъ такъ же невольно вѣришь, какъ и тѣмъ

обстоятельствамъ, которыя въ свѣтъ исключительно пользуются названіемъ несчастныхъ.

Все это понимала графиня, хотя эти слова были для нея новы; она вслушивалась въ нихъ какъ будущій ренегатъ въ слова человѣка, обращающаго его къ своему расколу; часто хотѣла она направить разговоръ на предметъ своего любопытства; но молодой человѣкъ умѣлъ избѣгать вопросовъ: они служили ему только ступенькой къ тому, что ему хотѣлось высказать графинѣ. Онъ искусно оставлялъ мысль необъясненною, слово недоговореннымъ — и этимъ средствомъ сказалъ ей много такого, чего не говорилъ...

«Глупые читатели!» вскричалъ однажды аббатъ Гальяни: «вы читаете только то, что написано чернымъ по бѣлому, однѣ строчки; умѣйте читать бѣлое по черному, умѣйте читать между строчками.»

Воротынскій обладалъ этимъ искусствомъ въ совершенствѣ: въ пробѣлахъ между его словами были другія слова, которыхъ онъ не произносилъ, но которыя таинственный голосъ шепталъ на ухо графинѣ.

Какъ бы то ни было, графиня возвратилась домой съ мыслию, что она богата, молода, прекрасна, что мужъ ея здоровый, краснощекій мужчина, который славно ѣздитъ верхомъ и прекрасно боксируетъ, и что посему она очень, очень несчастлива. Она любила повторять себѣ это новое, свѣжее для нея слово; она старалась припоминать всѣ происше-

ствія своей жизни и искать ихъ мрачную сторону; она находила, что во всѣхъ наслажденіяхъ, которыя она доселѣ испытывала, ей чего-то не доставало, словомъ, она возвратилась домой убѣжденною, что она очень, очень несчастлива. Графа не было дома; онъ прислалъ сказать, чтобъ его не ждали къ обѣду. Графиня была очень рада этому; въ доказательство своего несчастія, она не велѣла себѣ подавать обѣдать, бросилась въ кресла своего кабинета и принялась любоваться своимъ несчастіемъ, какъ ребенокъ новою игрушкою; она брала то ту, то другую книгу: ей не читалось; романъ былъ въ ея головѣ — чужіе ей казались сухи и холодны. Въ одиннадцать часовъ возвратился графъ съ раскраснѣвшимся лицомъ и въ очень веселомъ расположеніи духа: онъ былъ на импровизированномъ завтракѣ съ людьми случайными, и дѣла его шли очень хорошо. Графъ вошелъ въ кабинетъ своей жены съ громкимъ смѣхомъ и съ дюжиною каламбуровъ, которыхъ онъ набрался во время завтрака. Этотъ входъ смутилъ и огорчилъ графиню: онъ нарушалъ ея горькое спокойствіе, и когда графъ бросился въ постель и заснулъ, графиня осталась въ креслахъ, наклонила голову на холодный мраморный столикъ и тихо говорила: «какъ я несчастлива, какъ я несчастлива!»

Утренняя заря застала графиню въ этомъ положеніи; тутъ невольно неясная мысль пробѣжала въ ея головѣ; она быстро подбѣжала къ зеркалу и съ ужасомъ замѣтила, что блѣдность и изнеможе-

ніе ея лица перешли ту степень, на которой болѣзнь перестаетъ въ женщинѣ быть интересною. Она наскоро закрутила свои длинные каштановые волосы и отъ страха даже почувствовала голодъ. Тихими шагами она прошла въ столовую, потомъ въ буфетъ, очень обрадовалась, когда нашла въ немъ забытое холодное блюдо и — увы! съ большимъ аппетитомъ покушала, а потомъ легла въ постель и започивала.

Я знаю, что нѣкоторые изъ моихъ читателей сочтутъ такое поведеніе моей графини совершенно неприличнымъ : героиня голодна ! героиня кушаетъ !... Что дѣлать ! «таковъ законъ благодѣтельной природы!» какъ сказалъ бы Акинѣй Васильевичъ. Я боюсь также, чтобъ мои читатели не подумали, будто-бы я смѣюсь надъ бѣдной графиней, или нарочно представляю ее въ смѣшномъ видѣ : — эта мысль далека отъ моего воображенія. Нѣтъ, я понимаю страданія графини, я вѣрю имъ ; эти страданія, повторяю, существенны, ибо всякое страданіе можетъ измѣряться лишь организаціею того существа, котораго оно поражаетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что насѣкомое, котораго вся нервная система состоитъ изъ одной ниточки, мало страдаетъ : то ли дѣло съ человѣкомъ, котораго все тѣло перепутано нервами ? То же и въ нравственномъ мірѣ : у инаго душа сдѣлана изъ черепаховой скорлупы, колите ее сколько хотите — что ему нужды ! У другаго душа нѣжнѣе глазной оболочки ; троньте перышкомъ — она прійдетъ въ сострясеніе... Вообра-

зите себя молодую дѣвушку съ пламеннымъ воображеніемъ, съ глубокою чувствительностію, воспитанною человѣкомъ, каковъ Акинѣй Васильевичъ, для котораго воспитать значило : выкормить, сдѣлать богатымъ, который, какъ мы уже сказали, понималъ всѣ физическія потребности жизни и ни одной сердечной, поступавшій съ душою словно человѣкъ, который, желая предохранить свою руку отъ опасности быть вывихнутою, привязалъ бы ее на нѣсколько лѣтъ безъ движенія. Съ графомъ, эта операція удалась совершенно, потому-что онъ родился безрукій; но съ графиней было другое дѣло : долго она не участвовала почти ни въ чемъ, что съ нею ни дѣлали; но настала минута, и то, чего не доставало въ воспитаніи дядюшки, дополнилось само собой. Кто виноватъ, если это новое воспитаніе было навыворотъ обыкновенному? Первымъ учителемъ графини была — скука; потомъ тайное чувство недовольства, темное, невыразимое; потомъ любопытство, возбужденное человѣкомъ въ черныхъ перчаткахъ; потомъ наслажденіе его слушать, или, лучше сказать, говорить его словами, словами, которыхъ она прежде не слыхала и которыхъ были ей сладки, какъ на чужбинѣ звуки далекой родины... Не обвиняйте бѣдной графини, не смѣйтесь надъ нею : много было смѣшнаго въ ея страданіи для проходящихъ, но она страдала, какъ страдаетъ бѣдное, нѣжное животное, изъ южной отчизны перенесенное равнодушнымъ ученымъ на холодный сѣверъ, въ коробкѣ, подъ номеромъ. На-

смѣшная природа всякое страданіе смѣшиваетъ съ чѣмъ-то смѣшнымъ : на лицѣ мертваго есть улыбка.

Вотъ два часа по-полудни. По шумной улицѣ мчатся блестящіе экипажи ; въ великолѣпной гостиной солнце свѣтитъ въ штофныя занавѣски ; мѣбели разставлены въ беспорядкѣ , но съ какою-то изысканностію. Зачѣмъ эта молодая женщина, одѣтая въ богатомъ пенуарѣ , обшитомъ кружевами , безпрестанно встаетъ съ своего мѣста ? отъ-чего она то подходитъ къ окошку , то передъ зеркаломъ оправляетъ четыреугольно-загнутые волосы ? Она въ безпокойствѣ , она чего-то ждетъ необыкновеннаго , и потомъ старается себя увѣрить , что она покойна , что это утро похоже на вчерашнее... Но вотъ раздался звонокъ : « Воротынскій » проговорилъ вошедшій официантъ. Графиня бросилась въ кресла ; сердце ея билось сильно , но лицо ея было спокойно и холодно. Этотъ визитъ былъ коротокъ ; теперь это были не люди , нечаянно встрѣтившіеся и , какъ члены массонской логи , узнавшіе другъ друга по тайнымъ знакамъ ; нѣтъ , это были расчетливые торговцы , которые желаютъ скрыть другъ отъ друга — одинъ тайну покупки , другой тайну продажи. Они говорили о предметахъ самыхъ незанимательныхъ ; разговоръ перерывался на каждой минутѣ , но увлекалъ ихъ обоихъ. Черезъ полчаса , Воротынскій всталъ ; графиня сказала ему только одно слово : « au revoir , j'espère ; » но

отъ этихъ словъ кровь бросилась въ голову молодого человѣка.

У графини вечера, музыкальныя утра; графиня очень любитъ пикники и кавалькады; во всѣхъ этихъ удовольствіяхъ участвуютъ и молодые мужчины и молодыя дамы. Графъ почти всегда сопутствуетъ женѣ своей, но какъ-то всегда остается назади возлѣ одной молодой дамы, а графиню и Воротынскаго всегда уносятъ лошади впередъ; или случается напротивъ: графъ ускакиваетъ впередъ, а графиня остается назади; въ этихъ случаяхъ, обыкновенно случаются маленькія несчастія; у графини разнудывается лошадь, или распускается стремя; это могло бы имѣть весьма непріятныя послѣдствія, но, къ счастью, въ это время бываетъ возлѣ графини Воротынскій, который все это приводитъ въ порядокъ. Онъ называетъ себя стремяннымъ графини — *écuyer de Madame*. Такъ называютъ его и другіе.

Время идетъ, и очень весело. Прошло лѣто; известно, что всѣ съмена интригъ съяты на петербургской почвѣ лѣтомъ, на дачахъ, подъ шумъ проливнаго дождя, цвѣтутъ осенью и поспѣваютъ зимой. Искусный садовникъ умѣетъ возвращать это растеніе въ одно лѣто; но графу, какъ человѣку еще неопытному, надобно было больше времени. Какъ бы то ни было, однажды утромъ онъ пріѣхалъ къ своему дядюшкѣ съ объявленіемъ о томъ,

что онъ получилъ мѣсто въ ***. Дядя вздохнулъ и только могъ промолвить :

— А имѣніе?

— А вы, дядюшка? отвѣчалъ молодой человекъ.

— Я уже старъ, отвѣчалъ дядя : — все, что я могу сдѣлать, это постараться продать его.

— Это бы не худо, отвѣчалъ графъ : — но есть маленькое препятствіе : оно заложено.

— Заложено! воскликнулъ дядя : — развѣ ты имѣлъ въ виду какую выгодную спекуляцію?..

— Да, любезный дядюшка, и которая мнѣ совершенно удалась.

— Какъ я радъ, любезнѣйшій другъ, сказалъ дядя : — что ты обратился на путь истинный, и какой хитрецъ! скрывалъ отъ меня свои расчеты. Ну, расскажи мнѣ поскорѣй, въ чемъ состоитъ твоя спекуляція.

— Я ужь рассказалъ вамъ ее, дядюшка...

— Какъ, когда же? воскликнулъ старикъ.

— А мое опредѣленіе къ мѣсту?

Акиной Васильевичъ повѣсилъ голову.

— Мнѣ твоимъ имѣніемъ заниматься нельзя, сказалъ онъ печально : — а безъ хозяйскаго глаза все пойдетъ вверхъ дномъ. Впрочемъ, если твое имѣніе заложено только въ казну, то продать еще можно и съ выгодною.

— Да-съ! сказалъ графъ : — но оно заложено и въ казну и въ частныя руки.

— Дорого стояла тебѣ твоя спекуляція!

— Не дешево, дядюшка; хорошее даромъ не дается.

Въ другое время, Акинѣй Васильевичъ разсердился бы; но теперъ онъ былъ въ положеніи человѣка, нечаянно слетѣвшаго съ лѣстницы до послѣдней ступени; онъ оторопѣлъ — всѣ его мысли замолкли, заговорила одна природная чистота сердца, и онъ вымолвилъ:

— Быть такъ, безъ денегъ жить нельзя: я тебя не оставлю.

Между-тѣмъ, въ домъ графини происходила другая сцена. Графиня въ задумчивости, съ слезами на глазахъ, сидитъ въ креслахъ, а Воротынскій большими шагами ходитъ по комнатѣ.

— Графиня! говоритъ онъ: — надобно на что-нибудь рѣшиться: или вы ѣдете съ графомъ, и тогда мы простимся навѣки, или, Марія, ты останешься здѣсь!

— Остаться здѣсь? Но знаешь ли, Викторъ, что это будетъ значить?...

— Знаю, отвѣчалъ онъ: — это будетъ значить, что вы разрываете всѣ связи съ своимъ мужемъ.

— И ты не боишься за меня? ты не боишься ни мнѣнія свѣта, ни, можетъ-быть, укоровъ моей совѣсти? Ты эгоистъ!...

Графиня зарыдала... Но молодой человѣкъ былъ неумолимъ. На лицѣ его, какъ всегда, не было видно ни улыбки, ни сожалѣнія. Онъ былъ спо-

коенъ какъ на дуэли, когда одной минутой рѣшится участь человѣка.

— Мнѣніе свѣта! сказалъ онъ хладнокровно: — свѣтъ не вмѣшивается въ то, что его не оскорбляетъ. Онъ не видитъ того, что отъ него не скрываютъ; онъ любитъ откровенность въ жизни и любопытенъ только къ секретамъ; тогда свѣтъ начинаетъ доискиваться — и бѣда той женщинѣ, про которую нѣчего сказать! свѣтъ сердится и наказываетъ невинную женщину клеветою... Надобно быть рѣшительною въ жизни, выбрать ту или другую роль: или быть жертвой сотни глупцовъ въ золотыхъ очкахъ, которые будутъ клеветать на тебя для того только, чтобъ занять свою даму во время танцевъ, — или сказать свѣту: «я тебя презираю, не страшусь твоихъ толковъ, поступаю такъ, какъ мнѣ велятъ мои чувства» — и тогда свѣтъ дѣлается смиренъ какъ овечка; онъ какъ-будто страшится женщины, которая умѣетъ презирать его! Выбирайте, графиня...

Графиня молчала.

— Не-уже-ли нѣтъ возможности, сказала она наконецъ: — согласить эти двѣ крайности? Я понимаю, что тебѣ жить въ одномъ со мною городѣ невозможно; но я каждый день буду писать къ тебѣ, ты будешь пріѣзжать къ намъ...

— И ты называешь меня эгоистомъ, Марія? Какъ? мнѣ снова ухаживать за твоимъ мужемъ, ловить на лету его глупости, давать имъ умный смыслъ и потомъ подносить ему въ видѣ комплиментовъ?

этою низкою лестью покупать счастье видѣть тебя изрѣдка, пополамъ со страхомъ? Нѣтъ, Марія, жизнь коротка; и безъ того она наполнена горечью: зачѣмъ накупаться на страданья, когда однимъ рѣшительнымъ словомъ можно упрочить свое счастье? Ты сама не каждую ли минуту проклинаешь день своего замужства, не каждую ли минуту боишься, чтобъ какая-нибудь нечаянность не прервала нашихъ рѣдкихъ свиданій?..

— Все это такъ, отвѣчала Марія: — но совѣсть, совѣсть! ты забылъ о ней.

Воротынскій вспыхнулъ, но лицо его даже не покраснѣло; онъ хладнокровно взялъ шляпу и съ улыбкой сказалъ:

— Что касается до совѣсти, то на эту задачу я совѣтую попросить объясненія у его сіятельства, который такъ жестокосердъ, что лишаетъ нашу сцену одной изъ лучшихъ танцовщицъ.

Съ этими словами, онъ хотѣлъ уйти. Графиня схватила его за руку: — Что ты говоришь, Викторъ?

— Вы знаете, отвѣчалъ онъ: — что я говорю всегда правду, и всѣмъ, кромѣ вашего мужа, когда увѣряю его, что онъ очень остроуменъ. Г-жа *** отправляется, если не съ вами, нѣжная чета, то по-крайней-мѣрѣ въ слѣдъ за вами.

Марія бросилась въ кресла; Воротынскій удалился.

Однажды Акинѣй Васильевичъ, очень встревоженный, вошелъ въ кабинетъ молодаго графа, котораго окружали чемоданы, ларчики и всѣ принадлежности дороги.

— Что это значить? сказалъ Акинѣй Васильевичъ: — ты жену свою оставляешь здѣсь?

— Она сама этого желаетъ, отвѣчалъ графъ съ замѣшательствомъ. — Къ тому же, любезнѣйшій дядюшка, я вамъ долженъ признаться, что намъ обомъ будетъ полезно разлучиться. . . разумѣется, на нѣкоторое время.

— Я тебя не понимаю...

— Видите, дядюшка, продолжалъ графъ: — мнѣ совѣстно вамъ признаться, но насъ обомъ беспокоятъ эти странныя письма, въ которыхъ неизвѣстный человѣкъ грозитъ намъ бѣдствіемъ, если мы останемся вмѣстѣ: вы знаете, какъ опасны тайные враги...

— Кто же это? воскликнулъ дядя.

— Черная Перчатка.

— Черная Перчатка? Боже мой! знаешь ли ты, что эта Черная Перчатка былъ не кто иной, какъ я.

— Какъ? вы? вскричалъ молодой человѣкъ.

— Да, мой другъ; я счелъ нужнымъ употребить эту маленькую хитрость. Когда вы женились, я боялся одного, что вы слишкомъ будете счастливы; а какъ совершенное счастье противно природѣ, я боялся, что ваше счастье скоро вамъ наскучитъ. Я выискивалъ средства, какъ бы вамъ навлечь ма-

ленькое безпокойство , которое бы заставляло васъ бояться другъ за друга и тѣснѣе бы укрѣпило связь между вами.

Молодой графъ едва могъ удержаться отъ смѣха. Акиней Васильевичъ продолжалъ :

— Въ это время, меня уговорили прочитать романъ Вальтера Скотта, а именно : «Редгонтлетъ»; тамъ одна сцена , гдѣ дѣвушка изъ партіи якобитовъ бросаетъ перчатку рыцарю англійскаго короля , дала мнѣ мысль бросить перчатку въ вашу спальню съ письмомъ моего изобрѣтенія. Теперь ты видишь, что нѣтъ никакой причины твоей женѣ оставаться здѣсь.

— Благодарю васъ, дядюшка ; вы насъ избавили отъ большаго безпокойства ; но все-таки графинѣ со мной ѣхать нельзя. Вы замѣтили, какъ испортилось ея здоровье ?

— Нѣтъ, я этого не замѣтилъ.

— О , какъ же ! возразилъ графъ : — съ ней безпрестанно дѣлается дурнота , и доктора рѣшительно сказали , что всякое движеніе ей будетъ очень вредно.

— Кромѣ танцевъ , печально замѣтилъ дядюшка.

— Да... танцы, сказалъ графъ : — для развлечения ; но вообразите себѣ длинный путь, дурныя дороги ; еслибъ у насъ были, какъ въ Англїи, вездѣ шоссе, тогда другое дѣло... Вы понимаете ?

— Понимаю, все понимаю, отвѣчалъ печально старикъ.

Онъ видѣлъ ясно , что всѣ его планы для сча-

стія его питомцевъ разстроены, но не могъ себя упрекнуть ни въ чемъ. Онъ устроилъ ихъ имѣніе, доставилъ имъ богатство, упрочилъ ихъ тѣлесное здоровье, тщательно хранилъ ихъ отъ всѣхъ порывовъ того, что онъ называлъ воображеніемъ, отъ всего, что могло приводить въ движеніе умъ и чувство, и никакъ не могъ растолковать себѣ, отъ-чего не удалось ему его систематическое, на *практическихъ* правилахъ основанное воспитаніе?

Чѣмъ же все кончилось? Акиной Васильевичъ поѣхалъ по деревнямъ заниматься хозяйствомъ и восхищаться природою. Графъ поѣхалъ въ *** къ своему мѣсту, и не одинъ. Графиня осталась въ Петербургъ.

IMBROGLIO.

(изъ записокъ путешественника.)

(Одинъ изъ моихъ пріятелей сообщилъ мнѣ описаніе страннаго приключенія, случившагося съ нимъ во время его путешествія по Италіи. Мой пріятель не авторъ, и не умѣетъ рассказывать красно и витіевато; желаю, чтобъ интересъ самаго происшествія замѣнилъ для моихъ читателей красоту сказа. Повторяю, мой пріятель не авторъ, но простой путешественникъ, туристъ, для очистки совѣсти принявшійся за перо).

Солнце уже заходило. Пароходъ нашъ леглъ стрѣлою. Неаполитанскій Заливъ открывался во всемъ своемъ величїи. Пассажиры бросились на палубу. Хотя мы уже седьмой день все больше и больше подвигались подъ итальянское небо, но при видѣ берега оно показалось намъ еще прекраснѣе.

Я не буду описывать нашихъ восклицаній, нашихъ восхищеній, нашей радости : надобно испытать ее.

Дымъ изъ пароваго котла, какъ-будто сердясь на долгое заключеніе, съ шипѣніемъ и брызгами выскочилъ изъ трубы ; колеса замерли ; насъ окружили тысячи лодокъ. Путешествуя безъ слуги, я взвалилъ на плечи свой маленькій чемоданчикъ, и бросился въ одну изъ нихъ.

— *Alle crocelle, a Santa Lucia*, сказалъ я гребцу, справившись съ своимъ *Guide du Voyageur* : — какой трактиръ всѣхъ дешевле ?

— *Si, signore*, отвѣчалъ лодочникъ, и сильно взмахнулъ веслами.

Добравшись до трактира, я занялъ первую мнѣ попавшуюся комнату, сбросилъ скорѣе съ плечъ котомку, отдалъ мои бумаги трактирщику, и со всѣмъ нетерпѣніемъ сѣвернаго жителя выбѣжалъ на улицу, чтобъ насладиться роскошною итальянскою ночью и величественной картиной, бывшею у меня передъ глазами. Долго бродилъ я по улицамъ, и нечувствительно дошелъ до *Villa-reale*, на берегъ моря. Все поражало меня, все приковывало мое вниманіе, — и архитектура зданій, и новая для меня одежда, и черты лицъ, опаленныхъ солнцемъ. Я прислушивался къ пѣнію рыбаковъ, къ повѣстямъ ихъ рассказчиковъ, заходилъ въ церкви, заглядывалъ въ окошки домовъ, словомъ, наслаждался вполнѣ, какъ только можетъ наслаждаться человѣкъ, внезапно черезъ море перенесенный изъ далекаго сѣвера въ поэтическое отечество

Тасса. Въ этомъ наслажденіи, я не замѣчалъ времени, какъ вдругъ небо потемнѣло; тутъ я вспомнилъ, что въ южныхъ странахъ не бываетъ сумерекъ, и что мнѣ, иностранцу, легко можно заблудиться; впрочемъ, другихъ опасностей я не предвидывалъ. Время романическихъ приключеній прошло и для Италіи; грозныхъ поэтическихъ разбойниковъ уняла полиція; къ-тому жь, мой небогатый нарядъ, и еще менѣе богатый кошелекъ, не могли обратить на себя корыстолюбиваго вниманія. Я подумалъ, и рѣшился повѣрить мой органъ мѣстной памяти, — добраться до ночлега, никого не спрашивая. Признаюсь, мнѣ почти хотѣлось не найти моего трактира, чтобъ имѣть случай провести ночь подъ открытымъ небомъ. Но не успѣлъ я пройти нѣсколько шаговъ, какъ почувствовалъ, что двѣ сильныя руки схватили меня сзади; въ ту же минуту другія двѣ руки накинули мнѣ платокъ на лицо, и затянули такъ крѣпко, что я не могъ даже закричать, не только видѣть, кому вздумалось такъ забавляться надо мною.

Было не до шутокъ, когда я почувствовалъ, что мнѣ связали руки и ноги и потащили Богъ-знаетъ куда съ большою быстротою. Всякое сопротивленіе было тщетно; я позволилъ дѣлать съ собою все, что было угодно моимъ носильщикамъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ развязки этого страннаго приключенія. Наконецъ, мы остановились. Послышался шумъ веселья, и я скоро почувствовалъ, что нахожусь въ лодкѣ. Это меня нѣсколько успокоило. «Если

бы я былъ взятъ разбойниками, подумалъ я, то они не стали бы столько со мною церемониться». Но тутъ мнѣ пришли въ голову рассказы о людяхъ, которые были задержаны шайкою воровъ и могли освободиться только посредствомъ большого выкупа, въ ожиданіи котораго і bravi занимаются обрѣзываніемъ носовъ и ушей у жертвъ своихъ. Отъ этой мысли, дрожь у меня пробѣжала по членамъ: понятіе о богатствѣ Русскихъ, которое имѣютъ въ Италіи; мое слишкомъ недостаточное состояніе; увѣренность, что я не легко могу освободиться отъ бездѣльниковъ, и что можетъ-быть очень горькая участь меня ожидаетъ, — все это стѣснилось въ головѣ моей и рисовало картину ужасную. Но тутъ я вспомнилъ, что никогда не слыхано о подобныхъ приключеніяхъ въ Неаполѣ, и снова началъ теряться въ догадкахъ. Тщетно хотѣлъ я прислушаться къ разговору моихъ товарищей: они хранили глубокое молчаніе. Наконецъ, лодка причалила къ берегу, снова мои проводники подняли меня на руки, пронесли нѣсколько шаговъ, — я услышалъ скрипъ дверей, и почувствовалъ, что меня тащатъ по лѣстницѣ. Послышались звуки нѣсколькихъ голосовъ; ближе, ближе; наконецъ сильная рука схватила меня за грудь и грубый, задыхающійся отъ гнѣва голосъ проговорилъ: — Scelerato! Между-тѣмъ развязали мнѣ ноги, протащили еще нѣсколько шаговъ, и раздался крикъ женщины. Въ эту минуту, повязка, закрывавшая мое лицо, была сорвана, и я увидѣлъ себя въ комнатѣ, оби-

той чернымъ сукномъ, — передъ собой молодую прекрасную женщину въ черномъ платьѣ, которая бросилась въ мои объятія, и вдругъ отступила, стала на колѣни и съ радостнымъ крикомъ начала благодарить Бога. Возлѣ меня стоялъ человекъ пожилыхъ лѣтъ, съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ, и еще другой, уже посѣдѣвшій.

— Тщетно ты хочешь обмануть насъ, сказалъ первый по-итальянски, обращаясь къ молодой женщинѣ: — вмѣсто этихъ сценъ лучше спѣши проститься съ нимъ; его послѣдняя минута наступила.

Молодая женщина ничего не отвѣчала : она смотрѣла на меня, и, казалось, была въ нерѣшимости. Наконецъ, она какъ-бы превозмогла себя и вскричала : — Судьба обманула васъ; это не онъ.

Тутъ я постарался вспомнить всѣ слова, которыя слыхалъ въ итальянскихъ операхъ, и, запинаясь каждую минуту, сказалъ почти слѣдующее :

— Я вижу, милостивые государи, что я здѣсь жертва какого-то недоразумѣнія, и что вы меня принимаете за другаго. Я не буду говорить вамъ, какъ противно чести нападать на безоружнаго человека....

— Тутъ не о чести дѣло, вскричалъ старикъ къ гнѣвомъ.

Однакожь, мой иностранный выговоръ, казалось, поразилъ ихъ : я видѣлъ на ихъ лицѣ недоумѣніе.

— Я иностранецъ, милостивые государи, продолжалъ я.

— Неправда! вскричали оба.

— Я сейчасъ только съ парохода.

— Это мы знаемъ.

— Я офицеръ русской службы.

— И это мы знаемъ; мы знаемъ всѣ твои обстоятельства.

— Если такъ, милостивые государи, то я уже рѣшительно не понимаю, зачѣмъ я здѣсь. Я никогда не бывалъ въ Италіи, даже не имѣю здѣсь ни одного знакомаго. Я Русскій, милостивые государи, повторяю вамъ, и прибавлю, что мое правительство не потерпитъ, чтобъ мнѣ была нанесена какая-нибудь обида....

Мои странныя фразы, мой иностранный выговоръ видимо поражалъ ихъ; они смотрѣли въ нерѣшимости то другъ на друга, то на молодую женщину, которая, сидя въ креслахъ, спокойно ожидала окончанія нашего разговора.

— Покажите ваши бумаги? сказалъ мнѣ одинъ изъ незнакомцевъ.

Тутъ я вспомнилъ, какъ неосторожно поступилъ я, оставивъ свои бумаги у трактирщика, и не побывавши прежде у нашего посланника. Какъ-бы упавшій съ неба посреди людей, мнѣ совершенно незнакомыхъ, въ странѣ иноземной, незнаемой ни кѣмъ изъ моихъ соотечественниковъ, я былъ въ полной власти моихъ гонителей.

— Мои бумаги остались въ трактирѣ, отвѣчалъ я.
— Вы можете объ нихъ справиться. —

— Прекрасная выдумка! Вы знаете, что мы не можемъ объ нихъ справляться.

Съ этими словами, незнакомецъ разстегнулъ мой фракъ, безъ церемоніи опустилъ руку въ карманъ и вынулъ изъ него случайно оставшуюся въ немъ записку одного изъ моихъ пріятелей., писанную по-русски.

— Языкъ, на которомъ писана эта записка, сказалъ я: — можетъ вамъ доказать, что я не тотъ, за кого вы меня принимаете.

— Эта записка ничего не доказываетъ; мы повторяемъ: намъ извѣстно, что вы пріѣхали изъ Россіи. Скажите, если вы въ самомъ дѣлѣ иностранецъ, что заставило васъ остановиться не въ такомъ трактирѣ, гдѣ обыкновенно останавливаются иностранцы? что васъ заставило такъ поспѣшно выскочить изъ парохода? зачѣмъ вы бѣгали по улицамъ? чего вы смотрѣли въ окошкахъ?

Кровь моя взволновалась, но я постарался скрыть свою досаду.

— На эти вопросы, сказалъ я: — можетъ, должно было бы мнѣ отвѣчать вамъ также вопросомъ: — какое вы имѣете право требовать отъ меня отчета? Но въ положеніи, въ которомъ нахожусь, я скажу вамъ, что всѣ эти по-видимому странныя обстоятельства легко объясняются нетерпѣніемъ путешественника, изъ дальней страны въ первый разъ попавшему въ Неаполь, гдѣ, признаюсь, онъ не ожидалъ себѣ такого пріема.

— Это все выдумки, вскричали незнакомцы. — Мы не ребята; насъ обмануть трудно, и это вы сейчасъ увидите.

Съ этими словами, старикъ вышелъ изъ комнаты. Прошло нѣсколько минутъ въ совершенномъ молчаніи; мои руки все еще были связаны, и младшій изъ незнакомцевъ все стоялъ подлѣ меня съ обнаженнымъ кинжаломъ. Онъ наблюдалъ каждое мое движеніе. Тяжка была для меня эта минута; я задыхался отъ различныхъ чувствованій, волновавшихся въ моемъ сердцѣ. Еслибъ это состояніе еще нѣсколько продолжилось, я бы не вытерпѣлъ, и, несмотря на неровность силъ, постарался бы, хоть съ потерей жизни, выйдти изъ моего страннаго положенія; но дверь отворилась, и лицо, какъ мнѣ казалось, старой женщины, закрывавшейся платкомъ, выставилось изъ-за двери.

— Это не онъ! — сказала она, взглянувъ на меня, и скрылась.

Крикъ досады вырвался изъ груди двухъ мужчинъ; они отошли въ сторону и начали тихо разговаривать между собою. Мало-по-малу, голосъ ихъ возвышался, и изъ словъ, отражавшихся отъ сводовъ залы, могъ я заключить, что я слишкомъ много зналъ для ихъ безопасности. Бездѣльники спорили, что будетъ лучше, — оставить ли меня въ живыхъ, или бросить въ море.

Минута была рѣшительная, и я сказалъ имъ:

— Вы, кажется, увѣрились теперь, господа, что я не тотъ, кого вамъ надобно. Какъ ни обидно мнѣ

то положеніе, въ которое вы меня поставили, и какъ бы ни хотѣлъ я потребовать у васъ отчета въ вашихъ со мною поступкахъ, но я вхожу и въ ваше положеніе : я могу дать вамъ слово, что если вы отпустите меня, то я сохраню все происшедшее въ ненарушимой тайнѣ : она умретъ вмѣстѣ со мною.

Они посмотрѣли на меня, снова отошли въ сторону, и снова заспорили.

— Я долженъ вамъ напомнить, продолжалъ я : — что для вашей же собственной пользы вамъ гораздо безопаснѣе положиться на честное слово благороднаго человѣка, нежели скрыть это происшествіе новымъ преступленіемъ. Я не имѣю никакого интереса узнавать ваши тайны, и черезъ нѣсколько дней оставлю Неаполь, разумѣется, навсегда. Смерть же моя рано или поздно можетъ довести до открытія тайны; мои бумаги, вѣроятно, уже известны полиціи; мои соотечественники, пріѣхавшіе со мною на пароходъ, русское посольство употребятъ, увѣряю васъ, всѣ возможные средства для открытія истины. Я оставляю вамъ на судъ, что для васъ выгоднѣе.

Эти слова, кажется, произвели надъ ними нѣкоторое дѣйствіе : они снова отошли въ сторону, но разговоръ ихъ сдѣлался гораздо спокойнѣе. Наконецъ, молодой человѣкъ подошелъ ко мнѣ.

— Дѣйствительно, милостивый государь, сказалъ онъ мнѣ: — мы ошиблись. Странный случай открылъ вамъ до нѣкоторой степени тайну нашего семейства. Собственная наша безопасность заставляла бы

насъ прибѣгнуть къ самому вѣрному средству для сохраненія этой тайны; но мы хотимъ лучше вѣрить вашему честному слову. Мы рѣшились отпустить васъ, милостивый государь; но знайте, что съ этимъ происшествіемъ связана участь знатнѣйшихъ фамилій Италіи; что малѣйшая ваша нескромность будетъ въ ту же минуту наказана смертію. Случившееся съ вами сегодня можетъ показать вамъ, что мы имѣемъ всѣ нужные для того способы. Вы должны намъ поклясться всѣмъ, что для васъ есть святаго въ жизни, — вашей родиной, — вашими родными, — вашей честью, — что вы нигдѣ, никогда, ни въ какомъ случаѣ, ни на исповѣди, ни въ терзаніяхъ пытки, ни словомъ, ни движеніемъ не только не откроете всего съ вами происшедшаго, но даже не будете стараться объяснить его себѣ, или даже встрѣтиться съ кѣмъ-либо изъ насъ.

Дѣлать было нѣчего — я поклялся.

— Теперь вы свободны, сказалъ молодой чело-вѣкъ: — васъ сію минуту отвезутъ на вашу квартиру; но вы извините насъ, если мы принуждены будемъ принять прежнюю предосторожность и завязать вамъ глаза. Руки ваши останутся свободны; мы полагаемся на ваше благородство и вѣримъ, что вы не сдѣлаете ни малѣйшаго усилія поднять повязку.

Я позволилъ дѣлать все, что имъ было угодно.

— Съ этой минуты, продолжалъ молодой чело-вѣкъ: — мы какъ-будто бы никогда не существовали другъ для друга. Старайтесь, совѣтую вамъ для ва-

шей пользы, истребить изъ памяти даже черты лицъ нашихъ. Съ нашей стороны для васъ великая жертва; умѣйте цѣнить ее.

Двѣ сильныя руки снова взяли меня подъ-мышки, снова мы сошли нѣсколько ступеней лѣстницы; снова закрипѣли двери, снова я услышалъ шумъ веселья и почувствовалъ качаніе лодки. Мои проводники по-прежнему погрузились въ глубокое безмолвіе.

Уже довольно долго продолжалось наше плаваніе; я уже думалъ, что приближается минута моего освобожденія, какъ вдругъ, между моими проводниками, я замѣтилъ нѣкоторое движеніе.

— Здѣсь кто-то есть, сказалъ шопотомъ одинъ голосъ.

— Это свернутый парусъ, отвѣчалъ другой.

— Нѣтъ, здѣсь что-то живое, возразилъ первый.

Послѣ минуты безмолвія, я услышалъ крикъ, — шелестъ скользящаго кинжала, — слабый стонъ умирающаго.

— Стой! стой! закричали вокругъ насъ нѣсколько голосовъ.

Это было уже слишкомъ: я не вытерпѣлъ, сорвалъ съ себя повязку. Луна свѣтила, — у ногъ моихъ лежалъ окровавленный трупъ! Я еще не могъ прійти въ себя при видѣ ужаснаго зрѣлища, какъ лодка, на которой я находился, была примкнута крючьями къ другой, изъ которой въ то же мгновеніе выскочили незнакомые мнѣ люди, по мунди-

рамъ которыхъ я догадался , что то. должны быть полицейскіе служители. Проводниковъ моихъ уже въ лодкѣ не было ; нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ солдатами , заставили меня заключить , что мои прежніе знакомые бросились въ море.

Новые мои знакомцы не оставили мнѣ ни минуты на размышленіе , не дали мнѣ выговорить ни слова , а безъ церемоній связали мнѣ руки и положили въ полицейскую барку. На вопросъ мой, куда они везутъ меня ! — Туда, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ сбировъ : — куда обыкновенно возятъ такихъ храбрыхъ молодцовъ, какъ ты.

Въ этомъ отвѣтѣ не было для меня ничего утѣшительнаго. На всѣ мои слова, на всѣ доказательства , что я ничего не понимаю въ этомъ происшествіи , мнѣ отвѣчали , что это не ихъ дѣло , и что завтра разберутъ все по порядку.

Лодка причалила къ берегу ; мы вышли, и, пройдя недалеко по какимъ-то переулкамъ , остановились передъ большимъ зданіемъ , возлѣ котораго стояли часовые. Огромныя желѣзныя двери поворотились на своихъ веряхъ передо мною , но едва подвели меня къ нимъ, какъ не знаю кто-то сунулъ мнѣ въ руку небольшую бумажку : я машинально сжалъ ее въ рукѣ и продолжалъ слѣдовать за провожатыми , думая , что наконецъ встрѣчу кого-нибудь, съ кѣмъ можно будетъ объясниться ; но мое ожиданіе было тщетно. Провожатые поворотили въ маленькій корридоръ , отворили небольшую низенькую дверь , втокнули меня въ нее , дверь за-

хлопнулась, — за мной заперли нѣсколько дверей. Тщетны были бы всѣ мои крики : я рѣшился терпѣливо ожидать конца моей участи. Я посмотрѣлъ вокругъ себя : то была маленькая четверугольная комната, безъ постели, безъ стула, даже безъ оконъ; небольшое отверстіе, сажени двѣ отъ полу, съ желѣзною рѣшеткою, пропускало въ комнату свѣтъ отъ фонаря, находившагося снаружи. Когда вокругъ меня воцарилось совершенное безмолвіе, прерываемое иногда шагами часоваго, а иногда стонами, какъ-бы выходившими изъ сосѣдственныхъ комнатъ, я рѣшился подойти къ свѣтлому кругу, производимому отраженіемъ тусклаго фонаря, развернулъ записку, и съ трудомъ разобралъ въ ней слѣдующія слова : « Не забывайте даннаго вами обѣщанія, и будьте спокойны. »

Признаюсь, эта записка мало меня порадовала. Я видѣлъ въ ней только странную цѣпь, которая привязывала меня къ кровавой тайнѣ; второй половинѣ записки я довѣрялъ мало.

И грустно мнѣ было, и досадно, и холодно; я не могъ даже ходить по моей итальянской квартирѣ : полъ былъ вымощенъ плитою; я безпрестанно поскользился отъ находившейся на немъ сырости. Удушливый воздухъ захватывалъ дыханіе, сырость проникала члены, и холодный потъ лился съ меня градомъ.

Вся твердость меня оставила : въ отчаяніи, я прислонился къ стѣнѣ, покрытой плесенью, и горькія размышленія взволновали во мнѣ душу.

«Вотъ судьба человѣческая!» думалъ я. «Какихъ препятствій не долженъ былъ я преодолѣть для этого путешествія? Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я трудился, откладывалъ деньги, отказывалъ себѣ во всемъ, чтобъ сохранить небольшую сумму, — все для того, чтобъ видѣть Италію; съ тою мыслию засыпалъ и просыпался; наконецъ, достигъ желаемой цѣли, оставилъ отечество, родныхъ, друзей, все милое моему сердцу... Для чего? Чтобъ едва не лишиться жизни, испытать все возможное униженіе отъ какихъ-то бездѣльниковъ; чтобъ мнѣ, отворачивавшемуся отъ порѣзаннаго пальца, видѣть у ногъ своихъ человѣка, плавающего въ крови, и въ заключеніе, попасть въ тюрьму, быть почти обвиненному въ уголовномъ преступленіи и провести первую ночь въ Италіи на голомъ полу, подъ заплесневѣлымъ сводомъ... И кто знаетъ, что еще ждетъ меня?» Мысли мои дѣлались частъ-отъ-часу мрачнѣе; я понялъ защитниковъ исправительной системы, которые совѣтуютъ запираить преступника въ темную комнату и удалять его отъ всякаго сообщенія съ людьми: ничто такъ не погружаетъ человѣка въ самого себя, ничто такъ не переноситъ его въ міръ отвлеченныхъ понятій, какъ одиночество, темнота, безмолвіе. Я, веселый, беззаботный житель столицы, для котораго наемъ квартиры былъ самою отвлеченною въ жизни идеей, — я вдругъ обратился въ философа, и неожиданно дошелъ до самыхъ важныхъ вопросовъ человѣческой жизни, которыми заниматься мнѣ до-

сихъ-поръ казалось пустымъ педантизмомъ или мечтами, ни къ чему не ведущими.

Скоро усталость, однообразные шаги часоваго, погрузили меня въ родъ дремоты. Мысли мои часъ-отъ-часу мѣшались болѣе, соединяясь съ полугрезами : то холодныя руки хватали меня за плечи, то ледяная гора скользила по моимъ щекамъ, то являлись безжизненные, свинцовыя лица, — и изъ глазъ ихъ, по синимъ бороздамъ, катились кровавыя слезы, растягивались и паутиною обвивались вокругъ меня ; то мнѣ казалось, что я былъ прикрѣпленъ къ маятнику огромныхъ часовъ, и при каждомъ взмахѣ тщетно старался прицѣпиться за скользящую стѣну : я просыпался и засыпалъ безпрестанно. Не знаю, какъ долго находился я въ этомъ состояніи : когда я пришелъ въ себя, то очень удивился, что шаги часоваго, единственный признакъ жизни въ этомъ ужасномъ безмолвіи, прекратились. Вѣроятно, это самое обстоятельство заставило меня и проснуться. Но мое удивленіе еще увеличилось, когда я почувствовалъ, что стѣна за мною движется. Сначала, я подумалъ, что это мечта разстроеннаго воображенія ; но привставъ, явственно увидѣлъ, что кирпичи въ стѣнѣ точно шевелятся. Невольное чувство заставило меня къ нимъ прикоснуться. Я очень легко вынулъ одинъ изъ нихъ ; и едва я его вынулъ, какъ въ отверстіи показался желѣзный ломъ. Незнакомый голосъ шопотомъ говорилъ мнѣ по-итальянски — «Русскій, Русскій.» Въ-просонкахъ, не будучи въ состояніи отдать себѣ

отчета въ своихъ мысляхъ, я, по невольному движенію и по естественному, сильному желанію выйти изъ темницы, схватился за ломъ и началъ обрушивать остальные кирпичи; но въ самую эту минуту двери моей темницы съ шумомъ отворились, изъ отверстія раздался крикъ, слышались выстрѣлы, тревога. Я увидѣлъ себя окруженнаго тюремщиками. Тутъ уже мнѣ говорить было нечего: ломъ былъ въ моихъ рукахъ!.. Желаніе бѣжать — явно!.. И я, въ совершенномъ ослабленіи силъ, позволилъ себя связать, не говоря ни слова. Изъ этой комнаты меня перевели въ другую, еще ужаснѣйшую первой: въ ней была едва сажень въ длину и ширину. Меня бросили на пукъ гнилой соломы, и приковали къ ввернутой въ стѣну цѣпи. Эта комната не имѣла никакого отверстія, кромѣ небольшой скважины въ двери, въ которую безпрестанно выставлялось лицо часоваго. Нѣсколько часовъ провелъ я въ этомъ ужасномъ состояніи; мысль, что я, своимъ побѣгомъ, далъ себѣ видъ преступника, безпокойное положеніе, въ которомъ я находился, не позволяли мнѣ свести глазъ ни на одну минуту. Наконецъ я замѣтилъ какой-то блесковатый свѣтъ въ отверстіи двери, по которому догадался, что наступило утро.

Этотъ свѣтъ былъ большимъ для меня услажденіемъ. Чѣмъ бы это ни кончилось, думалъ я, по крайней-мѣрѣ, я выйду изъ мучительнаго положенія! Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени слышался шумъ, дверь отворилась, вошедшіе сби-

ры отперли поясъ , приковывавшій меня къ стѣнѣ , и окруживъ меня , съ обнаженными саблями , вывели изъ тѣснаго ночлега ; мы прошли нѣскольво корридоровъ и очутились во внутреннемъ дворѣ тюремнаго замка . Солнце всходило , легкій вѣтерокъ обвѣвалъ меня теплымъ воздухомъ , и я понялъ то чувство , которое ощущаютъ люди , выходящіе изъ долгаго заключенія на свѣтлое небо .

Скоро мои провожатые ввели меня въ комнату , гдѣ за столами сидѣли писцы . Мы прошли мимо ихъ ; они едва подняли головы , — вѣроятно , имъ были въ привычку такія явленія . Наконецъ , провожатые ввели меня въ комнату , гдѣ за большимъ столомъ сидѣлъ человекъ въ черномъ фракѣ , довольно тучный , который , прищуривая свои маленькіе глазки , спросилъ мое имя . Я сказалъ ему имя , и прибавилъ , что нахожусь въ такомъ странномъ положеніи , которое могу объяснить только русскому посланнику . Въ ту же минуту мой новый знакомецъ отправилъ чиновника за моими бумагами , и потомъ , обратясь ко мнѣ , сказалъ :

— Желанье ваше видѣть русскаго посланника будетъ исполнено , если , разумѣется , онъ согласится на вашу просьбу . Но я долженъ васъ предупредить , что если вы и въ-самомъ-дѣлѣ тотъ , за кого вы себя выдаете , то вашъ посланникъ не будетъ имѣть права , и даже не захочетъ вмѣшиваться въ дѣло смертоубійства . Во всякомъ случаѣ , вы будете судимы по законамъ той земли , въ которой вы находитесь , и никто на свѣтѣ не будетъ въ состоя-

ни спасти васъ отъ участи, ожидающей смертоубійцу. Одно добровольное ваше признаніе, и — если вы назовете вашихъ соумышленниковъ, возможно нѣсколько смягчить строгость законовъ.

— Смертоубійцу? вскричалъ я : — соумышленниковъ? Но, именемъ Бога, кого же умертвилъ я?

— Вы знаете, что васъ застали надъ трупомъ полицейскаго чиновника, который былъ отправленъ для наблюденія за приготавливающимся злодѣянїемъ.

— Милостивый государь! отвѣчалъ я : — я не могъ убить никого, потому-что самъ находился плѣнникомъ на той же лодкѣ, на которой меня застала полиція.

— Плѣнникомъ? Но чѣмъ вы это докажете?

— Тѣмъ, милостивый государь, что я сидѣлъ въ лодкѣ съ завязанными глазами.

Судья взялъ лежавшій на столѣ кусокъ полотна, въ которомъ я узналъ бывшую на мнѣ повязку; приложилъ ее къ моему лицу, стараясь сохранить оттиски, на ней оставшіеся, и дѣйствительно увидѣлъ, что они приходились мнѣ по мѣркѣ.

— Это доказательство, правда, нѣсколько служитъ подтвержденіемъ вашихъ словъ; но зачѣмъ и какимъ образомъ вы попались на эту лодку?

— Этого я не могу сказать вамъ. Я далъ страшную клятву честнаго человѣка никому не открывать этой тайны.

— Вы можете сами разсудить, сказалъ мнѣ судья: — что это обстоятельство увеличиваетъ подозрѣніе

правосудія, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнюю ночь было сдѣлано покушеніе освободить васъ. Это не могло быть сдѣлано безъ вашего согласія, — что впрочемъ доказывается и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ васъ застали.

Я старался объяснить сколько могъ, что я не имѣлъ понятія о людяхъ, желавшихъ освободить меня; старался объяснить то невольное чувство, которое, въ минуту пробужденія отъ сна, заставило меня противъ собственной моей воли способствовать неизвѣстнымъ моимъ освободителямъ — но я самъ чувствовалъ, что всѣ слова мои были темны. Между-тѣмъ, принесены были мои бумаги; посмотрѣвъ ихъ, судья сказалъ мнѣ :

— Дѣйствительно, по вашимъ бумагамъ я вижу, что вы иностранецъ, вчера только вечеромъ пріѣхавшій въ Неаполь, и что невѣроятно предполагать въ васъ убійцу неизвѣстнаго полицейскаго чиновника; но вы согласитесь сами, что обстоятельства дѣла вашего такъ странны: правительство не будетъ въ состояніи оправдать васъ, если вы не дадите нужныхъ объясненій. Напишите письмо къ вашему посланнику: можетъ-быть, онъ убѣдитъ васъ быть откровеннѣе.

Я благодарилъ судью за его участіе ко мнѣ и поспѣшилъ написать письмо. Когда я его окончилъ, судья сказалъ мнѣ :

— Ваше письмо будетъ сію минуту отправлено; въ ожиданіи отвѣта, вы извините насъ, если мы должны соблюсти мѣры предосторожности, кото-

рья обыкновенно принимаются въ такихъ случаяхъ.

Меня отвели въ прежнюю мою комнату, но цѣпей уже болѣе не надѣвали.

Черезъ нѣсколько минутъ, я получилъ позволеніе явиться къ посланнику, однакожь въ сопровожденіи жандарма. Посланникъ принялъ меня какъ нельзя-лучше, и, имѣя уже обо мнѣ свѣдѣніе какъ по письмамъ, такъ и по словамъ моихъ товарищей на пароходѣ, вошелъ совершенно въ мое положеніе; понялъ то чувство чести, которое воспрещало мнѣ открыть всю тайну, однакожь сказалъ мнѣ, что все, что онъ можетъ сдѣлать въ мою пользу, — это засвидѣтельствовать передъ неаполитанскимъ правительствомъ о моемъ званіи и о моемъ поведеніи. Онъ присовокупилъ, что все прочее онъ долженъ будетъ предоставить на произволъ туземныхъ судилищъ.

Все это, признаюсь, мало меня утѣшало, особливо, когда, при выходѣ отъ посланника, я былъ приглашенъ жандармскимъ офицеромъ въ прежнюю карету. «Чортъ возьми!» думалъ я: «за дѣломъ я пріѣхалъ въ Неаполь. Прекрасное лѣченье, — ходить для здоровья подъ обнаженными шпагами и дышать заплесневѣлымъ воздухомъ тюремныхъ замковъ!» По возвращеніи въ мою печальную квартиру, мнѣ отвели комнату нѣсколько по-лучше прежней. На этотъ разъ, всѣ предосторожности ограничились лишь моимъ честнымъ словомъ, что я не предприіиму ничего предосудительнаго до рѣ-

шенія моей участи. Въ такомъ положеніи, я провелъ день до вечера, и одно захожденіе солнца напомнило мнѣ, что уже болѣе сутокъ у меня ничего не было въ желудкѣ : такъ сильное движеніе чувствъ можетъ побѣдить въ человѣкѣ физическія потребности! Но едва я вспомнилъ объ этомъ, какъ въ ту же минуту почувствовалъ жесточайшій голодъ, и принесенные запачканнымъ сборомъ нѣсколько волоконъ макаронъ показались мнѣ самымъ вкуснымъ блюдомъ, которое когда-либо мнѣ попадалось въ-продолженіе жизни. Таковъ былъ мой первый обѣдъ въ Неаполѣ. Я не успѣлъ еще окончить скуднаго пиршества, когда снова вошелъ ко мнѣ полицейскій офицеръ.

— Вашъ посланникъ, сказалъ онъ: — принялъ васъ на свое поручительство ; съ сей минуты вы свободны, но потрудитесь прежде подтвердить подписью ваши словесныя показанія предъ судьейо нынѣшнимъ утромъ, равно и подписать обѣщаніе по первому позыву являться въ судъ.

Я подписалъ все, чего хотѣли, и, внѣ себя отъ радости, выскочилъ изъ мѣста своего заключенія. Я не хотѣлъ болѣе оставаться въ томъ трактирѣ, который былъ виною моего несчастнаго приключенія, и въ тотъ же день переѣхалъ, или лучше сказать, перенесъ мою котомку въ другой, *alla Vittoria*, у самыхъ воротъ прелестной *Villa-reale*. Не успѣлъ я отдохнуть, какъ вошедшій трактирщикъ подалъ мнѣ небольшой свертокъ.

— Отъ кого? спросилъ я.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Признаюсь, съ большимъ неудовольствіемъ развернулъ я этотъ свертокъ, — такъ я былъ напуганъ всякою таинственностью.

Въ сверткѣ находился перстень старинной работы, на которомъ изображены были какія-то, какъ мнѣ казалось, египетскія фигуры, — змѣя съ львиной головою, какой-то сосудъ, непонятные знаки и буквы. При перстнѣ находилась записка :

«Вы сами, не зная того, спасли жизнь одной особы. Люди, которые одолжены вами, боялись оскорбить васъ денежною платою; но они надѣются, что вы не откажетесь принять, въ знакъ памяти, прилагаемый при семъ перстень. Онъ когда-нибудь можетъ вамъ пригодиться; сверхъ того, какъ вы сами можете замѣтить, этотъ перстень принадлежитъ къ числу такихъ рѣдкостей, которыми дорожатъ ваши соотечественники и которыя не приобрѣтаются деньгами. Однакожь, до нѣкотораго времени вы хорошо сдѣлаете, если никому не будете его показывать. Мы боимся снова нарушить ваше спокойствіе.»

Мало знакомый съ древностями, я едва обратилъ вниманіе на чудесный перстень и чуть не выбросилъ его изъ окошка, — такъ одна мысль обо всемъ, относившемся къ моему приключенію обдавала меня холодомъ; однако, по нѣкоторомъ размышленіи, я положилъ перстень въ свой бритвенный ящичекъ.

Я провелъ нѣсколько дней въ совершенномъ уединеніи, ожидая новаго посѣщенія полицейскаго

чиповника, но онъ не являлся: не знаю, ходатайство ли посланника, интриги ли моихъ незнакомыхъ друзей-враговъ, были причиною тому, что меня оставляли въ покоѣ? Наконецъ, я ободрился. Журналы, которые приносилъ мнѣ трактирщикъ, толковали о новой пѣвицѣ, приводившей въ восхищеніе весь Неаполь. Я рѣшился отправиться въ Санъ-Карло. Сходя съ лѣстницы трактира, я замѣтилъ сошедшаго съ верхняго этажа низенькаго старика, въ черномъ фракѣ, напудренного; во всей его особѣ было какое-то странное безпокойство; переступая ступени, онъ весь шевелился; его руки, ноги, носъ, глаза, все было въ какомъ-то движеніи. Смотря на него, можно было подумать, что онъ чему-то разъ въ жизни удивился, и навѣкъ застылъ въ этомъ положеніи. Всѣ эти наблюденія я уже сдѣлалъ въ послѣдствіи, а въ ту минуту взглянулъ на него съ тѣмъ равнодушнымъ любопытствомъ, съ какимъ смотришь на сосѣда, ибо, по разговору его со встрѣтившимся трактирщикомъ, я догадался, что мой старикъ живетъ со мною въ одномъ домѣ. Не желая заводить новаго знакомства, я пошелъ своей дорогой. Прощедъ нѣсколько улицъ, я оборотился, и къ чрезвычайному моему удивленію увидѣлъ, что мой старикъ слѣдуетъ за мною. Напуганный всѣмъ, со мною случившимся, я очень былъ недоволенъ этимъ сообществомъ. Желая избавиться отъ моего провожатаго, я подошелъ къ первому встрѣтившемуся человѣку, и просилъ его указать мнѣ ближайшую дорогу въ Санъ-

Карло. Въ эту минуту, старичекъ догналъ меня, и, услышавъ мой вопросъ, сказалъ съ необычайною быстротою: «Вы идете въ Санъ Карло? Вы вѣрно иностранецъ? Вы не знаете дороги? Я иду туда же... угодно вамъ идти вмѣстѣ со мною?»

Отказаться было невозможно. Въ продолженіи дороги, мой старикъ говорилъ безпрестанно; закидалъ меня вопросами, не дожидаясь отвѣтовъ; успѣлъ мнѣ рассказать, что онъ большой любитель древностей, имѣетъ большое собраніе монетъ, живетъ со мной въ одномъ домѣ; что сегодня на театрѣ будетъ играть пѣвица, которая давно уже не являлась на сценѣ; что въ Россіи должно быть очень холодно; что въ нашемъ трактирѣ столъ не всегда хорошъ; что у синьоры Грандини въ голосѣ двѣ или три ноты фальшивыхъ; что онъ самъ умѣетъ дѣлать прекрасные макароны...

Все это чуднымъ образомъ мѣшалось въ разговорѣ г. Амброзія Беневоло — такъ назывался мой новый знакомецъ.

Мы вошли въ театрѣ и заняли рядомъ два порожнія мѣста. Давали «Анну Болену», Донизетти. Пораженный великолѣпіемъ спектакля, я не сводилъ глазъ съ него. Но вообразите мое удивленіе, когда въ примадоннѣ я узналъ ту женщину, которую видѣлъ въ первую ночь моего пріѣзда въ Неаполь. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать: во всякомъ случаѣ, выйти вонъ было бы смѣшно, и могло только возбудить подозрѣніе моихъ гонителей. Между-тѣмъ, мой товарищъ выходилъ изъ себя отъ восхищенія;

всѣ рулады пѣвицы, онъ повторялъ всѣмъ своимъ тѣломъ, а передъ каденцею мало-по-малу спускалъ съ себя башмаки, складывалъ руки, удерживалъ дыханіе, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, и въ концѣ трели въ полномъ безпамятствѣ вскакивалъ съ мѣста безъ башмаковъ, выкрикивалъ нѣсколько междометій и билъ въ ладоши изо всей силы. Во время речитатива, онъ успокоивался, и снова очень хладнокровно обращался ко мнѣ съ вопросами: много ли шубъ носятъ въ Россіи? есть ли у меня собраніе медалей, какъ мнѣ нравятся *frutti di mare*? Но едва начиналась новая арія примадонны, снова Беневоло выходилъ изъ себя, спускалъ башмаки и билъ въ ладоши. Во всякое другое время, меня, холоднаго сѣвернаго жителя, очень бы забавляло это превращеніе, тѣмъ болѣе, что подобныя судорожныя движенія я замѣчалъ во многихъ другихъ мѣстахъ залы. Но теперь много развлекало меня мое странное свиданіе съ примадонною; во мнѣ боролись — желаніе спросить объ ней что-нибудь у новаго знакомаго, и страхъ, не будетъ ли это нарушеніемъ моей клятвы; мнѣ показалось даже, что примадонна узнала меня, и что часто ея глаза невольно поворачивались въ мою сторону. Я почти не смѣлъ смотрѣть на нее: сцена суда съ ея гробовою музыкой такъ живо напомнила мнѣ мои приключенія, что я почти задыхался.

Беневоло посматривалъ на меня изъ-подлобья, однакожь не сказалъ ни слова. Я не могъ навѣрное узнать, замѣтилъ ли онъ мое смущеніе или

нѣтъ. Несмотря на то, невольное чувство привлекало меня къ синьорѣ Грандини: она была прекрасна на сценѣ; нѣсколько рѣзкія черты лица ея смягчались отдаленіемъ; въ голосѣ ея было что-то пронизательное, что-то трогательное, — онъ не былъ совершенно чистъ и ясенъ, но звученъ и мягокъ, какъ-будто подернутъ бархатомъ. Однакожь, признаюсь, я очень былъ радъ, когда занавѣсъ опустился.

На другой день, проснувшись, я увидѣлъ на своемъ столѣ записку, но писанную новою для меня рукою:

«Люди, желающіе вамъ добра, не совѣтуютъ вамъ ходить въ театръ Санъ-Карло.»

Признаюсь, это меня взорвало: я видѣлъ себя привязаннымъ къ интригѣ, которая накладывала цѣпь на всѣ мои поступки, и отъ которой я никакъ не могъ освободиться. Въ тотъ же день, я рѣшился оставить Неаполь. Я еще былъ въ размышленіи о своихъ планахъ, когда у дверей моихъ услышалъ, что кто-то трепещущимъ голосомъ напѣваетъ — *Serga un lido, dove sicuro...* Дверь отворилась: то былъ Беневоло. Онъ тотчасъ подскочилъ ко мнѣ съ распросами, — какъ провелъ я ночь? какъ мнѣ понравился театръ Санъ-Карло? пилъ ли я шоколадъ? что я думаю о Донизетти, о Беллини? — и перемышлявалъ свои вопросы восклицаніями — *Stupendo, stupenda!*... нельзя было догадаться, къ чему они относились, къ музыкѣ, къ Донизетти, къ Беллини или къ шоколаду.

Я не успѣвалъ отвѣчать на его вопросы ; да Амброзіо и не дожидался отвѣта ; онъ принесъ мнѣ цѣлую кучу монетъ , медалей , показывалъ мнѣ каждую поодиначкѣ , восхищаясь надъ каждою , и предлагалъ мнѣ мѣнять ихъ на русскія деньги , какія у меня случились . Это было искусное приглашеніе купить у него нѣкоторыя изъ его рѣдкостей . Чтобъ отвязаться отъ докучливаго старика : я промѣнялъ нѣсколько десятковъ русскихъ рублевиковъ , бывшихъ со мною , на его рѣдкости , и поспѣшилъ отправиться къ посланнику , за паспортомъ и моими другими бумагами . Въ посольствѣ мнѣ сказали , что прежде нежели мнѣ выдадутъ паспортъ , посольству необходимо будетъ снестись съ неаполитанскимъ правительствомъ : это должно было замедлить мой отъѣздъ на нѣсколько дней .

Съ-тѣхъ-поръ , я не выходилъ болѣе никуда . Беневоло не забывалъ посѣщать меня ; каждый день приносилъ онъ мнѣ по-прежнему медали , камеи и забавлялъ меня , снимая съ нихъ слѣпки съ величайшимъ проворствомъ . Однажды онъ мнѣ принесъ позеленѣвшій и почти стертый отъ времени русскій рубль , и много и долго говорилъ мнѣ объ его древности , о своихъ догадкахъ , какимъ образомъ за триста лѣтъ передъ этимъ могъ онъ быть запесенъ въ Италію . Я прекратилъ его диссертацию замѣчаніемъ , что за триста лѣтъ не существовало въ Россіи круглой монеты . Это замѣчаніе его нѣсколько смутило . Въ другой разъ , принесъ онъ мнѣ нѣсколько мѣшковъ разныхъ медалей , и просилъ

меня на нѣсколько времени оставить ихъ у меня въ комнатѣ, говоря, что онъ имѣетъ подозрѣніе на нѣкоторыхъ любителей древности, которые хотятъ украсть у него его сокровище, и которые вѣрно не пойдутъ искать ихъ въ моей комнатѣ, тѣмъ больше, что я никуда не выхожу отъ себя. Я позволилъ дѣлать, что было ему угодно, чтобъ только отъ него отвязаться.

Наконецъ, къ величайшей радости, я получилъ извѣстіе отъ одного изъ моихъ пріятелей, служащихъ при посольствѣ, что я завтра могу получить мой паспортъ. Я не хотѣлъ медлить ни минуты, нанялъ веттурина, и принялся собирать мой небольшой гардеробъ: въ этомъ занятіи засталъ меня Беневоло: «Вы уже собираетесь! Куда вы ѣдете? вѣрно въ Римъ? Не забудьте остановиться въ Миланѣ въ Амвросіевской Библіотекѣ... Тамъ много рѣдкостей... на театрѣ новая пѣвица... въ трактирѣ Albergо геале прекрасный столъ», и проч., и проч. Я продолжалъ мои занятія, отвѣчая старику одними междометіями. Не знаю какъ, перебирая бритвенный ящикъ, я выронилъ мой таинственный перстень; онъ покотился по полу; я нагнулся и столкнулся съ Беневоло; онъ было также протянулъ руку за перстнемъ, и когда я, не показывая моей рѣдкости, сжалъ ее между пальцами, Беневоло поблѣднѣлъ. Въ жизнь мою не забуду его фигуры въ эту минуту: онъ весь пошелъ ходенемъ, локти его приросли къ бокамъ, и между-тѣмъ онъ махалъ обѣими руками, подымалъ то одну ногу, то дру-

гую, раскрывалъ ротъ, мигалъ глазами и вытягивалъ шею.

— Продайте мнѣ этотъ перстень, говорилъ онъ мнѣ, задыхаясь.

— Нѣтъ, не продамъ, отвѣчалъ я.

— Позвольте мнѣ по-крайней-мѣрѣ снять съ него слѣпокъ.

— И этого не могу.

— Покажите мнѣ по-крайней-мѣрѣ его.

— И этого не могу. Пріѣзжайте за нимъ въ Россію, тогда, пожалуй, я вамъ даже подарю его.

— Въ Россію, въ Россію! сказалъ Беневоло: — это невозможно. Да почему вы здѣсь не можете мнѣ его показать? Развѣ къ вашему перстню привязана какая-нибудь тайна.

— Да! тайна, отвѣчалъ я.

— Хороша тайна! вскричалъ Беневоло. — Хотите ли я расскажу вамъ, что изображено на вашемъ перстнѣ: на немъ сосудъ, змѣя съ львиною головою, мумія съ птичьимъ носомъ, кругомъ слова Іао, — не такъ ли?

— Можетъ-быть; но все-таки я вамъ не могу показать перстня.

— Это странно! говорилъ Беневоло, прыгая по комнатамъ: — очень странно! чрезвычайно какъ странно!... Такъ вы не хотите дать мнѣ перстня? сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не могу, отвѣчалъ я съ нѣкоторою досадою.

— Рѣшительно не хотите?

— Рѣшительно.

— Нѣтъ, скажите правду! Вы въ-самомъ-дѣлѣ никакъ не можете показать мнѣ перстня?

Я отворотился отъ него молча.

Неотвязчивый старикъ почелъ это знакомъ нерѣшимости: онъ забѣжалъ ко мнѣ съ другой стороны, уперъ локти въ бока и проговорилъ мнѣ съ видомъ превеличайшаго подобострастія :

— Вамъ, кажется, можно показать мнѣ перстень.

— Вы выводите меня изъ терпѣнія, сказалъ я ему наконецъ грознымъ голосомъ и притопнувъ ногой.

Беневоло сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ по комнатамъ, вышелъ, и уже болѣе ко мнѣ не являлся.

Вечеру, когда я ложился спать, въ сладкой надеждѣ выѣхать наконецъ изъ этого несчастнаго для меня города, трактирщикъ снова явился ко мнѣ съ запискою.

— Чтò еще? спросилъ я съ гнѣвомъ: — кто тебѣ отдалъ эту записку?

— Незнакомый мнѣ человекъ, отвѣчалъ онъ.

Содержаніе записки имѣло все право разсердить меня, въ ней были только слѣдующія слова :

«Друзья ваши совѣтуютъ вамъ, если вы дорожите своею жизнію, не выѣзжать изъ Неаполя въ продолженіи нѣкотораго времени.»

Я проклялъ моихъ друзей отъ чистаго сердца. Сперва я подумалъ, что это была штука Беневоло; но почеркъ руки былъ одинаковый съ тою запискою, которую я получилъ еще до знакомства съ нимъ; однакожь, не смотря ни на что, я рѣшился,

во что бы то ни стало , выѣхать изъ Неаполя и даже изъ Италіи , которая уже мнѣ опротивѣла.

На другой день , я поспѣшилъ за моимъ паспортомъ , но едва вошелъ въ канцелярію посланника , меня тотчасъ позвали къ нему въ кабинетъ . Посланникъ принялъ меня съ такимъ видомъ , который не на шутку испугалъ меня .

— Къ величайшему моему сожалѣнію , сказалъ онъ : — я не могу вамъ выдать вашего паспорта . Напротивъ , я долженъ пригласить васъ явиться въ здѣшній судъ . Ваше дѣло запуталось новыми обстоятельствами ; оно такъ странно , что я не могу вѣрить вашему въ немъ участию , и вмѣстѣ такъ важно , что не могу отказать здѣшнему правительству . Вамъ , можетъ-быть , уже извѣстно , что одна изъ пѣвицъ здѣшняго театра , Евлалія Грандини , пропала безъ вѣсти . Она была очень любима здѣшнею публикою , и общее безпокойство объ ея участи заставляетъ полицію принимать строжайшія мѣры .

— Я такъ мало выходилъ изъ дому , что даже въ первый разъ слышу объ этомъ .

— Однакожь , у васъ видѣли кольцо или перстень , принадлежавшій этой актриссѣ — сказалъ мнѣ посланникъ , устремивъ на меня пронизательный взоръ .

Я невольно смутился , однакожь , собравъ всѣ свои силы , рѣшился открыть посланнику ту часть тайны , въ сохраненіи которой я не былъ обязанъ честнымъ словомъ .

— Дѣйствительно, сказалъ я: — я получилъ какой-то перстень, но не знаю, отъ кого.

— Съ какими-то мистическими знаками и съ надписью Iao? сказалъ посланникъ.

— Точно такъ, отвѣчалъ я.

— Это очень странно; по бумагамъ я вижу, что этотъ перстень принадлежалъ какому-то тайному обществу, которое очень дорожило имъ и котораго члены подвергаются теперь преслѣдованіямъ правительства.

Я объяснилъ посланнику, какимъ образомъ достался мнѣ этотъ перстень.

— Дѣйствительно, сказалъ онъ мнѣ: — здѣшнее правительство предполагаетъ какую-то связь между этимъ обстоятельствомъ и похищеніемъ Грандини, какъ равно и съ умерщвленіемъ полицейскаго офицера. Этого мало, продолжалъ посланникъ: — васъ обвиняютъ въ связи съ какимъ-то Амброзіо Беневоло, подозрѣваемымъ въ дѣланіи фальшивой монеты.

Руки у меня опустились.

— Я увѣренъ, продолжалъ посланникъ: — что вы оправдаетесь отъ взводимыхъ на васъ обвиненій, но долгъ мой заставляетъ меня выдать васъ неаполитанскому правительству. Не пеняйте на меня за это; поставьте самого себя на мое мѣсто, — вы бы поступили также. Я имѣю все нравственное убѣжденіе въ вашей невинности, но юридическаго, благодаря вашей скромности, никакого.

Я благодарилъ посланника за его истинно оте-

ческое во мнѣ участіе, но съ твердостью повторилъ, что я лучше подвергнусь всѣмъ возможнымъ неприятностямъ, нежели измѣню торжественно данному мной честному слову.

Посланникъ, какъ я уже сказалъ, былъ чловѣкъ благородный; онъ совершенно понялъ меня, обѣщалъ употребить все съ своей стороны, чтобъ вывести меня изъ моего неприятнаго положенія, и за симъ... предложилъ мнѣ снова сообщество жандармскаго офицера.

Я не буду болѣе вамъ скучать разговоромъ о моихъ переговорахъ съ допрашивавшими меня судьями: это было бы повтореніе почти тѣхъ же обстоятельствъ, которыя вы уже знаете; прибавлю только, что всѣ распросы ни мало не объяснили мнѣ самому моей тайны.

Ясно было одно, что дѣло хотѣли кончить ничѣмъ: всѣ предложенные мнѣ вопросы были какъ будто лишь приготовительные, неопредѣленные, поверхностные, иногда странные до невѣроятности; меня спрашивали о всѣхъ мелочахъ моей частной жизни, въ которомъ часу я встаю, что я дѣлаю поутру, что вечеромъ, знаю ли я древніе языки, умѣю ли рисовать... Изъ всего этого я однакоже понялъ, что Беневоло былъ на меня доносчикомъ: но какимъ образомъ онъ самъ попалъ въ обвиненные? Между-тѣмъ, прошло болѣе трехъ недѣль; каждый день я готовился къ чему-нибудь рѣшительному, и наконецъ, къ несказанному моему удовольствію и удивленію, объявили мнѣ,

что я свободенъ. Мнѣ возвратили мои вещи , которыя были у меня забраны въ продолженіе процесса , за исключеніемъ перстня : объ немъ я мало сожалѣлъ , и , что всего для меня было усладительнѣе , я получилъ наконецъ позволеніе выѣхать изъ Неаполя.

Съ-тѣхъ-иоръ , я почти годъ проѣздилъ по Италіи совершенно спокойно , и наконецъ , посреди разсѣянной жизни путешественника , почти забылъ о моемъ неаполитанскомъ приключеніи.

Однажды , въ Венеціи , на балѣ у графини Граціани , я увидѣлъ женщину въ голубомъ платьѣ , которая промелькнула мимо меня въ другомъ контрадансѣ. Лицо ея мнѣ показалось знакомымъ : я спросилъ объ ея имени у танцовавшей со мной дамы. Эти предосторожности необходимы для путешественника : такъ много встрѣчаешь лицъ , такъ быстро являются и исчезаютъ они передъ глазами , что всегда рискуешь заговорить съ незнакомою дамой и пройти мимо той , у которой бывалъ въ домѣ.

— О , это знаменитая графиня Лукенсини !

— Знаменитая ! Почему ? спросилъ я .

— Это женщина большаго характера , отвѣчала она . — Берегитесь попасть въ ея сѣти . Она пятнадцати лѣтъ умѣла выйдти замужъ за своего учителя ; между-тѣмъ общать свою руку другому молодому человѣку ; въ продолженіе шести лѣтъ скрывать свой бракъ ; обмануть опекуна ; наконецъ разве-

стись съ мужемъ и выйдти за другаго, и все носить имя своего мужа.

— Но какъ же? сказалъ я моей дамѣ: — развѣ ея учителемъ былъ графъ Лукенсинъ?

— Такъ точно, отвѣчала мнѣ дама. — Графъ Лукенсини былъ сынъ того Лукенсини, который, какъ, можетъ-быть, вы слышали, погибъ на эшафотъ; имѣніе его было конфисковано, и сынъ принужденъ былъ давать уроки.

— Нельзя, однакожь, обвинять бѣдную графиню, сказала другая дама, вслушавшись въ нашъ разговоръ: — мать ея была женщина страннаго нрава, который сдѣлался несноснѣе отъ ея безпрестанной болѣзни; бѣдная графиня до самой ея смерти принуждена была жить совершенною затворницею; единственные люди, которыхъ она видала, были ея учителя: мудрено ли, что она влюбилась въ того изъ нихъ, который былъ молодъ, прекрасенъ, и въ тѣсныя сношенія учителя съ ученицею умѣлъ внести все очарованія свѣтскаго человѣка? Онъ влюбился въ нее, она въ него. Но какъ мать никогда бѣ не согласилась на бракъ ея съ такимъ человекомъ, то что удивительнаго, что она рѣшилась обвиняться съ нимъ тайно?

Контрадансъ кончился; я раскланялся съ моей дамой, и невольно обратилъ глаза на графиню, чтобъ вспомнить, кого она мнѣ напоминала. Сверхъ того, взоръ мужчины всегда невольно останавливается на женщинѣ, имѣвшей довольно твердости духа, чтобъ презрѣть мнѣніе общества: она воз-

буждаетъ любопытство, смѣшанное съ какимъ-то невольнымъ уваженіемъ. Умъ невольно вспоминаетъ, о борьбѣ, которую должна была претерпѣть эта женщина съ самой собою и со всѣмъ ее окружающимъ, а сердце воображаетъ тѣ страданія, которыя пришлось ей перенести, чтобъ избавиться отъ другихъ, еще жесточайшихъ страданій.

Всѣ эти мысли толпились въ головѣ моей, когда я смотрѣлъ на графиню, и мнѣ показалось, что я обратилъ на себя ея вниманіе. Дѣйствительно, она также стала всматриваться въ меня, и когда я проходилъ мимо ея, она мнѣ сказала: *Signore!*...

Я остановился: голосъ ея поразилъ меня.

— Вы, кажется, не узнаете меня? продолжала она.

Я отступилъ шагъ назадъ, ибо мнѣ показалось, что передо мною стояла синьйора Грандини. Минуты волненія, въ которыя я ее видѣлъ, вмѣстѣ съ прической, — тогда только дамы начали поднимать волосы вверхъ, — помѣшали мнѣ узнать ее въ первое мгновеніе.

— Я не знаю, сказалъ я: — долженъ ли я узнавать васъ.

— О, будьте спокойны! отвѣчала мнѣ графиня съ улыбкою. — Тѣ, которые наложили на васъ страшную клятву, почти не существуютъ. Я имѣю полное право разрѣшить васъ отъ всѣхъ вашихъ клятвъ. Если хотите узнать больше, то пріѣзжайте ко мнѣ завтра вечеромъ. Надобно, чтобъ вы были награждены за то унижительное положеніе, въ ко-

торомъ вы находились по моей милости. Кстати, продолжала она:— скажите, пригодился ли вамъ мой перстень?

— Вашъ перстень? съ мистическими знаками? Онъ остался въ рукахъ неаполитанскаго правительства?

— Вѣрно этотъ бездѣльникъ Беневоло имъ воспользовался.

— Такъ вы знали Беневоло?

— Беневоло? повторила она съ улыбкой. — Завтра вамъ все объяснится.

На другой день, въ назначенный часъ, я поспѣшилъ къ графинѣ Лукенсини, и сначала былъ очень удивленъ, когда швейцаръ сказалъ мнѣ, что графиня не принимаетъ; но когда я назвалъ себя, швейцаръ немедленно позвонилъ въ колокольчикъ, и двери отворились передо мной. Я прошелъ рядъ великолѣпныхъ комнатъ, роскошно и со вкусомъ убранныхъ. Графиня ожидала меня въ павильонѣ, находившемся на концѣ дома, и котораго балконъ выходилъ съ одной стороны на Canal-grande, а съ другой на пустую площадку. Она сидѣла въ легкомъ кисейномъ платьѣ на диванѣ, окруженномъ цвѣтушими померанцами, и показала мнѣ мѣсто подлѣ себя.

— Вы должны знать, что вы мой избавитель, сказала она.

— Вашъ избавитель? повторилъ я.

— Да; безъ васъ, я бы, можетъ-быть, должна была распрощаться съ жизнью. Вы, сами того не зная,

развязали узелъ въ моемъ существованіи. Я думаю, уже вамъ рассказали мою исторію прежде. Ее всѣ рассказываютъ съ разными нелѣпыми прибавленіями. Я не буду оправдывать себя передъ вами. Скажу вамъ только одно : мнѣ нельзя было не выйти замужъ за Лукенсини, потому-что меня преслѣдовалъ тотъ самый Беневоло, котораго вы знаете. Пользуясь болѣзнію моей матери, живя въ нашемъ домѣ, гдѣ онъ занималъ должность сначала учителя, потомъ майордома, Амброзіо не давалъ мнѣ минуты покоя. Лукенсини былъ молодъ и прекрасенъ. Беневоло былъ почти всегда такимъ, какъ вы его видѣли. Я предпочла перваго. Долго мнѣ рассказывать вамъ мою исторію : на моего тайнаго мужа пало подозрѣніе, которому причиною были связи его отца. Желая открыть себѣ какую-нибудь дорогу, онъ, послѣ женитьбы, отправился искать счастья въ Россіи. На мѣсто его явился ко мнѣ новый обожатель : мой дальній родственникъ Леонардо Амати. Вамъ ужъ вѣрно рассказывали, что я обѣщала ему выйти за него замужъ. Это правда ; но вотъ какъ это случилось. Съ помощію хитраго своего отца и матушкина духовника, онъ успѣлъ до того довести мою матушку, физически и нравственно разстроенную, что она при послѣднемъ издыханіи потребовала отъ меня, чтобъ я вышла за Леонардо. Въ минуту горести, я ей все обѣщала ; матушка скончалась, и въ оставленномъ ею завѣщаніи она назначила Винченцо Амати, отца леонардова, опекуномъ надо мною и надъ всѣмъ

моимъ огромнымъ имѣніемъ. Послѣ первой горести, произведенной во мнѣ кончиной матушки, Леонардо сталъ мнѣ напоминать о моемъ обѣщаніи. Я рѣшительно объявила, что я уже замужемъ. Это открытіе взбѣсило Леонардо и отца его, которые надѣялись посредствомъ брака завладѣть навсегда моимъ имѣніемъ; они употребили всѣ возможныя средства, чтобъ заставить меня расторгнуть бракъ съ Лукенсини. Одаренная отъ природы характеромъ рѣшительнымъ, я убѣжала изъ Венеціи, перемѣнила имя, и синьора Грандини явилась на разныхъ театрахъ Италіи, при шумѣ рукоплесканій и — окруженная толпою обожателей. Большія деньги, которыя я получала моимъ талантомъ, доставляли мнѣ средство уничтожать всѣ происки Аматіи для расторженія моего брака. Между-тѣмъ, мой родъ жизни мнѣ такъ понравился, что я скоро забыла моего мужа; да и онъ, кажется, забылъ обо мнѣ. Мой опекунъ, послѣ тщетныхъ исканій, нашелъ меня наконецъ въ Неаполь: я тогда еще не достигла до совершеннолѣтія, и опекунъ сохранялъ еще всю власть надо мною; онъ выхлопоталъ ложное свидѣтельство о кончинѣ моего мужа, и настоятельно требовалъ исполненія моего обѣщанія. Я знала, что это неправда, потому-что почти въ то же время получила письмо отъ графа, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что наконецъ ему удалось увѣрить правительство, въ своей невинности и что онъ возвращается въ Италію. Я притворилась, будто вѣрю моимъ гонителямъ, надѣла на себя черное

плате вдовы, позволила обить мою комнату чернымъ сукномъ, — для того только, чтобъ выиграть время, потому-что уже не долго оставалось до моего совершеннолѣтія; но хитрый Аматі угадалъ мое притворство, и узналъ въ то же время, что Лукенсини находился на первомъ пароходѣ, который долженъ былъ пріѣхать въ Неаполь. Для Аматі, это была минута рѣшительная; онъ видѣлъ, что я ускользала отъ него, но не хотѣлъ заставить меня торжествовать безъ отомщенія; можетъ-быть, онъ надѣялся, что по смерти мужа я буду къ нему благосклоннѣе; можетъ-быть, также хотѣлъ онъ испугать насъ обоихъ и дать намъ на выборъ смерть или замужство съ Леонардомъ. Я никогда не могла хорошо понять его намѣренія: можетъ, это было просто внушеніе его дикаго калабрскаго характера. Вамъ извѣстно средство, которое онъ употребилъ для достиженія своей цѣли. Отдаленный домъ, въ которомъ мы жили, подкупленные слуги, — все, казалось, должно было имъ способствовать, но провидѣніе употребило васъ средствомъ для уничтоженія этого замысла. Когда, послѣ нашего съ вами свиданія, онъ увезъ васъ съ собою, я рѣшилась, во что бы то ни стало, выйдти изъ-подъ власти моихъ мучителей. Такъ какъ мое имѣніе было главнѣйшею причиною ихъ преслѣдованія, я воспользовалась смущеніемъ стараго Аматі, и предложила ему въ родъ выкупа все мое имѣніе. Онъ безъ труда согласился. Не доставало двухъ дней до моего совершеннолѣтія, и я подписала переднимъ числомъ

бумагу, въ которой, изъявивъ благодарность Ама-ти за прекрасное управленіе моимъ имѣніемъ, объявляла себя ему должною въ значительной суммѣ денегъ. Между-тѣмъ, возвратился Леонардо въ изодранномъ платьѣ, весь мокрый и въ величайшемъ волненіи. Онъ согласился на все. Я тогда замѣтила въ немъ что-то странное, но еще не могла узнать, что съ нимъ случилось, потому-что въ ту же минуту оставила ихъ, и явилась снова на сценѣ. Уже въ-послѣдствіи, когда разнесся слухъ объ убійствѣ полицейскаго чиновника, мнѣ пришла въ голову мысль, что въ этомъ случаѣ долженъ былъ участвовать Леонардо. Дѣйствительно, мѣсяць спустя, одинъ изъ слугъ его объявилъ все правительству. Леонардо погибъ на эшафотѣ, отецъ его умеръ съ отчаянія. Полицейскій служитель попалъ въ это приключеніе по несчастному случаю. Въ нашей сторонѣ были разныя воровства; замѣтивъ также въ лодкѣ Леонардо что-то подозрительное, полицейскій чиновникъ, увлекаемый ревностью къ своему ремеслу, рѣшился скрыться подъ парусомъ, чтобъ узнать что-нибудь вѣрное. Все это я узнала въ-послѣдствіи, когда до меня дошли слухи объ арестованіи Леонардо; не имѣя чѣмъ жить, я снова вступила на театръ въ Неаполь, подъ именемъ Грандини.

Графиня остановилась.

— Я вамъ рассказала, продолжала она: — все, что было любопытнаго для васъ въ моей исторіи. Прибавлю вамъ только то, что мое имѣніе снова воз-

вратилось ко мнѣ : мы свидѣлись съ графомъ и оба замѣтили другъ въ другъ такое равнодушіе , что безъ труда рѣшились разстаться . Онъ хлопочетъ теиерь въ Римъ объ уничтоженіи нашего брака .

— Благодарю васъ , графиня ; но для меня въ исторіи осталось еще лицо непонятное , — Беневоло .

— Беневоло ! повторила съ важнымъ видомъ графиня : — на это ничего не могу вамъ сказать въ сію минуту . Если вы хотите что-нибудь узнать объ немъ , то выйдите изъ моего дома , пройдите по всѣмъ комнатамъ , сядьте въ лодку , возвратитесь сюда этимъ переулкомъ и войдите ко мнѣ черезъ этотъ балконъ : вамъ будетъ спущена лѣстница .

Я былъ въ нерѣшимости ; но графиня такъ улыбнулась , съ такимъ видомъ подала мнѣ руку , что я не могъ отказать ей .

Я исполнилъ въ точности всѣ ея приказанія ; но признаюсь , сердце мое было не совсѣмъ на мѣстѣ , когда я сталъ взбираться по веревочной лѣстницѣ , спущенной мнѣ съ балкона . Я засталъ графиню въ томъ же легкомъ платьѣ ; она встрѣтила меня съ улыбкою , и показала мнѣ дверь небольшого кабинета . Вошедши въ него , я увидѣлъ всѣ принадлежности мужскаго ночнаго туалета и не замедлилъ ими воспользоваться . Когда я выглянулъ изъ двери , графиня захохотала и показала мнѣ мѣсто на диванъ возлѣ себя , позвонила въ колокольчикъ и положила на столъ пару пистолетовъ .

— Что это значитъ ? спросилъ я у нея .

— Это необходимо, сказала мнѣ графиня важнымъ тономъ.

Я задумался, и невольно осмотрѣлъ курки пистолетовъ.

Дверь отворилась, Беневоло вбѣжалъ въ комнату.

— Амвросіо! сказала ему графиня:— знаешь ли ты этого человѣка?

Беневоло затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Ты видишь, Амвросіо, я оставила одного мужа, отказалась отъ другаго, вотъ у меня третій, а все не ты! Бѣдный Амвросіо! Но теперь дѣло не о томъ: ты знаешь все, что ты сдѣлалъ противъ этого молодаго человѣка; онъ требуетъ у меня отмщенія; твоя послѣдняя минута наступила, — признавайся. Допрашивайте его, графъ, сказала она, обратившись ко мнѣ.

Я не могъ смотрѣть безъ смѣха на Беневоло, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ возбуждалъ во мнѣ невольное сожалѣніе.

Графиня замѣтила во мнѣ это чувство, и сказала:

— О, какъ вы добры, графъ, вы еще объ немъ жалуете! Вы не знаете, что онъ за человѣкъ! Этого мало, что онъ осмѣлился влюбиться въ меня, — нѣтъ! взбѣшенный неудачею, онъ перешелъ на сторону моихъ враговъ, онъ помогалъ Аматі, онъ былъ отъ нихъ подосланъ къ вамъ шпиономъ, писалъ къ вамъ записки; онъ препятствовалъ мнѣ видѣться съ вами, ибо Леонардо боялся, чтобъ наше свиданіе не открыло его преступленія. Этого мало: когда онъ узналъ, что у васъ находится

мой перстень, котораго онъ долгое время отъ меня добивался, онъ рѣшился взвести на васъ нелѣпый доносъ въ моемъ похищеніи, чтобъ между судейскими интригами воспользоваться этою рѣдкостію... Вѣдь вы вѣрно знаете, — онъ любитель древностей?

— Онъ, кажется, замѣтилъ я: — больше любитель денегъ, нежели древностей: онъ самъ былъ остановленъ за дѣланіе фальшивой монеты.

— О, нѣтъ! сказала графиня: — на это у него и не достало бы духа. Правда, онъ дѣлалъ фальшивую монету, только не новую, а древнюю; онъ занимался самымъ невиннымъ ремесломъ: — выдумывалъ небывалыхъ царей, или дѣлалъ подражанія рѣдкимъ медалямъ, и приводилъ въ отчаяніе антикваріевъ.

Амвросіо трясся всѣмъ тѣломъ и только изрѣдка проговаривалъ — *Pregiotissima signora!... Signor conte!* Наконецъ, когда графиня замолчала, онъ вскричалъ со слезами на глазахъ:

— Все это правда, совершенная правда: но помните, что я спасъ жизнь русскаго графа.

— Да; это правда. Помните лицо, которое выглянуло изъ-за двери въ первое наше свиданіе: за это, кажется, можно простить его, графъ, — какъ вы думаете?

Мнѣ такъ былъ жалокъ бѣдный Амвросіо, что я сталъ просить графиню окончить эту шутку.

— Благодари графа и ступай вонъ, сказала сивѣйора: — а завтра поутру сочини мнѣ сонетъ на это приключеніе.

Беневоло бросился къ ней въ ноги , и выскочилъ изъ комнаты.

— Онъ добрый старикъ , продолжала графиня , обратясь ко мнѣ :— то-есть , пока его держишь въ рукахъ . Онъ до-сихъ-поръ влюбленъ въ меня безъ памяти ; я сама привыкла къ нему , какъ къ постельной собачкѣ . Онъ безпрестанно рисуетъ мои силуеты , пишетъ въ честь мнѣ стихи , и бываетъ внѣ себя отъ восхищенія , когда я ему позволю поцаловать мой пальчикъ . Я хотѣла , графъ , доставить вамъ это маленькое удовольствіе , ибо никогда бы не простила себѣ , чтобъ за меня благородный чело-вѣкъ подвергся оскорбленію и остался неотмщеннымъ . Если бъ Леонардо былъ живъ , я бы непременно доставила вамъ еъ нимъ свиданіе ; но это , къ сожалѣнію , невозможно . Теперь ваша роль кончилась . Прощайте !

— Какъ ! сказалъ я графинѣ : — мнѣ опять идти одѣваться ? Опять спускаться съ балкона въ эту темную , дождливую ночь ?... .

СИЛЬФИДА.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЛАГОРАЗУМНАГО ЧЕЛОВѢКА.)

ПОСВ. АНАС. СЕРГ. П-ВОЙ.

Поэта мы утѣчаемъ цвѣтами и выведемъ его
вонъ изъ города.

Шлатокъ.

Три столба у царства : поэтъ, мечъ и законъ.

Преданія Сѣверныхъ Бардовъ.

Поэты будутъ употребляться лишь въ назна-
ченные дни для сочиненія гимновъ общественнымъ
постановленіямъ.

*Одна изъ промышленныхъ компаній
XVIII-го вѣка.*

! ? ! ?

XIX-й вѣкъ.

ПИСЬМО I.

Наконецъ, я въ деревнѣ покойнаго дядюшки. Пи-
шу къ тебѣ, сидя въ огромныхъ дѣдовскихъ кре-
слахъ, у окошка; правда, передъ глазами у меня
видъ не очень великолѣпный: огородъ, двѣ-три

яблони, четверугольный прудъ, голое поле—и только; видно, дядюшка былъ не большой хозяинъ; любопытно знать, что же онъ дѣлалъ, проживая здѣсь въ продолженіи пятнадцати лѣтъ безвыѣздно. Не-ужь-ли онъ, какъ одинъ изъ моихъ сосѣдей, встанетъ поутру рано, часовъ въ пять, напьется чаю и сядетъ раскладывать гранъ-пасьянсъ вплоть до обѣда; отобѣдаетъ, ляжетъ отдохнуть и опять за гранъ-пасьянсъ вплоть до ночи; — такъ проходятъ 365 дней. Не понимаю. Спрашивалъ я у людей, чѣмъ занимался дядюшка? Они мнѣ отвѣчали: «*Да такъ-съ.*» Мнѣ этотъ отвѣтъ чрезвычайно правится. Такая жизнь имѣетъ что-то поэтическое, и я надѣюсь вскорѣ послѣдовать примѣру дядюшки; право, умный былъ человекъ покойникъ!

Въ-самомъ-дѣлѣ, я здѣсь по-крайней-мѣрѣ хладнокровнѣе, нежели въ городѣ, и доктора очень умно сдѣлали, отправивъ меня сюда; они, вѣроятно, сдѣлали это для того, чтобъ сбыть меня съ рукъ; но, кажется, я ихъ обману: сплинъ мой, подивись, почти прошелъ; напрасно думаютъ, что разсѣянная жизнь можетъ лечить больныхъ въ моемъ родѣ; неправда: свѣтская жизнь бѣситъ, книги также бѣсятъ, а здѣсь, вообрази себѣ мое счастье — я почти никого не вижу, и со мной нѣтъ ни одной книги! этого счастья описать нельзя — надобно испытать его. Когда книга лежитъ на столѣ, то невольно протягиваешь къ ней руку, открываешь, читаешь; начало тебя заманиваетъ, общаетъ золотыя горы, — подвигаешься дальше, и видишь одни

мыльные пузыри, ощущаешь то ужасное чувство, которое испытали всѣ ученые отъ начала вѣковъ до нынѣшняго года включительно : искать и не находить ! Это чувство мучило меня съ-тѣхъ-поръ, какъ я началъ себя помнить, и я ему приписываю тѣ минуты сплина, которыя докторамъ угодно приписывать желчи.

Однакожь не думай, чтобъ я жилъ совершенно отшельникомъ : по древнему обычаю, я, какъ новый помѣщикъ, сдѣлалъ визиты всѣмъ моимъ сосѣдямъ, которыхъ, къ-счастью, немного ; говорилъ съ ними объ охотѣ, которой терпѣть не могу, о земледѣліи, котораго не понимаю, и объ ихъ родныхъ, о которыхъ сроду не слыхивалъ. Но всѣ эти господа такъ радушны, такъ гостепріимны, такъ чистосердечны, что я ихъ отъ души полюбилъ ; ты не можешь себѣ представить, какъ меня прельщаетъ ихъ полное равнодушное невѣжество обо всемъ, что происходитъ внѣ ихъ уѣзда ; съ какимъ наслажденіемъ я слушаю ихъ невѣроятныя сужденія о единственномъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей», получаемомъ на цѣлый уѣздъ ; въ этомъ номерѣ, для предосторожности обвернутомъ въ обойную бумагу, читается по очереди все, отъ привода лошадей въ столицу до ученыхъ извѣстій включительно ; первыя, разумѣется, читаются съ любопытствомъ, а послѣднія для смѣха, — который я раздѣляю съ ними отъ чистаго сердца, хотя по другой причинѣ ; — за то пользуюсь всеобщимъ уваженіемъ. Прежде, они меня боялись и думали, что я, какъ пріѣзжій

изъ столицы, буду имъ читать лекціи о химіи или плодоперемѣнномъ хозяйствѣ; но когда я имъ высказалъ, что по моему мнѣнію лучше ничего не знать, нежели знать столько, сколько знаютъ наши ученые, что ничто столько не противно счастью человека, какъ много знать, и что невѣжество никогда еще не мѣшало пищеваренію, тогда они ясно увидѣли, что я добрый малой и прекраснѣйшій человекъ, и стали мнѣ рассказывать свои разныя шутки надъ тѣми умниками, которые на зло разсудку заводятъ въ своихъ деревняхъ картофель, молотильни, крупчатки и другія разныя вычурныя новости; умора да и только! — И по дѣломъ этимъ умникамъ — объ чемъ они хлопчутъ? Которые побойчѣ, тѣ изъ моихъ новыхъ друзей разсуждаютъ и о политикѣ; всего больше ихъ тревожитъ турецкій султанъ по старой памяти, и очень ихъ занимаетъ распря у Тигиль-Буздъ съ Гафисъ-Бузи; также не могутъ они добратся, отъ-чего Карла X начали называть Донъ-Карлосомъ... Счастливые люди! Мы спасаемся отъ омерзѣнія, которое наводитъ на душу политика, искусственнымъ образомъ — т. е. отказываемся читать газеты, а они самымъ естественнымъ — т. е. читаютъ и не понимаютъ...

Истинно, смотря на нихъ, я болѣе и болѣе увѣряюсь, что истинное счастье можетъ состоять только въ томъ, чтобъ все знать или ничего не знать, и какъ первое до-сихъ-поръ человеку невозможно, то должно избрать послѣднее. Я эту мысль въ разныхъ видахъ проповѣдую моимъ сосѣдямъ: она

имъ очень по сердцу, а меня очень забавляетъ то умиленіе, съ которымъ они меня слушаютъ. Одно-го они не понимаютъ во мнѣ: какъ я, будучи пре-краснѣйшимъ человѣкомъ, не пью пунша и не дер-жу у себя псовой охоты; но надѣюсь, что они къ этому привыкнутъ и мнѣ удастся, хотя въ нашемъ уѣздѣ, убить это негодное просвѣщеніе, которое только выводитъ человѣка изъ терпѣнія и проти-вится его внутреннему, естественному влеченію: сидѣть склавши руки.... Но къ чорту философія! она умѣетъ вмѣшаться въ мысли самаго животнаго человѣка... Кстати о животныхъ: у иныхъ изъ моихъ сосѣдей есть прехорошенькія дочки, кото-рыхъ однакожь нельзя сравнить съ цвѣтами, а раз-вѣ съ огородною зеленью,—тучныя, полныя, здоро-выя — и слѣва отъ нихъ не добьешься. У одного изъ ближайшихъ моихъ сосѣдей, очень богатаго человѣка, есть дочь, которую, кажется, зовутъ Ка-тенькой, и которую можно бы почестъ исключені-емъ изъ общаго правила, еслибъ она также не имѣ-ла привычки прижимать язычекъ къ зубамъ и краснѣть при каждомъ словѣ, которое ей скажешь. Я бился съ нею около получаса и до-сихъ-поръ не могу рѣшить, есть ли умъ подъ этою прекрасною оболочкою, а эта оболочка въ-самомъ-дѣлѣ прекра-сна. Въ ея полузаспанныхъ глазкахъ, въ этомъ носикѣ, вздернутомъ кверху, есть что-то такое милое, такое ребяческое, что невольно хочется рас-цаловать ее. Мнѣ очень *желательно*, какъ здѣсь говорятъ, заставить заговорить эту куколку, и я

приготавливаюсь въ будущее свиданіе начать разговоръ хоть словами несравненнаго Ивана Ѳедоровича Шпоньки : «*льтомъ-съ бываетъ очень много мухъ*» (*), и посмотрю, не выйдетъ ли изъ этого разговора нѣчто продолжительнѣе бесѣды Ивана Ѳедоровича съ его невѣстою.

Прощай. Пиши ко мнѣ чаще; но отъ меня ожидай писемъ очень рѣдко; мнѣ очень весело читать твои письма, но едва ли не столь же весело не отвѣчать на нихъ.

ПИСЬМО II.

(Два мѣсяца спустя послѣ перваго.)

Говори теперь о твердости духа человѣческаго! Давно ли я радовался, что со мною нѣтъ ни одной книги; но не прошелъ мѣсяць, какъ мнѣ взгрустнулось по книгамъ. Началось тѣмъ, что сосѣди мои надобѣли мнѣ до смерти; правду ты мнѣ писалъ, что я напрасно сообщаю имъ мои ироническія замѣчанія объ ученыхъ и что мои слова, возвышая ихъ глупое самолюбіе, еще больше сбиваютъ ихъ съ толка. Да! я увѣрился, мой другъ: невѣжество не спасенье. Я скоро здѣсь нашелъ всѣ тѣ же страсти, которыя меня пугали между людьми такъ-называемыми образованными, то же честолюбіе, то же тщеславіе, та же зависть, то же корыстолюбіе, та

(*) Гоголь.

же злота, та же леть, та же низость, только съ тою разницею, что всѣ эти страсти здѣсь сильнѣе, откровеннѣе, подлѣе, — а между-тѣмъ предметы мельче. Скажу болѣе: челоуѣка образованнаго развлекаетъ самая его образованность, и душа его по крайней-мѣрѣ не каждую минуту своего существованія находится въ полномъ униженіи; музыка, картина, выдумка роскоши — все это отнимаетъ у него время на низости... Но моихъ друзей страшно узнать поближе; эгоизмъ проникаетъ, такъ-сказать, весь составъ ихъ; обмануть въ покупкѣ, выиграть неправое дѣло, взять взятку — считается не въ тихомолку, но прямо, открыто, дѣломъ умнаго челоуѣка; ласкательство къ челоуѣку, изъ котораго можно извлечь пользу — долгомъ благовоспитаннаго челоуѣка; долготѣняя злота и мщеніе — естественнымъ дѣломъ; пьянство, карточная игра, развратъ, какой никогда въ голову не войдетъ челоуѣку образованному, — невиннымъ, дозволеннымъ отдыхомъ. И между-тѣмъ, они несчастливы, жалуются и проклинаятъ жизнь свою. — Какъ и быть иначе! Вся эта безнравственность, все это полное забвеніе челоуѣческаго достоинства переходитъ отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну въ видѣ отеческихъ наставленій и примѣра и заражаетъ цѣлыя поколѣнія. Я понялъ, наблюдая вблизи этихъ господъ, отъ-чего безнравственность такъ тѣсно соединена съ невѣжествомъ, а невѣжество съ несчастіемъ: христіанство не даромъ призываетъ челоуѣка къ забвенію здѣшней жизни; чѣмъ болѣе челоуѣкъ обращаетъ

вниманія на свои вещественныя потребности, чѣмъ выше цѣнить всѣ домашнія дѣла, домашнія огорченія, рѣчи людей, ихъ обращеніе въ отношеніи къ нему, мелочныя наслажденія, словомъ всю мелочь жизни — тѣмъ онъ несчастливѣе; эти мелочи становятся для него цѣлю бытія; для нихъ онъ заботится, сердится, употребляетъ всѣ минуты дня, жертвуетъ всею святынею души, и такъ какъ эти мелочи безчисленны, душа его подвергается безчисленнымъ раздраженіямъ; характеръ портится; всѣ высшія, отвлеченныя, успокоивающія понятія забываются; терпимость, эта высшая изъ добродѣтелей, исчезаетъ, — и человѣкъ невольно становится золъ, вспыльчивъ, злопамятенъ, нетерпящъ; внутренность души его становится адомъ. Примѣры этого мы видимъ ежедневно: человѣкъ всегда безпокойный не нарушилъ ль въ отношеніи къ нему уваженія или приличій; хозяйка дома, вся погруженная въ смотрѣніе за хозяйствомъ; ростовщикъ, безпрестанно занятый учетомъ процентовъ; чиновникъ, въ канцелярскомъ педантизмѣ, забывающій истинное назначеніе службы; человѣкъ въ низкихъ расчетахъ забывающій свое достоинство, — посмотрите на этихъ людей въ ихъ домашнемъ кругу, въ сношеніи съ подчиненными — они ужасны: жизнь ихъ есть непрерывная забота, никогда не достигающая своей цѣли, ибо они столько пекутся о средствахъ для жизни, что жить не успѣваютъ! — Въ слѣдствіе этихъ печальныхъ наблюденій надъ моими деревенскими друзьями, я заперся и не ве-

лѣлъ никого изъ нихъ пускать къ себѣ. Оставшись одинъ, я побродилъ по комнатамъ, посмотрѣлъ нѣсколько разъ на свой четверугольный прудъ, попробовалъ-было срисовать его; но ты знаешь-что карандашъ мнѣ никогда не давался: трудился, трудился — вышла гадость; принялся-было за стихи — вышелъ, по обыкновенію, скучный споръ между мыслями, стопами и рифмами; я даже было-запѣлъ, хотя никогда не могъ наладить и *di tanti palpiti* — и, наконецъ, увы! призвалъ стараго управителя покойнаго моего дядюшки и невольно спросилъ у него: «да не-уже-ли у дядюшки не было никакой библіотеки?» Съдой старичокъ низко мнѣ поклонился и отвѣчалъ: — Нѣтъ, батюшка; такой у насъ никогда не бывало. — «Да что же такое» спросилъ я: «въ этихъ запечатанныхъ шкапахъ, которые я видѣлъ на мезонинѣ?» — Тамъ, батюшка, лежатъ книги; по смерти дядюшки вашего, тетюшка изволила запечатать эти шкафы и отнюдь не приказывала никому трогать. — «Открой ихъ.»

Мы взошли на мезонинъ; управитель отдернулъ едва-державшіяся восковыя печати — шкафъ открытъ, и что я увидѣлъ? Дядюшка, чего я до-сихъ-поръ не подозрѣвалъ, былъ большимъ мистикомъ. Шкафы были наполнены сочиненіями Парацельсія, графа Габалиса, Арнольда Виллановы, Раймонда Луллія и другихъ алхимиковъ и кабалистовъ. Я даже замѣтилъ въ шкафу остатки нѣкоторыхъ химическихъ снарядовъ. Покойный старикъ вѣрно

искалъ философскаго камня... проказникъ! и какъ онъ умѣлъ сохранять это въ секретъ!

Нѣчего было дѣлать; я принялся за тѣ книги, которыя нашлись, и теперь, вообрази себѣ меня, человека въ XIX-мъ вѣкѣ, сидящаго надъ огромными фоліантами и со всеусердіемъ читающаго разсужденіе: о первой матеріи, о всеобщемъ электрѣ, о душѣ солнца, о сѣверной влажности, о звѣздныхъ духахъ и о прочемъ тому подобномъ. Смѣшно, и скучно, и любопытно. За этими хлопотами, я почти позабылъ о моей сосѣдкѣ, хотя ея батюшка (одинъ порядочный, хотя и скучный человекъ изъ всего уѣзда) часто у меня бываетъ и очень за мною ухаживаетъ; все, что я ни слышу объ ней, все показываетъ, что она, какъ называли въ старину, предостойная дѣвица, т. е. имѣетъ большое приданое; между-тѣмъ, я слышалъ стороною, что она дѣлаетъ много добра, напр. выдаетъ замужъ бѣдныхъ дѣвушекъ, даетъ имъ денегъ на свадьбу и часто усмиряетъ гнѣвъ своего отца, очень вспыльчиваго человека; всѣ окрестные жители называютъ ее ангеломъ — это не по здѣшнему. Впрочемъ, эти дѣвушки всегда имѣютъ большую склонность выдавать замужъ, если не себя, такъ другихъ. Отъ-чего бы это?...

ПИСЬМО III.

(Два мѣсяца спустя.)

Ты, я чаю, думаешь, что я не только влюбился, но даже женился: — ты ошибаешься. Я занятъ всѣмъ другимъ дѣломъ; я пью — и знаешь ли что? чего не выдумаетъ бездѣлье! я пью — воду... Не смѣйся: надобно знать какую воду. Роясь въ библіотекѣ моего дядюшки, я нашелъ рукописную книгу, въ которой содержались разные рецепты для вызыванія элементарныхъ духовъ. Многіе изъ нихъ были смѣшны до крайности; тутъ требовалась печенка изъ бѣлой вороны, то стеклянная соль, то алмазное дерево и по-большой-части всѣ составы были таковы, что ихъ не отыщешь ни въ одной аптекѣ. Между прочими рецептами, я нашелъ слѣдующій: «элементарные духи» говоритъ авторъ «очень любить людей и довольно со стороны человека малѣйшаго усилія, чтобъ войти въ сношеніе съ ними; такъ на прим., для того, чтобъ видѣть духовъ, «носящихся въ воздухъ, достаточно собрать солнечные лучи въ стеклянный сосудъ съ водою и пить ее каждый день. Этимъ таинственнымъ средствомъ духъ солнца будетъ мало-по-малу входить въ человека, и глаза его откроются для новаго міра. Кто же рѣшится обручиться съ ними посредствомъ одного изъ благородныхъ металловъ, тотъ постигнетъ самый языкъ стихійныхъ духовъ, ихъ образъ жизни, и его существованіе соединится съ

«существованіемъ избраннаго имъ духа, который дастъ ему познаніе о такихъ тайнствахъ природы... но болѣе мы говорить не смѣемъ... Sapienti sat... здѣсь и безъ того много, много уже сказано для просвѣтленія ума твоего, любезный читатель» и проч. и проч. Этотъ способъ показался мнѣ столько простымъ, что я вознамѣрился испытать его, хотъ для того, чтобъ имѣть право похвастаться, что я на себѣ испыталъ кабалистическое тайнство. Я вспомнилъ-было ундины, которая такъ утѣшала меня въ ребячествѣ; но, не желая имѣть дѣла съ ея дядюшкою, я пожелалъ видѣть сильфиду; съ этою мыслию — чего не дѣлаетъ бездѣлье? бросилъ бирюзовый перстень въ хрустальную вазу съ водою, выставилъ эту воду на солнце, къ вечеру ложась спать ее выпиваю, и до-сихъ-поръ я нахожу, что по-крайней-мѣрѣ это очень здорово; еще никакой элементарной силы я не вижу, а только сонъ мой сдѣлался спокойнѣе.

Знаешь ли, что я не перестаю читать моихъ кабалистовъ и алхимиковъ, и знаешь ли, что я еще скажу тебѣ: эти книги для меня весьма занимательны. Какъ милы, какъ чистосердечны ихъ сочинители: «наше дѣло» говорятъ они «очень просто: женщина, не оставляя своего веретеца, можетъ совершить его, — умѣй только понимать насъ». — «Я видѣлъ» говоритъ одинъ: «при мнѣ это было, когда Парацельсій превратилъ одиннадцать фунтовъ свинца въ золото». — «Я самъ» говоритъ другой: «я самъ умѣю извлекать изъ природы первоначальную

матерію, и самъ посредствомъ ея могу легко превращать всѣ металлы одинъ въ другой по произволенію». — «Прошлаго года» говоритъ третій: «я сдѣлалъ изъ глины очень хорошій яхонтъ» и проч. У всякаго, послѣ этого откровеннаго признанія, слѣдуетъ краткая, но исполненная жизни молитва. Для меня необыкновенно трогательно это зрѣлище: человекъ говоритъ съ презрѣніемъ о томъ, что они называютъ ученостію профановъ, т.е. насъ; съ гордою самоувѣренностію достигаетъ или думаетъ достигнуть до послѣднихъ предѣловъ человѣческой силы — и на сей высокой точкѣ смиряется, произнося благодарную, простосердечную молитву Всевышнему. Невольно вѣришь знанію такого человека; одинъ невѣжда можетъ быть атеистомъ, какъ одинъ атеистъ невѣждою. Мы, гордые промышленники XIX-го вѣка, мы напрасно пренебрегаемъ этими книгами, и даже не хотимъ знать о нихъ. Посреди разныхъ глупостей, показывающихъ младенчество физики, я нашелъ много мыслей глубокихъ; многія изъ этихъ мыслей могли казаться ложными въ XVIII-мъ вѣкѣ, но теперь большая часть изъ нихъ находитъ себѣ подтвержденіе въ новыхъ открытіяхъ: съ ними то же случилось, что съ дракономъ, котораго тридцать лѣтъ тому почитали существомъ баснословнымъ и котораго теперь отыскивали на лицо, между допотопными животными. Скажи, должны ли мы теперь сомнѣваться въ возможности превращать свинецъ въ золото съ-тѣхъ-поръ, какъ мы нашли способъ творить воду, которую такъ долго

почитали первоначальною стихіею? Какой химикъ откажется отъ опыта разрушить алмазь и снова возстановить его въ первобытномъ видѣ? А чѣмъ мысль дѣлать золото смѣшнѣе мысли дѣлать алмазы? Словомъ, смѣйся надо мною какъ хочешь, но я тебѣ повторяю, что эти позабытые люди достойны нашего вниманія; если нельзя во всемъ имъ вѣрить, то съ другой стороны нельзя сомнѣваться, что ихъ сочиненія не намекаютъ о такихъ знаніяхъ, которыя теперь потерялись и которыя бы не худо снова найти; въ этомъ ты увѣришься, когда я тебѣ пришлю выписку изъ библіотеки моего дядюшки.

ПИСЬМО IV.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я забылъ тебѣ написать именно то, для чего я началъ его. Дѣло въ томъ, что я нахожусь, мой другъ, въ странномъ положеніи и прошу у тебя совѣта: я писалъ къ тебѣ уже нѣсколько разъ о Катенькѣ, дочери моего сосяда; мнѣ наконецъ удалось заставить говорить ее, и я узналъ, что она не только имѣетъ природный умъ и чистое сердце, но еще совсѣмъ неожиданное качество: а именно — она влюблена въ меня по уши. Вчера пріѣхалъ ко мнѣ отецъ ея и рассказалъ мнѣ то, о чемъ я слышалъ только мелькомъ, препоручая всѣ мои дѣла управителю; у насъ производится тяжба объ нѣсколькихъ тысячахъ десяти-

нахъ лѣса , которыя составляютъ главный доходъ моихъ крестьянъ ; эта тяжба длится уже болѣе тридцати лѣтъ , и если она кончится не въ мою пользу , то мои крестьяне будутъ совершенно разорены . Ты видишь , что это дѣло очень важное . Съездъ мой разсказалъ мнѣ его съ величайшими подробностями и кончилъ предложеніемъ помириться ; а чтобъ миръ этотъ былъ прочнѣе , то онъ далъ мнѣ очень тонко почувствовать , что ему бы очень хотѣлось имѣть во мнѣ зятя . Это было совершенно водевильная сцена , но она заставила меня задуматься . Чтѣ , въ-самомъ-дѣлѣ ? молодость моя уже прошла , великимъ человѣкомъ мнѣ не бывать , все мнѣ надоѣло ; Катя дѣвушка премолая , послушлива , неговорливая ; женившись на ней , я кончу глупую тяжбу и сдѣлаю хоть одно доброе дѣло въ жизни : упрочу благосостояніе людей , мнѣ подвластныхъ ; однимъ словомъ , мнѣ очень хочется жениться на Катѣ , зажить степеннымъ помѣщикомъ , поручить женѣ управленіе всѣми дѣлами , а самому по цѣлымъ днямъ молчать и курить трубку . Въдъ это рай , не правда ли ? ... Все это вступленіе къ тому , что , какъ бы сказать тебѣ , что я уже рѣшился жениться , но еще не говорилъ объ этомъ отцу Катя , и не буду говорить , пока не дождусь отъ тебя отвѣта на слѣдующіе вопросы : какъ ты думаешь , гожусь ли я быть женатымъ человѣкомъ ? спасетъ ли меня отъ сплина жена , которая , не забудь , имѣетъ привычку по цѣлымъ днямъ не говорить ни слова и , слѣдственно , не имѣетъ никакого средства

надоѣсть мнѣ? однимъ словомъ, должно ли еще мнѣ подождать, пока изъ меня выйдетъ что-нибудь новое, неожиданное, оригинальное, или, просто, какъ говорится, я уже кончилъ свой каррьеръ, и мнѣ остается заботиться только о томъ, чтобъ изъ моей особы можно было сдѣлать какъ-можно-больше спермацета? Ожидаю отъ тебя отвѣта съ нетерпѣніемъ.

ПИСЬМО V.

Благодарю тебя, мой другъ, за твою рѣшительность, твои совѣты и за благословленіе; едва я получилъ твое письмо, какъ поскакалъ къ отцу моей Кати, и сдѣлалъ формальное предложеніе. Ежелибъ ты видѣлъ какъ Катя обрадовалась, покраснѣла; она даже мнѣ проговорила слѣдующую фразу, въ которой вылилась вся чистая и невинная душа ея: «Я не знаю» сказала она мнѣ: «удастся ли мнѣ это, но я постараюсь сдѣлать васъ столько счастливымъ, какъ я сама буду счастлива.» Эти слова очень просты, но еслибъ ты слышалъ, съ какимъ выраженіемъ они были сказаны; ты знаешь; что часто въ одномъ словѣ больше скрывается чувства, нежели въ длинной рѣчи; въ катиныхъ словахъ я видѣлъ цѣлый міръ мыслей: онѣ должны были ей дорого стѣять, и я умѣлъ оцѣнить всю силу, которую дала ей любовь, чтобъ превозмочь дѣвическую робость. Дѣйствія человѣка важны по

сравненію съ его силами, а я до-сихъ-поръ думалъ, что превозмочь робость было свыше силъ Кати... Послѣ этого, ты можешь себѣ представить, что мы обнялись, поцаловались, старикъ расплакался и по окончаніи поста мы веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Пріѣзжай ко мнѣ непременно, брось всѣ свои дѣла — я хочу, чтобъ ты былъ свидѣтелемъ моего, какъ говорятъ, счастья; пріѣзжай хоть для курьоза, посмотрѣть на жениха съ невѣстою, какихъ ты вѣрно никогда не видывалъ: сидятъ другъ противъ друга, смотрятъ обоими глазами, оба молчатъ и оба очень довольны.

ПИСЬМО VI.

(Нѣсколько недѣль спустя.)

Не знаю, какъ начать мнѣ мое письмо; ты меня почтешь сумасшедшимъ; ты будешь смѣяться, бранить меня... Все позволяю; позволяю даже мнѣ не вѣрить; но я не могу сомнѣваться въ томъ, что я видѣлъ и что вижу всякій день собственными глазами. Нѣтъ! не все вздоръ въ рецептахъ моего дядушки. Дѣйствительно, это остатокъ отъ древнихъ таинствъ, которыя донынѣ существуютъ въ природѣ и мы многого еще не знаемъ, многое забыли, и много истинъ почитаемъ за бредни. Вотъ что со мной случилось: читай и удивляйся! Мои разговоры

съ Катею, какъ ты легко можешь себѣ представить, не заставили меня забыть о моей вазѣ съ солнечною водою; ты знаешь, любознательность, или, просто сказать, любопытство есть основная моя стихія, которая мѣшается во всѣ мои дѣла, ихъ перемѣшиваетъ и мнѣ жить мѣшаетъ; мнѣ отъ нея ввѣкъ не отдѣлаться; все что-то манитъ, все что-то ждетъ вдаль, душа рвется, страждетъ - и что же?... Но обратимся къ дѣлу. Вчера вечеромъ, подошедъ къ вазѣ, я замѣтилъ въ моемъ перстнѣ какое-то движеніе. Сначала я подумалъ, что это былъ оптический обманъ и, чтобъ удостовѣриться, взялъ вазу въ руки; но едва я сдѣлалъ малѣйшее движеніе, какъ мой перстень рассыпался на мелкія голубыя и золотыя искры, онѣ потянулись по водѣ тонкими нитями и скоро совсѣмъ исчезли, лишь вода сдѣлалась вся золотою съ голубыми отливами. Я поставилъ вазу на прежнее мѣсто и снова мой перстень слился на днѣ ея. Признаюсь тебѣ, невольная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу; я призвалъ человѣка и спросилъ его не замѣчаетъ ли онъ чего въ моей вазѣ; онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Тогда я понялъ, что это странное явленіе было видимо только для одного меня. Чтобъ не подать повода человѣку смѣяться надо мною, я отпустилъ его, замѣтивъ, что мнѣ вода показалась нечистою. Оставшись одинъ, я долго повторялъ свой опытъ, размышляя надъ этимъ страннымъ явленіемъ. — Я нѣсколько разъ переливалъ воду изъ одной вазы въ другую: всякій разъ то же явленіе повторялось съ удиви-

тельною точностію — и между-тѣмъ оно неизъяснимо никакими физическими законами. Не-ужь-ли въ-самомъ-дѣлѣ это правда? Не-ужь-ли мнѣ суждено быть свидѣтелемъ этого страннаго таинства? Оно мнѣ кажется столько важно, что я намѣренъ его изслѣдовать до конца. Я больше прежняго принялся за мои книги, и теперь, когда самый опытъ совершился предъ моими глазами, все болѣе и болѣе мнѣ дѣлается понятнымъ сношеніе чловѣка съ другимъ, недоступнымъ міромъ. Что будетъ далѣе!...

ПИСЬМО VII.

Нѣтъ, мой другъ, ты ошибся и я также. Я предопредѣленъ быть свидѣтелемъ великаго таинства природы и возвѣститъ его людямъ, напомнить имъ о той чудесной силѣ, которая находится въ ихъ власти и о которой они забыли; напомнить имъ, что мы окружены другими мірами до-сихъ-поръ имъ неизвѣстными. И какъ просты всѣ дѣйствія природы! Какія простыя средства употребляетъ она для произведенія такихъ дѣлъ, которыя изумляютъ и ужасаютъ чловѣка! Слушай и удивляйся.

Вчера, погруженный въ разсматриваніе моего чудеснаго перстня, я замѣтилъ въ немъ снова какое-то движеніе: смотрю — поверхъ воды струятся

голубыя волны и въ нихъ отражаются радужные опаловые лучи; бирюза превратилась въ опалъ и отъ него поднималось въ воду какъ-будто солнечное сіяніе; вся вода была въ волненіи; били вверхъ золотые ключи и разсыпались голубыми искрами. Тутъ было соединеніе всѣхъ возможныхъ красокъ, которыя то сливались безчисленными оттѣнками, то ярко отдѣлялись. Наконецъ, радужное сіяніе исчезло и блѣдный зеленоватый цвѣтъ заступилъ его мѣсто; по зеленоватымъ волнамъ потянулись розовыя нити, долго переплетались между собою и слились на днѣ сосуда въ прекрасную, пышную розу— и все утихло: вода сдѣлалась чиста, лишь лепестки роскошнаго цвѣтка тихо колебались. Такъ уже прошло нѣсколько дней; съ-тѣхъ-поръ, каждый день рано поутру я встаю, подхожу къ моей таинственной розѣ и ожидаю новаго чуда; но тщетно — роза цвѣтетъ спокойно и лишь наполняетъ всю мою комнату невыразимымъ благоуханіемъ. — Я невольно вспомнилъ читанное мною въ одной кабалистической книгѣ о томъ, что стихійные духи проходятъ всѣ царства природы прежде, нежели достигнутъ своего настоящаго образа. Чудно! чудно!

(Черезъ нѣсколько дней.)

Сегодня, я подошелъ къ моей розѣ и въ срединѣ ея замѣтилъ что-то новое... Чтобъ лучше рассмотреть ее, я поднялъ вазу и снова рѣшился перелить ее въ другую; но едва я привелъ ее въ дви-

женіе, какъ опять отъ розы потянулись зеленые и розовыя нити и полосатою струею перелились вмѣстѣ съ водою и снова на днѣ вазы явился мой прекрасный цвѣтокъ : все успокоилось, но въ срединѣ его что-то мелькало: листы растворились мало-помалу и, — я не вѣрилъ глазамъ моимъ! — между оранжевыми тычинками покоилось, — повѣришь ли ты мнѣ? покоилось существо удивительное, невыразимое, неимоверное — словомъ, женщина, едва примѣтная глазу! Какъ описать мнѣ тебѣ восторгъ, смѣшанный съ ужасомъ, который я почувствовалъ въ эту минуту! — Эта женщина была не младенецъ; представь себѣ миньютюрный портретъ прекрасной женщины въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, и ты получишь слабое понятіе о томъ чудѣ, которое было передъ моими глазами; небрежно покоилась она на своемъ мягкомъ ложѣ, и ея русыя кудри, колеблясь отъ трепетанія воды, то раскрывали, то скрывали отъ глазъ моихъ ея дѣвственныя прелести. Она, казалось, была погружена въ глубокой сонъ, и я, жадно вперивъ въ нее глаза, удерживалъ дыханіе, чтобъ не прервать ея сладкаго спокойствія.

О, теперь я вѣрю кабалистамъ; я удивляюсь даже, какъ прежде я смотрѣлъ на нихъ съ насмѣшкою недовѣрчивости. Нѣтъ, если существуетъ истина на семъ свѣтѣ, то она существуетъ только въ ихъ твореніяхъ! Я теперь только замѣтилъ, что они не такъ, какъ наши обыкновенные ученые: они не спорятъ между собою, не противорѣчатъ другъ другу; всѣ говорятъ про одно и то-же таинство;

различны лишь ихъ выраженія, но они понятны для того, кто вникнулъ въ таинственный смыслъ ихъ... Прощай. Рѣшившись изслѣдовать до конца всѣ таинства природы, я прерываю сношенія съ людьми; другой, новый, таинственный міръ для меня открывается; я лишь для потомства сохраню исторію моихъ открытій. Такъ, мой другъ, я предназначенъ къ великому въ этой жизни!...

ПИСЬМО

ГАВРИЛА СОФРОНОВИЧА РЪЖЕНСКАГО

къ издателью.

Милостивый государь!

Извините меня, что хотя я лично не имѣю чести быть съ вами знакомымъ, но по свѣдѣнію о тѣсной вашей дружбѣ съ Михаиломъ Платоновичемъ, рѣшаюсь беспокоить васъ письмомъ моимъ. Вамъ, конечно, не безызвѣстно, что у меня съ покойнымъ его дядюшкою, по коемъ онъ нынѣ находится законнымъ наслѣдникомъ, имѣлась тяжба о значительномъ количествѣ строеваго и дровянаго лѣса. Почувствовавъ склонность къ старшей дочери моей Катеринѣ Гавриловнѣ, вашъ пріятель предложилъ мнѣ себя въ зятя, на что я, какъ вамъ извѣстно,

изъявилъ свое согласіе ; въ-послѣдствіе чего, надѣясь на обоюдную пользу, я остановилъ ходъ сего дѣла ; но нынѣ нахожусь въ крайнемъ недоумѣніи. Вскорѣ послѣ обрученія, когда и повѣстки были ко всѣмъ знакомымъ разсланы и приданое дочери моей окончательно приготовлено, и всѣ бумаги нужныя къ сему очищены, Михаилъ Платоновичъ вдругъ прекратилъ ко мнѣ свои посѣщенія. Полагая сему причиною случившееся нездоровье ; я посылалъ къ нему человека, а наконецъ и самъ, не смотря на свою дряхлость, къ нему отправился. Неприлично да и обидно мнѣ показалось напоминать ему о томъ, что онъ забылъ свою невѣсту ; а онъ хоть бы извинился ! только что рассказывалъ мнѣ о какомъ-то важномъ дѣлѣ, имъ предпринятомъ, которое ему должно кончить до свадьбы, и которое въ-продолженіе нѣкотораго времени требуетъ его неусыпнаго вниманія и надзора. Я полагалъ, что онъ хочетъ завести поташный заводъ, о которомъ онъ прежде проговаривалъ ; думалъ я, что онъ хочетъ удивить меня и припасти для меня свадебный подарокъ, показавъ на опытѣ, что онъ можетъ заниматься чѣмъ нибудь дѣльнымъ, по причинѣ того, что я его часто журилъ за его пустодомство ; однакоже я никакихъ приготовленій для такого завода не замѣтилъ и нынѣ не вижу. Я положилъ-было посмотреть, что дальше будетъ, какъ вчера, къ величайшему моему удивленію, узналъ, что онъ заперся и никого къ себѣ не пускаетъ, даже кушанье ему подають въ окошко. Тутъ мнѣ пришла,

милостивый государь, престранная мысль въ голову. Покойный дядя его жилъ въ этомъ же домъ и слылъ въ нашемъ уѣздѣ чернокнижникомъ; я, сударь, самъ нѣкогда учился въ университетъ; хотя немного поотсталъ, но чернокнижию не вѣрю; однакоже, мало ли что можетъ причиниться человеку, особливо такому философу, какъ вашъ пріятель! Что же наиболѣе увѣряетъ меня въ томъ, что съ Михаиломъ Платоновичемъ случилось что-то недоброе — это слухъ, дошедшій до меня стороною, будто-бы онъ сидитъ по цѣлымъ днямъ и смотритъ въ графинъ съ водою. Въ таковыхъ обстоятельствахъ, милостивый государь, обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою — немедленно поспѣшить вашимъ сюда пріѣздомъ, для вразумленія Михаила Платоновича, по вашему къ нему участию, дабы и я могъ знать чего мнѣ держаться: снова ли начать тяжбу, или покончить рѣшеное дѣло; ибо самъ я, послѣ нанесенной мнѣ вашимъ пріятелемъ обиды, къ нему въ домъ не поѣду, хотя Катя и съ горькими слезами меня о томъ спрашиваетъ.

Въ надеждѣ скораго свиданія съ вами, честь имѣю быть, и проч.

РАЗСКАЗЪ.

Получивъ это письмо, я счелъ долгомъ прежде всего обратиться къ знакомому мнѣ доктору, очень опытному и ученому человѣку. Я показалъ ему письма моего пріятеля, рассказалъ его положеніе и спросилъ его, понимаетъ ли онъ что-нибудь во всемъ этомъ?... «Все это очень понятно» сказалъ мнѣ докторъ: «и совсѣмъ не ново для медика... Вашъ пріятель просто съ ума сошелъ...» Но перечтите его письма, возразилъ я: — есть ли въ нихъ малѣйшій признакъ сумасшествія? отложите въ сторону странный предметъ ихъ, и они покажутся хладнокровнымъ описаніемъ физическаго явленія...

«Все это понятно...» повторилъ медикъ... «Вы знаете, что мы различаемъ разные роды сумасшествій — *vesaniae*. Къ первому роду относятся всѣ виды бѣшенства — это не касается до вашего пріятеля; второй родъ содержитъ въ себѣ: во-первыхъ, расположеніе къ призракамъ — *hallucinationes*; во-вторыхъ, увѣренность въ сообщеніи съ духами — *demonomania*. Очень понятно, что вашъ пріятель, отъ природы склонный къ ипохондріи, — въ деревнѣ, одинъ, безъ всякихъ разсѣянностей, углубился въ чтеніе всякаго вздора; это чтеніе подѣйствовало на его мозговые нервы; нервы...»

Долго еще объяснялъ мнѣ докторъ, какимъ образомъ человѣкъ можетъ быть въ полномъ разумѣ и между-тѣмъ сумасшедшимъ, видѣть то, чего онъ не

видить, слышать, чего не слышитъ. Къ чрезвычайному сожалѣнію, я не могу сообщить этихъ объясненій читателю, потому-что я въ нихъ ничего не понималъ; но, убѣжденный доводами доктора, я рѣшился пригласить его ѣхать со мною въ деревню моего пріятеля.

Михайло Платоновичъ лежалъ въ постели, худой, блѣдный; въ-продолженіи нѣсколькихъ дней, онъ уже не принималъ никакой пищи. Когда мы подошли, онъ не узналъ насъ, хотя глаза его были открыты; въ нихъ горѣлъ какой-то дикій огонь; на всѣ наши слова онъ не отвѣчалъ намъ ни слова... На столѣ лежали исписанные листы бумаги — я могъ разобрать въ нихъ лишь нѣкоторыя строки, вотъ онъ:

ОТРЫВКИ

изъ журнала Михаила Платоновича.

«Кто ты?»

— У меня нѣтъ имени — оно мнѣ не нужно...

«Откуда ты?»

— Я твоя — вотъ все, что я знаю; тебѣ я принадлежу и никому другому... но зачѣмъ ты здѣсь? какъ здѣсь душно и холодно! У насъ вѣетъ солнце, звучатъ цвѣты, благоухаютъ звуки... за мной... за мной!.. какъ тяжела твоя одежда — сбрось, сбрось ее... а еще далеко, далеко до нашего міра... но я не оставлю тебя! — Какъ все мертво въ твоемъ жилищѣ... все живое покрыто хладною оболочкой: сорви, сорви ее!

«...Такъ здѣсь ваше знаніе?... Здѣсь ваше искусство?... вы отдѣляете время отъ времени и пространство отъ пространства, желаніе отъ надежды, мысль отъ ея исполненія, и вы не умираете отъ скуки? — За мной, за мной! скорѣе, скорѣе...

«...Ты ли это, гордый Римъ, столица вѣковъ и народовъ? Какъ растянулась повилика по твоимъ развалинамъ... Но развалины шевелятся, изъ зеленого дерна поднимаются обнаженные столпы, вытягиваются въ стройный порядокъ, — чрезъ нихъ сводъ отважно перегнулся, отряхая вѣчный прахъ свой, помостъ стелется игривымъ мозаикомъ, — на помостъ толпятся живые люди, сильные звуки древняго языка сливаются съ говоромъ волнь, — ораторъ въ бѣлой одеждѣ съ вѣнцемъ на главѣ поднимаетъ руки... И все исчезло : пышныя зданія клонятся къ землѣ, столпы сгибаются, своды врываются въ землю — повилика снова вѣется по развалинамъ — все умолкло, — колоколъ призываетъ къ молитвѣ, храмъ отворенъ, слышны звуки мусикійскаго орудія — тысячи созвучныхъ переливовъ волнуются подъ моими пальцами, мысль стремится за мыслию, онѣ улетаютъ одна за другою какъ сновидѣнія... если бы схватить, остановить ихъ? — И покорное орудіе снова вторитъ, какъ вѣрное эхо, всѣ минутныя, невозвратимыя движенія души... Храмъ опустѣлъ, лунный блескъ ложится на безчисленныя статуи; онѣ сходятъ съ мѣстъ своихъ, проходятъ мимо меня полныя жизни; ихъ

рѣчи древни и новы, важна ихъ улыбка и значительнѣе взоръ; но снова они оперлись на свои пьедесталы, и снова лунный блескъ ложится на статуи... Ужъ поздно... насъ ждетъ веселый, тихій приютъ; въ окошкахъ мелькаетъ Тибръ; за нимъ Капитолій вѣчнаго града... Очаровательная картина! она слилась въ тѣсную раму нашего камелька... да! тамъ другой Римъ, другой Тибръ, другой Капитолій. Какъ весело трещитъ огонекъ... Обними меня, прелестная дѣва... Въ жемчужномъ кубкѣ кивитъ искрометная влага... пей... пей... Тамъ хлопьями валится снѣгъ и заметаетъ дорогу — здѣсь меня грѣютъ твои объятія....

«Мчитесь, мчитесь, быстрые кони, по хрупкому снѣгу, взывайте столбомъ ледяной прахъ: въ каждой пылинкѣ блистаетъ солнце — розы вспыхнули на лицѣ прелестной — она прильнула ко мнѣ душистыми губками... Гдѣ ты нашла это художество поцалуй? все горитъ въ тебѣ и кипячею влагою обладаетъ каждый нервъ въ моемъ тѣлѣ... Мчитесь, мчитесь, быстрые кони, по хрупкому снѣгу... Что? не крикъ ли битвы? не новая ли вражда между небомъ и землею?... Нѣтъ, то братъ предалъ брата, то невинная дѣва во власти преступленія... и солнце свѣтитъ и воздухъ прохладенъ? Нѣтъ! потряслася земля, солнце померкло, буря опустила съ небесъ, спасла жертву и омыла преступнаго, — и снова солнце свѣтитъ, и воздухъ тихъ и прохладенъ, лобызаетъ братъ брата и сила преклоняется предъ невинностію... За мной, за мной... Есть

другой міръ, новый міръ... Смотри : кристаллъ растворился — тамъ внутри его новое солнце... Тамъ совершается великая тайна кристалловъ; поднимаемъ завѣсу... толпы жителей прозрачнаго міра празднують жизнь свою радужными цвѣтами; здѣсь воздухъ, солнце, жизнь—вѣчный свѣтъ; они черпаютъ въ міръ растеній благоуханныя смолы, обдѣлываютъ ихъ въ блестящія радуги и скрѣпляютъ огненною стихіей... За мной, за мной! мы еще на первой ступени... По безчисленнымъ сводамъ струятся ручьи : быстро бьютъ они вверхъ и быстро спускаются въ землю; надъ ними живая призма преломляетъ лучи солнца; лучи солнца вьются по жиламъ, и фонтанъ выноситъ на воздухъ ихъ радужныя искры; онъ то сыплется по лепесткамъ цвѣтовъ, то длинною лентою вьется по узорчатой сѣти; жизненные духи, прикованные къ вѣчно-кипящимъ кубамъ, претворяютъ живую влагу въ душистый паръ, онъ облаками стелется по сводамъ и крупнымъ дождемъ падаетъ въ таинственный сосудъ растительной жизни... Здѣсь, въ самомъ святилищѣ, зародышъ жизни борется съ зародышемъ смерти, каменѣютъ живые соки, застываютъ въ металлическихъ жилахъ, и мертвыя стихіи преобразуются началомъ духа... За мной! за мной!... На возвышенномъ тронѣ возсѣдаетъ мысль челоуѣка, отъ всего міра тянутся къ ней золотыя цѣпи, — духи природы преклоняются въ прахъ передъ нею, — на востокъ восходитъ свѣтъ жизни, — на западѣ, въ лучахъ вечерней зари, толпятся сны и, по про-

изволу мысли, то сливаются въ одну гармоническую форму, то разсыпаются летучими облаками... У подножія престола она сжала меня въ своихъ объятіяхъ... мы миновали землю!...

«Смотри — тамъ въ безбрежной пучинѣ носится ваша пылинка: тамъ проклятія человѣка, тамъ рыданія матери, тамъ говоръ житейской нужды, тамъ насмѣшка злыхъ, тамъ страданія поэта — здѣсь все сливается въ сладостную гармонію, здѣсь ваша пылинка не страждущій міръ, но стройное орудіе, котораго гармоническіе звуки тихо колеблютъ волны ээира.

«Простись съ поэтическимъ *земнымъ* міромъ! И у васъ есть поэзія на землѣ! оборванный вѣнецъ вашего блаженства! Бѣдные люди! странные люди! въ вашей смрадной пучинѣ вы нашли, что даже страданіе есть счастье! Вы страданію даете поэтической отблескъ! Вы гордитесь вашимъ страданіемъ; вы хотите, чтобъ жители другаго міра завидовали вашей жизни! Въ нашемъ мірѣ нѣтъ страданія: оно удѣлъ лишь несовершеннаго міра, — созданіе существа несовершеннаго! — Вольно чело-вѣку преклоняться предъ нимъ, вольно ему отбросить его какъ истлѣвшую одежду на плечахъ путника, завидѣвшаго родину.

«Не-ужь-ли ты думаешь, что я не знала тебя? Я съ самаго младенчества соприсутствовала тебѣ въ дыханіи вѣтерка, въ лучахъ весенняго солнца, въ капляхъ благовонной росы, въ неземныхъ мечтаніяхъ поэта! Когда въ чело-вѣкѣ возраждается гор-

дось его силы, когда тяжкое презрѣніе падаетъ съ очей его на скудельные образы подлуннаго міра, когда душа его, отряхая прахъ смертныхъ терзаний, съ насмѣшкою попираетъ трепещущую предъ нимъ природу, — тогда мы носимся надъ вами, тогда мы ждемъ минуты, чтобъ вынести васъ изъ грубыхъ оковъ вещества — тогда вы достойны нашего лика!... Смотри, есть ли страданіе въ моемъ поцалуѣ: въ немъ нѣтъ времени — онъ продолжится въ вѣчность: и каждый мигъ для насъ — новое наслажденіе!... О, не измѣни мнѣ! не измѣни себя! берегись соблазновъ твоей грубой, презрѣнной природы!

«Смотри — тамъ, вдали, на вашей землѣ поэтъ преклоняется предъ грудой камней, обросшихъ безчувственнымъ организмомъ растительной силы. «Природа!» восклицаетъ онъ въ восторгъ: «величественная природа, что выше тебя въ этомъ мірѣ? что мысль человѣка предъ тобою?» А слѣпая, безжизненная природа смѣется надъ нимъ и въ минуту полного ликовація человѣческой мысли скатываетъ ледяную лавину и уничтожаетъ и человѣка и мысль человѣка! Лишь въ душѣ души высоки вершины! лишь въ душѣ души бездны глубоки! Въ ихъ глубину не дерзаетъ мертвая природа; въ ихъ глубинѣ независимый, крѣпкій міръ человѣка; смотри, *здѣсь* жизнь поэта — святыня! *здѣсь* поэзія — истина! здѣсь договаривается все недосказанное поэтомъ; здѣсь его земныя страданія превращаются въ неизмѣримый рядъ наслажденій.

«О, люби меня! Я никогда не увяну: вѣчно-свѣжая, дѣвственная грудь моя будетъ биться на твоей груди! Вѣчное наслажденіе будетъ для тебя ново и полно — и въ моихъ объятіяхъ невозможное желаніе будетъ вѣчно-возможной существенностію!

«Этотъ младенецъ — это дитя наше! онъ не ждетъ попеченій отца, онъ не будитъ ложныхъ сомнѣній, онъ заранее исполнилъ твои надежды; онъ юнъ и возмужалъ, онъ улыбается и не рыдаетъ — для него нѣтъ возможныхъ страданій, если только ты не вспомнишь о своей грубой, презрѣнной юдоли... Нѣтъ, ты не убьешь насъ однимъ желаніемъ!

«Но дальше, дальше — есть еще другой, высшій міръ, тамъ самая мысль сливается съ желаніемъ — За мной! за мной!...»

Дальше, почти невозможно было ничего разобрать; то были несвязныя, разнородныя слова: «любовь... растеніе... электричество... человѣкъ... духъ...» Наконецъ, послѣднія строки были написаны какими-то странными неизвѣстными мнѣ буквами и прерывались на каждой страницѣ...

Запрятавъ подальше всѣ эти бредни, мы приступили къ дѣлу и начали съ того, что посадили нашего мечтателя въ бульфонную ванну: больной затрясся всѣмъ тѣломъ; «добрый знакъ» воскликнулъ докторъ. Въ глазахъ больного выражалось

какое-то престранное чувство — какъ-будто раскаяніе, просьба, мученье разлуки; слезы его катились градомъ... Я обращалъ на это выраженіе лица вниманіе доктора... Докторъ отвѣчалъ: *facies hippocratica!*

Черезъ часъ, еще бульйонная ванна — и ложка микстуры; за нею порядочно мы побились: больной долго терзался и упорствовалъ, но наконецъ проглотилъ. «Побѣда наша!» вскричалъ докторъ.

Докторъ увѣрялъ, что надобно всеми силами стараться вывести нашего больного изъ его оцѣпенѣнія и раздражить его *чувственность*. Такъ мы и сдѣлали: сперва ванна, потомъ ложка аппетитной микстуры, потомъ ложка бульйона и, благодаря нашимъ благоразумнымъ попеченіямъ, больной сталъ видимо оправляться; наконецъ показался и аппетитъ — онъ уже началъ кушать безъ нашего пособія...

Я старался ни о чемъ прежнемъ не напоминать моему пріятелю, а обращать его вниманіе на вещи основательныя и полезныя, какъ-то о состояніи его имѣнія, о выгодахъ завести въ немъ поташный заводъ, а крестьянъ съ оброка перевести на барщину... Но мой пріятель слушалъ меня какъ во снѣ, ни въ чемъ мнѣ не противорѣчилъ, во всемъ мнѣ безпрекословно повиновался, пилъ, ѣлъ, когда ему подавали, хотя ни въ чемъ не принималъ никакого участія.

Чего не могли сдѣлать всѣ микстуры доктора,

то произвели мои бесѣды о нашей разгульной молодости и въ особенности нѣсколько бутылокъ отличнаго лафита, который я догадался привезти съ собою. Это средство, вмѣстѣ съ чудеснымъ окровавленнымъ ростбифомъ совершенно поставило на ноги моего пріятеля, такъ, что я даже осмѣлился завести рѣчь о его невѣстѣ. Онъ выслушалъ меня со вниманіемъ и во всемъ со мною согласился; я, какъ человекъ аккуратный, не замедлилъ воспользоваться его хорошимъ расположеніемъ, поскакалъ къ будущему тестю, все обдѣлалъ, спорное дѣло порѣшилъ, рядную написалъ, одѣлъ моего чудака въ его старыи мундиръ, обвинчалъ — и, пожелавъ ему счастья, отправился обратно къ себѣ домой, гдѣ меня ожидало дѣло въ гражданской палатѣ и, признаюсь, поѣхалъ весьма довольный собою и своимъ успѣхомъ. Въ Москвѣ, всѣ родные, разумѣется, осыпали меня своими ласками и благодарностію.

Устроивъ мои дѣла, я чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ разсудилъ, однакоже, за благо, навѣстить молодыхъ, тѣмъ болѣе, что я отъ молодаго не получалъ никакого извѣстія.

Засталъ я его поутру: онъ сидѣлъ въ халатѣ, съ трубкой въ зубахъ; жена разливала чай; въ окошко свѣтило солнышко и выглядывала преогромная спѣлая груша; онъ мнѣ будто обрадовался, но вообще былъ неговорливъ...

Я выбралъ минуту, когда жена вышла изъ комнаты и сказалъ, покачавъ головою:

— Ну, что, несчастливъ ты, братъ?

Что же вы думаете? онъ разговорился? Да! Только что онъ напуталъ!

— Счастливъ! повторилъ онъ съ усмѣшкою: — знаешь ли ты, что ты сказалъ этимъ словомъ? Ты внутренно похвалилъ себя и подумалъ: «какой я благо-разумный человекъ! я вылечилъ этого сумасшедшаго, женилъ его, и онъ теперь, по моей милости, счастливъ... счастливъ!» Тебѣ пришли на мысль всѣ похвалы моихъ тетушекъ, дядюшекъ, всѣхъ этихъ такъ-называемыхъ благоразумныхъ людей — и твое самолюбіе гордится и чванится... не такъ ли?

— Если бы и такъ... сказалъ я.

— Такъ довольствуйся же этими похвалами и благодарностію, а моей не жди. Да! Катя меня любить, имѣніе наше устроено, доходы собираются исправно, — словомъ, ты далъ мнѣ счастье, но не мое: ты ошибся нумеромъ. Вы, господа благо-разумные люди, похожи на столяра, которому велѣли сдѣлать ящикъ на дорогіе физическіе инструмен-ты: онъ не хорошо смѣрялъ, инструменты въ него не входятъ, какъ быть? а ящикъ готовъ и выпо-лированъ прекрасно. Ремесленникъ обточилъ ин-струменты, — гдѣ выгнулъ, гдѣ спрямилъ — они вошли въ ящикъ и улеглись спокойно, любо по-смотреть на него, да только одна бѣда: инструмен-ты испорчены. — Господа! не инструменты для ящика, а ящикъ для инструментовъ! Дѣлайте ящикъ по инструментамъ, а не инструменты по ящику.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Ты очень радъ, что ты, какъ говоришь, меня вылечилъ, то-есть, загрубилъ мои чувства, покрылъ ихъ какою-то непроницаемою покрывкою, сдѣлалъ ихъ неприступными для всякаго другаго міра, кромѣ твоего ящика... Прекрасно! инструментъ улегся, но онъ испорченъ; онъ былъ приготовленъ для другаго назначенія... Теперь, когда, среди ежедневной жизни, я чувствую, что мои брюшныя подосты раздвигаются часъ отъ часу болѣе и голова погружается въ животный сонъ, я съ отчаяніемъ вспоминаю то время, когда, по твоему мнѣнію, я находился въ сумасшествіи, когда прелестное существо слетало ко мнѣ изъ невидимаго міра, когда оно открывало мнѣ тайнства, которыхъ теперь я и выразить не умѣю, но которыя были мнѣ понятны... гдѣ это счастье? — возврати мнѣ его!

— Ты, братецъ, поэтъ и больше ничего, сказалъ я съ досадою: — пиши стихи...

— Пиши стихи! возразилъ больной: — пиши стихи! Ваши стихи тоже ящикъ; вы разобрали поэзію по частямъ: вотъ тебѣ проза, вотъ тебѣ стихи, вотъ тебѣ музыка, вотъ живопись — куда угодно? А можетъ-быть, я художникъ такого искусства, которое еще не существуетъ, которое не есть ни поэзія, ни музыка, ни живопись, — искусство, которое я долженъ былъ открыть и которое, можетъ-быть, теперь замретъ на тысячу вѣковъ: найди мнѣ

его! можетъ-быть, оно утѣшитъ меня въ потерю моего прежняго міра!

Онъ наклонилъ голову, глаза его приняли странное выраженіе, онъ говорилъ про себя: «прошло — не возвратится — умерла — не перенесла — падай! падай!» — и прочее тому подобное.

Впрочемъ, это былъ его послѣдній припадокъ. Въ-послѣдствіи, какъ мнѣ извѣстно, мой пріятель сдѣлался совершенно порядочнымъ человѣкомъ: завелъ псарную охоту, поташный заводъ, плодopе-мѣнное хозяйство, мастерски выигралъ нѣсколько тяжebъ по землямъ (у него черезполосица); здоровье у него прекрасное, румянецъ во всю щеку и препорядочное брюшко (NB. Онъ до-сихъ-поръ употребляетъ бульйонныя ванны — онъ ему очень помогаютъ). Одно только худо: говорятъ, что онъ немножко крѣпко пьетъ съ своими сосѣдями — а иногда даже и безъ сосѣдей; также говорятъ, что отъ него ни одной горничной прохода нѣтъ, — но за кѣмъ нѣтъ грѣшковъ въ этомъ свѣтѣ? По-крайней-мѣрѣ, онъ теперь человѣкъ, какъ другіе.

Такъ рассказывалъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, доставившій мнѣ письма Платона Михайловича — очень благоразумный человѣкъ. Признаюсь, я ничего не понялъ въ этой исторіи: не будутъ ли счастливые читатели?

САЛАМАНДРА.

I.

ЮЖНЫЙ ВЕРЕГЪ ФИНЛЯНДИИ

ВЪ

НАЧАЛЪ XVIII СТОЛѢТІЯ (*).

(посв. графинѣ Эмили К-ѣ Музиной-Пушкиной).

«Гина, прибрось еще дровъ въ печку. Даромъ, что лѣто, а тепла еще нѣтъ, или ужь я отъ старости тепла не чую.»

Гина встала, бросила въ очагъ нѣсколько сосновыхъ полѣньевъ; сильно запылала смолистая кора,

(*) Въ сей повѣсти читатели найдутъ опытъ разсказа, основаннаго большею частію на финскихъ повѣрьяхъ. Гроту, переводчику тегнеровой *Саги о Фритіофѣ*, съ такою

пообдала всю хижину живымъ, веселымъ свѣтомъ; старушка вздохнула.

— Вотъ, сказала она: — когда былъ у насъ Павали, не носила я дровъ; а теперь ужъ и дрова на исходъ, кто-то ихъ намъ перетащитъ въ избу?

И старушка пригорюнилась.

«Ничего, еще прійдетъ, натаскаетъ дровъ, и лучины наколеть къ Рождеству» произнесъ старикъ нетвердымъ голосомъ, какъ бы самъ не довѣря словамъ своимъ.

пользою посвятившему труды свои Финляндіи, мы обязаны неожиданнымъ и въ высшей степени любопытнымъ открытіемъ драгоцѣнныхъ подробностей о характерѣ и преданіяхъ Финновъ, столь разительно отличающихся отъ преданій всѣхъ другихъ народовъ (см. «Современникъ» 1839 — 1840). О Финнахъ нельзя судить, не проникнувши внутрь ихъ страны и не познакомясь съ ихъ семейнымъ бытомъ. Врожденная страсть къ чудесному соединяется въ нихъ съ сильнымъ поэтическимъ элементомъ и съ полудикою привязанностію къ своей землѣ. Вообще, Финны добры, терпѣливы, покорны властямъ, привязаны къ своимъ обязанностямъ, но недовѣрчивы и столько хитры, что, увидѣвъ незнакомца, до случая умѣютъ притворяться, будто его не понимаютъ; однажды раздраженные, они не знаютъ предѣловъ своей мстительности. Они живутъ не въ селеніяхъ, но уединенно въ хижинахъ, разбросанныхъ между гранитныхъ скалъ; рѣдко общаются не только съ другими людьми, но и между собою; отъ того, извѣстія о всемъ происходящемъ въ мірѣ, до нихъ доходятъ въ видѣ искаженныхъ слуховъ; въ каждой хижинѣ этотъ слухъ дополняется какимъ-либо чудеснымъ рассказомъ (ибо Финны большіе разбѣздники); и такъ мало-по-малу происходитъ, вчера случившееся, у нихъ обращается въ бытословное преданіе: явленіе любопытное; объясняющее до нѣ-

И она замолкла. Между-тѣмъ, изъ-за кучи хвороста вышелъ мальчикъ, лѣтъ 12-ти, приемышъ бѣднаго Финна, и весело тащилъ за собою маленькую Эльсу, внуку стариковъ. Но Эльса не хотѣла идти къ печкѣ и вырывалась у него изъ рукъ; Ярко дразилъ ее и громко смѣялся, но увидя печальный видъ старика, примолкнулъ и спокойно усѣлся на полу противъ огня.

Избушка, въ которой происходила эта небольшая сцена, была построена на самомъ берегу Вуоксы.

которой степени, какимъ образомъ образовались древніе мифы. Вообще, Финновъ можно назвать народомъ древности, перенесеннымъ въ нашу эпоху. Лёнротъ, отличный финскій поэтъ, бродя по всѣмъ краямъ своей отчизны, собралъ народныя пѣсни, нѣкъ до того незаписанныя; пересматривая ихъ, онъ замѣтилъ между ними нѣкоторую связь; при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, Лёнротъ открылъ, что эти народныя пѣсни суть части цѣлой стройной поэмы и тѣмъ доставилъ новое доказательство для послѣдователей Вольфовыхъ мнѣній о происхожденіи «Иліады». — Преданія о происшествіяхъ временъ Петра и Карла XII еще живы въ памяти Финновъ, но превратились въ баснословное преданіе. — Жизнь, близкая къ природѣ, научила ихъ знать свойства травъ и кореньевъ; имъ извѣстны даже таинства животнаго магнетизма; все это играетъ у нихъ ролю колдовства: послушайте рассказы о немъ русскихъ крестьянъ, поселившихся въ Финляндіи. Изъ письма финскаго крестьянина къ Императору Александру (Гротъ — въ «Современникѣ») можно видѣть, какъ охотно Финны любятъ разсуждать обо всемъ, о чемъ только узнаютъ, и съ какой точки зрѣнія смотрятъ они на предметы. Вообще, бытъ, преданія, повѣрья сего народа въ высшей степени заслуживаютъ вниманія и суть неоцѣненное сокровище для литературныхъ произведеній.

Теперь, берега Вуоксы выглажены, разряжены, по скаламъ тянется ровная дорожка съ перилами; бесѣдки, въ безвкусномъ англійскомъ родѣ, хорошо выбѣленные, ожидаютъ праздныхъ путешественниковъ; но и теперь, какъ прежде, ужасъ находить на человѣка, когда онъ осмѣливается заглянуть въ страшную клокочущую бездну. Рѣка Вуокса тиха и спокойна въ своемъ теченіи; но безпрестанно скалы то ложатся поперегъ ея, то сжимаютъ ее узкими берегами, и рѣка кипитъ, бурлитъ, рвется къ родимому морю, ползетъ на утесы, бросаетъ въ воздухъ глыбами бѣлой пѣны, подмываетъ огромныя сосны; сосны падаютъ въ пучину, чрезъ минуту за версту отъ порога, Вуокса прибываетъ къ берегу дребезги огромнаго дерева и — снова течетъ тихо и спокойно. Она похожа на добраго человѣка, котораго судьба раздражаетъ на каждомъ шагу жизни: гнѣвно и сильно борется онъ съ судьбою, но послѣ борьбы все затихаетъ въ душѣ его, и снова свѣтится въ ней ясное солнце...

За 130 лѣтъ, на Иматрѣ не было ни дорожекъ, ни бесѣдокъ; праздные петербургскіе пришельцы не обращали себѣ въ забаву грозной силы природы; она была во всемъ своемъ дѣвственномъ величіи; но и тогда, какъ теперь, между пороговъ скользила ладья рыболова; отважный, онъ ввѣрялся родной рѣкѣ и спокойно закидывалъ сѣти между клокочущими безднами. На берегу, къ двумъ утесамъ была прислонена финская избушка; между камнями, подернутыми желтымъ мохомъ, пробирались кор-

ни деревьевъ , а вѣтви ихъ сплетались надъ кровлю , усаженною зеленымъ дерномъ ; избушка была темна ; четверугольная печь , съ вѣчно пылающими дровами , нѣсколько обрубковъ сосенъ , куча хвороста , служившая постелью , на стѣнѣ кантела , народный финскій инструментъ , похожій на лежащую арфу съ волосяными струнами , — вотъ все , чѣмъ украшалось бѣдное жилище рыбака .

Вѣтеръ свисталъ въ волоковое окно , не крѣпко припертое , иногда пробѣгалъ по струнамъ кантелы , и струны печально , нестройно звучали ; когда утихалъ вѣтеръ , тогда слышался гулъ пороговъ ; тряслись стѣны старой избушки , дверь , скрипя , поворачивалась на веряхъ ; искры сыпались изъ печи , дымъ облакомъ выносило изъ устья ; по временамъ , сильный порывистый дождь прорывался сквозь кровлю и брызгами обдавалъ жителей , но они , казалось , привыкли ко всему этому и не обращали ни на что вниманія .

Такъ протекло довольно долгое время въ совершенномъ молчаніи ; лишь изрѣдка Якко поворачивалъ глаза къ старику , какъ-будто хотѣлъ о чемъ-то спросить его , но боялся , или беззаботно бросалъ свѣжія вѣтки сосны въ огонь , и съ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣлъ какъ мало-по-малу въ золотистыхъ искрахъ истлѣвали зеленыя смолистыя иглы . Наконецъ , Гина встала , достала съ шеста нѣсколько кружковъ древесной коры , подбѣленныхъ мукою , сняла съ печки деревянную чашу съ кислымъ молокомъ , и вся семья принялась за скуд-

ный ужинъ. Одна Эльса, получивъ свою долю, ушла снова за хворостъ.

Въ эту минуту, Якко, поглядѣвъ пристально на старика, сказалъ: «Давно я хотѣлъ спросить тебя, дѣдушка, куда ушелъ нашъ Павали?»

— Куда, отвѣчалъ старикъ:—развѣ ты не видалъ, какъ его солдаты увели?

«Да куда жъ они его увели?»

— Куда? на войну съ Вейнелейсами (*).

«А что такое война, дѣдушка?»

— А вотъ видишь, Якко, съ одной стороны приходятъ Рутцы (**), а съ другой Вейнелейсы, и спорятъ о томъ, кому достанется наша земля.

«Да намъ-то что до этого за дѣло? замѣтила Гина: — пусть бы дрались между собою, а насъ бы не обижали; ну, зачѣмъ они увели нашего Павали? На что онъ имъ?»

— Да, вишь, имъ нужны проводники дорогу показывать.

«Дорогу показывать? сказала Гина: — да что намъ до этого? какъ намъ жить безъ Павали? и дровъ наносить не кому, и коры не кому намолотъ.»

— А вотъ прійдетъ, повторилъ старикъ невѣрнымъ голосомъ.

Якко обратилъ снова къ старику свои быстрые, вопрошающіе глаза.

— Помнишь, дѣдушка, объ Рождествѣ, ты, подъ-

(*) Такъ Финны въ старину называли Русскихъ.

(**) Старинное названіе Шведовъ въ Финляндіи.

игривая на кантелъ, распѣвалъ намъ объ нашей землѣ и о томъ, какъ о ней спорятъ Калевы съ Пахиолами; это они-то и есть, что теперь спорятъ? я тогда не понялъ всего; Расскажи-ка еще, дѣдушка.

«Нѣтъ! то было въ-старину, а то теперь» отвѣчалъ старикъ вздохнувши.

— Да на что имъ наша земля? сказала Гина: — развѣ нѣтъ у нихъ своей?

Старикъ не отвѣчалъ, печально наклонилъ голову, сѣдые локоны нависли на его блѣдныя морщины, онъ сложилъ руки на колѣняхъ и, качая головою, сталъ говорить, какъ-будто самому себѣ:

ФИНСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Нѣтъ на свѣтѣ земли краше нашей Суоміи; у насъ и море широкое, и озера глубокія, и сосны вѣчно зеленыя; и въ другихъ земляхъ также есть солнце, да оно покажется, посвѣтитъ и спрячется, какъ у насъ зимой. А наше солнце полгода отдыхаетъ, за то полгода свѣтитъ, и на поляхъ нашихъ едва уляжется роса вечерняя, какъ поднимается роса утренняя. Но встарину было еще лучше: было у насъ чудное сокровище Сампо, пестрое, изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ, и съ такою крышей, что теперь всѣмъ ковачамъ не сковать. Тогда-то былъ рай земной въ Суоміи; ничего люди не дѣлали, все дѣлало Сампо: и дрова носило, и дома строило, и кору на хлѣбъ мололо, и молоко доило, и струны

на кантелу навязывало, и пѣсни пѣло, а люди только лежали передъ огнемъ, да съ боку на бокъ поворачивались; всего было въ изобиліи; но когда Вейнемейненъ (*) разсердился на насъ, Сампо ушло въ землю и заплыло камнемъ, а на землѣ осталась только кантела. Тогда люди были не такіе, какъ теперь, а великорослые, сильные. Они хотѣли разбить камень, трудились долго, но не дошли до Сампо, а только навалили груды каменьева на нашу землю. Съ-тѣхъ-поръ, провѣдали и другіе люди, что въ нашей землѣ есть такое сокровище; сперва Рутцы, а потомъ и Вейнелейсы; вотъ они и спорятъ съ-тѣхъ-поръ, кому достанется Сампо. У народа Рутцы есть король, а у Вейнелейсовъ царь. Оба они великіе тіетай (**). Они вѣдаютъ, какъ добыть сокровище изъ земли, но одинъ другому уступить его не хочетъ. Давно ужъ они готовились завладѣть имъ. Ужъ чего не знаетъ нашъ тіетай Кукари? онъ видитъ все, изъ чего что произошло, откуда и желѣзо, и буреломъ, и всѣ силы земныя, но передъ царемъ и королемъ меркнетъ и его умъ чудодѣйный. Царь, видно, сильнѣе короля, ибо знаетъ, какъ онъ родился. Едва вышелъ король изъ материнскаго чрева, какъ топнулъ ногою объ землю и сказалъ: что Юмала далъ, того у меня Пергола не отниметъ. И пошелъ онъ по землѣ съ желѣзнымъ мечемъ; куда не прійдетъ, махнетъ мечемъ, всѣ

(*) Родъ финскаго Аполлона.

(**) Мудрецы, маги.

люди вокругъ него умираютъ; и такова его мудрость, что никто еще не видалъ, чтобъ онъ ѣлъ или пилъ, а спитъ онъ однимъ только глазомъ, другимъ же все смотритъ и въ небо, и въ землю, и все видитъ, что и какъ отъ чего происходитъ; одного только не видалъ онъ, какъ произошелъ царь Вейнелейсовъ. Говорятъ, что вышелъ онъ прямо изъ моря. Была сильная буря, волны землю подмывали, корабли тонули, скалы съ береговъ падали въ море. Король сидѣлъ на берегу, помахивалъ желѣзнымъ мечомъ и приказывалъ скаламъ подыматься изъ моря, но скалы не слушались; король разсердился, море пуще взбушевало; какъ вдругъ разступилось, и изъ воды вышелъ царь Вейнелейсовъ; одною рукою онъ приподнял скалы, а другою повелъ вокругъ себя и сказалъ: все мое, что ни вижу. Король и пуще разсердился, и бросилъ въ царя желѣзомъ; царь отвѣчалъ ему тѣмъ же. Тогда король бросилъ въ него сѣрою и селитрою. У царя же не было ни сѣры, ни селитры. Бой сталъ неровный. Царь собралъ своихъ Вейнелейсовъ и сталъ съ ними ходить по бѣлому свѣту; перешелъ онъ и за полудесятое море, тамъ гдѣ небо къ землѣ прислонилось. Придетъ въ одно мѣсто, ударитъ желѣзомъ по землѣ, скажетъ: копайте, и изъ земли выйдетъ желѣзо. Въ другомъ мѣстѣ ударитъ, выйдутъ изъ земли сѣра и селитра; въ третьемъ — разныя сокровища. Но все онъ не дорылся до Сампо, потому что Сампо только въ нашей Суоми. Что ни собралъ царь, все принесъ въ свою землю. Но онъ

такъ долго ходилъ по бѣлому свѣту, что на его землѣ всѣ люди постарѣли, у всѣхъ отросли длинныя бороды. Царь разсердился. «Хочу» сказалъ онъ Вейнелейсамъ: «чтобъ всѣ помолодѣли, потому-что нужны мнѣ люди молодые и сильные.» И такова была его мудрость, что отъ одного его слова всѣ Вейнелейсы помолодѣли: сдѣлались они здоровы и сильны, и бороды у нихъ отпали. Тогда царь велѣлъ Вейнелейсамъ ковать оружіе противъ врага своего, короля Рутцовъ. Три дня усердно помогаютъ царю рабы, на плечахъ у нихъ пыль въ сажень толщиной, на головѣ сажа въ аршинъ, на всемъ тѣлѣ густой слой копоти. Но про то узнала сестра царева. Приходитъ, смотритъ и молвитъ: «много ты, братецъ, навелъ ковачей изъ-за полудесятаго моря; вели мнѣ сковать царское ожерелье, чтобъ всѣ почитали меня царицей; да вели мнѣ выковать мѣсяцъ изъ серебра и солнце изъ золота, чтобъ они ходили вокругъ меня и днемъ и ночью свѣтили. Не выкуешь, братецъ, злыя слова пошлю на тебя.» Разсердился царь, услышавъ такія рѣчи. «Нѣтъ царя» сказалъ онъ: «кромѣ меня; есть у меня царское ожерелье, да не для тебя; есть мѣсяцъ и солнце, да не тебѣ они свѣтятъ.» Царская сестра пригорюнилась и съ досады стала гребнемъ чесать свои черные волосы; волосы падали на землю и отъ cadaго выросло ядовитое зелье. Потомъ разломала она свой гребень на части и изъ cadaго зубца вышелъ великанъ съ лукомъ и стрѣлами. Узналъ объ этомъ и король Рутцовъ и Турка, вѣчный врагъ всѣхъ христіанъ. И

сошлись они вмѣстѣ и напали на мудраго ковача. Увидѣвши это, ковачь ударилъ молотомъ по наковальнѣ, и отъ одного стука разсыпались въ прахъ великаны; онъ ударилъ въ другой разъ — отъ наковальни отскочили куски желѣза и засыпали Турку; ковачь ударилъ въ третій разъ — отъ наковальни брызнули искры, зажгли сѣру и селитру, и опалили короля Рутцовъ. Король бросился въ море, чтобъ потушить огонь; царь за нимъ, — приходитъ къ морю, а король уже за моремъ; царь гнаться — смотритъ, нѣтъ корабля, вокругъ него только песокъ морской да голые камни, да топъ, да болота. Царь собралъ своихъ Вейнелейсовъ и говоритъ имъ: «Постройте мнѣ городъ, гдѣ бы мнѣ жить было можно, пока я корабль построю.» — И стали строить городъ, но что положить камень, то всосетъ болото; много уже камней навалили, скалу на скалу, бревно на бревно, но болото все въ себя принимаетъ и наверху, земли одна топъ остается. Между-тѣмъ, царь соорудилъ корабль, оглянувшись: смотритъ, нѣтъ еще его города. «Ничего вы не умѣете дѣлать» сказалъ онъ своимъ людямъ, и съ симъ словомъ началъ поднимать скалу за скалою и ковать на воздухъ. Такъ выстроилъ онъ цѣлый городъ и опустилъ его на землю. Между-тѣмъ, король, на другомъ берегу, ходитъ и думаетъ: что такое царь затѣваетъ. Встрѣчаетъ его мѣсяцъ. Король кланяется мѣсяцу: «ахъ, мѣсяцъ Божій, не видалъ ли ты, что дѣлаетъ царь Вейнелейсовъ?» Но мѣсяцъ ему не отвѣчаетъ. Короля встрѣчаетъ солнце; онъ кланяется солнцу:

«ахъ, солнце Божіе, не видало ли ты, что дѣ-
лаетъ царь Вейнелейсовъ?» но и солнце ему не от-
вѣчаетъ. Король встрѣчаетъ море, онъ кланяется
морю: «ахъ, море Божіе, не видало ли ты, что дѣ-
лаетъ царь Вейнелейсовъ.» Море наконецъ ему от-
вѣчало: «Знаю, что онъ дѣлаетъ, онъ землю су-
шить, волны гонитъ въ мое сердце; тѣсно мнѣ
становится въ моихъ берегахъ, какъ тебѣ, королю,
въ твоемъ королевствѣ.» — Нападемъ же на него,
сказалъ король, авось либо просторнѣе будетъ намъ
на бѣломъ свѣтѣ. — И согласились они, и пошли
на царя войною. Король приготовилъ сѣру и раска-
ленные уголья, а море взбушевало, вылилось изъ
береговъ и всползло на кровли новаго города. Царь
отдыхалъ тогда послѣ дневной работы, проснулся,
видитъ: хочетъ море залить его! Сильно ударилъ
онъ жезломъ по морю, и море смутилось, быстро
потекло въ берега и только въ страхъ обмывало
царскія ноги. «Неси мои корабли!» вскричалъ царь
грознымъ голосомъ, и море приняло ихъ на свои
влажные плечи. «Застынь», сказалъ царь, и море
подернулось льдомъ серебристымъ. «Дуй, буря, въ
мои паруса», сказалъ царь, и корабли покатались
по скользкому льду. Король, между-тѣмъ, видя,
что море застыло, смотритъ и радуется. «Побѣдило
море» говоритъ: «и затянуло Вейнелейсовъ подъ
своей льдиной». Еще смотритъ онъ, чернѣетъ что-
то по бѣлому снѣгу, ближе... ближе... горе!... то
летятъ корабли Вейнелейсовъ; тщетно заклиняетъ
ихъ король, тщетно обсыпаетъ краснымъ угольемъ,

съ кораблей дышетъ бурный вѣтеръ , свиваетъ въ облако горючую сѣру и палитъ короля и всю землю рутцѣйскую. Испугался король , и побѣжалъ къ Турку просить подмоги. Но такова его мудрость , что онъ и у Турка за морями , и у насъ на берегу въ одно время. Чѣмъ-то кончится эта кровавая битва? Кому достанется земля наша ? Кому достанется наше сокровище Сампо ?»

Старикъ умолкъ , старуха давно ужь дремала , Эльса изрѣдка выглядывала изъ-за хвороста , и опять пряталась. Лишь Якко , устремивъ блистающіе глаза на старика , казалось , боялся проронить слово.

Старикъ не обращалъ вниманія на своихъ слушателей ; его рѣчь овладѣла имъ совершенно ; слова невольно лились одно за другимъ ; онъ самъ съ любопытствомъ слушалъ разсказъ свой и боялся прервать его.

«Кукари говорилъ мнѣ» продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія : «что съ нѣкотораго времени ему чудятся странные сны : видитъ онъ , какъ поднимаются съ суомійскихъ береговъ огромныя скалы , переплываютъ подъ ноги царя Вейнелейсовъ , и все онъ поднимается выше и выше и на громаду скалъ взбѣгаютъ Суомійцы и царь Вейнелейсовъ прикрываетъ ихъ своей огромною рукою. То чудится ему , что на берегъ моря скалы разрываются съ трескомъ , а изъ нихъ выходитъ огромный блестящій городъ ; тамъ собираются тѣтаи со всѣхъ сторонъ свѣта и громкимъ голосомъ ведутъ мудрыя

рѣчи со всѣми людьми суомійскими. И надъ городомъ опять царь Вейнелейсовъ въ золотомъ вѣнцѣ; его носятъ облака небесныя, съ вѣнца его на Суомію падаютъ златистыя искры и свѣтятъ какъ тысяча солнцевъ. Чудно! чудно!!»

Старикъ призадумался. Все затихло въ бѣдной избушкѣ, лишь вѣтеръ свистѣлъ въ волоковое окошко и печально пробѣгалъ по струнамъ кантелы; шумѣли пороги, дождь прорывался сквозь кровлю; длинныя тѣни отъ очага то являлись, то исчезали по закопченнымъ бревнамъ избушки.

Вдругъ Гина вздрогнула: «что это? громъ?» вскричала она.

Въ-самомъ-дѣлѣ, средь гула пороговъ слышались громовые раскаты; еще, еще — наконецъ ударъ слѣдовалъ за ударомъ.

— Нѣтъ, Гина, сказалъ старикъ, прислушавшись: — это не громъ, это пушки. Гина, война и до насъ дошла.

«Гдѣ-то теперь нашъ Павали? какъ стоитъ онъ подъ пушкой, вѣдь убьетъ его.»

Старикъ молчалъ и не могъ скрыть своего безпокойства.

— Вотъ еще, еще... слышишь, мужъ... ахъ, скажи мнѣ, гдѣ нашъ Павали?

Старикъ молчалъ; сѣдые его волосы рассыпались по блѣднымъ морщинамъ, глаза не двигались; что-то мрачное въ нихъ отражалось.

Гина зарыдала.

— Слушай, Руси, сказала она: — я вѣдь знаю, ты самъ тѣтай, ты съ живой руки можешь видѣть самъ все что хочешь...

Старикъ сердито посмотрѣлъ на Гину.

— Не сердись на меня, я твоя вѣрная, покорная жена; я сорокъ лѣтъ знала твою тайну и никогда даже тебѣ не говорила объ этомъ... но теперь — чего тебѣ стоить? узнай, узнай, гдѣ нашъ Павали... ты самъ будешь спокойнѣе...

Старикъ всталъ и сталъ ходить по избушкѣ, качая головой съ видомъ нерѣшимости. Между-тѣмъ, пушечные выстрѣлы становились чаще и чаще и казалось приближались. Гина вскрикивала при каждомъ ударѣ, и дрожала всѣмъ тѣломъ.

Послѣ нѣкотораго времени, старикъ откинулъ свои сѣдые локоны и сказалъ: «Быть такъ! Полно плакать, можетъ, узнаемъ, гдѣ нашъ Павали. Ну, да полно же плакать, говорятъ тебѣ!»

Старуха въ минуту затихла и только смотрѣла на вѣщуна умоляющими глазами.

Старикъ продолжалъ: «Только смотри же, Гина, ступай на печь и не смѣй оборачиваться, а не то и тебѣ и мнѣ худо будетъ. Ярко, ступай въ хворостъ, зажмурь глаза и лежи смирно, пока я не позову тебя.»

Все пемедленно было исполнено по приказанію старика. Тогда онъ призадумался, повелѣ по лицу рукою и сказалъ мрачнымъ голосомъ: «Эльса, поди сюда.»

Эльса упрячилась и не хотѣла идти изъ-подъ хвороста. Старикъ повторилъ свое приказаніе, и Эльса выползла изъ-подъ хвороста, приблизилась къ старику, но жалась къ стѣнѣ и трепетала.

Почти силою старикъ подвелъ ее къ огню и посадилъ на обрубокъ. Едва лицо бѣднаго дитяти стало краснѣть отъ дѣйствія жара, какъ она еще болѣе задрожала, все ея тѣло пришло въ судорожное движеніе. Старикъ взялъ ее за голову и придерживалъ крѣпко, чтобъ лицо бѣдной малютки не отворачивалось отъ очага.

Черезъ нѣсколько времени, онъ сказалъ ей тихимъ, но сердитымъ голосомъ: «Смотри, гдѣ твой отецъ.» Судорожное движеніе дитяти увеличилось; бѣдная Эльса билась, чтобъ вырваться изъ рукъ старика, но тщетно; его желѣзныя руки приковывали ее къ обрубку.

«Смотри же, гдѣ твой отецъ?» повторилъ старикъ еще болѣе гнѣвнымъ голосомъ.

Эльса затрепетала сильнѣе, но пристально устремила глаза свои въ очагъ.

— Вижу, наконецъ сказала она прерывающимся голосомъ:— вижу отца... онъ сидитъ на камнѣ... возлѣ него дерево... нѣтъ, не дерево... возлѣ него чело­вѣкъ... солдатъ... онъ что-то говоритъ отцу... но я не могу разслушать...

«Слушай» сказалъ грозно старикъ.

— Солдатъ говоритъ отцу, чтобъ онъ отдалъ ему свое платье... отецъ не даетъ... они горячо спорятъ... ахъ, онъ замахивается на отца... отецъ

ударилъ солдата... ахъ, солдатъ стрѣляетъ... отецъ падаетъ... ахъ, отецъ умеръ...

Старикъ отскочилъ отъ нея при этихъ словахъ. Гипа вскрикнула на печкѣ... Эльса зарыдала, старикъ наклонилъ голову въ ужасъ и шопотомъ проговорилъ: «Вотъ мое наказаніе...» Ярко дрожалъ подъ хворостомъ...

Черезъ нѣсколько времени, послышался лошадиный топотъ... жители избушки вздрогнули... онѣмѣніе прошло... вотъ какъ-будто что-то ударилося о землю; скоро дверь со стукомъ отворилась, и вбѣжалъ человекъ въ финскомъ платьѣ, съ мушкетонемъ въ рукѣ, облитый дождемъ, забрызганный кровью и грязью:

«Лодку! лодку!» вскричалъ онъ на шведскомъ языкѣ: — «скорѣе лодку.»

— Старикъ посмотрѣлъ на него и очень холодно произнесъ: *än mujsta* (*).

«Слышишь ли, что я говорю, вскричалъ Шведъ съ гнѣвомъ: — проклятая лошадь у меня пала... лодку!... сію минуту вези меня на другой берегъ.»

Старикъ, хладнокровно поворотя голову, по прежнему хотѣлъ выговорить свое: *än mujsta*, но Гипа вдругъ бросилась на пришельца: «Это платье Павали, ты снялъ его съ Павали? ты убилъ Павали? гдѣ онъ, гдѣ онъ?»

Шведъ не понималъ словъ Гипы и съ гнѣвомъ оторвался отъ нея: «что за толки! говорятъ вамъ:

(*) Не понимаю, — обыкновенная фраза хитраго Финна.

лодку, мнѣ нельзя терять времени; я съ важнымъ донесеніемъ... Выборгъ взятъ Русскими... слышите... понимаете... лодку... лодку, или убью.»

Старикъ посмотрѣлъ на Шведа съ мрачнымъ видомъ и не двигаясь съ мѣста, опять проговорилъ :
än mujsta...

Тогда Шведъ потерялъ терпѣніе : «Коли не понимаешь», вскричалъ онъ : «такъ я тебѣ иначе покажу, чего мнѣ надо...»

Съ симъ словомъ, онъ схватилъ старика за длинные волосы и потащилъ изъ избы. Гина впиалась въ Шведа : «ты убилъ моего сына, ты хочешь убить и мужа!» кричала она, заслоняя двери и сисясь помочь своему мужу. Раздраженный Шведъ толкнулъ Гину такъ сильно, что она головою ударилась объ крайню двери — Гина и не вскрикнула... Старикъ хотѣлъ схватиться за нее, но Шведъ не далъ ему времени, и сильною рукою повлекъ его на берегъ...

На дворъ прояснилось; вѣтеръ разрывалъ облака, и они какъ дымъ неслись по бѣлому небу; деревья пригибало къ землѣ, пѣна пороговъ, усиленная бурей, съ ужаснымъ ревомъ разбивалась о гранитные камни; первые лучи зари отражались на сѣрыхъ волнахъ кровавыми пятнами...

«Гдѣ переправа?» кричалъ Шведъ, тряся старика изъ всей силы...

Кажется, на этотъ разъ старикъ понялъ, онъ не отвѣчалъ ничего, но пошелъ прямо къ лодкѣ, при-

вязанной между соснами, растущими по верховью надъ главнымъ порогомъ.

«А! понялъ наконецъ», сказалъ Шведъ съ радостью: «вези же скорѣе.»

Старый Финнъ отвязалъ лодку и хотѣлъ-было уступить мѣсто Шведу, но Шведъ проникъ его намѣреніе.

«Нѣтъ!» сказалъ онъ: «вѣдь вы народъ хитрый, — пустишь меня, да самъ уйдешь; ступай-ка впередъ!»

Съ сими словами онъ втолкнулъ старика въ лодку, — старикъ повиновался. Привычными руками взялся онъ за весло, — видно было, что ему не впервые проводить свою лодку между опасными порогами... изрѣдка онъ посматривалъ на Шведа, но въ лицѣ Финна не было видно никакого чувства... На срединѣ рѣки — Шведъ вздрогнулъ. «Правѣе! правѣе», вскричалъ онъ: «насъ несетъ къ порогу.»

— Än tujsta — отвѣчалъ Финнъ, злобно улыбаясь...

«Правѣе! говорю тебѣ — или...» Съ сими словами Шведъ взялся за мушкетонъ — но было уже поздно: лодку быстро втянуло въ бѣлую пѣну, — едва раздался изъ волнъ сильный хохотъ старика, крикъ Шведа... мелькнуло что-то черное посреди клубовъ пѣны — и все исчезло на вѣки: и Финнъ, и Шведъ, и лодка.

Никто не былъ свидѣтелемъ этой сцены, кромѣ

Якко, который въ испугъ бѣжалъ за старикомъ и при страшномъ зрѣлищѣ окаменѣлъ на берегъ.

Въ эту минуту, нѣсколько всадниковъ въ зеленыхъ мундирахъ скакали по берегу... Вдругъ конь передоваго поднялся на дыбы.

— Смотрите! вскричалъ всадникъ по-русски: — здѣсь пала шведская лошадь, онъ долженъ быть здѣсь недалеко!

Съ сими словами, начальникъ русскаго отряда быстро соскочилъ съ лошади, за нимъ послѣдовали другіе и всѣ вмѣстѣ вбѣжали въ избушку; на порогъ лежала убитая Гина; огонь на очагѣ потухъ; они не замѣтили Эльсы, которая еще не могла прійти въ себя подъ кучей хвороста.

— Видно, что здѣсь былъ Шведъ нерубленный, сказалъ начальникъ отряда: — куда же онъ дѣвался? вѣрно переплылъ черезъ рѣку; бѣда, если его не захватимъ.

Быстро выбѣжали Русскіе на берегъ и встрѣтили бѣднаго Якко.

— Гдѣ гонецъ шведскій? спрашивали Русскіе.

Якко въ-самомъ-дѣлѣ не понималъ ихъ, но догадываясь, показывалъ рукою внизъ по теченію Вуоксы.

— Онъ долженъ быть недалеко, сказалъ начальникъ: — на коней, живѣй!

Съ сими словами, начальникъ вскочилъ на коня, посадилъ поперегъ сѣдла бѣднаго Якко, и весь отрядъ поскакалъ по берегу. Такъ проскакали они добрую версту; тамъ, гдѣ кипѣніе порога прекра-

щается, Якко замахалъ рукою, Русскіе соскочили съ коней къ берегу и увидѣли, какъ волна прибывала дребезги лодки, обезображенные трупы стараго рыболова и Шведа въ финской одеждѣ.

— Не переплылъ, голубчикъ; вскричалъ начальникъ: — туда ему и дорога. Теперь, маршъ назадъ, а не то Шведы захватятъ. Ты, мальій, будешь намъ служить провожатымъ — и отрядъ помчался во всю лошадиную прыть.

Такъ неслись они около десятка верстъ; Якко не помнилъ самого себя; быстрое движеніе коня отбило у него и послѣднюю память.

Вдругъ въ лѣсу послышались ружейные выстрѣлы; русскій начальникъ остановилъ свой отрядъ и сталъ прислушиваться.

Изъ лѣсу показалась толпа Шведовъ. Увидѣвъ Русскихъ, они хладнокровно построились въ боевой порядокъ и дали по отряду залпъ изъ ружей; но кажется не разошли разстоянія: только немногія изъ русскихъ лошадей были ранены; между ними была однакоже и лошадь начальника отряда; онъ спустилъ Якко на землю и вскрикнувъ: «ребята, за мною!» съ палашемъ въ рукъ бросился на Шведовъ. Шведы не успѣли дать втораго залпа; русскій отрядъ разстроилъ ряды ихъ, смялъ ихъ лошадьми и рубилъ палашами. Шведы оборонялись храбро штыками; большая часть лошадей русскихъ были ранены; почти весь отрядъ спѣшился, быстро сталъ въ боевой порядокъ и, какъ новое свѣжее войско, пошелъ на израненныхъ, смутившихся

Шведовъ ; бой сталъ вполнѣ рукопашный ; штыки изломались ; Шведы бились прикладами, Русскіе палашами. Преслѣдуемый двумя шведскими фузильерами, начальникъ русскаго отряда, прислонившись къ утесу, отважно отбивался отъ нихъ надломленнымъ палапомъ. Товарищи его были далеко, гибель казалась неизбежна. Уже Русскій творилъ молитву на смертный часъ, какъ вдругъ одинъ изъ его противниковъ, пораженный сзади, упалъ на землю, за нимъ послѣдовалъ и другой : тогда только русскій начальникъ увидѣлъ предъ собою маленькаго Якко съ изломаннымъ прикладомъ въ рукахъ. Съ сверкающими глазами, распаленный мщеніемъ, маленькій Финнъ ходилъ между рядами и когда замѣчалъ схватку, то поражалъ прикладомъ того, кто былъ въ шведскомъ мундирѣ ; онъ не спускалъ ни кому, ни раненымъ, ни убитымъ, и злобно ударялъ по головамъ гдѣ ни попало.

« Вотъ молодецъ, кричали Русскіе : — славно, славно, только лежачихъ не бей. »

Черезъ нѣсколько времени, разбитые Шведы разсѣялись снова по лѣсу. Начальникъ русскаго отряда, разставивъ нѣсколько всадниковъ для наблюденія, поспѣшилъ къ главному русскому корпусу невдалекъ отъ Выборга.

— Ты не разстанешься съ нами, молодецъ, сказалъ онъ молодому Финну.

Якко не понималъ ничего, глаза его горѣли, одно въ немъ было чувство : злоба на Шведовъ ; остальное все было забыто : онъ не зналъ, что съ

нимъ дѣлается и всему безсознательно покорялся. Черезъ нѣсколько верстъ, поручикъ Звѣревъ, начальникъ отряда, примкнулъ къ главному русскому корпусу; уже онъ собирался ѣхать съ донесеніемъ, когда среди лагеря все пришло въ движеніе. «Царь ѣдетъ! Царь ѣдетъ!» говорили между собою солдаты.

Якко ничего не понималъ, что вокругъ него дѣлается; онъ видѣлъ только, что множество людей столпились вокругъ высокаго черноволосаго чловѣка, предъ которымъ всѣ снимали шляпы; скоро и Якко привели въ ту же толпу. Поручикъ Звѣревъ взялъ Якко за руку, а высокій черноволосый чловѣкъ, предъ которымъ всѣ снимали шляпы, потрепалъ его по щекѣ и проговорилъ что-то окружающимъ на языкѣ для Финна непонятномъ.

Якко еще смотрѣлъ на черноволосаго чловѣка, не могъ отвести глазъ отъ него, хотѣлъ ему что-то вымолвить и не могъ...

Черезъ нѣсколько минутъ, Якко посадили въ телегу, и онъ помчался самъ не зная куда...

Такъ продолжалось два три: во время дороги, провожатый Якко, израненный солдатъ, ласкалъ, холилъ и кормилъ бѣднаго Финна.

Невиданные предметы, незнакомые люди, незнакомая пища, все это поражало молодаго Финна и приводило его въ состояніе, близкое къ очарованію. Наконецъ, миновали финскія горы, пошла ровная дорога, между болотами. Скоро Якко увидѣлъ дома, показавшіеся ему удивительно огромными; проѣхавъ далѣе, онъ увидѣлъ дома еще огромнѣе прежнихъ,

широкую рѣку и за рѣкой другой городъ какого-то страннаго вида : на стѣнахъ блещутъ мѣдныя пушки и ходятъ часовые съ ружьями ; огромныя лодки, какихъ Якко еще никогда не видывалъ, несутся по широкой рѣкѣ ; наконецъ телега остановилась у каменнаго дома ; проводникъ вышелъ изъ телеги, вытащилъ Якко, обезсилѣвшаго отъ тряской дороги, и повелъ его за собою, гдѣ изразцовая печь, съ изображеніемъ людей и разныхъ животныхъ, вывела изъ безчувствія бѣднаго Финна. Черезъ минуту, въ комнату вошелъ человекъ пожилыхъ лѣтъ ; онъ долго говорилъ что то съ проводникомъ, и гладилъ по головѣ Якко. Якко, ободренный этими ласками, сталъ бодро ходить по комнатѣ ; всякій предметъ останавливалъ его вниманіе ; онъ ощупывалъ мѣбели, обшитыя зеленою кожею, дотрогивался до стеколъ, которыхъ назначенія ни какъ не могъ постигнуть. Особенно поразило его небольшое зеркало въ простѣнкѣ. Якко сначала обрадовался, увидѣвъ Финна ; но потомъ испугался, отбѣжалъ и спрятался въ уголъ.

Между-тѣмъ, въ комнату вошла женщина и за ней восьмилѣтняя дѣвочка ; онъ напомнили Финну его прошедшую жизнь, напомнили ему Гину, Эльсу. Въ продолженіи послѣднихъ четырехъ дней, Якко, пораженный всѣмъ случившимся, забылъ все бывшее, но теперь онъ всплеснулъ руками, заплакалъ и сталъ кричать : «Эльса, Эльса !» но никто не понималъ бѣднаго Финна ; его ласкали, старались утѣшить, но онъ все плакалъ и не ѣлъ цѣлый день.

На другое утро, Якко сидѣлъ уже на кораблѣ, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми разныхъ возрастовъ, и тщетно старался растолковать себѣ, гдѣ онъ и куда его везутъ.

Благосклонный читатель уже вѣрно догадался, что Якко былъ привезенъ въ Петербургъ, въ новую столицу преобразователя Россіи, только-что возникшую изъ болотъ финскихъ. Въ то время, просвѣтитель Россіи далъ повелѣніе отправить въ Голландію нѣсколько молодыхъ людей; они поручались попеченію князя Куракина. Неохотно русскіе люди отправлялись за-море обучаться басурманскимъ наукамъ. Финскій сирота, обратившій на себя вниманіе Петра, былъ находкою въ такомъ случаѣ; корабль уже былъ снаряженъ; бѣднымъ Финномъ замѣнили какого-то нижегородскаго недоросля, о которомъ горько плакалась мать.

На кораблѣ, Якко встрѣтилъ старыхъ знакомыхъ, и именно пожилаго человѣка, который такъ ласкалъ молодаго Финна: этотъ пожилой человѣкъ былъ отецъ поручика Звѣрева, секретарь и домашній человѣкъ князя Куракина; онъ отправлялся со всѣмъ своимъ семействомъ къ князю въ Голландію.

Мы не будемъ описывать, какъ полудикій Финнъ мало-по-малу обратился въ образованнаго Европейца, какъ онъ выучился иностраннымъ языкамъ, какъ сдѣлался отличнымъ физикомъ, механикомъ.

Протекли одиннадцать лѣтъ, и Якко, называвшійся теперь Иваномъ Ивановичемъ Якко, жилъ въ

Голландіи у старика Звѣрева, который любилъ его, какъ роднаго. Сѣнныя дѣвушки толковали даже, что Иванъ Ивановичъ приволакивался за меньшею дочерью Звѣрева, Марьею Егоровною, но старикъ часто твердилъ, что Ивану Ивановичу надобно прежде всего у Царя выслужиться. Наконецъ, настало время разлуки; Иванъ Ивановичъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ; съ тѣмъ вмѣстѣ отправлялся лестный отзывъ князя Куракина къ Монарху о нашемъ Якко.

Пріемышъ бѣднаго рыболова едва узналъ юную столицу, — такъ возмужала она въ короткое время; берега острововъ застроились, лѣсъ мачтъ покрывалъ лазурную поверхность Невы: и страшно и весело было на душѣ Финна. И теперь, какъ прежде, онъ зналъ о Россіи еще по слуху; но ея величіе тѣмъ сильнѣе поражало его. Онъ вспомнилъ свою родимую избушку, вспомнилъ баснословные рассказы о русскомъ царствѣ и съ трудомъ еще вѣрилъ, что онъ посреди этого баснословнаго міра. Онъ вспомнилъ, какъ въ первый разъ увидѣлъ Монарха; дѣйствительность мѣшалась въ душѣ Финна съ очарованіемъ: великій вождь Россіи представлялся ему то въ видѣ исполина, то въ видѣ чуднаго волхва, покоряющаго стихіи; это вѣрованіе въ Якко получило полную силу, когда образованный умъ его находилъ на каждомъ шагу убѣжденіе, что чудные подвиги Петра не вымыселъ, но дѣйствительность. Тогда разгоралась въ душѣ Якко восторженная любовь къ преобразова-

телю Россіи и увѣренность, что и онъ не недостойнъ быть орудіемъ Монарха. Молодой Финнъ зналъ, какъ дорожить онъ образованными людьми, которые въ состояніи понимать его великія предположенія, и гордою надеждой расширялось сердце молодого Финна.

Дѣйствительно, чудныя тогда были минуты въ русскомъ царствѣ: Нейштадскій трактатъ былъ заключенъ; Россія праздновала свою силу и подносила царю званіе Императора и Великаго. Отечество было безопасно отъ враговъ; еще не умолкалъ гулъ войны, но то былъ гулъ отдаленный, не близъ юной столицы, но далеко на востокъ. По сношеніямъ князя Куракина, нашъ молодой Финнъ зналъ, что внутреннее улучшение обращало теперь на себя все вниманіе Монарха. Россія походила на огромную машину, которой необъятная сила не знала границъ; не доставало лишь маятника, который бы этой силѣ далъ равномерное движеніе. Распорядокъ дѣлъ земскихъ, средства сообщенія, воспитаніе народа, все возникало въ головѣ Петра, и съ высоты престола какъ могучее сѣмя падало на плодоносную русскую землю. Съ восторгомъ говорилъ себѣ Финнъ, что для этихъ дѣлъ Петру нужны были люди; зналъ онъ и то, что Монархъ смотрѣлъ на возрастающее поколѣніе, какъ на лучшую свою надежду, что часто съ раннихъ лѣтъ онъ слѣдилъ за молодымъ человѣкомъ, внимательно наблюдалъ за развитіемъ его способностей, и вдругъ, мгновенно, посвящалъ его въ высшія таинства трудовъ своихъ; тогда по-

читатели старины ворчали и удивлялись ошибкѣ Царя; но еще болѣе дивились они, когда юноша оправдывалъ блистательныя надежды, когда способности избранника соответствовали именно тому дѣлу, на которое онъ былъ назначенъ; старики приписывали такое счастье случаю, или находили въ Царѣ искусство угадывать, не зная того, что Великій Царь издавна трудолюбиво слѣдилъ своимъ орлинымъ окомъ за человѣкомъ, имъ избраннымъ. Нашъ Финнъ замѣтилъ также, что какъ всѣ великіе люди, богатые мыслями, опережающими время, Петръ любилъ, чтобъ его угадывали, что онъ ненавидѣлъ простое буквальное исполненіе, что онъ искалъ въ своихъ помощникахъ той любви къ дѣлу, которая преодолагаетъ всѣ препятствія, переходитъ за границы исполненія, изобрѣтаетъ новыя средства для новыхъ цѣлей и предупреждаетъ великія намѣренія великаго. Часто, изъ писемъ Монарха къ князю Куракину, Якко видѣлъ, что Царь берегъ такихъ людей, какъ зѣницу ока; онъ видѣлъ также, какъ часто Великій жаловался, что ему нѣ за кого взяться.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Царь издавна, по отзывамъ князя Куракина, зналъ подробно способности и любимыя занятія молодаго Финна.

Однако, воображеніе Якко не переходило выше унтеръ-лейтенанта или гиттенъ-фервалтера, — но другое неожиданное для него дѣло приготовлялось. Въ аудіенціи предъ Государемъ, онъ проговорился о Венеціи и о тамошнихъ типографіяхъ; нѣсколько

словъ Якко показали, что ему извѣстно это дѣло; а объ этомъ дѣлѣ уже съ давняго времени заботился Петръ Великій; теперь же вся его дѣятельность обращена было на это мощное орудіе просвѣщенія; типографское искусство еще мало было извѣстно въ Россіи; немногіе люди въ Россіи тогда могли быть къ нему способны. Нашъ Якко былъ находкою для Петра въ этомъ случаѣ, и онъ далъ ему въ одно время нѣсколько важныхъ порученій: онъ велѣлъ ему заняться переводомъ нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ, между-тѣмъ заготовить планъ для образованія новой типографіи и въ особенности обучить мастеровъ для типографскаго дѣла. Удивленіе и восхищеніе Якко были невыразимы; онъ невольно упалъ на колѣни предъ Великимъ Царемъ и отъ полноты чувствъ не могъ проговорить ни единого слова. Такъ, полудикій Финнъ, подъ могучей рукою Петра, долженъ былъ сдѣлаться однимъ изъ орудій русскаго просвѣщенія.

Въ концѣ 1722 года, почтовая кибитка остановилась невдалекѣ отъ Вуоксы; молодой человекъ въ богатомъ нѣмецкомъ кафтанѣ выскочилъ изъ повозки, бросился на землю и цаловалъ ее съ жаромъ юноши. Съ трудомъ онъ выговаривалъ нѣсколько финскихъ словъ, которыя едва поняли

окружающіе ; однакожь они догадались , что путешественникъ спрашиваетъ о дочери стараго Руси.

Память о старикѣ еще не исчезла между жителями Иматры ; они помнили отважнаго рыболова и его удивительные рассказы въ долгія зимнія ночи. Показали Якко на берегъ и въ одно мгновеніе молодой человекъ бросился въ лодку.

Когда онъ вышелъ на берегъ , слезы брызнули изъ глазъ его ; онъ узналъ родимую хижину , родимые пороги , — сердце его сильно забилося. «Гдѣ же Эльса ? Эльса ?» спрашивалъ онъ.

Невдалекѣ , нѣскольکو праздныхъ Финновъ окружали молодую дѣвушку лѣтъ двадцати ; она перебирала пальцами по кѣнтелю , пѣла старинныя пѣсни о финскомъ сокровищѣ Сампо и приплясывала ; въ передникѣ ея лежали куски хлѣба , полученные ею вѣроятно отъ слушателей.

— Вотъ Эльса , внука стараго Руси , сказали провожавшіе молодаго человека.

— Эльса ! Эльса ! вскричалъ онъ и бросился обнимать ее.

Эльса испугалась , закричала , хотѣла бѣжать.

— Эльса ! сестрица ! не-ужь-ли ты не узнаешь своего Якко...?

— Ты обманываешь меня ; Якко умеръ , убитъ , — отвѣчала Эльса и горько заплакала.

— Твой Якко живъ , это я , пріемышъ твоего дѣда , понимаешь ли ?

Эльса смотрѣла на него , но не вѣрила и продолжала плакать.

Якко едва могъ объяснить ей свои мысли. Выучившись почти все́мъ языкамъ европейскимъ, онъ забылъ свой собственный и не находилъ въ немъ самыхъ обыкновенныхъ словъ, или употреблялъ одно слово вмѣсто другаго; но видъ родимыхъ мѣстъ помогалъ его памяти и финскія слова, хотя съ трудомъ, проростали сквозь пласты чуждыхъ словъ и понятій, какъ корни березъ сквозь финскіе граниты.

— Ты не вѣришь, что я точно Якко? продолжалъ онъ: — посмотри на меня хорошенько — не-уже-ли я такъ перемѣнился?

— Якко былъ нашъ, Суоміецъ, а ты не нашъ, ты большой господинъ.

— Эльса! Эльса! я все тотъ же; только платье на мнѣ другое. Посмотри, вотъ камень, на который мы бывало взбѣгали; вотъ рябина, съ которой я бросалъ тебѣ ягоды; вотъ здѣсь я тебѣ сдѣлалъ рожокъ изъ воловьего рога; пойдѣмъ въ избу, я тебѣ расскажу, гдѣ что лежало, гдѣ мы спали съ тобою, гдѣ сидѣлъ Руси, гдѣ сидѣла Гина за печкой...

Они вошли въ избу; все было въ ней на прежнемъ мѣстѣ, только стѣны немного покривились; та же четверугольная печь, то же войлоковое окно, тѣ же сосновые обрубки, та же куча хвороста, служившая постелью. Страшная ночь, рассказъ Руси, его смерть, смерть Гины, — все живо возобновилось въ памяти молодаго Финна; онъ все повторилъ Эльсѣ съ подробностію.

Эльса увѣрилась наконецъ , что предъ нею дѣйствительно Якко , и бросилась , рыдая , въ его объятія.

Они съли.

— Скажи же мнѣ , Эльса , какъ живешь ты ? гдѣ живешь ты ?

— Я живу здѣсь , въ этой избѣ.

— Одна ?

— Одна ; да чего жъ бояться ? все здѣсь свои люди . Днемъ я хожу къ пастору учиться грамотѣ — я ужь умѣю читать , Якко — потомъ выхожу на дорогу , играю на кантелѣ , пою — добрые люди даютъ мнѣ хлѣба — посмотри-ка , я сколько ужь набрала его , на цѣлый годъ . Тутъ есть даже кнакебрё (*). — Эльса съ гордостью показала на ворохъ кусковъ , ею набранныхъ . — Вечеромъ прихожу сюда , вспоминаю объ отцѣ , о дѣдѣ , о тебѣ , Якко , поплачу и лягу спать .

— Ну , Эльса , скажу тебѣ , теперь будетъ не то — я теперь богатъ , и ты будешь жить богато...

— Чтò же ты нашелъ , Сампо что ли ?

— Почти такъ .

— Гдѣ же ты нашелъ его , Якко ?

— У Русскихъ...

— Ахъ , и Рутцы тебя не убили ? вскрикнула Эльса , не понявъ своего собесѣдника...

(*) Лепешки изъ муки , употребляемыя только зажиточными поселянами . «Онъ круглый годъ ѣсть чистый хлѣбъ», есть у Финновъ выраженіе величайшаго богатства .

— Не Рутцы, а Русскіе, Эльса, или по твоему Вейнелейсы.

— Такъ ты былъ въ ихъ землѣ?

— Я живу тамъ и тебя повезу туда съ собою...

— Зачѣмъ? какъ можно? вскричала съ ужасомъ Эльса: — вѣдь это такъ далеко, далеко отъ насъ... гдѣ же мы спать будемъ?...

— Тамъ, въ моей землѣ...

— Да здѣсь твоя земля, Якко... эта земля моя, мнѣ сказалъ пасторъ, а стало быть и твоя...

— Ты не понимаешь меня, милая Эльса; въ Россіи у меня есть домъ, въ шесть разъ больше нежели твоя избушка; тамъ ты будешь ходить въ пестромъ платьѣ, каждый день ѣсть чистый хлѣбъ...

— Какъ это можно? повторяла Эльса.

— Послушай! наконецъ сказала она ему: — знаешь, что я выдумала; вмѣсто того, чтобъ мнѣ съ тобою ѣхать, ты привези сюда свое Сампо...?

— Это невозможно, Эльса.

— Отъ-чего невозможно? ты думаешь, что я не управлюсь; нѣтъ, я большая хозяйка; я умѣю коровъ доить, дѣлать кислое молоко, даже кнакебрѣ напеку на цѣлый годъ; а если у тебя столько достанетъ богатства, то мы купимъ соли, и насолимъ рыбы, то-то будетъ счастье.

Молодой человѣкъ покачалъ головою, улыбаясь: — Все это невозможно, милая Эльса, я служу царю Вейнелейсовъ, я долженъ ѣхать въ его землю, а неужь-ли ты меня покинешь?

— Какъ мнѣ разстаться съ тобою, Якко! ни за что, ни за что. На мнѣ ужь многіе хотѣли жениться, но я всѣмъ отказывала, я всѣмъ говорила, что одинъ Якко будетъ моимъ мужемъ, и теперь говорю, какъ же мнѣ разстаться съ тобою? но зачѣмъ тебѣ ѣхать, не понимаю; по-крайней-мѣрѣ, будемъ ли мы пріѣзжать домой?

— Мы будемъ, пожалуй, иногда пріѣзжать сюда.

— Иногда, а какъ часто? каждый день?...

— Невозможно.

— Ну, разъ въ недѣлю, въ воскресенье, въ церковь.

— И это невозможно, а развѣ разъ въ годъ.

Эльса не отвѣчала, но горько плакала.

Между-тѣмъ, невинное предложеніе Эльсы выйти за него замужъ заставило молодого человѣка задуматься. Посмотрѣвъ пристально на Эльсу, онъ замѣтилъ, что не смотря на ея странный нарядъ и на волосы, поднятые на маковку подъ безобразную шапочку, Эльса могла похвастаться красавицей; лицо ея было не совсѣмъ правильно, но имѣло невыразимую прелесть, особенно, когда улыбалась; иногда ея голубые глаза безпрестанно перебѣгали отъ предмета къ предмету, иногда оставались совсѣмъ неподвижными, и тогда въ нихъ отражалось то грустно-таинственное чувство, которое замѣчается лишь у женщинъ сѣвернаго племени.

Странныя мысли приходили въ голову молодого человѣка; теперь онъ уже другими глазами смотрѣлъ на Эльсу; онъ воображалъ себѣ ее одѣтую

въ парадное платье, въ его домъ, въ петербургской ассамблеѣ, и сердце его билось сильно и порывисто; но съ другой стороны ему страшно казалось соединить на вѣкъ судьбу свою съ женщиною почти полудикою, которой языкъ не будетъ никому понятенъ, которая понимаетъ въ жизни лишь первыя ея потребности; онъ воображалъ себѣ всѣ огорченія, которымъ она будетъ подвергаться въ обществѣ, для нея недоступномъ, всѣ насмѣшки, которыя будутъ преслѣдовать ея безыскусственное простосердечіе и совершенное незнаніе самыхъ обыкновенныхъ предметовъ. Онъ испугался мысли провести съ нею три дня въ одной повозкѣ: самая невинность, самая непритворность ея чувствъ могли быть для нихъ обоихъ гибельны.

— О чемъ ты задумался, милый Якко? сказала ему Эльса, схвативъ его за лицо руками:—ты вѣрно раздумалъ и хочешь дома остаться, не такъ ли? — И съ сими словами она, пока онъ еще не могъ опомниться, горячо поцаловала его въ губы. Невольная дрожь пробѣжала по членамъ молодаго чловѣка.

— Нѣтъ, Эльса, не то, отвѣчалъ молодой чловѣкъ, стараясь казаться хладнокровнымъ: — ты знаешь дорогу къ пастору?

— Какъ же, и самую короткую, я всѣ тропинки знаю...

— Поведи меня къ нему.

— Пойдемъ, пойдемъ; но ты, я чай, голоденъ;

ѣсть не хочешь ли? И съ сими словами она подала ему лепешку изъ коры пополамъ съ мукою...

Якко съ отвращеніемъ и горестью посмотрѣлъ на эту странную пищу.—Нѣтъ, сказалъ онъ:— я не хочу ѣсть; пойдѣмъ поскорѣе къ пастору.

И Эльса побѣжала, схвативъ Якко за руку, и съ аппетитомъ пригрызывая свою лепешку.

Въ пасторѣ, Якко нашелъ человѣка добраго и образованнаго. Молодой человѣкъ объяснилъ ему странность своего положенія, и пасторъ совершенно понялъ его.

— Я могу помочь вамъ, сказалъ добрый старикъ:— жена моя отправляется сегодня въ Ніеншанцъ, т. е. въ Петербургъ хотѣлъ я сказать; у ней есть мѣсто въ одноколкѣ, и ваша Эльса можетъ съ нею доѣхать въ этомъ экипажѣ, пока еще не привыкла къ лучшимъ.

Молодой человѣкъ, поблагодаривъ пастора за его одолженіе, прибавилъ, что у него нѣтъ ничего, кромѣ кибитки, и должно признаться, сказалъ онъ:— что наши русскія повозки вовсе не годятся на *вашия* горахъ.

Когда все было улажено къ отъѣзду, пасторъ отвелъ молодаго человѣка въ сторону: «Я долженъ васъ предостеречь», сказалъ онъ: «вы везете Эльсу въ чужую сторону; знайте, что она подвержена чему-то похожему на падучую болѣзнь; особенно, удаляйте ее отъ огня и отъ луннаго свѣта: и то и другое, кажется, производитъ на нее вредное вліяніе; отъ того и отъ другаго она приходитъ въ ка-

кой-то сонъ и начинаетъ говорить престранныя рѣчи. Простой народъ считаетъ ее колдуньей.»

Отъ этого разказа Якко вздрогнулъ; онъ вспомнилъ забытое имъ до того гаданье старика и, не смотря на свою образованность, по духу времени, не могъ выбить себѣ изъ головы, чтобъ Эльса не была въ-самомъ-дѣлѣ околдована. Онъ не сообщилъ однакоже своего замѣчанія пастору, но далъ себѣ слово не упускать изъ виду этого обстоятельства.

Много стоило труда уговорить бѣдную Эльсу съестъ въ одноколку; она не хотѣла и ѣхать изъ родины, и не хотѣла быть не вмѣстѣ съ Якко, и не хотѣла не ѣхать. Она плакала на-взрыдъ; почти безъ чувствъ усадили ее въ повозку.

Якко съ удивленіемъ замѣчалъ во время дороги, что на Эльсу ни что не производило впечатлѣнія; ни любопытство, ни изумленіе не были доступны ея душѣ; одно въ ней было замѣтно — страхъ при видѣ чужихъ, и воспоминаніе о родимой избушкѣ.

Наконецъ, повозка остановилась у петербургской заставы, — караульные солдаты разглядывали одноколку, отлично окрашенную красною краскою, засматривались и на нашихъ дамъ.

«Вотъ, толковали они: — и Чухна въ красной коробкѣ пріѣхала, — помоложе-то недурна, — хоть куда, — вишь какая смазливая...» Эльса испугалась, смотря на эти усатыя лица, запаленныя порохомъ, выглядывавшія изъ-подъ огромныхъ шишаковъ.

И пасторша струхнула, хотѣла что-то сказать солдатамъ, но немногія русскія слова, которыя она знала, мѣшались съ финскими и нѣмецкими.

«Что ты тамъ лепечешь, чухонская вѣдьма? или боишься, что сглазятъ?» сказалъ одинъ изъ солдатъ, и вся толпа захохотала громкимъ русскимъ смѣхомъ.

Въ эту минуту, Якко догналъ нашихъ путешественницъ и подошелъ къ одноколкѣ. При видѣ челоуѣка въ нѣмецкомъ кафтанѣ и который притомъ говорилъ по-русски, — толпа разошлась.

«Куда ты завезъ меня? говорила Эльса: — какіе люди здѣсь страшные! и говорить не умѣютъ, а все что-то такъ страшно кричатъ!»

Якко засмѣялся замѣчаніямъ бѣдной Эльсы и старался ее утѣшить. Между-тѣмъ, пасторша поняла въ разговорѣ Русскихъ только одно слово: «вѣдьма», потому-что ей уже не разъ случалось слышать его; она не замедлила рассказать Эльсѣ, что ихъ бранили и Эльса съ простодушіемъ спрашивала: по какому праву ихъ бранятъ, когда онѣ ничего дурнаго не сдѣлали?

Якко шепнулъ слова два вышедшему на ту пору караульному офицеру; онъ прикрикнулъ и Эльса видѣла, какъ страшные люди въ шишакахъ вытянулись и сдѣлались какъ окаменѣлые.

Все это казалось Эльсѣ и чудно и страшно.

На первую минуту, пасторша привезла Эльсу въ домъ своихъ родственниковъ; Якко, поручивъ имъ заботу о ея костюмѣ, отправился къ Звѣреву; разсказалъ ему свое сиротство, какъ онъ призрѣнъ былъ отцемъ Эльсы, его печальную кончину, чудесное сохраненіе его дочери и просилъ именемъ благодарности и челоуѣколюбія принять къ себѣ въ домъ бѣдную дѣвушку. Добрый Звѣревъ, посоветовавшись съ женою, согласился.

И вотъ, наша Эльса, боязливое, своенравное дитя природы — въ фижмахъ, въ полуробронѣ; ее учатъ держаться прямо, ходить тихо, не бросаться на шею Якко; она скована во всѣхъ движеніяхъ, не смѣетъ поднять головы, не смѣетъ пошевелиться, едва смѣетъ курнычать свои печальные финскіе напѣвы.

Егоръ Петровичъ Звѣревъ былъ челоуѣкъ русскій, но полу-Нѣмецъ или, лучше сказать, полу-Голландецъ. Онъ не получилъ большаго образованія, но долгое пребываніе въ Голландіи сильно на него подѣйствовало. Онъ сдѣлался воплощеною аккуратностію: каждый день вставалъ въ определенное время, надѣвалъ бѣлый миткалевый халатъ, заплеталъ свою косичку, выкуривалъ трубку голландскаго канастера, и принимался за дѣло, которое непременно оканчивалъ въ определенную часть, и каждый день проговаривалъ свою завѣтную фразу: «уже двѣнадцать часовъ за полдень — не пора ли обѣдать, Федосья Кузьминишна?» Онъ не постигалъ ничего, что дѣлается въ Россіи, но дѣлалъ и

говорилъ то , а не другое . только по той причинѣ , что такъ слѣдуетъ . Домъ его былъ бы какъ заведенная машина , если бъ не мѣшала ему немного жена его , Федосья Кузьминишна ; она хотя также жила въ Голландіи и часто съ какою-то гордостью рассказывала о томъ своимъ сосѣдкамъ , но на нее голландскій духъ мало подѣйствовалъ ; она никакъ не могла понять , зачѣмъ каждый день надѣвать чистое бѣлье ; зачѣмъ въ 8 часовъ , а не прежде и не послѣ , поливать цвѣтныя луковицы ; почему каждую субботу надобно было мыть всѣ полы , окошки и стѣны , и натирать мѣбель воскомъ , когда не ожидали гостей .

Отъ этого , между супругами бывали стычки ; увидя кресло не на прежнемъ мѣстѣ , столъ ненакрытый , Егоръ Петровичъ говаривалъ женѣ шопотомъ , чтобъ не слышали домашніе : « не вашего ума это дѣло , Федосья Кузьминишна . »

А она отвѣчала также шопотомъ : « что дѣлать , глупенька , мой батюшка , такъ вѣкъ изжила , такъ и въ могилку пойду . » Никогда эти ссоры не выходили наружу ; только домашніе знали , что когда старики начинали говорить другъ другу : *вы* , то значило , что между ними черная кошка пробѣжала .

Марья Егоровна была серединою между отцемъ и матерью ; полна , свѣжа , румяна , но немного смугловата ; ей бы и поспать , и на лежанкѣ понѣжиться , и поболтать подъ вечерокъ съ просвирнею о томъ , что дѣлается въ околоткѣ , но настанетъ

утро, и Марья Егоровна затянется въ корсетъ, наденетъ фижмы, и сдѣлается совсѣмъ Голландкою; не разговорится, не пошевелится, и только крахмаленные манжеты оправляетъ.

Сынъ Звѣрева былъ всегда въ походахъ.

За тѣмъ, къ семьѣ причислялись Евдокимъ, старый слуга Звѣрева и нѣсколько сѣнныхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ главная была Анисья — ключница, которой отличительнымъ свойствомъ была ужасная скупость, не за себя, но за господъ; отпуская масло и другія домашнія снадобья, она всегда отмѣривала немножко меньше положеннаго и преравнодушно выслушивала за такое соблюденіе господскаго добра жестокіе упреки другихъ челядинцевъ.

Вотъ въ какую семью попала наша Эльса. Сначала, запуганная новостью предметовъ, видомъ чужихъ людей, она слѣпо повиновалась; но возвращаясь въ отведенную ей комнату, она съ восхищеніемъ сбрасывала свой дневной нарядъ, начинала потихоньку плакать, пѣть свои финскія пѣсни, а потомъ и приплясывать.

Якко черезъ день навѣщалъ Эльсу; чаще нельзя ему было ходить; онъ занятъ былъ важнымъ дѣломъ, переводилъ какую-то книгу по *цифирной наукѣ*; работы было много, а времени мало—торопили нашего переводчика.

— Якко, Якко, говорила ему Эльса:—здѣсь бѣда, здѣсь въ баню нельзя ходить...

— Отъ-чего же, Эльса?

— Какъ отъ-чего? Я хотѣла потихоньку истопить, чтобъ не околдовали, но эти Вейнелейсы большіе тѣтаи, тотчасъ узнали и помѣшали; все сомной въ баню хотятъ идти и все смѣются надо мною; они заколдуютъ меня — это вѣрно... — И Эльса заплакала. Якко напрасно старался вразумить ее.

— Нѣтъ, говорила она :— что ни говори, а здѣсь страшная земля, и страшные люди твои Вейнелейсы. Онамедни повели меня по улицамъ, смотрю — они собрались и землю наказываютъ...

— Какъ? землю наказываютъ?...

— Да! ты скажешь, что и это не правда, я сама видѣла, какъ они обтесали дерево коломъ, и огромнымъ молотомъ на веревкахъ вбивали его въ землю, такъ что земля стонала, а они-то кричатъ, кричатъ... до-сихъ-поръ у меня въ ухахъ отдается этотъ страшный крикъ.

— Глупенькая! да они вбивали сваи, чтобы строить дома?...

— Да зачѣмъ же у насъ на Вуоксъ дома и безъ того строятъ?

— Да на Вуоксъ камень, а здѣсь земля не держитъ...

— И земля здѣсь не держитъ! все здѣсь не такъ какъ надобно! страшно, страшно, Якко! Послушай — а это что значить? когда мы вѣхали сюда, я на дорогъ видѣла, Вейнелейсы подложили огонь подъ большой утесъ, утесъ грохнулъ и разлетѣлся на мелкія части — что они, Самно что ли искали?

— Нѣтъ, они хотѣли разрыхлить землю...

— Какъ? имъ кажется земля то слишкомъ мягка, то слишкомъ крѣпка — вотъ видишь, что ты самъ противорѣчишь себѣ, Якко; ужь я вижу, что тутъ что-то нечисто. Страшно, страшно здѣсь, Якко. И грустно мнѣ, грустно! какъ вспомню наши горы, наши дороги — такъ и зальюсь слезами; тамъ я была вольна, какъ рыба въ водѣ, — день деньской на свѣжемъ воздухѣ, надъ головою небо, кругомъ туманъ, въ недалекихъ родимыхъ пѣсни и на душѣ чудный говоръ; а здѣсь ни неба, ни тумана, ни пѣсень, ровно нѣтъ ничего, а сердце молчитъ отъ испуга: повѣришь ли, Якко, я здѣсь еще ни разу не слыхала родимой пѣсни; только и видишь въ окошко, что ходятъ усатые Вейнелейсы, да землю роютъ, Самно ищутъ. Послушайся меня, милый Якко, убѣжимъ, убѣжимъ отсюда скорѣе, пока Вейнелейсы и насъ въ землю не вколотили, или на воздухъ не взорвали...

— Куда же бѣжать намъ, Эльса?

— Куда? домой, домой, на Вуоксу, на Вуоксу — не вѣкъ же здѣсь жить! тамъ мы женимся, Якко, и забудемъ про Вейнелейсовъ...

Подошедшая Оедосья Кузьминишна перервала разговоръ.

— Скажи ей, батюшка Иванъ Ивановичъ, вѣдь она ни по-нашему, ни по-нѣмецкому не понимаетъ, — что она все хныкаетъ; ужь, правду сказать, Богъ съ ней, такая чудная; хлѣбнаго мякиша не ѣстъ, да корки собираетъ; за обѣдомъ въ ротъ ничего не

возьметъ , а только день деньской свои корки гложетъ...

— Э! Федосья Кузьминишна , сказалъ Егоръ Петровичъ: — это ужъ народъ такой , я знаю его; — ничего! молода , попривыкнетъ... такъ слѣдуетъ.

— Это ваша воля , отвѣчала Федосья Кузьминишна съ видимымъ неудовольствіемъ : — а вѣдь вы сами же въ домъ порядка требуете , и выговариваете , когда на полу крошки или что другое.

Марья Егоровна молчала , но провицательный Якко скоро замѣтилъ , что она изъ-подтишка ревновала его къ Эльсѣ.

У Ивана Ивановича на умъ было и одинъ и два. Правилась ему Марья Егоровна , дѣвушка красивая , смиренная , по тогдашнему довольно образованная ; семейство у ней доброе ; Марья Егоровна не осрамила бы его и въ царской асамблеѣ ; но какъ сравнить ее съ Эльсою , то своенравною , то задумчивою , то веселою Эльсою. Когда , сидя подъ окномъ пригорюнившись , она раскидывала свои бѣлокурые локоны , глаза ея безпрепятственно перебѣгали отъ предмета къ предмету , и она напѣвала любимую свою пѣсню о томъ , какъ жаловалась береза на свое одиночество , Якко забывалъ и свои житейскія выгоды , и надежды ; родное чувство отзывалось въ груди его , и онъ , подобно Эльсѣ , готовъ былъ все бросить и укрыться съ нею въ бѣдную избушку на финляндскихъ порогахъ.

Проходило нѣсколько часовъ , Якко вспоминалъ о своей новой жизни , о своемъ участіи въ трудахъ

Великаго, и тогда пелена спадала съ глазъ его: онъ видѣлъ въ себѣ будущаго начальника адмиральтейской типографіи, воеводу, близкаго къ Государю челоуѣка; тогда, по неизбѣжному сцѣпленію мыслей, онъ пугался своей женитьбы на полудикой Чухонкѣ, и Марья Егоровна представлялась ему во всемъ великолѣпнн, въ богатомъ робронтѣ, при дворѣ, окруженная иностранными гостями, которые не могутъ надивиться ея ловкому и учтивому обращенію.

Въ такихъ мысляхъ Якко, не зная на что рѣшиться, уходилъ домой и принимался за свою книгу о цифирной наукѣ.

Егоръ Петровичъ съ отцовскою добротою занимался бѣдной Эльсою; не знала она грамотъ — онъ приговорилъ приходскаго дьячка учить ее по-русски; по неискусство ли учителя, неспособность ли ученицы, — наука не давалась; Эльса училась, терзалась и плакала какъ ребенокъ. Приставленъ былъ къ ней и танцмейстеръ; хотя долго бился добрый нѣмецъ Штолцерманъ, но эту науку она поняла скорѣе — Эльса уже очень порядочно танцевала минуэтъ, кланялась и присѣдала; Егоръ Петровичъ не могъ ею довольно налюбоваться; но послѣ урока Эльса по-прежнему убѣгала въ свою комнату, пригорюнивалась и опять начинала пѣть о своей березѣ.

Скоро представился Эльсѣ случай показать свои танцевальныя способности во всемъ блескѣ.

Егоръ Петровичъ объявилъ, что слѣдуетъ всѣмъ

явиться на ассамблею, которая была объявлена въ ихъ сосѣдствѣ. Ѳедосья Кузьминишна было и воспротивилась, но Егоръ Петровичъ ей замѣтилъ: «не прекословьте, Ѳедосья Кузьминишна, такъ слѣдуетъ: на ассамблеяхъ бываютъ и шкипера голландскіе съ женами, и знатные люди, и самъ Государь, а вы только пріодѣньтесь хорошенько, и пріодѣньте дѣвицъ — такъ слѣдуетъ, говорю вамъ.»

— Какъ? возразила Ѳедосья Кузьминишна, всплеснувъ руками: — и Чухонку съ собою везти?

— Непремѣнно, Ѳедосья Кузьминишна, и Чухонку; пусть ее людей увидитъ, себя покажетъ, надобно же ей свѣтъ узнать... Такъ слѣдуетъ, говорю я вамъ, Ѳедосья Кузьминишна.

На такую рѣчь, у Ѳедосьи Кузьминишны не было возраженій; она покачала головой и отправилась готовить наряды.

Наступилъ день ассамблеи. Егоръ Петровичъ, въ голубомъ глазетовомъ кафтанѣ, съ стразовыми пуговицами, въ полосатыхъ чулкахъ съ красными стрѣлками и съ корабликомъ подъ мышкою; Ѳедосья Кузьминишна въ желтомъ робронтѣ, Марья Егоровна въ розовомъ, — Эльса, которую звали Лизаветой Ивановной, — въ ярко-красномъ, что ей очень нравилось.

Вотъ пришли въ ассамблею; Егоръ Петровичъ, раскланявшись съ хозяиномъ, скоро встрѣтилъ голландскаго шкипера, который пригласилъ его на кружку пива и на трубку табака. Ѳедосья Кузьминишна усѣлась съ барышнями къ дамамъ, которыя

плотно пристали по стѣнкѣ, ожидая начатія танцевъ : старыя съ ужасомъ, молодыя съ нетерпѣніемъ.

Эльса ничего не видала и не слышала, что вокругъ нее ; она была такъ испугана съ самаго своего пріѣзда, что сердце ея находилось безпрестанно то въ тревогѣ, то въ полномъ онѣмѣніи. Она съла также, и по обыкновенію безсознательно поводила глазами съ стороны на сторону; передъ ней пестрѣла толпа, и лица, смѣняясь одно другимъ, почти исчезали для нея ; шумъ разговоровъ, свѣтъ, движеніе, все оглушало ее и физически и морально. Вдругъ глаза ея остановились на противоположной стѣнкѣ; она смотритъ : что-то знакомое... да, это берега Вуоксы, это пороги — надъ ними свѣтитъ солнце — радуга играетъ въ причудливыхъ брызгахъ, — тутъ и родная избушка, и утесъ, къ которому она прислонена... не чудо ли это? не какой ли тѣтай перенесъ Эльсу на родимую землю... Сердце Эльсы сильно бьется, въ глазахъ темнѣетъ... она слышитъ шумъ пороговъ... ей дуетъ въ лицо влажный вѣтеръ... чудятся звуки роднаго языка, — не поютъ ли любимую ея пѣсню? — и Эльса начинаетъ потихоньку напѣвать ее... потомъ... громче, громче — вдругъ ужасъ ! раздался какой-то трескъ, Эльсу окружаютъ страшныя лица Вейнелейсовъ, между ними Якко съ сердитымъ лицомъ говоритъ : «опомнись, опомнись, Эльса...»

И все исчезло — Эльса видитъ себя опять въ ассамблеѣ, вокругъ нея толпа народа, всѣ захо-

чуть, Якко смотритъ на нее съ недовольнымъ лицомъ.

— Что съ тобою, Эльса? спрашивалъ ее Якко.

Эльса не могла отвѣчать, но только рукою показала на противоположную стѣну.

Тогда для Якко все объяснилось; на стѣнѣ висѣла большая картина, представлявшая иматрскій водопадъ. Вокругъ Якко столпились люди и онъ нѣсколько разъ принужденъ былъ рассказать, отъ чего распѣлась хорошенькая Чухонка; говорятъ, что и Государь, изъ другой комнаты пожелавшій узнать о причинѣ тревоги, улыбнулся, слушая рассказъ объ этомъ невольномъ порывѣ души бѣдной Эльсы.

Егоръ Петровичъ былъ очень сконфуженъ этимъ происшествіемъ и не зналъ, что отвѣчать на упреки Федосьи Кузьминишны, которая толковала, что Лизавета Ивановна навѣкъ ихъ осрамила при всей компаніи. А дѣлать было нечего, уйти домой нельзя изъ ассамблеи, царь еще не выходилъ — и волею-неволею надобно было остаться. Скоро, чтобъ отвлечь вниманіе отъ Эльсы, Якко пригласилъ Марью Егоровну на минуэть; онъ былъ отличный танцоръ, всѣ поднимались съ мѣсть, когда онъ выводилъ даму и теперь мгновенно вокругъ танцующихъ составилъ маленькій кружокъ; между зрителями была и Эльса; она съ удивленіемъ смотрѣла на своего Якко и старалась себя растолковать: почему не пошелъ онъ танцовать съ нею? Она бы-

ла печальна и угрюма во весь вечеръ и на всѣ вопросы Якко ничего не отвѣчала.

Между-тѣмъ, Федосья Кузьминишна положила во чтобъ то ни стало, сбить съ рукъ эту проклятую Чухонку, которая въ людяхъ срамитъ, а дома какія-то чудеса дѣлаетъ. Мы передадимъ тайный разговоръ между Федосьей Кузьминишной и Егоромъ Петровичемъ въ спальной комнатѣ. Федосья Кузьминишна, какъ женщина тонкая, начала разговоръ стороною.

— Знаешь что, Егоръ Петровичъ, сказала она: — вѣдь житье въ Петербургъ становится дорогонько...

— Да и я замѣчаю это, Федосья Кузьминишна, — да что дѣлать? — такъ слѣдуетъ, въ городъ все народъ прибываетъ...

— А вотъ Анисья докладывала мнѣ, что у насъ расходъ прибываетъ: и масла, и хлѣба, и солонины — всего не въ примѣръ больше выходитъ...

— Да отъ-чего бы это такъ, Федосья Кузьминишна?...

— Ну, самъ посуди, Егоръ Петровичъ, лишній человекъ въ домъ не шутка... сегодня, да завтра, да всякій день за столомъ, въ комнату свѣча, ... и мыло лишнее...

— Эку исторію завела! что тебя Лиза-то что-ли объѣдаетъ? — эхъ, матушка, ужь на это, кажись, пожаловаться не можешь; вѣсть, что твой цыпленокъ... — не тѣмъ, Федосья Кузьминишна, наши дѣды разорялись.

— Это воля ваша, Егоръ Петровичъ, какъ сами разсудите, а мое дѣло сказать вамъ, что нехорошо...

— Что нехорошо?

— Да и въ ассамблеѣ вашей что ли? осрамила насъ...

— Правда, нехорошо — да прошлое дѣло, Федосья Кузьминишна, самъ Государь про то знаетъ, и только что улыбнуться изволилъ...

— Ну, да одно ли это, и многое другое нехорошо.

— Ну да что жь еще?...

— Да такъ, — нехорошо — она, Богъ съ ней, чудная такая — вы знаете, Шведки...

— Да Лиза не Шведка...

— Ну, все-равно, изъ шведской же земли...

— Ну, да что жь она такое?.. ну, говори.

— Ну да что? вѣдь вы разсердитесь; по просту вамъ скажу — она вѣдьма, колдуетъ...

Егоръ Петровичъ расхохотался: — Не вашего ума это дѣло. Федосья Кузьминишна, такія рѣчи говорить... ну, что такое вѣдьма?

— Что дѣлать, батюшка, глупешенька, совсѣмъ глупешенька, такъ вѣкъ изжила, такъ и въ могилу пойду; — не понимаю я вашей премудрости, а сужу по просту: вѣдьма, такъ вѣдьма. Послушайте-ка, что весь домъ говоритъ.

— Ну, что еще болтаютъ?...

— А вотъ что: она медни дѣвушки смотрятъ, а

Лизавета Ивановна пробирается въ баню и хочетъ топить... вотъ дѣвушки ей говорятъ: «Э, матушка, давно бы сказала, мы тебѣ пожалуй баню истопимъ.» Истопили баню, пришли за нею, она было пошла, — какъ увидѣла, что въ баню, то и руками и ногами — а? какъ это по вашему? по нашему отъ того, что вѣдьма...

— Нѣту вѣдьмъ, Федосья Кузьминишна, это только старыя дѣвки болтають... просто, дика еще, не обтерлась въ чужихъ людяхъ.

— Ну, а это что такое, скажу вамъ, Егоръ Петровичъ, что она день-то деньской напѣваетъ себѣ подъ-носъ? — ужь не даромъ...

— Ну, да что напѣваетъ? пѣсни; ужь у нихъ обычай такой, все, знай, курныкають...

— Ну, хорошо, — а что жь это такое: дѣвушки разъ ночью слышуть, что у нея шумъ въ комнаткѣ... смотрять въ щелочку, она поетъ да прядаетъ на полу, да колдуетъ...

— Ну такъ, молодая дѣвка дурачится...

— Вы все такъ толкуете, Егоръ Петровичъ, а это что? — недавно Чухна пріѣхалъ къ намъ на дворъ съ провіантомъ... она увидѣла, выскочила и прямо къ нему на шею, и начали толковать по-своему...

— Эка мудрость — земляка увидѣла. Однако послѣ договоримъ, Федосья Кузьминишна, уже скоро 6 часовъ; чѣмъ изъ пустаго въ порожнее пересыпать, да на бѣдную дѣвку нападать, подай-ка мнѣ епанчу — пора въ канцелярію.

Федосья Кузьминична исполнила приказаніе мужа, но оставшись одна, покачала головою, всплеснула руками и проговорила :

— Вотъ всегда-то такъ... вишь-ты изъ пустаго въ порожнее... бѣдную дѣвку... ахъ, ты старый грѣхпроводникъ! — Батюшки-свѣты, да никакъ она его околдовала!

Въ столовой между-тѣмъ происходила другая сцена. Якко, проходя рано поутру мимо дома Звърева, не могъ не зайти провѣдать семью, которая для него была второю отчизною.

Марья Егоровна прибирала завтракъ; ея черные локоны, загнутые за уши, были прикрыты бѣлымъ голландскимъ чепчикомъ; полосатая ситцевая кофта обхватывала гибкую талию; рукава съ манжетами, доходившіе только до локтя, открывали полную упругую ручку; черные башмаки съ красными каблуками, застегнутые оловянною пряжкой, стягивали стройную ножку. Заспанные глазки Марьи Егоровны были томны; то вспыхивали блестящими искрами, то покрывались прозрачною влагою; дѣвическія мечты, можетъ-быть, ночныя грѣзы придавали лицу Марьи Егоровны задумчивость, которая обыкновенно исчезала въ теченіи дня.

— Какъ вы сегодня къ лицу одѣты! сказалъ Иванъ Ивановичъ, цалуя у ней руку.

— Вы шутите, сказала Марья Егоровна, улыбаясь: — на мнѣ домашнее платье, которое вы не разъ уже видѣли.

Иванъ Ивановичъ смѣшался; онъ совсѣмъ не то хотѣлъ сказать; душа его говорила: — Какъ вы хороши сегодня, Марья Егоровна, въ васъ сегодня что-то особенно привлекательное. Но такія фразы тогда не говорились дѣвушкамъ и были бы сочтены неприличіемъ.

Чтобъ переменить разговоръ, Иванъ Ивановичъ спросилъ:

— Агдѣ всѣ наши?

— Батюшка въ канцеляріи, матушка хлопочетъ по хозяйству...

Якко замолчалъ и сталъ разсматривать скатерть съ большимъ любопытствомъ; но когда Марья Егоровна отходила отъ стола, Якко взглядывалъ на прекрасный станъ ея, и сильно брало его раздумье; онъ не могъ не любоваться и красотою Марьи Егоровны, и ея ловкостью, и любовью къ порядку — «добрая жена! добрая хозяйка!» эти слова невольно отдавались въ его слухъ. Вотъ, Марья Егоровна придвинула стулъ къ шкапу, чтобъ поставить посуду на верхнюю полку; она проворно вскочила на стулъ, одна ея ножка уперлась въ подушку, другая поднялась на воздухъ, и эта стройная ножка, въ сѣромъ чулочкѣ со стрѣлками, была въ полной красотѣ своей. Сердце забилось у молодаго челѣвѣка, глаза его заблестали... онъ хотѣлъ что-то выговорить, но дверь отворилась и вошла Эльса; ея кофта

была едва застегнута, бѣлые, какъ лень, локоны рассыпались по бѣлой, полуоткрытой груди, она была печальна, въ глазахъ выражалось что-то полудикое; по инстинкту она поняла то чувство, съ которымъ Якко смотрѣлъ на Марью Егоровну и сердито отвернулась.

— Здравствуй, Эльса! сказалъ Иванъ Ивановичъ по-русски, подавая ей руку.

— Än tuijsta! — отвѣчала Эльса, надувши губки и отдергивая руку.

— Да скоро ли же ты выучишься по-русски?

— Än tuijsta! повторила Эльса.

— Что съ тобою, Эльса? сказалъ Иванъ Ивановичъ по-фински: — на кого ты сердишься? развѣ тебя обидѣли?

— Что тебѣ до меня? — ты знай пляши съ нею, вотъ твое дѣло.

— А, такъ ты сердишься, зачѣмъ я плясалъ съ Марьею Егоровною? что жъ за бѣда? пора тебѣ привыкнуть къ здѣшнимъ обычаямъ...

— По нашему обычаю, только пляшутъ съ своею невѣстою...

— Растолкуйте Лизаветъ Ивановнѣ, прервала Марья Егоровна, лукаво поглядывая на Эльсу: — чтобы она не забывала шнуроваться; маменька сердится, а мы никакъ ей не можемъ растолковать, что это неприлично.

Якко передалъ эти слова Эльсѣ. Эльса всилеснула руками.

— Ахъ, Якко, какъ тебя околдовали Вейнелейсы. Все, что они ни выдумаютъ, тебѣ кажется хорошо, а все наше дурно. Ну, зачѣмъ они меня стягиваютъ тесемками? зачѣмъ? Расскажи! имъ хочется только, чтобъ я не могла ни ходить, ни говорить, ни дышать — и ты то же толкуешь. Ну, скажи же мнѣ — зачѣмъ шнуроваться? Что отъ этого лучше что-ли я буду?

Якко думалъ, что отвѣчать на этотъ странный вопросъ, а между-тѣмъ неволью смотрѣлъ на свою прекрасную единоеземку.

Правда, грудь ея была полураскрыта, но эта грудь была бѣла, какъ снѣгъ; локоны въ беспорядкѣ рассыпались по ея плечамъ, но такъ она еще болѣе ему нравилась; туфли едва были надѣты, но тѣмъ виднѣе открывали ножку стройную и красивую. Странныя мысли боролись въ душѣ молодого человѣка.

Эльса продолжала:

— Вотъ, Юссо такъ похитрѣе тебя — его Вейнелейсы не могутъ обмануть; послушай-ка, что онъ говоритъ.

— Какой Юссо?

— Ты не знаешь Юссо, сына Юхано? Ты всѣхъ своихъ позабылъ, Якко, Вейнелейсы совсѣмъ отбили у тебя память.

— Гдѣ же ты его видѣла?

— Его Вейнелейсы заставили везти сюда разные клады — я его тотчасъ узнала изъ окошка...

— Что же онъ тебѣ такое рассказывалъ?

— О! много, много! у Анны отелилась корова, Мари вышла замужъ за Матти...

— Что же еще онъ тебѣ рассказывалъ?...

— Ты хочешь все знать? сказала Эльса, хлопая въ ладоши съ насмѣшливымъ видомъ: — пожалуй, скажу. Онъ звалъ меня съ собою домой.

— Звалъ съ собою?

— Да! онъ похитрѣе тебя, онъ говоритъ, что какъ ни лукавы Вейнелейсы, а имъ не сдобровать, Рутцы хотятъ еще разъ напустить на нихъ море...

— Что за вздоръ, Эльса... да вѣдь это сказка...

— Да! сказка! — Юссо не то говоритъ; онъ толкуетъ, что намъ бѣднымъ людямъ не годится жить съ Вейнелейсами; онъ сказалъ еще, что набралъ здѣсь много денегъ за масло — Вейнелейсамъ Богъ и масла не даетъ... — Поѣдемъ, говорилъ онъ, со мной, я на тебѣ женюсь, денегъ у меня много, круглый годъ будемъ ѣсть чистый хлѣбъ.

— И ты согласилась?

— Нѣтъ еще, отвѣчала Эльса лукаво: — я сказала, что спрошусь объ этомъ у братца.

Марья Егоровна, видя, что ею не занимаются, вышла изъ комнаты.

Якко задумался. На что ему было рѣшиться? — Дождаться ли долгаго, долгаго образованія полу-дикой Эльсы, подвергать ее всѣмъ непріятностямъ непривычной жизни, или махнуть рукой и возвратить ее на родину. При мысли о родинѣ, сердце его билось неволью: Эльса, подруга дѣтства, каза-

лась еще прелестнѣе и разстаться съ нею, разстаться навсегда — казалось ему ужаснымъ.

Эльса поняла дѣйствіе своего разказа; она захлопала въ ладоши, прыгнула къ Якко на колѣни, схватила его за голову, прижала къ себѣ, свѣжая, атласистая грудь ея скользнула по лицу молодаго чelовѣка, онъ вздрогнулъ и почти оттолкнулъ ее отъ себя.

Эльса заплакала. — Якко выбѣжалъ изъ комнаты.

— Онъ не хочетъ и цаловать меня, проговорила Эльса сквозь слезы: — о! это не даромъ, эта Мари приколдовала его: онъ съ нею пляшетъ, онъ на нее такъ смотритъ — хорошо, увидимъ... не даромъ старые люди меня учили...

Съ сими словами, Эльса побѣжала въ свою комнату — и дверь на крючокъ; черезъ часъ, она вышла и тихонько пробралась въ комнату Марьи Егоровны; осмотрѣлась — видитъ: нѣтъ никого, поспѣшно приблизилась къ постели и сунула что-то подъ перину.

Эльса обернулась, за нею машутся накрахмаленныя лопасти чепчика, блещутъ глаза сквозь пару мѣдныхъ очковъ.

Изъ-подъ чепчика послышался грозный голосъ Анисьи-ключницы:

— Что ты это, матушка, здѣсь проказничаешь? — Съ сими словами старушка руку подъ перину и вынула оттуда маленькій свертокъ; скорѣе къ Оедосьѣ Кузьминишнѣ — и началась потѣха.

На общемъ совѣтѣ съ Анисьею и другими сънными дѣвушками, положено было раскрыть свертокъ. Раскрыли, не безъ страха, не безъ приговорокъ — видятъ: двѣ тряпочки, бумажка, уголекъ и глина, все перетянуто на крестъ черною ниткою. Колдовство — нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

За Эльсой — показываютъ — спрашиваютъ — она лукаво смѣется.

Уже поговаривали связать колдунью и представить въ полицію, но къ счастью возвратился Егоръ Петровичъ. Узнавши о причинѣ суматохи, онъ наружно улыбнулся, но внутренно и самъ притрухнулъ: «кто ее знаетъ?» подумалъ онъ. Помолчавши съ минутой, онъ сказалъ: — что мы ее спрашиваемъ? — вѣдь она насъ не понимаетъ и рассказать не можетъ. Полагать должно такъ, слупа; вотъ, вечеромъ, прійдетъ Иванъ Ивановичъ, пускай онъ ее распроситъ, что и зачѣмъ она это дѣлала.

— Хорошо, батюшка, отвѣчала Федосья Кузьмишна: — вы и видите, да не вѣрите; быть по вашему, только до-тѣхъ-поръ позвольте мнѣ припереть ее на крюкъ. Не шутка, батюшка, вѣдь Марья Егоровна-то намъ не чужая. — Егоръ Петровичъ промолчалъ.

Къ вечеру, выпустили бѣдную затворницу.

Было уже около семи часовъ вечера; на дворѣ морозило; въ гостиной Звѣрева затопили огромную шведскую печку; заслонки были распахнуты; свѣтъ изъ устья багровымъ туманомъ проходилъ по комнатамъ; тѣнь отъ окошекъ, освѣщенныхъ полною луною, рѣзко обозначалась на торцевомъ полу; двѣ нагорѣвшія свѣчи стояли на столѣ и колебались отъ движенія воздуха; все эти роды освѣщенія мѣшались между собою; отраженные ими причудливыя тѣни мелькали на потолокъ, на широкомъ деревянномъ рѣзномъ карнизѣ и на стѣнахъ, обитыхъ черною кожею, съ свѣтящимися бляхами.

За столомъ сидѣли: Звѣревъ, его жена и Якко. Казалось, они только-что кончили длинный, неприятный разговоръ, за которымъ послѣдовало совершенное молчаніе. Наконецъ, двери отворились и вошла, какъ преступница, блѣдная, трепещущая Эльса. Якко съ важнымъ видомъ показалъ ей на стулъ, стоявшій противъ огня. Эльса не хотѣла садиться, но Якко грознымъ голосомъ подтвердилъ свое приказаніе и Эльса повиновалась. Она сѣла на стулъ, сложила руки и устремила въ устье неподвижный взоръ.

— Не пугайся, Эльса, сказалъ Якко по-фински, тихимъ голосомъ: — тебѣ никто не сдѣлаетъ зла; но скажи мнѣ откровенно, что значитъ этотъ свертокъ, который ты видишь здѣсь на столѣ? Какое твое было намѣреніе? Эльса ничего не отвѣчала и все пристальнѣе устремляла глаза въ устье очага;

лицо ея разгорѣлось; локоны повисли на глаза; лунный свѣтъ широкою полосою ложился на ея бѣлое платье; она трепетала всѣмъ тѣломъ, какъ Пиеія на очарованномъ треножникѣ. — Отвѣчай же, — повторилъ Якко, устремивъ на Эльсу сердитые глаза.

— О чемъ ты спрашиваешь меня, Якко, — наконецъ сказала Эльса прерывающимся голосомъ : — свертокъ бездѣлица... ребяческая шутка... я думала этимъ средствомъ отучить тебя отъ этой Маріи, которая хочетъ отнять тебя у меня... Но теперь не то... совсѣмъ не то... теперь... я все знаю, все вижу; теперь я сильна, и вы всѣ... ничто... предо мною...

— Что ты говоришь, Эльса? сказалъ Якко, съ видимымъ смятеніемъ : — ты не помнишь себя.

Эльса засмѣялась страннымъ хохотомъ.

— Иль ты не видишь—продолжала она : — тамъ... далеко... въ срединѣ пламени... алыя палаты моей сестрицы... вотъ она... въ вѣнкѣ изъ блестящихъ огней; она улыбается... она киваетъ мнѣ головою... она сказываетъ, что я должна говорить тебѣ...

Тутъ Якко вспомнилъ слова пастора, хотѣлъ броситься къ Эльсѣ и прекратить ея очарованіе; но любопытство и какая-то невидимая сила удержала его на стулѣ.

Эльса продолжала :

— Я еще была ребенкомъ, когда старый Руси бралъ меня къ себѣ на колѣни и садился противъ

огня; онъ накрывалъ руками мою голову, и, показывая на устье печи, говорилъ: «Эльса, Эльса, смотри свою сестрицу.» Тогда я, неразумная, боялась, хотѣла вырваться изъ рукъ старика, но невольно глаза мои устремлялись на огонь и скоро уже не могли оторваться; скоро въ глубинѣ, среди раскаленныхъ угольевъ, я видѣла, какъ теперь вижу, великолѣпныя палаты; тамъ столбы изъ живаго пламени вьются, тянутся въ небо и не тухнуть. Отъ нихъ сыплются багряныя искры и блестятъ на бѣлой огнепальной стѣнѣ: посреди тѣхъ палатъ мнѣ являлось лице ребенка, совершенно похожаго на меня; оно улыбалось, манило меня къ себѣ, исчезало въ потокахъ пламени и снова появлялось съ тою же улыбкою. — «Сестрица, сестрица,» говорила она мнѣ: «когда же мы съ тобой соединимся?» И сердце мое рвалось къ прекрасному ребенку, и онъ все улыбался и манилъ меня. Стоило мнѣ подумать о чемъ нибудь, или старый Руси спрашивалъ меня, и съ дальней стѣны срывалася пелена, и я видѣла все, что на землѣ и подъ землею, и горы, и лѣса, и пропасти водныя, и людей, и слышала, что они говорили, видѣла, что они дѣлали. «Бѣги отсюда,» говоритъ мнѣ теперь сестрица, — «здѣсь развлекуть тебя, удалятъ тебя отъ меня, погасятъ, ты отвыкнешь понимать языкъ нашъ! На берегахъ Вуоксы люди не совратятъ тебя, тамъ сосны и утесы безмолвны, луна свѣтитъ своей живительной силой и духотворитъ грубое тѣло; тамъ въ лучахъ луны, въ потокахъ пламени мы сольемся веселымъ хорово-

домъ, облетимъ всю землю, и вся земля для насъ будетъ свѣтла и прозрачна.» Слышишь, Якко, что говорить сестрица; тебя одного не достаетъ намъ; и тебя, неразумный, оживляла могучая сила стараго Руси; ты нашъ, Якко! ты мой и ничто не разлучить меня съ тобою; забудешь обо мнѣ — вспомнишь въ горькую минуту. Оставь этихъ людей, Якко; въ нашихъ живоогненныхъ чертогахъ свѣтло и радостно; тамъ встрѣтимся мы и въ одну пламенную нить сольемся съ тобою. Правда, еще не пришло мое время: скоро ли? спрашиваю у моей чудной сестры. — «Не скоро,» отвѣчаетъ она: «все вырастаетъ по степенямъ, какъ дерево изъ зерна. Сперва на землѣ, потомъ подъ землею, а потомъ... надъ землею, Эльса, и нѣтъ границъ нашей силъ и нашему блаженству!»

Якко не далъ ей продолжать.

— Тутъ происходитъ что-то странное, сказалъ онъ Егору Петровичу: — она внѣ себя; я вамъ совѣтую послать за лекаремъ.

— Да что жъ она вамъ сказала? — спрашивалъ Егоръ Петровичъ.

«Ничего,» отвѣчалъ Якко: «вы не должны ея бояться; она больна, на нее находить... Пошлите за докторомъ, повторяю вамъ, пусть онъ ее увидитъ въ этомъ положеніи.»

— Пожалуй, отвѣчалъ Егоръ Петровичъ: — Иванъ Христіановичъ недалеко отъ насъ живетъ и повечерамъ бываетъ дома. Послали за лекаремъ, а Эльса все сидѣла противъ огня, то смѣялась, то говорила

непонятныя рѣчи, то складывала руки, какъ будто умаливая кого о чемъ. Якко съ любопытствомъ ее разсматривалъ, положивъ, во чтобъ ни стало, дожждаться разрѣшенія этой загадки.

Черезъ четверть часа пришелъ Иванъ Христіановичъ, чопорный Нѣмецъ, въ коричневомъ кафтанѣ, съ укладными пуговицами; въ рукахъ у него была трость съ костянымъ набалдашникомъ; онъ очень важно постукивалъ ею, поплеывая со стороны на сторону, ибо имѣлъ привычку безпрестанно жевать табакъ, что тогда почиталось универсальнымъ лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней.

— Гдѣ жь больная? спросилъ онъ по-нѣмецки.

— Меня почитаютъ больною — отвѣчала Эльса на нѣмецкомъ языкѣ. Удивленіе Якко было невыразимо. Онъ зналъ, что, въ обыкновенномъ состояніи, Эльса не знала ни слова по-нѣмецки.

— Что же ты чувствуешь, мое милое дитя? — сказалъ Иванъ Христіановичъ.

— Добрый лекаръ, неразумный лекаръ, ты хочешь лечить меня. Знаешь ли ты, кого ты хочешь лечить? Умѣешь ли ты лечить огнемъ и пламенемъ? Смотри, сестрица смѣется надъ тобою, добрый лекаръ, неразумный лекаръ.

Иванъ Христіановичъ слушалъ, слушалъ ее съ удивленіемъ — нюхалъ табакъ и ничего не понималъ.

Между-тѣмъ, огонь гасъ мало-по-малу въ очагѣ, луна сокрылась за ближнимъ домомъ: съ тѣмъ вмѣ-

ствъ уменьшалась говорливость Эльсы. Наконецъ она какъ-будто проснулась.

— Гдѣ я? что со мною? — сказала она по-фински.

Докторъ щупалъ у ней пульсъ, Звѣревъ и Якко смотрѣли на нее съ участіемъ. Между-тѣмъ, Якко разсказалъ лекарю все происшедшее.

— Нахмуривъ брови и усердно нюхая табакъ, Иванъ Христіановичъ проговорилъ: — Странное дѣло, но бывали такіе примѣры, отъ дѣйствія жара нервныя духи поднимаются и дѣйствуютъ на головной мозгъ; а отъ-того мозгъ приходитъ въ нервное состояніе, такъ и Цельзіусъ пишетъ; впрочемъ, пироманція или гаданіе огнемъ была извѣстна и древнимъ, и производила у нихъ подобныя явленія; странно, что она и донынѣ сохранилась. Но бояться нѣчего! уложите больную въ постель, я вамъ пришлю изъ дома одно славное лекарство, которое, какъ доказываетъ нашъ славный голландскій врачъ Фанъ Андеръ, помогаетъ отъ всѣхъ болѣзней, а именно: опиума. Давайте ей каждый день по четыре капли, да нойте ее больше кофеемъ, и вы увидите, что всю блажь съ нея какъ рукой сниметъ.

На другой, на третій день, бѣдная Эльса въ-самомъ-дѣлѣ была больна отъ дѣйствія универсальнаго лекарства, на четвертый, она ужъ почти не вставала съ креселъ; то дѣлалось у ней волненіе въ крови, то сонливость.

Бѣдное дитя природы ничево не понимала, что съ нею дѣлають: зачѣмъ держуть ее въ заперти, зачѣмъ вливають въ нее какое-то снадобье, котораго дѣйствіе, однакоже, казалось ей довольно пріятнымъ; но часто она забывала все происходящее, и все ея вниманіе обращалось къ герою финскихъ преданій, славному Вейнемейнену. Она вспоминала, какъ онъ изъ щучьихъ ребръ сдѣлалъ себѣ кантелу, какъ не зналъ, откуда взять колки и волосъ на струны, и въ забытїи, напѣвала:

Росъ въ полянѣ дубъ высокій:
Вѣтви ровныя носилъ онъ
И по яблоку на вѣтви
И на яблокѣ по шару
Золотому, а на шарѣ
По кукушкѣ голосистой.
И кукушка куковала,
Долу золото струилось,
Серебро лилось изъ клева,
Внизъ на холмъ золоторебрый,
На серебряную гору:
Вотъ отколь винты для арфы
И колки для струнъ взялися.

Изъ чего же струнъ добуду,
Гдѣ волосъ найдти мнѣ конскихъ?

Вотъ, въ проталинѣ, онъ слышитъ,
Плачетъ дѣвушка въ долинѣ,
Плачетъ — только вполонину,
Вполонину веселится,
Пѣньемъ вечеръ сокращаетъ
До заката, въ ожиданьи,
Что найдетъ она супруга,
Что женихъ ее обниметь.

Старый, славный Вейнемейненъ
Слышитъ жалобу дѣвицы,
Ропотъ милаго дитяти.
Онъ заводитъ рѣчь и молвитъ :
«Подари мнѣ даръ, дѣвица !
Съ головы одинъ дай локонъ,
Пять волосъ, мнѣ поднеси ты,
Дай шестой еще въ добавокъ,
Чтобъ у арфы были струны,
Чтобы звуки получило
Вѣчно юное веселье.»

И даритъ ему дѣвица
Съ головы прекрасный локонъ,
Пять волосъ еще подноситъ,
Подаетъ шестой въ добавокъ.
Вотъ отколь у арфы струны,
У веселья звуки взялись (*).

Но вдругъ, голосъ Эльсы возвышается; глаза блистають, и она съ гордостью напѣваетъ :

Такъ играетъ Вейнемейненъ :
Мощный звонъ летитъ отъ арфы,
Долы всходятъ, выси никнуть,
Никнуть выпрениа земли,
Земли низменныя всходятъ,
Горы твердыя трепещуть,
Откликаются утесы,
Живы вьются въ пляскѣ, камни
Разсѣдаются на брегѣ,
Сосны зыблются въ восторгѣ.

(*) Эта и послѣдующія финскія народныя пѣсни взяты, съ нѣкоторыми пропусками, изъ Гротова перевода (См. «Современникъ» 1840).

Сладкій звонъ далеко слышенъ,
Слышенъ онъ въ шести селеньяхъ,
Оглашаетъ семь приходо́въ,
Птицы стаями густыми
Прилетаютъ и тѣснятся
Вкругъ героя-пѣснопѣвца.
Суомійской арфы сладость
Внялъ орелъ въ гнѣздѣ высоко́мъ,
И птенцовъ позабывая
Въ незнакомый край несется,
Чтобы кантелу услышать,
Чтобъ насытиться восторгомъ.
Царь лѣсовъ съ косматымъ строемъ,
Пляшетъ мирно той порою,¹
А нашъ старый Вейнемейненъ
Восхитительно играетъ,
Тоны дивныя выводитъ.
Какъ игралъ въ сосновомъ домѣ,
Откликался кровъ высокій,
Окна въ радости дрожали,
Полъ звѣнѣлъ, мощный костью,
Пѣли своды золотые.
Проходилъ ли онъ межъ сосенъ,
Шелъ ли межъ высокихъ елей —
Сосны низко преклонялись,
Ели гнулись привѣтно,
Шишки падали на землю,
Вкругъ корней ложились иглы.
Углублялся ли онъ въ рощи,
Рощи радовались громко;
По лугамъ ли проходилъ онъ, —
У цвѣтовъ вскрывались чаши,
Долу стебли поникали.

Но часто слова пѣсни сближались съ ея собственнымъ положеніемъ, и она жалобнымъ напѣвомъ отвѣчала Вейнемейнену, когда онъ спраши-

ваетъ плакучую развѣсистую березу, о чемъ она плачетъ :

Про меня иной толкуетъ,
А иной тому и вѣритъ,
Будто въ радости живу я,
Будто вѣчно веселюся.
Отъ-того, что я, бѣдняжка,
Весела кажусь и въ горѣ,
Рѣдко жалуясь на муки,
У меня, у горемыки,
У страдальцы, вѣдь часто
Лѣтомъ рветъ пастухъ одежду;
У меня, у горемыки,
У страдальцы вѣдь часто,
На печальномъ здѣшнемъ мѣстѣ,
Среди луговъ широкихъ,
Вѣтви, листья отнимаютъ,
Стволя срубаютъ на пожогу,
На дрова нещадно колютъ.
Были люди и точили
Топоры свои на гибель
Головы моея побѣдной.
Отъ-того весь вѣкъ горюю,
Въ одиночествѣ я плачу,
Что безпомощна, забыта,
Беззащитна, я осталась
Здѣсь для встрѣчи непогоды,
Какъ зима приходитъ злая.

И къ концу пѣсни, Эльса начинала плакать и плакала горько. Такъ заставлялъ ее Якко, и все его стараніе утѣшить, вразумить ее было тщетно. Страстная привязанность къ родинѣ еще болѣе усилилась въ Эльсѣ ея затворничествомъ. Якко не зналъ, что и дѣлать: въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ

образование Эльсы ни мало не подвинулось; ея понятія не развивались; всѣ народныя предразсудки пребывали во всей силѣ; оставить ее въ домѣ Звърева — не было возможности; жениться на ней — одна эта мысль обдавала Якко холодомъ; онъ невольно сравнивалъ свое состояніе съ прекрасною машиною, въ которой было только одно колесо неудачно сдѣланное, но которое нарушало порядокъ дѣйствія всѣхъ другихъ колесъ; онъ не могъ не сознаться, что Эльса была для него помѣхою въ жизни; его внутреннее неудовольствіе отражалось въ его словахъ, а Эльса отъ-того еще пуше горевала.

А между-тѣмъ, Эльса была прекрасна, между-тѣмъ, въ ея глазахъ свѣтилось ему родное небо, баснословный міръ дѣтства, и Якко по прежнему уходилъ домой съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Наступилъ ноябрь мѣсяцъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, лилъ сильный дождь и морской вѣтеръ выгонялъ Неву изъ береговъ. Однажды утромъ, Якко сидѣлъ въ уединенной комнаткѣ, отведенной ему въ адмиралтействѣ, и углубившись въ работу, не замѣчалъ, что вокругъ него происходило; между-тѣмъ, весь городъ былъ въ волненіи, вода возвысилась непомерно, жители прибережныхъ частей города перебирали свои пожитки на чердаки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже взбирались

и на крышки; высокой гранитной набережной еще не существовало; нынѣ незамѣчаемая прибыль воды, въ 1722 году была истиннымъ бѣдствіемъ для города; Якко взглянулъ въ окошко: адмиралтейская площадь обратилась въ море, по ней неслись лодки, бревна, крыши, гробы. Домъ Звърева находился въ части города, наиболѣе подверженной наводненію; мысль объ участи, ожидавшей это семейство, поразила Якко; но какъ помочь ему, какъ дойти до него? Волны уже били въ верхнее звѣно нижнихъ этажей! Въ отчаяніи ломая руки, смотрѣлъ Якко на разливъ Невы и пріискивалъ средство выйти изъ дома чрезъ окошко. Въ эту минуту, онъ смотритъ: небольшой катеръ съ переломленною мачтою несется по Невѣ; два матроса тщетно стараются вытащить обломокъ мачты, погружившейся въ воду, или перерубить веревки; уже катеръ перегнуло на одну сторону; на кормѣ стоитъ человекъ высокаго роста; черные его волосы разметаны по плечамъ; одною рукою онъ стиснулъ руль, другою ободряетъ потерявшихся матросовъ, но — еще минута, и катеръ долженъ опрокинуться. Якко смотритъ, не вѣритъ глазамъ своимъ — это самъ Государь!

При этомъ видѣ, молодой Финнъ забываетъ всю опасность. Сильною рукою онъ выбиваетъ стекольную раму и бросается вонъ изъ окошка; въ это время, крѣпко связанный плотъ прибило къ стѣнѣ дома; отъ движенія плота Якко сильно ударился головою объ стѣну и почти въ безпамятствѣ ухватил-

ся за скользкія бревна; въ такомъ положеніи его застали люди, находившіеся на одной изъ адмиралтейскихъ лодокъ.

Едва Якко пришелъ въ чувство — первый его вопросъ былъ о Государь. «Пересѣлъ на другой катеръ», — отвѣчали ему; тогда Якко вспомнилъ снова о своемъ семействѣ и лодка быстро повернула по направленію къ дому Звърева. Подъѣзжая къ нему, Якко увидѣлъ, что вода выливалась уже изъ окошекъ, — во всемъ домѣ не было и признака живаго человѣка. Скорбь сжала сердце молодаго Финна; погибли послѣдніе люди, которыхъ онъ могъ называть родными. Но скоро вниманіе его было обращено на большой катеръ, который старался на веслахъ приблизиться къ дому; смотреть, въ катеръ: Звъревъ, жена его, всѣ домашніе — катеръ ближе, ближе, Якко различаетъ всѣхъ въ лицо и не видитъ — лишь одной Эльсы.

«А Эльса?» вскричалъ онъ въ отчаяніи.

— Не знаемъ! — печально отвѣчалъ ему Звъревъ.

Молодой человѣкъ упалъ безъ чувствъ въ лодку.

Къ вечеру вода сбыла. Жители мало-по-малу возвращались въ дома, стараясь изгладить слѣды наводненія, и скоро въ юной, отважной столицѣ все пришло въ обыкновенный порядокъ.

Въ спальной Звѣрева лежалъ нашъ Якко съ распухнувшей головою и въ припадкѣ сильной горячки. Онъ метался на кровати, то произносилъ непонятныя слова, то призывалъ домашнихъ, Эльсу. Такъ прошли долгіе дни. Наконецъ, Якко пришелъ въ себя и первое лицо, которое узнала его ослабѣвшая память, была Марья Егоровна; она сидѣла возлѣ кровати и съ участіемъ смотрѣла на больного.

«Гдѣ я? что со мною?» спросилъ Якко.

— У людей, которые васъ любятъ — отвѣчалъ тихій голосъ.

Все возобновилось въ памяти молодаго человѣка; онъ взялъ Марью Егоровну за руку и крѣпко прижалъ ее къ губамъ; Марья Егоровна опустила глазки и покраснѣлась.

Вошла въ комнату Федосья Кузьминшна.

«Что случилось съ Эльсой?» спросилъ Якко.

— А — слава Богу! очнулся, батюшка — вѣдь три недѣли былъ въ забытій, легко ли дѣло; — ну что твоя сестрица, — живехонька, батюшка — уѣхала къ своимъ съ какимъ-то Чухною; уже мало ли Егоръ Петровичъ хлопоталъ, — насилу провѣдали, куда она запропастилась, на воскъ какой-то, что ли?

Дѣйствительно, во время наводненія, когда водою уже наполнился дворъ и Егоръ Петровичъ собирался съ домашними съѣсть на подѣхавшій съ улицы адмиралтейскій катеръ, въ хлопотахъ забыли объ Эльсѣ; въ это время, она была въ своей комнатѣ, выходившей окнами во дворъ и запертой по благо-

разумному распоряженію Федосьи Кузьминишны; бѣдная затворница съ ужасомъ смотрѣла на прибывающую ежеминутно воду : — « все кончилось » говорила она : « Рутцы напустили на Вейнелейсовъ море — все должно погибнуть ; нѣтъ спасенія ; » и съ сими словами она сложила руки , съѣла противъ окошка и хладнокровно глядѣла , какъ вода уже приподнимала крышу низкаго амбара . Вдругъ , смотритъ , на дворѣ является лодка , въ лодкѣ знакомое лицо . « Юссо , Юссо ! » вскричала Эльса , отворивъ широкую форточку . « Я здѣсь , я здѣсь ! спаси меня ! »

И ловкій Финнъ приблизился къ окошку , уцѣпился за ставни , помогъ Эльсѣ пробраться на свой челнокъ , посадилъ ее , ударилъ веслами и скоро челнокъ исчезъ изъ вида .

Между-тѣмъ , садясь въ катеръ . старикъ Звѣревъ вспомнилъ объ Эльсѣ ; — скорѣе къ ней въ комнату — нѣтъ ея , бѣгали по всему дому , всходили на чердаки — пропала Эльса ; минуты были дороги , управляющій катеромъ говорилъ , что онъ долженъ еще многимъ домамъ подать помощь — и Егора Петровича почти силою втащили въ катеръ .

Якко съ каждымъ днемъ оправлялся . Однажды , когда Марья Егоровна вошла къ нему въ комнату , онъ сказалъ :

«Вы уже забыли обо мнѣ, Марья Егоровна, такъ рѣдко навѣщаете меня.»

— Когда вы были опасны, отвѣчала дѣвушка : — я, видитъ Богъ, не отходила отъ васъ ; но теперь вы, слава Богу, уже начинаете выздоравливать, и мнѣ одной съ вами оставаться неприлично.

«Нѣтъ ли средства помочь этому горю?» сказалъ улыбаясь Иванъ Ивановичъ.

— Какое же? я не знаю.

«Очень простое — быть моею женою! что скажете вы на это, Марья Егоровна?»

Марья Егоровна проговорила обыкновенное въ такихъ случаяхъ : «я отъ себя не завишу» и молодой человѣкъ нѣжно поцѣловалъ ея руку.

Съ стариками было переговорено ; они дали свое благословеніе. «Но прежде свадьбы мнѣ остается еще одно дѣло» сказалъ Якко Егору Петровичу : — «я хочу устроить Эльсу.»

— Доброе дѣло, отвѣчалъ старикъ : — такъ и слѣдуетъ.

Черезъ нѣсколько дней, сани мчали молодаго Финна къ его родимому берегу. Верстъ за сорокъ до Иматры, онъ уже сталъ спрашивать по хижинамъ объ Эльсѣ, внукъ стараго Руси ; но жители ему от-

въчали, что Иматра отъ нихъ далеко, далеко, и что они никого тамъ не знаютъ:

Версть за двадцать рассказы были другіе; «какъ не знать Эльсы» говорили Финны: «такой знахарки у насъ уже давно не бывало; все знаетъ, что ни спроси; заболѣетъ ли человѣкъ, али какое животное, прійдешь къ ней, поклонись — съ живой руки сниметъ. За то скоро счастлива будетъ; Юссо говоритъ, что непременно на ней женится.»

Быстро мчались широкія сани по глубокому снѣгу, туманъ лежалъ на равнинахъ, зеленыя ели тихо качались надъ сугробами, мѣсяцъ мелькалъ изъ облаковъ и блѣдными его лучами прорѣзывались слои тумана, — туманъ разсѣдался, пропускалъ свѣтлую полосу и снова заволакивалъ придорожные утесы. Грустно было на душѣ Якко — вхалъ онъ по землѣ родной, которая была уже для него чужая; иногда воображенію его представлялся Петербургъ съ своею дѣятельною, просвѣщенною жизнію, и снова невольнo взоръ Финна обращался на печальную картину родимаго края.

Недалеко отъ Иматры Якко замѣтилъ въ избушкѣ, стоявшей уединенно посреди скалъ, необыкновенное освѣщеніе; частію любопытство, частію какое-то невольное чувство заставили его остановиться; Якко вышелъ изъ саней, — къ избушкѣ; смотритъ въ волоковое окно — тамъ какой-то празд-

никъ — свадьба или что-то подобное. Рассмотрѣвъ по пристальнѣе, Якко скоро замѣтилъ въ избушкѣ Эльсу; она въ финскомъ платьѣ, довольно богатомъ, сидѣла на почетномъ мѣстѣ, всѣ обращались съ нею съ величайшимъ уваженіемъ, подчивали ее и кланялись. Эльса была весела и довольна и смѣясь рассказывала, какъ Рутцы напустили на Вейнелейсовъ море и хотѣли утопить ее и какъ она съ Юссо обманула ихъ.

Якко задумался. «Здѣсь она весела, уважена всѣми, говоритъ своимъ языкомъ, она свободна, счастлива; тамъ она печальна, связана во всѣхъ движеніяхъ, предметъ насмѣшекъ и ненависти. Зачѣмъ я отниму у ней ея счастье въ надеждѣ другаго, ей непонятнаго и, можетъ-быть, несбыточнаго?»

Въ это время, Эльса встала, распрощалась съ хозяевами, — почетнѣйшіе пошли провожать ее, — толпа прошла мимо Якко, — онъ видѣлъ Эльсу въ двухъ шагахъ отъ себя, — но промолчалъ и только печально смотрѣлъ въ слѣдъ ея, пока она не скрылась въ туманѣ.

Тогда Якко вошелъ въ хижину и отдавая хозяину кошелекъ съ деньгами, сказалъ : «скажите Эльсѣ, внукъ стараго Руси, что Якко ей посылаетъ это на свадьбу.» — Якко зналъ честность своихъ единопоземцевъ и былъ увѣренъ, что кошелекъ дойдетъ по назначенію.

Пока хозяева удивлялись такому несмѣтному бо-

гатству, Якко вышелъ изъ хижины, — взглянулъ еще разъ на родные утесы :

«Послѣдняя нить порвана», сказалъ онъ самому себѣ: «земля моя — мнѣ чужая. Прощай же, Сусмія — прощай навсегда! и здравствуй, Россія, моя отчизна!»

Молодой Финнъ закрылъ глаза рукою, бросился въ сани, — колокольчикъ зазвенѣлъ!

На берегахъ Вуоксы до-сихъ-поръ сохраняется преданіе о дѣвушкѣ, которую богатый баринъ увезъ-было въ Петербургъ, и которая убѣжала отъ богатства изъ любви къ своей лачужкѣ; рассказываютъ и о томъ, какъ встарину незнакомые люди, или духи, въ богатомъ платьѣ, вдругъ являлись въ хижинахъ и оставляли на столѣ деньги, прося ихъ отдать Эльсѣ, старой колдуньѣ.

II.

Э Л Ъ С А .

(ПОСВ. ГРАФУ В. А. СОЛДОНУБУ.)

Errant, erraverunt ac errabunt, eo quod proprium
agens non posuerunt Philosophi.

IOANNES PONTANUS in «*Theatro Alchemico*».

Мы сидѣли передъ огнемъ; вдругъ отецъ ударилъ меня такъ больно, что я заплакалъ. — «Не плачь» сказалъ отецъ: — «ты ни въ чемъ не провинился; сию-минуту Саламандра появилась въ огнѣ; я тебя ударилъ, чтобъ ты не забылъ о семъ и передалъ это событіе своимъ дѣтямъ.»

Подлинныя Записки БЕНВЕНУТО-ЧЕЛЛИНИ.

Въ Москвѣ жилъ-былъ у меня дядюшка, человекъ немолодой, но съ умомъ, сердцемъ и образованностію, — а въ этихъ трехъ вещахъ, говорятъ, скрывается секретъ никогда не старѣться. Дядюшка не выживалъ изъ ума, потому-что не выживалъ изъ людей; три поколѣнія прошли мимо его, и онъ понималъ языкъ каждаго; новизна его не пугала,

потому-что ничто не было для него ново ; постоянно слѣдя за чудною жизнію науки, онъ привыкъ видѣть естественное развитіе этого огромнаго дерева , гдѣ безпрестанно изъ открытія являлось открытіе, изъ наблюденія наблюденіе. изъ мысли выростала другая мысль, которая, въ свою очередь, выводила изъ земли первоначальную. Отъ-того разговоръ его всегда былъ привлекателенъ, хотя страненъ ; въ немъ не было этихъ сужденій, давно вымоченныхъ и выдавленныхъ какъ старая свекловица на сахарномъ заводѣ ; въ немъ не было этихъ фразъ , которыя у иныхъ людей васъ ожидаютъ въ томъ или другомъ случаѣ , какъ надпись надъ банкою въ кунтскамерѣ, или какъ припѣвъ водевильнаго куплета ; — но со многими изъ его понятій нельзя было согласиться : онъ утверждалъ, на-прим. , что знать много , очень-много , совсѣмъ немудрено ; что въ старину люди были хуже насъ , но гораздо больше насъ знали , и что , на-прим. , никогда знанія чело-вѣческія не достигали до такой обширности , какъ передъ потопомъ !... Надобно къ сему прибавить, что дядя въ молодости много путешествовалъ и — тогда была наэто мода—перебывалъ членомъ всѣхъ возможныхъ мистическихъ обществъ : онъ и варилъ золото, и вызывалъ духовъ, прыгалъ и заставлялъ прыгать на восковые гвозди , или черезъ коверъ, игравшій роль бездонной пропасти, и проч. и проч. Много чуднаго сохранилось въ его памяти объ этихъ предметахъ ; но, говоря о нихъ, онъ употреблялъ какой-то странный способъ выраженія, вмѣ-

ствѣ и важный и насмѣшливый, такъ-что нельзя, бывало, угадать, въ самомъ ли дѣлѣ дядя вѣрилъ своимъ словамъ, или смѣялся надъ ними. Когда мы приставали къ нему и требовали настоятельно, чтобъ сказалъ, шутить онъ, или говоритъ правду, и упрасивали его бросить двусмысленный тонъ, дядя улыбался съ простодушнымъ лукавствомъ, и замѣчалъ, что безъ этого тона нельзя обойтись, говоря о многихъ вещахъ въ этомъ мірѣ, а особливо о вещахъ не совсѣмъ этого міра.

Однажды, я засталъ старика поутру за чашкою кофе.

«Что это значитъ, дядюшка? Вы прежде, кажется, поутру не кушали кофе?»

— Да что мнѣ дѣлать съ вашими учеными и докторами? Вотъ твердили мнѣ, что двѣ чашки кофе въ день поутру и послѣ-обѣда для меня слишкомъ-много: я отказался отъ утренней чашки и спокойно дожидался моей послѣобѣденной; а вотъ недавно лукавый дернулъ одного Нѣмца написать цѣлую книгу (съ этими словами дядюшка ударилъ рукою по латинскому *in-quarto*) въ доказательство, что нѣтъ ничего вреднѣе, какъ кофе послѣ обѣда, и такъ убѣдилъ меня, злодѣй, что я съ той же минуты пожаловалъ послѣобѣденную чашку въ утреннюю.

«А между-тѣмъ, на вакансію послѣобѣденной поступить другая, дядюшка, не такъ ли?»

Дядя махнулъ рукою.

— Вы, молодые люди, никогда не вѣрите намъ,

старикамъ. Вотъ ты, я чаю, не повѣришь и тому, на-прим., что можетъ быть шумъ и крикъ въ домъ безъ всякой видимой причины?

«Полувѣрю...»

— Половина ни въ чемъ никуда не годится; все въ природѣ есть цѣлостъ—не такъ ли... какъ тебя, шеллингистъ, или гегелистъ?

«И то и другое, а, можетъ-быть, ни то, ни другое...»

— Что? что? сомнѣніе? скептицизмъ?... какая старина! Но въ этомъ случаѣ, сдѣлай милость не будь скептикомъ, ибо что я говорю, то правда. Ко мнѣ сію минуту приходилъ хозяинъ дома и разсказалъ то, что, впрочемъ, я давно знаю. Да! я знаю этотъ домъ уже лѣтъ сорокъ; онъ въ мое время принадлежалъ князю А., съ которымъ мы были дружны въ молодости. Тогда еще дворяне жили боярски: въ домъ, на каждомъ шагу видно было, что у хозяина были отецъ, дѣдъ, прадѣдъ и предки, чего не замѣтишь въ нынѣшнихъ наемныхъ квартирахъ, гдѣ наши историческія имена такъ скудно проживаютъ и проживаются...

«Дядюшка! это мнѣ не въ бровь, а прямо въ глазъ...»

— Знаю, знаю, новое поколѣніе!... Отцы наши жили небережно—они не подорожили ни вашимъ именемъ, ни здоровьемъ; я и не виню васъ: вы очищаете грѣхи отцовскіе. Но въ мое время, не такъ было: дѣдъ нынѣшняго наслѣдника тридцать лѣтъ жилъ безвыѣздно въ своемъ московскомъ боярскомъ

домъ; имъ кормился цѣлый околодокъ; его именемъ называлась цѣлая улица, ибо онъ въ точности исполнялъ боярскую должность: дѣлалъ добро, не считая и забывая, — а съ его легкой и щедрой руки поднялось нѣсколько купцовъ, которыхъ дѣти теперь мильйонеры. Въ его всегда-развязанномъ кошелькѣ черпалъ отецъ, отдававшій сына въ училище, промышленникъ, заводившій ткацкій станъ; по милости этого кошелька, образовались нѣсколько хорошихъ живописцевъ въ академій, цѣлый оркестръ музыкантовъ... Впрочемъ, тогда такъ дѣлали многіе, и, повѣрь самовидцу, что нынѣшнему богатству московскаго средняго класса и разрастающейся промышленности первое начало было положено тогдашнею боярскою даровитостью, которая однакожь умѣла не прожиться. Я часто бывалъ у князя; еще тогда, т. е. лѣтъ за сорокъ, онъ показывалъ мнѣ комнату, въ которой иногда по ночамъ слышенъ былъ странный шумъ, похожій на вопли; я даже нарочно ночевалъ нѣсколько дней сряду въ княжескомъ домѣ и самъ два раза слышалъ этотъ шумъ. Едва мы отворяли дверь — все утихало; комната была пуста, и все на своемъ мѣстѣ. Въ эту комнату призываны были и ученые, и колдуны, и заговорщики — ничто не помогло и ничто ничего не объяснило. Съ-тѣхъ-поръ, мнѣ было время забыть объ этомъ домѣ: но на-дняхъ послѣдній наслѣдникъ продалъ заочно отцовскій домъ здѣшнему, мнѣ знакомому купцу, который въ боярскихъ палатахъ хочетъ завести какую-то прядиль-

ную фабрику; третьяго-дня онъ пришелъ ко мнѣ и, рассказывая о выгодахъ своей покупки (ибо я его приучилъ меня не обманывать), замѣтилъ, что одно только худо. — Что же такое? спросилъ я. — Да такъ, отвѣчалъ онъ, почесываясь и улыбаясь: — какъ мы проста говоримъ, купилъ я домъ-то съ домовыми. — Какъ съ домовыми? — Да такъ, батюшка; едва мы переселились въ него, какъ ночью услышали, кто-то въ залѣ вопить: мы подумали, что тамъ кто остался изъ рабочихъ; пришли — все тихо, а въ покоѣ пустехонько. На другую ночь—то же, и на третью ночь то же: завопить, завопить, да вдругъ и стихнетъ, а тамъ опять; этакъ бываетъ раза два-три въ ночь, такъ-что ужасъ на всѣхъ навело. Не знаете ли, батюшка, какого средства?... Я побѣхалъ съ купцомъ въ его новый домъ и безъ труда узналъ ту самую комнату, въ которой я дѣлалъ свои наблюденія еще при покойномъ князѣ, — въ ней не было никакой перемѣны.

«Что же вы присовѣтовали бѣдному купцу? спросилъ я у дядюшки.

— Я присовѣтовалъ ему поставить въ этой огромной комнатѣ паровую машину, увѣривъ его, что она имѣетъ особенное свойство выгонять домовыхъ. Но пока еще комната не передѣлана, не хочешь ли ты, господинъ-физикъ, посмотреть ее и по новымъ теоріямъ объяснить это странное явленіе? вѣдь вы нынче беретесь все объяснять!

«Нѣтъ, мы нынче беремся ничего не объяснять...

Мы утверждаемъ, что всякая вещь есть, потому-что она есть...

— Это очень полезно для хода наукъ, благоразумно и избавляетъ отъ труда искать и забираться въ даль...

«Однакожь, комнату посмотрѣть любопытно...

— Хорошо, сказалъ дядюшка : — карету! Только увѣрся, что все это не мечта воображенія; что я, человекъ хладнокровный, слышалъ эти вопли собственными ушами. Впрочемъ, нельзя не повѣрить и купцу.

Когда мы вошли въ старобоярскій домъ, я съ грустію посмотрѣлъ на княжескіе гербы, которые щедро разсыпаны были по стѣнамъ; на ряды портретовъ фамиліи, которой начало терялось въ баснословныхъ временахъ нашей исторіи; на старинныя хрустальныя люстры, которыми освѣщались боярскіе пиры, открытые для всѣхъ мимоходящихъ; на кабинетъ князя, съ его огромными креслами, гдѣ онъ, можетъ-быть, думалъ, на какое новое добро бросить свое золото — и сердце мое сжалось при мысли, что грубая механическая работа заступитъ мѣсто высокихъ нравственныхъ дѣяній. Дядя молчалъ, но, кажется, думалъ то же; а словоохотливый хозяинъ еще докучалъ намъ разсказами: «Здѣсь будетъ сушильня, здѣсь чесальня, здѣсь бѣлильня, въ кабинетъ складочная для хлама, и пр. т. п.» Ситецъ и набойка! стѣдите ли вы этого? Подъ вашими станами исчезаетъ память о древнемъ добрѣ нашихъ предковъ, исчезаетъ исто-

рія! Въѣтихъ размышленіяхъ, мы совсѣмъ позабыли предметъ нашего посѣщенія. Наконецъ, хозяинъ растворилъ дверь въ огромную залу, освѣщенную сверху : « Вотъ здѣсь, по совѣту вашему, батюшка, поставлю паровикъ ; оно и очень удобно. Вотъ здѣсь-то »... хозяинъ сдѣлалъ значительную мину и перекрестился.

Я осмотрѣлъ со вниманіемъ эту странную комнату и наконецъ сказалъ дядюшкѣ :

« Это не комната, а духовой инструментъ. »

— Вотъ что ! сказалъ дядя , насмѣшливо улыбаясь : — сдѣлай милость, объясни, да пояснѣе. Въдь нынѣ вы гоняетесь за ясностію, — подумаешь въ-самомъ-дѣлѣ, что есть что-нибудь ясное для человека на семь свѣтъ ! Объясни, объясни.

« Объяснить трудно, но догадываться можно. Я не шучу. Въ-самомъ-дѣлѣ, эта комната похожа на духовой инструментъ. Посмотрите на эту длинную галерею, которая, какъ труба, примыкаетъ къ этой залѣ : эта зала играетъ роль раструба волторны, а въ самой залѣ взгляните на сводъ, сдѣланный въ потолокъ : этотъ сводъ — отрѣзокъ конуса ; на этотъ сводъ рамы окошекъ опускаются въ видѣ отрѣзка октаэдра...

— Пощади, пощади ! вскричалъ дядя : — если не меня, то хоть по-крайней-мѣрѣ эту невинность ! (Съ этими словами онъ указалъ мнѣ хозяина дома, который, выпучивъ глаза, слушалъ меня со всевозможнымъ вниманіемъ и притакивалъ.) Вы, батюшка,

Пантелей Артамоновичъ, не дивитесь: мой племянникъ мастеръ заговаривать; а вы знаете, въ «заговорахъ» бывають нѣвѣсть какія слова: и конусы, и октаэдры...

«Понимаемъ, понимаемъ, батюшка,» отвѣчалъ хозяинъ.

— Какое же заключеніе? спросилъ меня дядя.

«А такое, что всякій звукъ въ этой галлерей, которая построена сводомъ, проходя въ эту залу, долженъ удесяттериться. Теперь вообразите, что этотъ звукъ попадетъ въ тонъ этого свода — тогда звукъ навѣрное усилится всотеро; прибавьте къ этому эхо, производимое наклоненными рамами, и тогда увѣритесь, что пискъ какой-нибудь крысы—въ этомъ акустическомъ микроскопѣ покажется похожимъ на вопль человѣка...»

— Совершенно справедливо, замѣтилъ дядя: — только ты, человѣкъ девятнадцатаго вѣка, долженъ доказать слова свои опытомъ...

Я пошелъ въ галлерей, шаркалъ, пѣлъ, свисталъ — всѣ эти звуки раздавались громко въ галлерей, но въ залѣ ничего подобнаго воплю не дѣлалось. Дядя улыбался; хозяинъ дома смотрѣлъ на все это съ удивленіемъ, не зная, что передъ нимъ происходитъ, шутка или дѣло. Я измучился, ходя по галлерей.

— Ну, что скажешь, господинъ-ученый? сказалъ мнѣ дядя по-французски.

«Скажу то, что я вамъ вѣрю; вѣрю и хозяину дома, но...»

— Но тебѣ хочется самому испытать, не обманываемъ ли мы тебя?...

«Почти такъ, дядюшка; опытъ будетъ чище, какъ говорятъ химики.»

— Если за тѣмъ дѣло стало, то изволь! Вотъ, Пантелей Артамоновичъ, продолжалъ дядя, обращаясь къ хозяину дома: — мой дѣка говоритъ, что ему стоить провести у васъ одну ночь, такъ онъ разомъ выведетъ домовыхъ... у него есть такое зелье.

Хозяинъ кланялся и благодарилъ.

— А чтобъ тебѣ не такъ было страшно, прибавилъ дядя: — господинъ-философъ, я у тебя буду для компаніи.

Вечеромъ, мы явились на сторожку. Намъ отвели маленькую комнату возлѣ двери очарованной залы. Я принялъ всѣ возможные предосторожности, осмотрѣлъ всѣ прилежащія комнаты, заперъ всѣ двери, вездѣ зажегъ множество свѣчей, а изъ кармана вынулъ нѣсколько номеровъ политическихъ французскихъ газетъ. Дядя былъ сумрачнѣе обыкновеннаго.

— Это чтò такое? спросилъ онъ, показывая на газеты.

«Это мое зелье,» отвѣчалъ я: «то зелье, о которомъ вы говорили хозяину дома.»

— Подлинно зелье, возразилъ дядя: — и даже очень дѣйствительное; ничто столько не удаляетъ человѣка отъ внутренней, таинственной, настоя-

щей его жизни, ничто его столько не дѣлаетъ глухимъ и нѣмымъ, какъ картина этихъ мелкихъ страстишекъ, мелкихъ преступлений, которая называется политическимъ міромъ...

«Что дѣлать? человекъ принужденъ жить въ этомъ мірѣ...»

— То-есть, хочетъ жить. Его скотинкѣ очень нравится переливать изъ пустаго въ порожнее, и увѣрять себя, что занимается чѣмъ-то очень важнымъ и дѣльнымъ. Ей по-плечу всѣ эти маленькія хитрости, всѣ эти маленькія подлости для маленькихъ цѣлей. Не знаютъ эти господа, какъ они портятъ воздухъ, которымъ мы дышемъ!

«Портятъ воздухъ?»

— Да еще какъ!

Я засмѣялся.

«Любопытно было бы изслѣдовать, сказалъ я: — какое химическое измѣненіе производятъ газеты въ воздухъ...»

— Изслѣдуй лучше, господинъ-ученый, отъ-чего пылица мускуса наполняетъ своимъ запахомъ цѣлую комнату. Ты, вѣрно, слыхалъ, что императрица Жозефина очень любила мускусъ. Недавно, вошли въ комнату, которую она занимала тому лѣтъ тридцать; въ-теченіе того времени эту комнату и мыли, и провѣтривали, и мѣбели въ ней перемѣняли — что же? запахъ мускуса въ ней все-таки до-сихъ-поръ остался.

«Объ этомъ было во всѣхъ журналахъ; но это

ничего не доказываетъ; известна дѣлимость мускуса...

— Известна? повторилъ дядя, захохотавъ. Если такъ, то поздравляю. А известно ли тебѣ, почему ты не войдешь въ комнату больного заразительною болѣзнію?

«Безъ сомнѣнія! потому-что отъ испареній, отъ дыханія больного составляется болѣзненная, заразительная атмосфера...

— Болѣзненная атмосфера! А ты думаешь, дитя, что та сила, которая въ тысячу кратъ сильнѣе тѣлеснаго дыханія и матеріальной дѣлимости, сила преступной мысли, преступнаго чувства, преступнаго слова или дѣла не производитъ вокругъ себя болѣзненной, тлетворной атмосферы? Скажи, неужели ты не замѣчалъ на себѣ, что ты легче дышешь въ-присутствіи добраго человѣка, нервы твои успокоиваются, какъ-бы благовонный елей пролился на нихъ, голова свѣтлѣе, сердце бьется ровно и весело, и напротивъ невольно духъ занимаетъ въ-присутствіи подлеца, что-то тяготитъ тебя, давить; мысли сжаты, сердце бьется тоскливо, ты боишься устремить свои глаза противъ такого человѣка, какъ-будто стыдишься за него, или боишься, чтобъ онъ своимъ взоромъ не прожегъ твоей внутренности?... Инстинктъ тебя не обманываетъ! Вѣрь, молодой человѣкъ, что вокругъ каждой мысли, каждаго чувства, каждаго слова и дѣла образуется очарованный кругъ, которому невольно подчиняются попавшія въ него менѣе мощныя мысли, чув-

ства и дѣла; эта истина современна міру; грубая эмблема ея сохранилась въ тѣхъ очарованныхъ кругахъ, которыми очерчиваютъ себя сказочные волхвы.

«Все это можетъ быть очень справедливо, если можетъ быть доказано.

— Доказано, доказано! повторилъ дядя съ сердцемъ. — Да имѣете ли вы способность доказывать? Что у васъ доказано?...

«Очень немного, но по-крайней-мѣрѣ въ эту минуту доказано, напримѣръ то, что эта свѣча стоитъ на столѣ, потому-что я ее вижу...

Дядя захохоталъ. — Видишь? видишь? А по какому праву ты видишь? по какому праву ты думаешь, что ты видишь? кто сказалъ тебѣ, что ты видишь? кто сказалъ тебѣ, что передъ тобою свѣча? Я, напротивъ, увѣряю тебя, что не свѣча теперь передъ тобою; докажи мнѣ противное.

Я захохоталъ въ свою очередь.

«А я васъ увѣряю, что теперь на лунѣ даютъ большой концертъ, на который собрались всѣ лунные жители; докажите мнѣ противное.

— Такъ! вскричалъ дядя: — вотъ ваша логика XIX-го вѣка! дальше ея вы ничего не видите. Ты, разумѣется, правъ въ отношеніи къ ней, но она то не права въ-отношеніи ко мнѣ. Смѣйся, смѣйся, господинъ-философъ, но достовѣрно то, что есть мѣста, къ которымъ какъ-бы привязано все прошедшее, на которыхъ таинственными буквами на-

чертаны для людей, отдаленныхъ отъ насъ столѣтїями, ихъ мысли, ихъ воля... Не смѣйся; мнѣ также на-дняхъ довелось посмѣяться надъ вашими учеными, которые прокаливали и вымачивали намагнетизированныя вещи, и потомъ очень были удивлены, что не смотря на всѣ ихъ продѣлки, эти вещи однимъ прикосновенїемъ наводили магнетическій сонъ на сомнабуловъ... Матеріалисты! хотѣли прокалить и вымочить волю магнетизѣра! Вамъ надобны факты? Хорошо! Знаешь ли ты, господинъ-ученый, что есть люди, которые носятъ съ собою всѣ дѣла свои? Въ молодости, я зналъ одного человѣка, который обольстилъ дѣвушку, и несчастная кинулась въ рѣку. Что же? какъ скоро онъ начиналъ рассказывать объ этомъ, — волосы его подымались дыбомъ, лицо блѣднѣло, онъ весь трепеталъ; въ эту минуту, онъ видѣлъ передъ собою, какъ я теперь вижу тебя, рѣку, несчастную дѣвушку, ея предсмертныя муки...

«А! знаю, знаю! эту комедїю очень хорошо представляетъ одинъ мой знакомый...

— Да, я знаю, что это происшествїе обращено въ шутку; но его основа истинная: я зналъ очень хорошо человѣка, съ которымъ это случилось и увѣряю тебя, что для него оно не было шуткой, а доказательство — онъ умеръ, замученный этимъ видѣнїемъ...

«Позвольте, однакожь, вамъ замѣтить, дядюшка, что вы не даромъ завели такой разговоръ. Вамъ хочется раздражить мое воображенїе, приготовить

меня къ необычайному, потомъ напугать меня, чтобъ послѣ, по вашему обыкновенію, вдоволь посмѣяться и надо мною, и надъ нашимъ вѣкомъ, и надъ нашими знаніями.

Дядя улыбнулся своей неопредѣленной улыбкой. — Читай же свое зелье, сказалъ онъ, и съ сими словами вынулъ изъ кармана книгу.

«Что я вижу? вскричалъ я: — да это «Брюсовъ Календарь!» Такъ вотъ откуда вы почерпаете свою мудрость, почтеннѣйшій дядюшка? Позвольте мнѣ въ свою очередь посмѣяться.

— Въ этой книгѣ много вздора, отвѣчалъ дядя съ полу-важнымъ и съ полунасмѣшливымъ видомъ: — но въ этомъ виноватъ не сочинитель... Какъ бы то ни было, мнѣ эта книга нужна: сегодня я хочу повѣрить одну цифру, которая кажется мнѣ сомнительною.

Уже было одиннадцать часовъ вечера; всѣ въ домъ улеглись; на улицахъ смолкло; лишь съ каланчей раздавались протяжные оклики часовыхъ и терялись въ отдаленіи; свѣчи нагорѣли и трепещущія тѣни ложились по карнизамъ, украшеннымъ княжескими гербами; все было тихо.

Газеты были интересны въ эту минуту; читая ихъ, я совершенно забылся; все мое вниманіе было устремлено на этотъ положительный европейскій міръ съ его дѣятельностію, промышленностію, страстями, паровыми машинами. Особенно статья о желѣзныхъ дорогахъ очень занимала меня и невольно

въ душѣ моей возбуждалась гордость при мысли о исполинскихъ предпріятіяхъ промышленности нашего времени. Словомъ, я весь углубился въ чтеніе, какъ вдругъ... вѣрить ли?... нѣтъ, это не обманъ... точно, въ очарованной залѣ раздалось, и очень явственно, стenanіе. Никогда я не забуду этой минуты; до-сихъ-поръ эти звуки раздаются въ ухахъ моихъ. Этотъ стонъ не походилъ ни на голосъ чelовѣка, ни на крикъ животнаго, но въ немъ было нѣчто невыразимо-грустное; онъ проникалъ во внутренность души, его нельзя было слушать безъ особеннаго волненія; казалось, этотъ звукъ повторялся въ самой глубинѣ моего сердца... Въ эту минуту, пробило двѣнадцать часовъ; бой часовъ привелъ меня въ себя: я бросился къ дверямъ залы, — въ ней все было тихо. Поставленныя мною свѣчи на столахъ горѣли спокойно; всѣ двери были заперты, и въ залѣ никого не было. Я снова обшарилъ всѣ стѣны, заглянулъ въ сосѣднія комнаты — все было тихо и спокойно. Невольно смущенный возвратился я въ комнату дяди: онъ сидѣлъ спокойно, внимательно пересматривалъ свою книгу и дѣлалъ въ ней какія-то отмѣтки.

— Слышалъ? сказалъ онъ.

«Слышалъ,» отвѣчалъ я ему.

— Понимаешь?

«Нисколько.»

— Ну, можетъ-быть, это былъ скрипъ двери, продолжалъ дядя своимъ насмѣшливымъ тономъ.

Я молчалъ. Дядя продолжалъ : — Хочешь ли еще оставаться ?

«Хоть до утра. Но почему намъ не войти въ залу?»

— Я не знаю навѣрное, не помѣшаетъ ли это нашему опыту. Подождемъ еще втораго раза; если хочешь, сдѣлаемъ такъ: я пойду въ ту комнату, въ которую входъ съ противоположной стороны залы; ты останешься здѣсь; оба станемъ у дверей и въ минуту вопля войдемъ въ залу въ одно время.

Я согласился, хотя, признаюсь, на меня находилъ ребяческій страхъ, и мнѣ жутко было оставаться одному въ комнатѣ. Сердце мое сильно билось, стenanіе безпрестанно отдавалось въ ухахъ моихъ.

Я старался прійти въ себя, вычисляя всѣ акустическія возможности образованія такого звука. Между-тѣмъ, одною рукою я взялъ свѣчу, а другую положилъ на ручку дверей, чтобъ быть готовымъ всякую минуту; не знаю, долго ли я пробылъ въ семъ положеніи; все было вокругъ меня тихо; я слышалъ, казалось, трепетаніе моего пульса; вдругъ, когда я хотѣлъ отойти уже отъ дверей, возлѣ пей самой, подъ моимъ ухомъ, снова раздался вопль; но этотъ вопль имѣлъ другой характеръ: онъ также не походилъ ни на какой изъ извѣстныхъ мнѣ звуковъ, а казался болѣе выраженіемъ гнѣва, нежели грусти.

Холодъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ. Однакожь, я быстро отворилъ дверь и чуть-было не отступилъ

назадъ, когда на другомъ концѣ залы увидѣлъ человѣческій образъ... Только черезъ минуту я узналъ въ немъ лицо дяди, который, по условію, отворилъ свою дверь въ одну минуту со мною.

— Слышалъ? повторилъ дядя своимъ обыкновеннымъ тономъ.

— Странно, очень странно! отвѣчалъ я. — Теперь слушайте, дядюшка; нужно испытать послѣднее: останемся въ этой комнатѣ и посмотримъ, точно ли въ ней происходятъ эти страшныя явленія.

— Согласенъ, отвѣчалъ дядя: — хотя, признаюсь тебѣ, я по особеннымъ причинамъ не хотѣлъ бы здѣсь оставаться, да и за успѣхъ не ручаюсь. Впрочемъ, — прибавилъ дядя, подумавъ немного: — испытаемъ.

Я снова осмотрѣлъ всѣ сосѣднія комнаты, всѣ двери, поправилъ свѣчи и, чтобъ дать другое направленіе своимъ мыслямъ, принялся снова за свою газету; мы усѣлись посрединѣ залы возлѣ ломбернаго стола; дядя чертилъ на немъ съ большимъ вниманіемъ какія-то цифры и непонятные мнѣ знаки.

— Чтò это такое? спросилъ я.

— Ничего, отвѣчалъ дядя, тономъ болѣе важнымъ обыкновеннаго. — Это касается до меня одного; ты внѣ этой сферы.

— Дядюшка, вскричалъ я: — Бога ради, прочь эту таинственность! я желаю теперь сохранить все присутствіе духа.

Мы замолчали. Болѣе получаса продолжалась совершенная тишина, какъ вдругъ... какъ выразить мое удивленіе! изъ глубины залы послышалось снова стenanіе, сперва тихое, потомъ громче, громче... наконецъ оно раздалось надъ самымъ моимъ ухомъ. На этотъ разъ, я явственно различилъ два звука, въ которыхъ выражалось какое-то неутѣшное отчаяніе, гнѣвъ, печаль, словомъ, все скорбное, что только могла изобресть душа человѣка; я вскочилъ со стула, взглянулъ на дядю — онъ самъ казался встревоженнымъ и, сильно опираясь на столъ, съ безпокойствомъ слѣдовалъ за движеніемъ звука... Но какъ выразить мой ужасъ, когда, взглянувъ на противоположную стѣну, я увидѣлъ между тѣнями, которыя ложились отъ меня и отъ моего собесѣдника, еще третью тѣнь весьма-явственную, но которой образа уловить было невозможно, ибо онъ безпрестанно измѣнялся. Это было нѣчто невыразимое, похожее на человѣческую фигуру, которое, казалось, рвалось и билось, безпрестанно мѣняя свою форму; тутъ было подобіе головы, рукъ, которыя то вытягивались, то сжимались, какъ фигуры на оптическихъ картинахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «аморфозныхъ». Все это продолжалось не болѣе минуты... Я оглянулся назадъ: въ залѣ никого не было, кромѣ насъ; я взглянулъ опять на стѣну, — непонятная тѣнь блѣднѣла, съ тѣмъ вмѣстѣ и вопль терялся въ другомъ концѣ залы. Казалось, онъ пронесся мимо насъ.

— Ну, слава Богу, исчезло! сказалъ дядя, отни-

мая руки отъ стола. — Несчастные! прибавилъ онъ вздохнувши: — когда же вы заплатите послѣдній динарій?

Черезъ нѣсколько минутъ, дядя успокоился, принялъ опять свой насмѣшливый видъ и сказалъ:

— Что? слышалъ?

— Слышалъ, отвѣчалъ я.

— Видѣлъ?

— Видѣлъ, отвѣчалъ я.

— Чистъ ли опытъ, господинъ-испытатель?

Я молчалъ.

— Теперь, можно спокойно отправиться домой, продолжалъ дядя: — ничего больше не будетъ.

— Почему вы это знаете?

— Три эпохи жизни — три стenanія.

— Бога ради, оставьте свой таинственный тонъ.

Постараетесь лучше общими силами истолковать это странное явленіе...

— Для меня оно очень ясно.

— Такъ скажите.

— Что пользы? Ты все-таки ничего не поймешь, и скажешь опять, что я насмѣхаюсь надъ тобою, что этого нельзя доказать, и прочее, какъ ты обыкновенно говоришь въ отвѣтъ на мои искреннія объясненія, — искреннія, — повторилъ онъ съ насмѣшливымъ видомъ.

— Нѣтъ, говорите, дядюшка, говорите, что вы знаете и какъ вы понимаете. Въ такомъ странномъ явленіи все допустить можно.

— Все? спросилъ дядя, посмотрѣвъ на меня пристально.

— То-есть... я хотѣлъ сказать, что всѣмъ должно пользоваться для объясненія...

Дядя улыбнулся. Я замолчалъ.

Мы пробывли до утра въ очарованной залѣ и, какъ говорилъ дядя, дѣйствительно ничего болѣе не слышали.

Вотъ чтó называлъ дядя объясненіемъ этого страннаго явленія. Я постараюсь, сколько дозволитъ память, повторить здѣсь его разсказъ во всей его полнотѣ:

— Чтобъ объяснить тебѣ это явленіе, говорилъ дядя: — я долженъ начать издалека. Оно, по времени, относится къ третьему десятилѣтію XVIII вѣка. Моего разсказа ты не найдешь въ исторіи, потому что въ вашей исторіи записываются лишь внѣшнія происшествія, лишь обманчивые образы настоящихъ внутреннихъ происшествій. Сверхъ вашихъ филологовъ, археологовъ, антикваріевъ, и проч. т. п., существуютъ на семъ свѣтѣ другіе историки; они ведутъ лѣтопись тѣмъ явленіямъ, которыя обыкновенно остаются у другихъ незамѣченными или истолкованными превратно. Я имѣлъ случай, въ моей жизни, быть въ сношеніи съ этими неизвѣстными бытописателями, и то, чтó тебѣ буду раз-

сказывать, почерпнуто мною изъ ихъ таинственныхъ преданій. Вѣрь мнѣ, или не вѣрь, какъ хочешь. Если мой разсказъ покажется тебѣ недовольно яснымъ, потрудись объяснить самъ. Что до меня касается, мнѣ другихъ объясненій не нужно.

Около 1726 года, въ отдаленной комнатѣ, невдалекъ отъ Сухаревой-Башни, около полуночи, два человѣка, — одинъ старикъ, другой среднихъ лѣтъ, суетились возлѣ печи страннаго вида. Молодой человѣкъ сидѣлъ противъ самаго очага и поправлялъ щипцами горящіе уголья; осмотрѣвъ тщательно устье, онъ принимался читать огромную книгу, лежавшую передъ нимъ на налоѣ. Старикъ, въ широкомъ бархатномъ кафтанѣ, послѣ осмотра садился въ кресла и слушалъ чтеніе съ большимъ вниманіемъ: молодой человѣкъ читалъ протяжно.

«... Получивъ камень посредствомъ хорошаго управленія огня бѣлымъ, что уже выше показано было, если захочешь видѣть его краснымъ, то умножай жаръ печи, ибо наша Саламандра живетъ лишь въ сильномъ огнѣ и среди огня, и питается огнемъ и не боится огня; отъ легкаго жара не отдѣлится отъ камня тинктура и сѣра. На работу сію потребно 41 сутки.»

— А который день у насъ сегодня? спросилъ старикъ.

— 32-й съ начала фиксаціи, отвѣчалъ молодой человекъ.

— А все еще не видать краснаго дракона, да не видать даже и ржавчины, о которой говоритъ Василій Валентинъ. Вѣрно, мы какъ-нибудь ошиблись въ операциіи.

— Подождемъ 41-го дня, тогда увидимъ.

— Хорошо тебѣ ждать, молодому человеку, а каково мнѣ-старикѣ? Вотъ уже четвертый разъ начинаемъ все ту же операцию: кажется, близко, кажется, ничто не забыто, — а нѣтъ успѣха! А между тѣмъ, силы слабѣютъ; сколько ночей безъ сна... Еслибъ не ты, Иванъ Ивановичъ, то не достало бъ у меня силъ на это великое дѣло. Ахъ, если бы намъ только дойти до краснаго дракона! ужъ изъ него можно было бы получить питейное золото, которое доставляетъ человеку жизнь почти безконечную и совершенное здравіе. Пока добьюсь жизненнаго элексира, боюсь совсѣмъ здоровье потерять. Вотъ и теперь уже дремота меня клонитъ; если неравно засну, то ты ужъ, пожалуй, не засни, любезный; сослужи службу, — вѣдь я тебѣ великую тайну открываю, — пожалуйста, не засни; теперь каждая минута дорога; не жалѣй уголья; не отходи отъ атанара (*): если минуту огонь ослабнетъ — все погибло, опять надобно будетъ начинать съизнова. Пожалуй, не засни; ахъ, дремота клонитъ,

(*) Алхимическая печь.

береги... Саламандру... потому-что... драконова
кровь... атанаръ... квинтес... сенція... элексиръ...

Мало-по-малу, слова старика мѣшались; онъ дре-
малъ, дремалъ, и наконецъ заснулъ совершенно,
повторяя во снѣ завѣтныя слова алхимистовъ.

Молодой человѣкъ все прилежно смотрѣлъ за
очагомъ, не сводилъ съ него глазъ и поправлялъ
горящіе уголья.

Грустныя мысли носились въ головѣ сидѣвшаго
предъ очагомъ. — Такъ вотъ, думалъ онъ: — чѣмъ
кончились всѣ мои надежды; вотъ зачѣмъ судьба
вырвала меня изъ моей бѣдной финской лачужки.
Много прекраснаго блестяло предо мною; я видѣлъ
Великаго, я бесѣдовалъ съ нимъ, я думалъ его мы-
слями, чувствовалъ его чувствами — и не стало Ве-
ликаго, и схоронились съ нимъ всѣ мои надежды.
Нѣтъ опоры у бѣднаго пришельца. Оклеветали
меня, изгнали... Что-то дѣлается теперь въ моей
прекрасной комнаткѣ въ адмиралтействѣ? трудится
ли тамъ кто съ такимъ рвеніемъ, съ какимъ я тру-
дился? А мои переводы по цифирной наукѣ, а мой
планъ типографіи?.. Все осталось втунѣ! развѣ на
добычу червямъ. И что же? Будущій воевода, боя-
ринъ — теперь помощникъ, почти рабъ брюзглива-
го, полу-сумасшедшаго старика, провожу бессон-
ныя ночи предъ горящимъ угольемъ, надъ работою
едва-ли сбыточною и едва-ли не преступною!.. А
тутъ еще жена съ своими требованіями, упреками;
говорить, что я не могу содержать ее, вспоминаетъ
о прежнемъ своемъ житьѣ, о прежнемъ довольствѣ.

Что же мнѣ дѣлать? Я ли виноватъ, что меня лишили мѣста, что другимъ оно понадобилось? Я ли виноватъ, что меня, бѣднаго Финна, всѣ отталкиваютъ отъ себя съ презрѣніемъ? Грустно, грустно!.. Ахъ, мои золотыя надежды, гдѣ вы? гдѣ вы? Былъ бы живъ Великій, не то было бы... А теперь неужь-ли все кончено? неужь-ли мнѣ не жить въ барскихъ хоромахъ? неужь-ли не видать больше поклонниковъ? неужь-ли умереть не воеводою? Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я оставилъ мою лачужку? зачѣмъ судьба привела меня видѣть чужія страны? зачѣмъ получилъ я свѣтъ наукъ и образовалъ умъ свой? Тогда бы сердце не томилось; не зналъ бы, не мучился бы я неутолимою жаждою; спокойно бы провелъ мою жизнь при шумѣ родныхъ пороговъ, въ бѣдной лачугѣ... А Эльса, Эльса! сестрица! гдѣ ты, что съ тобою? гдѣ твои свѣтло-русые кудри, гдѣ твои томныя очи? гдѣ твоя бѣлая грудь? Ты бы любила меня, ты бы не роптала на судьбу, что принуждена жить съ бѣднымъ Чухонцемъ; на твоей простодушной груди я засыпалъ бы спокойно, прислушиваясь къ родимымъ пѣснямъ...

Молодой человекъ закрылъ лицо руками; слезы брызнули изъ глазъ его...

— Таинственный очагъ! продолжалъ онъ: — что ты устремилъ на меня свое огненное устье, что скрывается въ тебѣ? Зола—уголь... но кто знаетъ... быть можетъ... еще нѣсколько дней, и польется изъ тебя золото, и бѣдный Финнъ гордо взглянетъ

въ лицо людямъ. О, тогда не тебя озолочу я, злая жена, не тебя! — на твоёмъ языкѣ лишь змѣи шипятъ! — нѣтъ, тогда брошу тебя, покину... Благодаря все позволено; полечу къ роднымъ берегамъ, обойму свою Эльсу и съ нею вмѣстѣ засмѣюся надъ нѣмымъ міромъ. Ахъ, Эльса, Эльса! гдѣ ты?

Въ эту минуту, кто-то постучался у двери; молодой человекъ взглянулъ: — Такъ! это жена моя, змѣя подколотная. Что тебѣ надобно? сказалъ Якко (такъ называли молодаго человека). Въ комнату вошла женщина лѣтъ тридцати, блѣдная, съ лицомъ искаженнымъ отъ гнѣва; платье ея было въ безпорядкѣ.

— Что? сказала она сердитымъ голосомъ: — старый заснулъ? заль огонь — меньше угольевъ выйдетъ.

— Какъ можно! отвѣчалъ Якко.

— Такъ же можно, какъ ты прежде дѣлалъ; что вы тутъ варите, бѣсамъ на потѣшенье! Мнѣ вотъ, такъ отъ добрыхъ людей прохода нѣту. — День и ночь огонь у васъ глится; вѣдь прохожіе дымъ-то видятъ и дымъ-то у васъ не православный — сърой да жупеломъ пахнетъ по всей улицѣ. Всѣ говорятъ, что ты яды варишь, или чертей вызываешь.

— Пусть болтаютъ-себѣ что хотятъ, на этотъ разъ не хочу больше обманывать старика, не переведу огня, пока дѣло не кончу.

— Да, слушай тебя! Не бойсь, старикъ-то себѣ на умъ: не хочетъ у себя на дому чертямъ кашу

варить, а къ тебѣ приходитъ; ему ничего, а тебя въ срубъ сожгутъ, да и меня съ тобою вмѣстѣ. Ахъ, я бѣдная, горемычная сирота! нѣтъ у меня ни отца, ни матери, ни роду, ни племени, нѣкому за меня заступиться — попустилъ же Богъ выйти замужъ за проклятаго Чухну, за колдуна, за еретика...

— Вонъ отсюда, закричалъ разсерженный мужъ: — или худо тебѣ будетъ. Старикъ проснется, увидитъ тебя здѣсь, бѣда да и только. Поди вонъ, говорю тебѣ.

— И ходить-то мнѣ не въ чемъ по вашей милости, государь мой, Иванъ Ивановичъ! Дайте денегъ на башмаки.

— А гдѣ я возьму? Отъ старика не добьешься; а какъ онъ проснется, да тебя увидитъ здѣсь, такъ и послѣдняго куска хлѣба не будетъ... Смотри, онъ никакъ потягивается — убирайся вонъ, говорятъ тебѣ!

Женщина взглянула на Якко съ невыразимою злобою и ушла, бормоча про себя: — Чухна, колдунъ, еретьякъ, нищій...

— И вотъ та женщина, подумалъ Якко: — которая мнѣ казалась ангеломъ доброты! Куда дѣвалась дѣвическая кротость, женскій стыдъ? Та ли это Маша, которая, бывало, въ своемъ голландскомъ чепчикѣ, затянутая въ кофту, милая, добродушная, боялась вымолвить лишнее слово? Теперь, все переѣнилось! Пока мы жили въ довольствѣ, она каза-

лась ангеломъ ; но этотъ ангелъ не перенесъ самаго обыкновеннаго бѣдствія — нищеты ! Ахъ , Эльса , Эльса ! Ты бы не перемѣнилась ! Гдѣ ты ? Не-ужь-ли никогда не суждено мнѣ видѣть тебя ?...

Между-тѣмъ , сталъ показываться свѣтъ ; багряное сѣверное солнце начало проглядывать сквозь туманы и тихо , какъ тать , пробираться по кровлямъ . Старикъ проснулся .

— Какъ ! уже утро ? сказалъ онъ , протирая глаза . — Что наше дѣло ? Не ослабъ ли огонь ? — Онъ всталъ , подошелъ къ атанару , осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ , и , казалось , былъ доволенъ .

— И ты не заснулъ ни на минуту ?

— Ни на минуту , отвѣчалъ Якко .

— Спасибо тебѣ , мой сынъ . Потрудишься , потрудишься ; помоги старику ; увѣряю тебя , въ накладь не будешь... Важную тайну увѣряю я тебѣ , молодой человѣкъ . Знай , всѣ мудрецы міра , отъ начала вѣковъ , искали въ чемъ состоитъ наше дивное дѣло... дивное , говорю тебѣ . Оно всемогуще ; оно спасаетъ тѣла отъ гніенія , оно , повторяю тебѣ , можетъ безконечно продлить существованіе человѣка... Одного не знали они : съ чего начать ; а я , я знаю . Такъ-какъ вышнія небеса образуются вокругъ земли не сами-собою , но вліяніемъ солнца и другихъ планетъ , такъ и наша квинт-эссенція ждетъ оживленія солнца , блестящаго , всеильнаго , ровнаго , и противъ этого солнца не могутъ ничего всѣ огни земные . Говорю тебѣ

отъ избытка сердца, что это солнце, непобъждаемое огнемъ, этотъ корень нашей жизни, это сѣмя металловъ, созданное для украшенія нашего неба, было — въ этой рукѣ!

Якко слушалъ старика и не зналъ вѣрить ему, или не вѣрить: старикъ говорилъ съ такою силою, съ такимъ искреннимъ убѣжденіемъ... Правда, уже три раза принимались они за свое чудное дѣло, и три раза находили — одну золу. Но Якко зналъ, что не одинъ ученый мужъ въ Голландіи, Франціи, Германіи вѣрилъ въ алхимию и трудился надъ философскимъ камнемъ. Многіе смѣялись надъ сими усиліями, но никто еще не осмѣливался явно доказывать невозможность философскаго камня. Въ Парижѣ, Якко видѣлъ живое свидѣтельство этой истины: онъ видѣлъ зданіе, воздвигнутое на золото, сотворенное Николаемъ Фламмелемъ; онъ видѣлъ тѣ чудные символы, которые Николай Фламмель оставилъ на построенныхъ имъ зданіяхъ въ память своего дѣла и на разгадку мудрецамъ всѣхъ вѣковъ; онъ видѣлъ своими глазами въ Вѣнѣ желѣзный гвоздь, котораго половина была обращена въ золото знаменитымъ алхимикомъ во славу таинственной науки; да и самый тотъ, который теперь работалъ съ нимъ, принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ мужей того времени; воинъ, сановникъ, почтенный высокимъ званіемъ — какъ было не вѣрить ему?... А, между-тѣмъ, старикъ казался ему подозрительнымъ; иногда можно было сомнѣваться, сохранился ли въ немъ здравый разумъ;

иногда онъ плакалъ, иногда смѣялся, какъ ребенокъ, прыгалъ по полу, хватался за волосы, или начиналъ мало-понятную, исполненную противорѣчій, но величавую рѣчь, и тогда глаза его горѣли, онъ былъ въ изступленіи, трепеталъ всѣмъ тѣломъ. Не довѣряя ни старику, ни своимъ сомнѣніямъ, Якко старался въ книгахъ найти объясненія загадкъ. Парацельсъ, Арнольсъ-де-Вилланова, Геберъ, Василій Валентинъ не выходили изъ рукъ алхимика; обольстительны были ихъ рѣчи; казалось, они открывали свою душу; всѣ единогласно сулили богатство, счастье, здравіе и жизнь долгую тому, кто съ терпѣніемъ дойдетъ до конца поприща. Якко находилъ въ ихъ описаніяхъ всѣ подробности чуднаго дѣла; ничто не было забыто; казалось, стояло только приняться; — сами они говорили, что это дѣло можетъ сдѣлать женщина, не оставляя веретена своего; одного не открывали они: вещества, изъ котораго должно было произрасти древо жизни — и предъ Якко былъ человекъ, хвалившійся, что знаетъ это таинственное вещество, котораго имя никогда не было ввѣрено бумагъ. Это вещество было предъ нимъ, сокрытое въ грубой, глиняной колбѣ... Якко терялся въ размышленіяхъ.

Последніе дни, алхимики не отходили ни минуты отъ очага. Когда засыпалъ Якко на два или три

часа, не болѣе, тогда за атанаромъ надсматривалъ старикъ.

Наконецъ, наступилъ роковой, сорокъ-первый день; алхимики не спали во всю ночь и ровно въ уреченный часъ, въ минуту, загасили огонь. О, какъ бились сердца ихъ, когда наступило рѣшительное мгновенье! Рука Якко дрожала, когда онъ бережно сталъ отдѣлять смазку, соединявшую всѣ части таинственного снаряда; еще минута — и заблещетъ предъ ними чудный, пурпуровый камень, сѣмя металловъ, алексиръ отъ всѣхъ болѣзней, дивная тинктура, возводящая грубый свинецъ въ достоинство золота...

И вотъ снята крышка таинственного сосуда — что же?... на днѣ его лежала черная, безобразная, спекшаяся масса, и только.

— Черный воронъ поглотилъ нашего красного дракона, воскликнулъ старикъ: — мы въ чемъ-нибудь ошиблись... Надобно начать съ-изнова. Отдохни нѣсколько дней—дня три, не болѣе; а тамъ, опять изготви атанаръ; я между-тѣмъ пройду въ умъ все производство; постараюсь замѣтить, въ чемъ мы могли ошибиться. Прощай. Не приходи ко мнѣ. Не надобно, чтобъ профаны знали о нашей связи. Не оставляй книгъ, прочти еще разъ Парацельса: память моя слаба; я могу иное и упустить изъ вида.

Съ сими словами, старикъ вынулъ изъ кармана серебряный рубль, положилъ на столъ предъ бѣднымъ Якко и удалился.

Блѣдный, изнеможенный, измученный бессонницею, Якко вышелъ изъ лабораторіи въ сосѣднюю комнату и съ отчаяніемъ бросился въ постель. Сонъ его былъ слабый, безпокойный; но, мало-по-малу, видѣнія дѣлались увлекательнѣе: онъ видѣлъ берегъ Вуоксы, слышалъ шумъ иматрскихъ пороговъ; Эльса была передъ нимъ во всей своей красотѣ; она склоняла голову на грудь Якко, цаловала его; ея кудри обсыпали его лицо; вокругъ нихъ лежали золотые слитки, драгоценные камни; свѣтлое солнце сіяло надъ ними и отражалось въ ихъ радужныхъ переливахъ.

Грубый голосъ вывелъ Якко изъ его сладкаго забвенія.

— Перестанешь ли спать, лѣнivecъ? говорила Марья Егоровна: — только бы спать тебѣ. Ну, гдѣ же золото? Подавай его. Много ли вы его наварили?

Якко едва могъ прійти въ себя; однакожь, онъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ оттуда серебряный рубль и бросилъ его съ презрѣніемъ на полъ...

— Только-то? сказала жена, поднимая монету. — Покорно благодарствуемъ, батюшка Иванъ Ивановичъ! и это все на спитки, на съѣдки?... Не много ли будетъ? Смотри-ка, съ квартиры хотятъ сгонять; хлѣбникъ говоритъ, что ужъ больше въ долгъ хлѣба не дастъ, и мясникъ тоже, и лавочникъ... Ахъ, я бѣдная, горемычная!.. Последнее платишко осталось!... Нѣ въ чемъ въ Божию церковь схо-

дить, Богу помолиться, чтобъ не наказалъ меня за грѣхи твои, колдунъ проклятый!.. Ахъ, матушка, матушка родимая! думала ли, гадала ты, что дойду я до такой участи?...

— Что жь дѣлать мнѣ? спросилъ Якко съ отчаяніемъ.

— Дѣлай, что знаешь, ты на то мужъ... мое бабье дѣло.

— Богомъ клянусь тебѣ, Марья Егоровна, отвѣчалъ Якко слабымъ голосомъ:— что радъ бы кровь тебѣ свою отдать, чтобъ только ты меня не попрекала.

— Полно Бога-то призывать, еретикъ! Меня не проведешь; слышали мы эти рѣсказни.

— Да что жь дѣлать мнѣ? отвѣчалъ Якко, начиная сердиться.

— А то было дѣлать, что остаться въ Петербургъ. Было славное мѣсто, жалованье, все мой отецъ тебѣ доставилъ...

— Но вѣдь ты знаешь, что меня выгнали?

— Выгнали? Отъ-чего?... Отъ-того, что спина у тебя больно тверда. Пошелъ бы, поклонялся... такъ нѣтъ, какъ можно!.. Вишь, гордъ не-кстати. А теперь, и свисти въ кулаки... Ну, давай денегъ! Ты, по закону, долженъ меня содержать.

Якко вскочилъ съ постели.

— Замолчи! вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, не замолчу, а пойду, донесу, что ты колдуешь, яды варишь. Какъ поведутъ въ застѣ-

нокъ, да начнутъ лопатки выворачивать, такъ другимъ голосомъ заговоришь, еретикъ проклятый! Нищій!...

Мы не будемъ описывать сцены, которая последовала за этимъ разговоромъ. Она, въ нашемъ вѣкъ, показалась бы слишкомъ-странною...

Прошло три дня. Якко не успѣлъ и отдохнуть. Жена не давала ему ни минуты покоя, и онъ могъ укрощать ее лишь средствами совсѣмъ не-философскими. Все это мучило, унижало его душу. Часто, онъ готовъ былъ наложить на себя руки; еще чаще хотѣлъ бѣжать изъ Москвы и пробраться на родимую сторону. Но его еще все манила надежда; казалось, она даже усиливалась съ неудачами.—«Еще сорокъ дней», сказалъ онъ наконецъ самому себѣ,—«и одно изъ двухъ: или я обладатель сокровища, или меня не станетъ.»

На четвертый день, кто-то постучался въ двери; то былъ старикъ.

«Нашелъ!» сказалъ онъ: «и какъ можно было забыть это!... Надобно было начать въ четвертъ, въ день, посвященный Юпитеру; а мы начали въ понедѣльникъ, въ день луны! — Очень-понятно, что ея холодная влажность проникла въ нашъ атанаръ и помѣшала созрѣть дракону. Сегодня чет-

вергъ, и ровно въ полдень мы приступимъ къ нашему дѣлу. Все ли готово?»

— Все, отвѣчалъ Якко грустно: — но, прежде, нежели мы приступимъ къ работѣ, позвольте попросить, ваше сіятельство... въ домѣ у меня нѣтъ ни копейки... рублемъ, вами даннымъ, я заплатилъ необходимые долги...—Слезы стыда и униженія катились по щекамъ Якко.

«Такъ! я этого ожидалъ!» вскричалъ старикъ гнѣвно. «Денегъ! все денегъ! Настоящій сынъ адамовъ! Я не знаю, право, зачѣмъ я тебя посвятилъ въ наше дѣло. Ты работаешь только изъ корысти. Въ тебѣ нѣтъ душевнаго чувства къ великому дѣлу, отъ-того, что душа твоя нечиста; ты не понимаешь стремленія моей души, ты не понимаешь всей важности нашего таинства. Ты думаешь, это такое ремесло, какъ всякое другое; я тебя научаю величайшему чуду въ мірѣ, единственному, о которомъ человѣкъ долженъ заботиться, — а ты пристаешь ко мнѣ съ мірскими помыслами, съ деньгами... презрѣнный!... Ступай, ищи денегъ, гдѣ хочешь.»

— Увѣряю васъ, сіятельнѣйшій графъ, что еслибъ не крайняя нужда, отвѣчалъ оскорбленный Якко:— то... то я бы давно васъ оставилъ. Ищите другаго помощника, такого же прилежнаго, какъ я.

Разсерженный старикъ ходилъ по комнатѣ; скудость терзала его, но, съ другой стороны, онъ считывалъ всѣ выгоды, которыя доставлялъ ему

Якко. Старикъ очень понималъ, какъ трудно ему было бы найти другое укромное мѣсто въ Москвѣ для его таинственныхъ опытовъ. Трудно было скрыть дѣйствія боярина знатнаго, богатаго; но онъ надѣялся, что никто не обращаетъ вниманія на бѣдную лачужку. Опъ вынулъ изъ кармана серебряный рубль, посмотрѣлъ на него съ сожалѣнiемъ и, отдавая его Якко, примолвилъ съ притворною улыбкою: «Ну, не сердись; вотъ тебѣ деньги; немного осталось поработать, и тогда ты на нихъ будешь смотрѣть съ такимъ же презрѣнiемъ, какъ я. Ну, теперь къ дѣлу.»

Ровно въ полдень старикъ вынулъ изъ кармана золотую коробочку, открылъ ее съ таинственнымъ видомъ, высыпалъ ее въ атанаръ и поспѣшно захлопнулъ крышку, чтобъ Якко не могъ замѣтить, что содержалось въ сосудѣ. Колба была замазана; подъ нею огонь разведенъ, и опять начались для Якко длинныя ночи безъ сна, опять томительное, то робкое, то смѣлое ожиданiе, опять обольстительныя страницы, опять однообразная, мучительная дѣйствительность. Протекли двадцать дней; снова ни старикъ, ни Якко не замѣчали тѣхъ алхимическихъ признаковъ, которые предвѣщаютъ успешное окончанiе дѣла. Однажды ночью, старикъ заснулъ; Якко остался одинъ предъ очагомъ; грустно, невыразимо грустно было ему въ этотъ день; опять онъ принужденъ былъ просить у старика денегъ, опять старикъ отвѣчалъ ему съ обычнымъ жестокосердiемъ, опять жена мучила его своими

упреками. Якко, устремивъ глаза въ огонь, старался воспоминаніями прошедшаго усладить горькое настоящее. Нежданно пришли ему на мысль слова, когда-то сказанныя ему Эльсою; «ты нашъ» говорила ему Эльса: «и долженъ быть нашимъ.» Что значили эти слова, произнесенныя этою странною женщиною въ минуту волшебныхъ видѣній?.. — Эльса, Эльса! сказалъ Якко: — гдѣ ты? Не-ужь-ли угасла твоя таинственная сила?.. Не-ужь-ли ты не чувствуешь, что твой Якко страдаетъ, что твой Якко зоветъ тебя?.. О, еслибъ ты была со мною, ты можетъ-быть научила бы меня, что дѣлать!

Мысли Якко дѣлались отъ-часу мрачнѣе и мрачнѣе. — Что, говорилъ онъ въ глубинѣ души своей: — что всѣ эти сказки о добродѣтели, о наказаніяхъ въ будущемъ мірѣ? Не-ужь-ли человѣкъ осужденъ страдать на землѣ?... Не-ужь-ли ему не дозволены всѣ способы, чтобъ избавиться отъ страданій?... Всѣ, повторилъ онъ, невольно содрогнувшись: — да, всѣ, сказалъ онъ съ ожесточеніемъ: — о, чѣмъ бы я не пожертвовалъ въ эту минуту, чтобъ достигнуть моей цѣли!.. Вотъ еще способъ, котораго я не встрѣчалъ въ книгахъ; можетъ-быть, его-то и скрываютъ мудрые отъ толпы бессмысленной; можетъ-быть, здѣсь нужна жертва надъ таинственнымъ сосудомъ; можетъ-быть, нужна жизнь человѣка... Почему не такъ?.. Зачѣмъ не испытать?.. И глаза Якко, пламенные, неподвижные, устремились на спящаго старика

Чувство, зародившееся въ эту минуту, испугало

его самого; онъ вскочилъ со скамейки, но едва повернулся въ противную сторону, какъ смотритъ... на освѣщенномъ отъ очага кругѣ явственно нарисовалась какая-то тѣнь неопредѣленнаго вида. Ярко вздрогнулъ, холодъ пробѣжалъ по его жиламъ, онъ бросился къ очагу и, напрягая всѣ силы внутреннія, произнесъ: «Эльса, Эльса! ты ли это?»

И въ срединѣ пламени ему показался неясный образъ... ближе, ближе... онъ не можетъ сомнѣваться... это лицо Эльсы, она улыбается. . она манитъ его... она говоритъ ему: Да, Ярко, это я, твоя Эльса; я услышала тебя; давно бы тебѣ обо мнѣ вспомнить... вѣдь ты трудишься понапрасну. Неразумные люди! Вы хотите открыть величайшее таинство, не призвавъ Саламандру! Вѣдь огонь вашъ мертвъ безъ нея. Ему ли оживить дракона? И для насъ это дѣло трудное; и мы со страхомъ къ нему приступаемъ. Но для тебя я на все готова. Засни, засни, милый Ярко; подкрѣпи свои силы; я буду вмѣсто тебя смотрѣть за работою.

— Эльса, Эльса! вскричалъ Ярко, простирая къ ней руки.

— Нѣтъ, Ярко, теперь ты не можешь обнять меня; днемъ я предстану тебѣ въ земномъ моемъ видѣ, и ты не оставишь меня, Ярко, не правда ли?.. Ты будешь мнѣ вѣренъ?

Ярко вздрогнулъ: — А жена?

— Жена? отвѣчала Эльса насмѣшливымъ голосомъ: — жена не помѣшаетъ...

— Какъ не помѣшаетъ?.. вскричалъ Ярко.

— Не бойся; я тебя не на грѣхъ навожу, неразумный; довольно только пожелать, Якко... Или ты и до-сихъ-поръ не постигнулъ, что значитъ воля человека: тебѣ стоить только любить меня; противъ нашего таинственного пламени ничто смертное противостоятъ не можетъ; но одно условіе: будь моимъ, будь моимъ, Якко; клянись...

— Клянусь, проговорилъ мрачно Якко...

Онъ смотритъ: Эльса превратилась въ струю блага пламени, но въ этой струѣ онъ все узнаетъ свою Эльсу; онъ видитъ, какъ она обвивается вокругъ таинственного сосуда и сыплетъ на него золотистымъ дождемъ. Не диво ли? сосудъ сдѣлался прозрачнымъ; внутри его огненный левъ борется съ огненнымъ дракономъ, и вотъ левъ уже при послѣднемъ издыханіи... драконъ поглощаетъ его... мгновенно на немъ является блестящая корона, и сосудъ наполняется рубиновымъ свѣтомъ... драконъ машетъ огненными крыльями, и отъ каждаго взмаха радужные лучи волнуются въ сосудѣ.

Далѣе, Якко ничего не видалъ, ибо, казалось ему, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Стукъ въ дверь разбудилъ его. Было уже утро. Старикъ еще спалъ. Молодой человекъ подумалъ, что это жена, и не хотѣлъ отворять; но стукъ повторился. Якко услышалъ, что кто-то на финскомъ языкѣ проговорилъ: «отвори, отвори, милый Якко». Якко вздрогнулъ, отперъ дверь—передъ нимъ была Эльса въ обыкновенной, грубой финской одеждѣ; волосы подобра-

ны подъ безобразную шапочку. Она бросилась къ Якко на шею. Якко былъ внѣ себя.

«Ты, я чай, забылъ меня, Якко,» говорила она : а я такъ вспомнила. Какъ скоро я провѣдала, что тебя выгнали, разорили, что ты бѣденъ, я все оставила и добралась до тебя. Ужь чего мнѣ это стоило! ка-бы не Юссо...

— Мужъ твой? спросилъ Якко.

«Нѣтъ, Якко, я не вышла замужъ. Юссо очень хотѣлъ на мнѣ жениться, но я все говорила ему : погоди, вотъ братецъ пріѣдетъ. Онъ ждалъ, ждалъ, бѣдный, да и ждать пересталъ; а все меня еще любить; какъ онъ узналъ, что я горюю по тебѣ, тотчасъ сказалъ : «дай, свезу тебя, Эльса; авось-либо брату поможешь»; а Юссо такой малый смыслѣнный, торгуетъ въ Питеръ, да и здѣшнихъ-то знаетъ; ужъ мы тебя здѣсь искали, искали... да еще хорошо, добрый человекъ случился, вотъ тотъ, который къ тебѣ уголья возитъ; вѣдь ты, говорятъ, кузнецъ, или слѣсарь... онъ и привелъ меня сюда, прямо къ дверямъ — такой добрый...»

— Эльса, Эльса!... говорилъ Якко : — такъ ты, въ-самомъ-дѣлѣ, можешь помочь мнѣ?.. Ты знаешь наше дѣло?..

«Нѣтъ, я кузнечнаго дѣла не знаю, а помочь тебѣ помогу; посмотри-ка, сколько я безъ тебя накопила.

И, съ сими словами, она вытащила изъ-за пазухи холстину, изъ которой посыпались серебряныя и золотыя деньги. Было тутъ рублей сто и болѣе.

— Эльса ! говорилъ Якко : — но въ эту ночь, здѣсь въ очагѣ...

«Что такое?» спросила Эльса.

— Помнишь, что ты мнѣ говорила?..

«Когда?» спрашивала Эльса съ удивленіемъ.

Въ эту минуту, Марья Егоровна возвращалась съ рынка. — Это что такое? вскричала она : — еще колдунью привелъ сюда?..

Но едва она увидѣла деньги, какъ лицо ея повесѣло; она бросилась къ Эльсѣ на шею : — Ахъ, душечка, Елисавета Ивановна!.. Я тебя и не узнала... А ты совсѣмъ не перемѣнилась : такая же красавица, какъ и была; какъ это ты насъ спознала?.. А мы объ тебѣ горевали, горевали... Ужь, пожалуй, не откажи, погости у насъ... Да что жь это ты деньги-то разсыпала?.. Дай, приберу.

— Добрая сестрица, сказалъ Якко женѣ:—отдаетъ намъ эти деньги; онѣ наши.

Марья Егоровна снова бросилась обнимать Эльсу, припрятала деньги въ карманъ и побѣжала на кухню, приговаривая шопотомъ : «теперь-то я погуляю!»

Со времени чуднаго явленія, Якко еще прилежнѣе сталъ заниматься своею работою. Часто въ извивистыхъ потокахъ пламени, окружавшихъ сосудъ, онъ узнавалъ Эльсу; онъ понималъ очень-

ясно, что это была она, а не кто другой, ибо часто для него лицо ея мелькало среди пыла; онъ говорилъ ей, и она ему отвѣчала; часто сосудъ дѣлался на мгновение прозрачнымъ и внутри его происходили странныя видѣнія. Якко видѣлъ въ немъ то вырытую могилу, въ могилѣ безобразный остовъ, сквозь черепъ и кости остова проходила огненная струя и глазныя впадины, челюсти и ребра свѣтились, и мертвецъ съ болѣзненнымъ стономъ подымался изъ могилы; то видѣлъ онъ поле, усыпанное мертвыми костями, и огненные птицы слетались клевать ихъ; то появлялись въ сосудъ два льва, которые пожирали другъ друга; то видѣлъ онъ Эльсу, въ образъ Саламандры, съ короной на головѣ. Саламандра сладострастно плескалась въ огненномъ морѣ и двѣ пламенные струи обильно истекали изъ ея дѣвственныхъ персей.

Всматриваясь въ эти чудныя явленія, Якко вспомнилъ, что видалъ нѣчто подобное въ книгахъ Василья Валентина и другихъ герметическихъ философовъ, но тогда онъ почиталъ сіи изображенія простыми символами, подъ которыми мудрые скрывали свои таинства, а теперь все было понятно и ясно нашему алхимику.

— Скажи мнѣ, говорилъ Якко, устремляя глаза въ раскаленное устье: — скажи мнѣ, Эльса, какимъ чудомъ я тебя вижу здѣсь совсѣмъ иною, нежели тамъ. Тамъ ты даже не понимаешь своего здѣшняго существованія.

«Милый Якко,» отвѣчала Эльса, простирая къ нему изъ устья свои огненные руки, съ которыхъ дождемъ сыпались свѣтлыя искры : «милый Якко, ты слишкомъ любопытенъ. Могу ли я здѣсь обнять тебя? отъ моего прикосновенія истлѣетъ твоя смертная оболочка. Я могу приблизиться къ тебѣ лишь въ видѣ остывшаго пепла; будь доволенъ и тѣмъ до времени. Оставь свое любопытство, продолжай помогать мнѣ въ нашемъ дѣлѣ, котораго ни мы одни, ни люди безъ насъ произвести не въ-состояніи. Трудное дѣло, Якко, очень-трудное, котораго не всѣ тайства и намъ доступны. Только изъ любви къ людямъ мы приступаемъ къ нимъ; знаешь ли, мы всѣмъ существомъ своимъ должны проникнуть въ корень металловъ; изъ собственныхъ нашихъ груди мы должны точить живительную влагу, которая одна можетъ пробудить его мертвую силу. Нелегко намъ это, Якко : для этого мы должны бороться со всѣми стихійскими духами, которые въ образѣ звѣрей и разныхъ животныхъ ведутъ съ нами войну жестокую; они не хотятъ, они страшатся пробужденія властелина надъ всѣми стихіями. Но рано или поздно, мы должны побѣдить ихъ.

— Скоро ли? скоро ли? восклицалъ нетерпѣливый Якко.

«Не знаю; много ошибокъ вами сдѣлано. Но скажу тебѣ въ утѣшеніе : на этотъ разъ, ты, съ моею помощію, добудешь одну изъ низшихъ степе-

ней таинственного камня. Вамъ, людямъ, и она пригодится.»

Старикъ, по-прежнему, каждый день приходилъ къ Якко и усердно хлопоталъ вокругъ печки. «Теперь,» говорилъ онъ : «я увѣренъ, что мы достигнемъ своей цѣли. Кажется, мы ничего не забыли и огонь идетъ ровно. Еще нѣсколько ночей, и нашъ фениксъ расправитъ свои крылья.»

— Сіятельныйѣйшій графъ, сказалъ Якко съ значительною улыбкою : — думаете ли вы, что наше дѣло можетъ увѣнчаться успѣхомъ, если посредствомъ таинственныхъ заклинаній мы не призовемъ Саламандры?

«Все ты не то говоришь, любезный,» отвѣчалъ старикъ : «читаешь книги, да не понимаешь. Ну, что такое Саламандра? Это есть только символическое слово, подъ которымъ наши мудрые понимаютъ иногда дѣйствіе огня въ нашемъ дѣлѣ, а иногда и самый камень, потому-что онъ горитъ въ огнѣ не сгорая. Учись, учись, любезный...»

Якко еще разъ улыбнулся и замолчалъ.

Между-тѣмъ, со времени появленія Эльсы, все въ домѣ Якко пошло не по-прежнему. Она совсѣмъ завладѣла хозяйствомъ; появились въ домѣ чистота, опрятность, порядокъ; Эльса завела корову, другую и третью, и мало-по-малу изъ боярскихъ

домовъ стали сходиться люди, покупать молоко и масло, которое, въ отличіе отъ обыкновеннаго, прозвали «чухонскимъ». Домоводство снова появилось въ домъ бѣднаго Якко. Марья Егоровна не могла нарадоваться, видя у себя по-прежнему мѣдныя, серебряныя, а иногда и золотыя деньги; появились у ней и шеголеватыя платья, и голландскіе чепчики, и ситцевыя кофты, и черевики съ красными каблуками. Все бы это хорошо; но вотъ что было дурно: во время нищеты, Марья Егоровна покусилась выпить чарочку; выпила — и на душѣ у ней повеселѣло; въ другой разъ, она попробовала — то же; ей понравилось; мало-по-малу, она завелась небольшимъ штофикомъ, который, однакожь, прятала отъ мужа въ поставецъ. Мало-по-малу, она чаще и чаще начала прибѣгать къ утѣшительному напитку; привычка сдѣлалась страстью, и мы должны признаться, что большая часть ея упрековъ мужу происходила отъ-того, что у Марьи Егоровны не доставало денегъ для наполненія своего завѣтнаго штофика. Теперь, Марья Егоровна блаженствовала. Съ утра уже она была на-веселѣ, и пока Эльса хлопотала по хозяйству, Марья Егоровна сидѣла за столомъ, подперши боки руками, покачивая головой и напѣвая:

«Чарочки по столику похаживаютъ!»

Въ такомъ положеніи, ее часто заставляла Эльса и, вѣроятно, не понимая, что тутъ происходитъ, смотрѣла на Марью Егоровну такими странными гла-

зами, что Марья Егоровна дѣлалось и страшно и грустно — и она снова прибѣгала къ своему утѣшителю. Послѣ объѣда, Марья Егоровна уже спала непробуднымъ сномъ, а иногда даже совѣзмъ не объдала; ночью, проснувшись, она снова потихоньку пробиралась къ поставцу... и опять засыпала. На другой день начиналось то же.

Якко не обращалъ вниманія на поведеніе жены своей; весь погруженный въ свое таинственное предпріятіе, Якко забывалъ все житейское. Каждый день у очага, онъ рѣдко приходилъ къ своимъ, да и когда приходилъ, занимался только одною Эльсою, радуясь, что жена оставляетъ его въ покоѣ, и нетерпѣливо ожидая роковаго сорокъ-перваго дня.

Наконецъ, онъ наступилъ... Поднята таинственная крыша, — на днѣ сосуда — сплавокъ синяго цвѣта... И старикъ и Якко затрепетали.

«Это что-то чудное,» сказалъ старикъ: «нашъ камень долженъ быть пурпуроваго цвѣта... это не онъ... но ужь не сѣмя ли яхонта?.. Испытаемъ...»

Съ сими словами старикъ растопилъ свинцу, отломилъ отъ полученнаго сплава нѣсколько крошекъ, бросилъ на свинецъ... крошки разлетѣлись, и свинецъ остался по-прежнему свинцомъ. Цѣлый день протрудились наши алхимики. Ужь чего они не дѣлали съ полученнымъ сплавкомъ! соединяли его съ мѣдью, и съ желѣзомъ, и со всѣми металлами — все тщетно: масса трескалась, разсыпалась,

но ничто не обратилось ни въ серебро, ни въ золото.

«Это просто стекло,» сказалъ наконецъ старикъ съ досадою : «мы въ чемъ нибудь ошиблись. Надобно начать съизнова. Отдохни дня три, а потомъ снова изготовать атанаръ.»

Между-тѣмъ, Якко явственно слышалъ, что Эльса громко хохотала посреди угольевъ.

«Не слушай безсмысленнаго старика,» говорила она : «возьми этотъ камень ; онъ не золото, но стоить золота, — не сказывай объ этомъ старику ; распусти этотъ камень въ водъ, и ты увидишь, что будетъ. Безсмысленный ! онъ думаетъ, что понимаетъ писаніе мудрыхъ ; онъ прочелъ, что нужна сорокадневная работа надъ фениксомъ, но прочелъ только мертвую букву ; онъ не понимаетъ, что въ сихъ словахъ сокрыто кабалистическое число, что кругъ здѣсь изображаетъ землю, а число — четыре времени года, срокъ, необходимый для полной зрѣлости дивнаго камня.»

«Что жъ ты задумался?» сказалъ старикъ.

— Развѣ вы не слышите? отвѣчалъ Якко.

«Да что слышать? Только уголья трещать въ очагъ.»

Якко понялъ, что слова Саламандры были ему только слышны, и замолчалъ.

«Ну, что жъ ты хотѣлъ сказать?» повторилъ старикъ.

— Я думаю, что не слишкомъ ли рано мы откры-

ли атанаръ? Число сорокъ не означаетъ ли четырехъ временъ года?..

«Мысль недурная,» замѣтилъ старикъ : «о! я вижу, въ тебѣ путь будетъ! Испытаемъ. Такъ изготви же два атанара, одинъ мы будемъ открывать каждые сорокъ дней, а другой откроемъ по прошествіи цѣлаго года ..»

Съ сими словами, старикъ по-прежнему положилъ на столъ серебряный рубль и удалился, бормоча про себя : «Четыре времени года... сорокъ... четыре... какъ мнѣ на мысль не вспало!.. странно!..»

По уходѣ старика, Якко немедленно раскалилъ снова полученный имъ камень и бросилъ его въ воду; послѣ нѣсколькихъ подобныхъ операций, въ сосудѣ осталась жидкость прекраснаго синяго цвѣта. Якко опустилъ въ нее кусокъ сукна, — сукно окрасилось.

Познанія Якко въ химіи скоро объяснили ему, какую выгоду можно получить изъ сего открытія; онъ разложилъ вещество по правиламъ науки, нашелъ составъ его, снова повторилъ опытъ въ большемъ видѣ, и скоро въ домикъ Якко появились чаны, кубы; онъ объявилъ гостямъ суконной сотни, что берется красить сукно не хуже заморскаго, — и въ городѣ дивовались, толкуя про *кубовую* краску.

И эти новыя хлопоты достались доброй Эльсѣ: цѣлый день она суетилась, нанимала работниковъ, вела счеты, заглядывала въ чаны, собирала краску, продавала ее, красила, развѣшивала. Якко

служилъ иногда переводчикомъ и только получалъ деньги.

Но могъ ли такой успѣхъ удовлетворить гордымъ ожиданіямъ алхимика? Торговать краскою тому, кто собирался захватить въ руку корень всѣхъ сокровищъ міра!..

И снова запылалъ атанаръ, и снова старикъ явился съ своею таинственною коробкою. Но въ то время, когда онъ собирался всыпать ее въ сосуды. Якко опять услышалъ хохотъ Саламандры: «твой старикъ многое знаетъ, — съ нимъ и намъ не худо посоветоваться, но не знаетъ бездѣлицы: всѣ его составы ни къ чему не поведутъ, если онъ не добудетъ масла изъ кремня.»

— Масла изъ кремня? спросилъ Якко.

«Да; ты знаешь, что внутри кремня кроется дивная, могучая жидкость...»

— Но я знаю и то, что эта жидкость истребляетъ всѣ тѣла земныя; нѣтъ сосуда, который бы могъ содержать ее: одна капля ея на тѣлѣ человѣка — и человѣкъ истлѣваетъ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ...

«Якко, Якко! зародышъ жизни — смерть...» проговорила Саламандра сильнымъ голосомъ, и исчезла.

Когда Якко заговорилъ старику о кремнистомъ маслѣ, старикъ затрепеталъ: «Знаю,» отвѣчалъ онъ: «слыхалъ я объ этой страшной влажности, встрѣчалъ и въ книгахъ указанія на нее, но досихъ-поръ думалъ, что алхимики упоминали о ней

для того только , чтобъ испугать профановъ , или чтобъ наказать ихъ , когда они нечистыми невѣжественными руками пріймутся за наше великое дѣло.

Работа продолжалась по-прежнему , и по-прежнему безъ успѣха . Каждую ночь на старика находилъ неодолимый сонъ . Якко смотрѣлъ за атанаромъ , и когда силы его ослабѣвали , Саламандра являлась среди огня , утѣшала своего любимца , ласкала его , простирала къ нему свои огненные персты и золотистою струею обвивалась вокругъ атанара .

Однажды вечеромъ , старикъ уже дремалъ , Якко въ раздумьи сидѣлъ предъ огнемъ ; грустно было на душѣ алхимика ; не тѣшили его мелочныя домашнія выгоды ; переставала утѣшать и надежда . Сумрачно смотрѣлъ онъ вокругъ себя и невольно взоръ его вперился на старика , который дремалъ , облокотившись на креслахъ .

— Зачѣмъ онъ не я ? невольно приходило въ голову Якко : — зачѣмъ я не онъ ? прибавлялъ онъ , теряясь въ своихъ мысляхъ : — онъ знатенъ , онъ богатъ , онъ приходитъ ко мнѣ , пользуется гостепрїимствомъ бѣдняка для дѣла опаснаго , и онъ же презираетъ меня... зачѣмъ онъ не я ?.. я — онъ ? онъ — я ?.. Мысли его дѣлались мрачнѣе и мрачнѣе , иногда онъ даже пугали самого алхимика .

Кто-то сзади подкрался къ молодому человѣку; трепетный, горячій поцалуй заставилъ его содрогнуться, онъ обернулся — передъ нимъ была Эльса.

— Это ты, Эльса? какъ вошла ты сюда?

«Ахъ, какъ я рада, ты забылъ запереть двери! Насилу-то я попала къ тебѣ сюда; мнѣ безъ тебя знаешь ли какъ скучно, Якко: цѣлый день и ночь ты здѣсь, а я одна, совсѣмъ одна; работы столько по хозяйству, иногда такъ хочется поцаловать тебя, какъ-будто жажда мучить...»

И Эльса сѣла на колѣни Якко, обняла его; Якко прижалъ ее къ себѣ. — Эльса, Эльса! заговорилъ невольно Якко: — если бы ты знала, какъ я люблю тебя! такъ люблю, что страшно сказать...

«Да! любишь! а Мари, Мари...»

— На Мари я не могу смотрѣть безъ отвращенія, Мари зла, Мари попрекаетъ меня, Мари опухла, — больна она что ли?

«Можетъ-быть, я не знаю,» отвѣчала Эльса, улыбаясь насмѣшливо: «а можетъ-быть и не больна, а такъ, отъ большаго веселья... Она много спитъ, Якко, очень-много.» Между-тѣмъ, лицо Эльсы вспыхнуло, она продолжала: «во снѣ человѣкъ, знаешь, безоруженъ... многое... на него дѣйствуетъ...»

— И я замѣтилъ, что она слишкомъ-часто бываетъ не въ себѣ...

«Да! правда... точно не въ себѣ...»

— Но что говорить о ней! Ты одно мнѣ утѣшеніе, ты мнѣ все замѣняешь — и жену, и семейство...

Отецъ твой призрѣлъ меня сироту, бѣднаго, безпомощнаго ; снова нищета посѣтила меня, — ты мнѣ стала вмѣсто отца ; ты ведешь весь мой домъ ; ты обогатила меня ; ты меня покоишь... ты меня любишь...

Снова Якко прижалъ Эльсу къ своему сердцу, и Эльса обвилась вокругъ молодаго человѣка, какъ обвивается плющъ вокругъ статнаго дуба ; она припадала къ его лицу, какъ-бы хотѣла спрятаться на груди его, какъ-бы хотѣла впитаться въ нее ; щеки ея все болѣе распялялись отъ дѣйствія очага и отъ внутренняго волненія...

«Что это?» сказала Эльса, указывая на алхимическій снарядъ.

— Я ищу Сампо, отвѣчалъ Якко, улыбаясь и желая сколь возможно приблизиться къ понятіямъ Эльсы.

Лицо Эльсы разгаралось все сильнѣе и сильнѣе ; глаза ея блистали.

«Сампо... Сампо... да, точно Сампо... не другое-что понимали подъ этимъ словомъ мудрые Суомійцы... его одного должны искать, его одного и искали люди отъ начала вѣковъ ; о немъ одномъ ихъ дивныя сказанія ; къ нему — ихъ труды и надежды... Немногимъ было открыто... немногимъ .. лишь тѣмъ, которые душою и тѣломъ соединились съ нами... и тебѣ, смертный, открыть этотъ путь... и тебѣ... если ты... ты... любишь меня...»

Эльса снова обвилась руками вокругъ молодаго человѣка... Якко былъ въ изступленія ; блѣдный,

трепещущій, онъ прижималъ къ себѣ Эльсу и охладѣвшими отъ сильнаго волненія устами, искалъ распаленныхъ устъ дѣвушки.

Но вдругъ онъ отпрянулъ отъ нея и закрылъ лицо свое руками.

— Что я дѣлаю!... говорилъ онъ съ отчаяніемъ :
— Эльса, Эльса, пощади меня!

Эльса вперила въ него гнѣвныя очи.

— Эльса! продолжалъ онъ: — зачѣмъ я не могу вполне принадлежать тебѣ... зачѣмъ эта Мари... жена?..

«Мари! Мари!...» повторила Эльса какимъ-то страннымъ голосомъ.

Въ эту минуту Якко видѣлъ, что огненные искры брызнули изъ глазъ Эльсы; она протянула руки... огненные струи истекали изъ ея пальцевъ... пламя потянулось изъ устья, заклокотало вокругъ Эльсы, вокругъ Якко... тутъ все смѣшалось... стѣны комнаты застлались огненными потоками... атанаръ расширился въ необъятное пространство... Эльса и Якко носились и утопали въ огненныхъ волнахъ... львы, драконы, мертвый островъ, чудовищныя птицы летали вокругъ нихъ... все свивалась, развивалось, кружилось...

Когда Якко пришелъ въ себя, все было тихо: старикъ дремалъ; спокойно тлѣлся очагъ; Эльсы не было.

Сильный стукъ въ двери заставилъ Якко вздрогнуть. — Кто тамъ? спросилъ онъ, отворяя двери.

«Хозяинъ, хозяинъ!» говорилъ голосъ работника: «съ хозяйкой худо.»

Якко поспѣшно отворилъ дверь.

— Чтò съ нею? спросилъ онъ.

«Да недоброе, баринъ, и сказать-то страшно... самъ увидишь.»

Якко вбѣжалъ въ женнину комнату; при входѣ сильный, странный запахъ ошеломилъ его; онъ поспѣшно приблизился къ постели: на мѣстѣ Марьи Егоровны лежала безобразная, почернѣвшая масса. Возлѣ постели плакала работница; въ углу сидѣла Эльса, склонивъ голову, и также горько плакала.

— Чтò здѣсь случилось? вскричалъ Якко съ ужасомъ.

«И сказать не мочно,» отвѣчала работница рыдая: «тому мало время минувшее, прилучилась Марья Егоровна немочь, заохала и застонала она, сердечная — вотъ мы къ ней, и я и Елисавета Ивановна: что-молъ съ тобою?... Смотримъ, а у ней потѣлу синіе огоньки такъ и скачутъ, а тѣло чернѣетъ, чернѣетъ... и дымъ и смрадъ валитъ; мы ужь ее и тѣмъ и другимъ, и водой на нее плескали, и ручниками тушили, ничто не помогло; не успѣли глазомъ мигнуть, какъ она сгорѣла — вотъ, какъ видишь; и за попомъ послать не могли...»

Якко стоялъ въ раздумьи надъ прахомъ своей жены; скорбное чувство, похожее на раскаяніе, тѣснило его грудь; онъ взглянулъ на Эльсу и спросилъ: — Ты была у меня?,

«Я входила къ тебѣ на минуту,» отвѣчала Эльса рыдая : «ты мнѣ сказалъ нѣсколько словъ и потомъ задремалъ , такъ-что мнѣ жаль было будить тебя ; я и ушла отъ тебя на ципочкахъ и приперла дверь щеколдою ; прихожу сюда, смотрю — съ Мари худо ; я послала по тебя работника, но онъ не могъ тебя достучаться... Бѣдная Мари ! бѣдная Мари ! какъ она мучилась ,» повторила Эльса : «хорошо еще, что недолго.»

Якко бросился въ кресла : — Не-ужь-ли все это былъ только сонъ ? думалъ онъ.

Скоро въ околodкѣ узнали, что у красильщика жена сгорѣла ; приходили , толковали , дивовались. Нѣмчинъ-лекаръ увѣрялъ, что она сгорѣла будто бы отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ, но русскіе люди надъ нимъ смѣялись. — Слышь ты, говорили они, будто отъ-того сгорѣла, что вино пила ! Ужь эти Нѣмцы ! нѣтъ, тутъ что-то недаровое.

Потолковали, потолковали и разошлись.

Похороны жены ненадолго отвлекли Якко отъ таинственнаго дѣла. Атанаръ пылалъ по-прежнему.

му, по-прежнему Эльса въ образъ Саламандры обвивалась вокругъ чуднаго сосуда; старикъ, слабѣвшій съ каждымъ днемъ, по-прежнему устремлялъ потухшіе очи на предметъ своихъ ожиданій и мало-по-малу погружался въ забытѣе; онъ уже потерялъ и счетъ днямъ, полагаясь въ этомъ на Якко.

«Скоро наступитъ 401 день,» говорила Саламандра: «дѣло совершается, нашъ таинственный плодъ зрѣетъ и укрѣпляется...»

Сердце сильно билось въ груди Якко. И такъ, невозможное для другихъ было для него возможно. Еще нѣсколько дней — и въ рукахъ его будетъ таинственный талисманъ, дающій здравіе, жизнь долгую и богатство несчетное. Но въ эту минуту другая мысль невольно втѣснилась въ душу Якко.

— Зачѣмъ, думалъ онъ : — зачѣмъ подѣлюсь я моею тайною съ этимъ хилымъ старикомъ? не онъ открылъ ее, не ему ею пользоваться. Сокровище въ моихъ рукахъ будетъ моимъ вполнѣ, а раздѣленное, — кто знаетъ, — оно попадетъ въ нечистыя руки; слабоумный старикъ ввѣритъ его другому, и когда всѣ сдѣлаются богаты, то что́ будетъ значить мое богатство?

«Тутъ нѣтъ ничего мудренаго,» отвѣчала Саламандра, подслушавъ его мысли : «зачѣмъ старику напоминать о роковомъ днѣ? пусть проведетъ онъ его въ забытѣи и тѣшитъ свою надежду надъ безплоднымъ сосудомъ.»

И вотъ въ полночь 401-дня атанаръ сдѣлался снова прозрачнымъ; пурпуровое пламя разстила-

лось въ немъ легкимъ облакомъ; среди его выросъ роскошный цвѣтокъ; легкій, воздушный, онъ носился въ пространствѣ; кругомъ его тѣснился длинный рядъ мужей, въ царскихъ одеждахъ, съ вѣнцами на главахъ; они стояли въ благоговѣйномъ молчаніи, ожидая, когда развернется шипокъ чуднаго цвѣта.

И вотъ все исчезло, крышка слетѣла съ атанара, какъ-будто рванулись струны на звонкихъ арфахъ, по воздуху разнеслось благоуханіе... На днѣ сосуда лежалъ пурпуровый камень и озарялъ всю комнату розовымъ сіяніемъ. Якко упалъ на колѣни... онъ смотритъ : грубый глиняный сосудъ мало-помалу превращается въ золото. Якко приблизился, бережно поднялъ сосудъ и бережно поставилъ его въ скрытное мѣсто, замѣнивъ его другимъ, глинянымъ, такой же формы.

Черезъ нѣсколько минутъ старикъ проснулся.

— Ну, что? сказалъ онъ протирая глаза : — не ослабѣлъ ли огонь?

— Бѣда! отвѣчалъ ему Якко : — крышка слетѣла съ атанара.

— Ахъ! вскричалъ старикъ : — злые духи намъ препятствуютъ. Впрочемъ, это несчастіе не съ однимъ со мною случилось : у самого Парацельзія десять разъ разрывался атанаръ отъ движенія стихійныхъ духовъ. Что дѣлать! надобно начать съизнова. Жаль, что мы не употребили кремнистаго масла. Взрывъ его опасенъ, умерщвляетъ чело-

вѣка, но за то оно же предохраняетъ сосудъ отъ взрыва. Завтра займемся приготовленіемъ этой дивной жидкости.

Съ сими словами старикъ по-прежнему опустилъ руку въ карманъ и положилъ на столъ серебряный рубль. Якко поклонился, улыбаясь.

«Якко, Якко!» говорила Саламандра : «остерегись, не пренебрегай деньгами старика; скрывай свое богатство, пользуйся имъ, наслаждайся въ тишинѣ; люди узнаютъ — замучатъ тебя; ты не удовлетворишь ихъ жадности и слитками золота, — они мученіями пытки не постыдятся достать изъ тебя завѣтную тайну. Всего болѣе берегись старика : онъ силенъ и знатенъ между людьми, онъ скоро проникнетъ въ твою тайну; пусть онъ думаетъ, что она тебѣ еще неизвѣстна.»

Въ первые дни восхищеніе Якко не имѣло границъ. Ночью, когда старикъ засыпалъ, счастливый алхимикъ открывалъ свой чудный камень; нѣсколько крупинокъ его падали на расплавленный свинецъ — и свинецъ обращался въ золотой слитокъ. Днемъ, Якко былъ внѣ себя отъ радости, прыгалъ, цаловалъ Эльсу, которая никакъ не могла объяснить себѣ, какъ она говорила, чему такъ радуется Якко. Домашніе толковали, что они скоро

повеселятся на свадьбѣ, и рассчитывали, скоро ли пройдутъ скорбные дни траура.

Между-тѣмъ, слитки накоплялись; Якко пряталъ ихъ въ подполицу и скоро въ душѣ алхимика мѣсто радости заступило другое чувство. Съ умноженіемъ сокровищъ, мало-по-малу стала одолевать его боязнь, что кто-нибудь проникнетъ его тайну, похититъ его богатство. Онъ удвоилъ желѣзные запоры на дверяхъ и окошкахъ, учредилъ сторожей, самъ не смыкалъ глазъ, — но ничто не могло его успокоить. Скоро для него осталась лишь одна радостная минута въ-теченіи дня: та минута, когда свинецъ въ рукахъ его превращался въ золото, и въ-слѣдъ за тѣмъ онъ почти съ ужасомъ смотрѣлъ на золотый слитокъ: куда дѣвать его? какъ скрыть его? какъ имъ пользоваться? И жизнь его превратилась въ безконечное терзаніе: онъ сдѣлался стражемъ своего сокровища! Съ сожалѣніемъ вспоминалъ онъ о томъ времени, когда, одушевленный надеждою, проводилъ ночи безъ сна предъ атанаромъ; онъ не спалъ и теперь, но — теперь потому, что прислушивался, нѣтъ ли шума, не скребется ли воръ подъ землю, не проснулся ли старикъ, не проникъ ли его тайны.

Грустный, полубольной, бродилъ онъ въ-теченіе дня; ничто не утѣшало его, ни роскошный столъ, ни улыбка Эльсы; тщетно спрашивала она его о чемъ груститъ онъ.

— Ты не понимаешь моей грусти? говорилъ Якко Эльсѣ, печально отвѣчая на ея ласки.

«Ты, можетъ, тоскуешь по Мари?»

— О, не напоминай мнѣ о Мари... не о ней моя грусть... лучше скажи, научи меня, что мнѣ сдѣлать съ тѣмъ, что ты подарила мнѣ, и чѣмъ лишь умножились мои страданія.

«Я тебѣ скажу, что дѣлать,» сказала Эльса: «продай все, что у тебя есть, и уѣдемъ домой на Иматру, поселимся въ нашей избушкѣ и забудемъ о цѣломъ свѣтѣ.»

— Ты не понимаешь, Эльса! говорилъ Якко съ нетерпѣніемъ.

Такіе разговоры возобновлялись часто. Эльса оставалась Эльсою; Саламандра не являлась болѣе въ устьѣ бесплоднаго атанара.

Теперь еще прилежнѣе Якко сидѣлъ за атанаромъ. Видъ старика дѣлался часъ-отъ-часу подозрительнѣе: Якко замѣчалъ на лицѣ его сомнѣніе; казалось, старикъ уже началъ догадываться, и каждое его слово было для Якко двусмысленнымъ. Тревожный, трепещущій, онъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ старика: вотъ онъ опустилъ глаза въ землю — не чувствуетъ ли въ подполицѣ золотыхъ слитковъ; онъ смутно озирается — не просвѣчивается ли гдѣ розовое сіяніе дивнаго камня; онъ приближается къ очагу, взглядываетъ на Якко — не проникъ ли тайны?

Чего не выдумывалъ Якко, чтобъ удалить отъ графа сомнѣніе! Между-тѣмъ, отъ времени ли, отъ неудачъ ли, старикъ дѣлался часъ-отъ-часу брюзгливѣе, взъискательнѣе; но счастливый алхимикъ

потерялъ чувство своей горделивой бѣдности ; онъ исполнялъ всѣ прихоти старика , не смѣя ему противорѣчить , сносилъ его презрительныя рѣчи съ покорностію раба ; пресмыкался съ полнымъ уничиженіемъ , съ полнымъ забвеніемъ всякаго чловѣческаго достоинства . Тщетно звалъ онъ на помощь Саламандру — Саламандра не отвѣчала .

Однажды , выведенный изъ терпѣнія , Якко едва могъ удержать себя Къ-счастію , старикъ задремалъ . Якко какъ сумасшедшій выбѣжалъ изъ лабораторіи и бросился къ Эльсѣ ; она испугалась , но Якко , не смѣтрян на что , потащилъ ее съ собою къ очагу , посадилъ на стулъ , сжалъ ея плечи желѣзными руками , и грознымъ шопотомъ проговорилъ :

— Именемъ стараго дѣда , Эльса , говори , какъ мнѣ избавиться отъ старика ?

Эльса сначала затрепетала . . . потомъ мало-помалу успокоилась , наконецъ отвѣчала прерывистымъ голосомъ :

«Избавиться . . . отъ старика . . . легко . . . стоитъ . . . только . . . пожелать . . .»

— Пожелать ? вскричалъ Якко : — какъ Мари . . .

«Не знаю . . . да что жь тутъ страшнаго ? . . . чловѣчку . . . стоитъ . . . пожелать . . . и старика . . . не станетъ . . .»

— Не станетъ ? но онъ знатный бояринъ : если онъ исчезнетъ , будутъ искать его , догадаются , прійдутъ ко мнѣ .

«Зачѣмъ . . . старику . . . исчезать ? . . . ты развѣ не

можешь заступить его мѣсто... быть также... знатнымъ... жить въ богатыхъ палатахъ... не бояться своихъ золотыхъ слитковъ?..»

— Что ты говоришь, Эльса? возможно ли это?

«Нѣтъ ничего... невозможнаго... для воли человека... стѣить только пожелать...»

— Да какъ не желать мнѣ этого? вскричалъ Якко такъ громко, что старику проснулся, устремилъ оцѣпенѣвшіе глаза на Якко, хотѣлъ что-то выговорить...

Въ эту минуту алхимику показалось, что предъ нимъ стоитъ не графъ, но старый дѣдъ Рутси, лѣтъ 30 тому умершій.

Испуганный Якко хотѣлъ броситься къ нему; но раздался страшный, оглушающій трескъ... пламя взвилось изъ атанара, потекла изъ него огненная лава; густой, багряный дымъ наполнилъ комнату, въ дымъ вертѣлись лица старика, Эльсы, Мари, стараго дѣда...

Когда Якко пришелъ въ себя, старика уже не было, — атанаръ лежалъ въ дребезгахъ. Якко ощупалъ на себѣ бархатное платье, узналъ тотъ самый кафтанъ, который всегда носилъ старый графъ, въ смущеніи подошелъ къ небольшому круглому зеркалу, висѣвшему въ лабораторіи, и въ немъ, вмѣсто себя, увидѣлъ изрытое морщинами лицо, сѣдые волосы, — словомъ, стараго графа.

Поздно вечеромъ возвратился графъ въ свои боярскія палаты — толпа слугъ встрѣтила его на лѣстницѣ и съ почтеніемъ проводила до кабинета. Оставшись одинъ, графъ нашелъ ключъ въ своемъ карманѣ, отворилъ потайной замокъ въ поставцѣ и положилъ въ него вынутый изъ-за пазухи какой-то свертокъ, сквозь который виднѣлось розовое сіяніе. Потомъ графъ подошелъ къ столу съ бумагами, прочелъ нѣсколько писемъ, памятную записку и позвонилъ въ колокольчикъ; вошелъ управитель.

— Отправь, батюшка, завтра подводу къ красильщику Якко, да спроси тамъ Чухонку — жена его, что ли — да получи отъ нея ящики, которыхъ не раскрывать и бережно принести ко мнѣ въ кабинетъ; а послѣ я прикажу, что съ ними дѣлать.

Въ обществахъ старый графъ замѣчалъ, что не могли надивиться его переменѣ, не понимали, откуда взялась у него развязность, живость, любезность, волокитство... Дамы между собою шептали, что вѣрно онъ хлебнулъ своей живой воды, и увѣряли, что скоро онъ и совсѣмъ помолодѣетъ.

Старый графъ предавался разсѣянной московской жизни со всѣмъ жаромъ молодости. Мѣсто прежнихъ ассамблей заступили балы, маскарады — графъ не пропускалъ ни одного; самъ держалъ домъ открытый, сыпалъ золотомъ не считая; съ утра до

вечера толпился народъ въ графскихъ палатахъ; для всѣхъ проходящихъ по улицъ былъ готовый приборъ въ столовой графа, и вино полными чашами выпивалось за здравіе тороватаго боярина.

Такъ протекли долгіе годы; старикъ не старился, золото его не истощалось, но былъ ли онъ счастливъ, того не зналъ никто; замѣчали, что часто посреди шумнаго веселья мрачная грусть являлась на лицъ графа. До счастливца доходилъ невнятный говоръ толпы:

— Вѣрно бѣсъ его мучитъ, говорили одни.

«Занять государственными дѣлами,» говорили другіе.

— Старый хрычъ просто влюбленъ, отвѣчалъ третій.

«Въ кого? въ кого?» шептало нѣсколько голосовъ между собой.

— Я знаю въ кого, проговорилъ одинъ голосъ: — въ молоденькую княжну Воротынскую; смотри, какъ онъ за нею ухаживаетъ, глазъ съ нея не спускаетъ...

«Ахъ, онъ старый! да ей неболѣе шестнадцати лѣтъ...»

— Что нужды! съдина въ бороду, бѣсъ въ ребро.

«Да зачѣмъ же дѣло стало?»

— Я знаю, что и роднымъ того же хочется, да вишь, дѣвка-то артачится; говоритъ, старъ больно.

«Я не буду больше съ тобою спорить,» говорила графу старая княгиня, сидя съ нимъ на диванъ въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ графскаго дома: «скажу тебѣ по правдѣ, что намъ эта женитьба очень по-сердцу, но скажу и то, что дѣвка тебя терпѣть не можетъ — мы отдаемъ ее за тебя неволею; знай это — да и въ-самомъ-дѣлѣ правду сказать, ты уже не молодъ, батюшка.

Пламенный старикъ цаловалъ руки у княгини.

— Будь спокойна, матушка; не смотри, что я старъ: твоя красавица привыкнетъ ко мнѣ и полюбитъ; наружность обманчива; вѣрь, ни одному молодяку такъ не любить княжну, какъ я. Бриль-янтами ее засыплю, и тебя, и всю семью твою.

«Да ужь я, батюшка, по твоей милости, и такъ не знаю, куда отъ нихъ дѣваться.»

По мраморнымъ ступенямъ сходилъ женихъ въ богатой, блестящей одеждѣ. У подъезда стоялъ золоченый рыдванъ съ графскимъ гербомъ, запряженный цугомъ чернопѣгихъ лошадей; кругомъ тѣснились гайдуки и скороходы, великолѣпно одѣтые.

«Куда ты?» говорили они, толкая женщину въ чухонскомъ платьѣ: «не до тебя теперь! видишь, теперь бояринъ ѣдетъ жениться.»

Графъ, услышавъ шумъ, остановился на лѣстницѣ; говорятъ даже, что онъ поблѣднѣлъ, но это невѣроятно, потому-что лицо его было крѣпко натерто румянами.

— Пустите, пустите ее! сказалъ онъ слабымъ голосомъ: — пустите ее! Вы знаете, что всѣмъ ко мнѣ свободный доступъ.

Чухонку впустили; графъ возвратился въ приемную, и по обыкновенію, облокотившись на мраморный столикъ, старался принять на себя видъ спокойный и важный.

— Ну, что тебѣ надобно, моя милая? сказалъ онъ вошедшей Чухонкѣ: — говори скорѣе, потому-что ты видишь, мнѣ некогда.

«А что же, Якко,» отвѣчала ему Эльса: «скоро ли поѣдемъ домой на Иматру? вѣдь не вѣкъ здѣсь жить...»

— Послушай, моя милая, сказалъ графъ важнымъ голосомъ: — ты понимаешь, что мнѣ теперь нѣтъ возможности съ тобою ѣхать на Иматру, да и не слѣдуетъ. Что же до тебя касается, то я совѣтую тебѣ ѣхать туда за добра́ ума; иначе, я вынужденъ буду... ты понимаешь... Замѣчу тебѣ, красавица, что ты уже слишкомъ-смѣла; вотъ тебѣ денегъ на дорогу, будь спокойна, — и впредь тебя не оставлю...

Съ сими словами графъ подалъ ей кошелекъ, наполненный золотомъ.

Эльса захохотала; еще, еще... ея голосъ все

громче и громче... это уже не хохотъ, а трескъ, а громъ... стѣны колышатся, разваливаются, падаютъ... Ярко видитъ себя въ прежней своей комнатѣ; предъ нимъ таинственная печь, изъ устья тянется пламя, обвивается вокругъ него; онъ хочетъ бѣжать... нѣтъ спасенія! стѣны дышутъ огнемъ, потолокъ разрушается, еще минута... и не стало ни алхимика, ни его печи, ни Эльсы!

«Жаль!» говорили міряне, проходя на другой день мимо пепелища : «домъ-то красильщика сгорѣлъ; только-что было началъ разживаться, да и самъ, говорятъ, не выскочилъ, сердечный.»

— Куда, слышь ты! онъ масло варилъ, а масло-то и вспыхнуло, пролилося; онъ туда-сюда, хотѣлъ затушить, но масло не свой братъ, такъ все и охватило.

«Жаль! добрый малый былъ; пріятно было съ нимъ вести дѣло.»

— Только у него иногда умъ за разумъ заходилъ.

«И то правда. Да не пора ли закусить, сосѣдущко?..»

Этимъ оканчивался разсказъ дяди.

«Скажите же, дядюшка,» замѣтилъ я : «что тутъ общаго между этимъ разсказомъ и нашими приключеніями въ домъ купца, вашего знакомаго?»

— Кажется, очень-ясно, отвѣчалъ дядя улыбаясь : — пепелище было куплено покойнымъ княземъ ; на немъ онъ выстроилъ домъ, который теперь достался купцу.

«Ну, что же?»

— Все не понимаешь! На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была лабораторія алхимика, находится чудная зала, въ которой мы были.

«Такъ вы предполагаете, дядюшка, что эти крики...»

— Я ничего не предполагаю... а понимаю очень-ясно, чего и тебѣ желаю.

«Но послушайте, дядюшка, не-ужь-ли въ-самомъ-дѣлѣ вы вѣрите, что Саламандра сожгла вашего Фишляндца?»

— Иные, пожалуй, говорятъ, что г. Якко просто дѣлалъ фальшивую монету, а потомъ, чтобъ все прикрыть, сжегъ домъ и убѣжалъ вмѣстѣ съ своею помощницею Чухонкою : — такъ въ Москвѣ полагали многіе ; другіе говорили, что онъ былъ сумасшедшій ; третьи, что онъ притворялся сумасшедшимъ... Изъ всѣхъ этихъ мнѣній можешь выбирать любое...

Признаюсь, я до-сихъ-поръ убѣжденъ, что все это выдумка, что дядѣ хотѣлось пошутить надо мною, и всѣ эти крики, тѣни не иное что, какъ фантазмагорія. Надѣюсь, что всякій благоразумный читатель въ этомъ согласится со мною.

КНЯЖНА МИМИ.

«Извините,» сказалъ живописецъ, «если мои краски блѣдны : въ нашемъ городѣ нельзя достать лучшихъ.»

Біографія одного живописца.

I.

Б а л ъ.

La femme de César ne doit pas être soupçonnée.

— Скажите, съ кѣмъ вы теперь танцовали? сказала княжна Мими, остановивъ за руку одну даму, которая, окончивъ мазурку, проходила мимо княжны.

— Онъ когда-то служилъ съ моимъ братомъ! Я забыла его фамилію, отвѣчала баронесса Дауреталь мимоходомъ, и, усталая, бросилась на свое мѣсто.

Этотъ короткій разговоръ незамѣтно для окружающихъ мелькнулъ посреди общаго движенія, которое обыкновенно бываетъ послѣ окончанія танца.

Но баронессу этотъ разговоръ заставилъ задуматься, — и не даромъ. Баронесса, хотя уже и въ другой разъ замужемъ, все еще была молода и прекрасна; ея любезность, ея роскошный станъ, ея каштановые шелковистые локоны привлекали къ ней толпу молодыхъ людей. Каждый изъ нихъ невольно сравнивалъ Элизу съ ея мужемъ, осиплымъ старымъ барономъ, и каждому изъ нихъ, казалось, ея томные, облитые влагою глаза говорили о надеждѣ: лишь одинъ опытный наблюдатель находилъ въ этихъ томныхъ голубыхъ глазахъ не пламень нѣги, а просто ту южную лѣнь, которая, по его мнѣнію, такъ странно соединяется въ нашихъ дамахъ съ сѣвернымъ флегматизмомъ, и составляетъ ихъ отличительный характеръ.

Баронесса знала всѣ свои преимущества; знала, что для всякаго она вмѣстѣ съ барономъ была чѣмъ-то невозможнымъ, противнымъ приличію, какою-то нелѣпостію; знала и то, какъ во время ея свадьбы толковали въ городѣ, что она вышла за барона по расчету; ей нравилось не сходить съ доски на балахъ, никогда не имѣть времени задуматься на раутахъ, всегда имѣть нѣсколько готовыхъ товарищей для кавалькады; но никогда она не позволяла себѣ ни взора, въ которомъ бы можно было замѣтить предпочтеніе одному предъ другимъ, ни силь-

наго восхищенія , ни сильной радости , ни сильного огорченія , — словомъ ничего такого , чѣмъ бы душа могла быть приведена въ движеніе : притомъ , по чувству ли долга или по какой-то противоестественной любви къ своему мужу , — хотѣлось ли ей доказать , что она вышла за него не по расчету , — или просто потому , что вышеозначенное замѣчаніе наблюдателя было справедливо , — или наконецъ отъ соединенія всѣхъ этихъ причинъ , — только баронесса такъ же была вѣрна барону , какъ ея Бьюти была вѣрна баронессѣ : она никуда не выѣзжала безъ мужа , даже спрашивала у него совѣтовъ о своемъ туалетѣ ; баронъ , съ своей стороны , не сомнѣвался въ привязанности Элизы , позволялъ ей дѣлать что угодно , и спокойно предавался своимъ любимымъ занятіямъ : поутру нюхалъ табакъ , ввечеру игралъ въ вистъ , а въ промежуткахъ выхлопывалъ себѣ награжденія . Въ городѣ издавна уже добродѣтельные дамы отыскивали предметъ баронессиной вѣжности ; но , когда онѣ для рѣшенія вопроса собирались на общее совѣщаніе , одна называла одного , другая другаго , третья третьяго , и дѣло расходилось за споромъ . Тщетно перебирали онѣ всѣхъ молодыхъ людей общества : только-что согласятся про одного , какъ онѣ или женится , или станетъ волочиться за другою , — отчаяніе да и только ! Наконецъ такія безпрестанныя неудачи наскучили блюстительницамъ нравственности : онѣ нашли , что баронесса лишь отнимаетъ у нихъ время для наблюденія за другими дамами ; единогогла-

сно рѣшили, что ея искусство сохранять наружную пристойность стѣитъ лучшей нравственности, что ее должно ставить въ примѣръ другимъ женщинамъ, и отложили баронессино дѣло впредь до могущихъ представиться обстоятельствъ.

Баронесса знала, что княжна Мими принадлежала къ сему нравственному сословію, знала также, что это сословіе въ свою очередь принадлежитъ къ тому страшному обществу, которое бросило свои отпрыски во всѣ классы. Открываю великую тайну; слушайте: все, что ни дѣлается въ свѣтъ, дѣлается для нѣкотораго безыменнаго общества! Оно — партеръ; другіе люди — сцена. Оно держитъ въ рукахъ и авторовъ, и музыкантовъ, и красавицъ, и геніевъ и героевъ. Оно ничего не боится, — ни законовъ, ни правды, ни совѣсти. Оно судитъ на жизнь и смерть, и никогда не перемѣняетъ своихъ приговоровъ, если бы они и были противны разсудку. Членовъ сего общества вы легко можете узнать по слѣдующимъ примѣтамъ: другіе играютъ въ карты, а они смотрятъ на игру; другіе женятся, а они пріѣзжаютъ на свадьбу; другіе пишутъ книги, а они критикуютъ; другіе даютъ обѣдъ, а они судятъ о поварѣ; другіе дерутся, а они читаютъ реляціи; другіе танцуютъ, они становятся возлѣ танцовщиковъ. Члены сего общества вездѣ тотчасъ узнаютъ другъ друга не по особеннымъ знакамъ, но по какому-то инстинкту; и каждый, прежде нежели вслушается въ чемъ дѣло, уже поддерживаетъ своего товарища: тотъ же изъ членовъ, кто вздумаетъ *что-нибудь* дѣлать на

семь свѣтъ, въ ту же минуту лишается всѣхъ преимуществъ, сопряженныхъ съ его званіемъ, входитъ въ общее число подсудимыхъ, и ни чѣмъ уже не можетъ возвратить правъ своихъ. Извѣстно также, что самую важную роль въ этомъ судилищѣ играютъ тѣ, про которыхъ рѣшительно нельзя отискать, зачѣмъ они существуютъ на семь свѣтъ.

Княжна Мими была душою этого общества, и вотъ какъ это случилось. Надобно вамъ сказать, что она никогда не была красавицею, но въ юности была недурна собою. Въ это время она не имѣла ни какого опредѣленнаго характера. Вы знаете, какое чувство, какая мысль можетъ развернуться тѣмъ воспитаніемъ, которое получаютъ женщины: канва, танцовальный учитель, немножко лукавства, *tenez vous droite*, да два, три анекдота; рассказанные бабушкою какъ надежное руководство въ сей и будущей жизни. — вотъ и все воспитаніе. Все зависѣло отъ обстоятельствъ, которыя должны были встрѣтить Мими при ея вступленіи въ свѣтъ: она могла сдѣлаться и доброю женою, и доброю матерью семейства, и тѣмъ, чѣмъ теперь она сдѣлалась. Въ это время у ней бывали и женихи; но никакъ дѣло не могло сладиться: первый ей самой не понравился, — другой былъ не въ чинахъ и не понравился матери, — третій было очень понравился и той и другой, уже сдѣлаю было и обрученіе, и день сватъбы былъ назначенъ, но наканунѣ, къ удивленію, узнали, что онъ имъ въ близкой роднѣ: все разстроилось, Мими занемогла съ печали, чуть

было не умерла, однако же оправилась. Затѣмъ, женихи долго не являлись; прошло десять лѣтъ, потомъ и другія десять, Мими подурнѣла, постарѣла, но отказаться отъ мысли выйти замужъ, было ей ужасно. Какъ! отказаться отъ мысли, о которой твердила ей матушка въ семейныхъ совѣщаніяхъ; о которой ей говорила бабушка на смертной постелѣ? отъ мысли, которая была любимымъ предметомъ разговоровъ съ подругами, съ которою она просыпалась и засыпала? Это было ужасно! И княжна Мими продолжала выѣзжать въ свѣтъ съ безпрестанно новыми планами въ головѣ и съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Ея положеніе сдѣлалось нестерпимо: все вокругъ нея вышло или выходило замужъ; маленькая вертушка, которая вчера искала ея покровительства, нынче уже сама говорила ей тономъ покровительства, — и не мудрено: она была замужемъ! у этой былъ мужъ въ звѣздахъ и лентахъ! у другой мужъ игралъ въ большую партію виста! Уваженіе отъ мужей переходило къ женамъ; жены по мужьямъ имѣли голосъ и силу: лишь княжна Мими оставалась одна, безъ голоса, безъ опоры. Часто, на балѣ, она не знала куда пристать, — къ дѣвушкамъ, или къ замужнимъ, — не мудрено: Мими была не замужемъ! Хозяйка встрѣчала ее съ холодною учтивостію, смотрѣла на нее какъ на лишнюю мѣбель, и не знала, что сказать ей, потому что Мими не выходила замужъ. И тамъ и здѣсь поздравляли, но не ее, но все ту, которая выходила замужъ! А тихій шопотъ, а непримѣтныя улыбки,

а явныя или воображаемыя насмѣшки, падающія на бѣдную дѣвушку, которая не имѣла довольно искусства, или имѣла слишкомъ-много благородства, чтобы не продать себя въ замужство по расчетамъ! Бѣдная дѣвушка! Каждый день ея самолюбіе было оскорблено; съ каждымъ днемъ раждалось новое униженіе; и, — бѣдная дѣвушка! — Каждый день досада, злоба, зависть, мстительность мало-по-малу портили ея сердце. Наконецъ, мѣра переполнилась: Мими увидѣла, что если не замужствомъ, то другими средствами надобно поддержать себя въ свѣтъ. дать себѣ какое-нибудь значеніе, занять какое-нибудь мѣсто; и коварство, — то темное, робкое, медленное коварство, которое дѣлаетъ общество ненавистнымъ, и мало-по-малу разрушаетъ его основанія, — это общественное коварство развилось въ княжнѣ Мими до полного совершенства. Въ ней явилась особаго рода дѣятельность: всѣ малыя ея способности получили особое направленіе; даже невыгодное ея положеніе обратилось въ ея пользу. Что дѣлать! Надобно было поддержать себя! И вотъ княжна Мими, какъ дѣвушка, стала втираться въ общество дѣвицъ и молодыхъ женщинъ; какъ зрѣлая дѣвушка, сдѣлалась любезнымъ товарищемъ въ глубокихъ разсужденіяхъ старыхъ почтенныхъ дамъ. И ей было время! Проведши двадцать лѣтъ въ тщетномъ ожиданіи жениха, она не думала о домашнихъ заботахъ; занятая единственною мыслію, она усилила въ себѣ врожденное отвращеніе къ печатнымъ ли-

терамъ , къ искусству, ко всему , что называется чувствомъ въ сей жизни, и вся обратилась въ злобное, завистливое наблюденіе за другими. Она стала знать и понимать все , что дѣлается передъ нею и за нею ; сдѣлалась верховнымъ судіей жениховъ и невѣстъ ; пріучилась обсуждать каждое повышеніе мѣстомъ или чиномъ ; завела своихъ покровителей и своихъ питомцевъ (protégés); начала оставаться тамъ, гдѣ видѣла, что она мѣшаетъ ; начала прислушиваться гдѣ говорили шопотомъ ; наконецъ — начала говорить о всеобщемъ развращеніи нравовъ. Что дѣлать ! Надобно было поддержать себя въ свѣтъ.

И она достигла своей цѣли : ея маленькое, но постоянное муравьиное прилежаніе къ своему дѣлу или , лучше сказать, къ дѣламъ другихъ , придало ей дѣйствительную власть въ гостиныхъ ; многіе боялись ее, и старались не ссориться съ нею ; одни неопытные дѣвушки и юноши осмѣливались смѣяться надъ ея поблекшей красою, надъ ея нахмуренными бровями, надъ ея горячими проповѣдями противъ нынѣшняго вѣка и надъ непріятностію, обратившеюся ей въ привычку, пріѣзжать на балъ и уѣзжать домой, не сдѣлавши даже вальсоваго круга.

Баронесса знала все могущество княжны Мими и страшнаго ея судилища ; хотя чистая, невинная, холодная, увѣренная въ самой-себѣ, она и не боялась его преслѣдованій : до-сихъ-поръ , избѣгать ихъ помогали ей самыя обстоятельства жизни ; но теперь баронесса находилась въ весьма затрудни-

тельномъ положеніи. Границкій, съ которымъ она только-что танцевала, былъ прекрасный, статный молодой человѣкъ, — съ густыми черными бакенбардами; онъ почти всю свою жизнь провелъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ подружился съ братомъ баронессы; братъ баронессы жилъ теперь въ ея домѣ, а Границкій у ея брата, онъ почти ни съ кѣмъ не былъ знакомъ въ городѣ; каждый день объѣдалъ и выезжалъ съ ними вмѣстѣ: словомъ, все сближало его съ баронессою, и она понимала, какой прекрасный романъ добродѣтельная душа можетъ построить на такомъ выгодномъ основаніи. Эта мысль занимала ее въ то время, когда она танцевала съ молодымъ человѣкомъ, и она невольно задумывалась, приискивая въ головѣ средства, какъ-бы ей защититься отъ злословія добродѣтельныхъ дамъ. Баронесса съ досадою вспомнила, что внезапный, такъ близко подходившій къ предмету ея размышленій, вопросъ княжны Мими привелъ ее въ смущеніе, которое вѣрно не укрылось отъ проницательныхъ взоровъ лазутчицы; ей уже казалось, что при семъ вопросѣ въ голосъ княжны было что-то особенное; къ тому жь, она замѣтила, что княжна вслѣдъ за тѣмъ стала съ жаромъ говорить съ сидѣвшей возлѣ нее старою дамою, и что онѣ обѣ, какъ-бы нѣхотя, то улыбались, то пожимали плечами. Все это въ одно мгновеніе пробѣжало въ головѣ баронессы, и въ то же мгновеніе родило въ ней мысль — однимъ разомъ сдѣлать два дѣла, — и отвратить отъ себя подозрѣніе, и снискать благово-

леніе княжны. Баронесса стала искать глазами Границкаго, но не находила его. Тому была причина, и очень важная.

На другомъ концѣ дома находилась завѣтная комната, неприступная для мужчинъ. Тамъ огромное зеркало, ярко освѣщенное, отражало голубыя шелковыя занавѣски : оно было окружено всѣми прихотями причудливой моды ; цвѣты, ленты, перья, локоны, перчатки, румяны, все было разбросано по столамъ, какъ Рафазлевы арабески; на низкомъ диванѣ лежали рядами бѣлосиневатыя парижскіе башмаки, — это воспоминаніе о хорошенькихъ ножкахъ, — и, казалось, скучали своимъ одиночествомъ; нѣсколько въ отдаленіи, подъ легкимъ покрываломъ, перегибались чрезъ спинку креселъ тѣ таинственныя выдумки образованности, которыхъ благоразумная женщина не открываетъ и тому, кто имѣетъ право на ея полную откровенность : эти эластическіе корсеты, эти шнурки, эти подвязки, эти непонятныя накрахмаленныя платки, вздернутые на снурокъ, или перевязанные посерединѣ, и проч., и проч. Одинъ мосьё Рави съ великолѣпнымъ, будто изъ фарфора вылитымъ хохломъ на головѣ, въ бѣломъ фартукѣ, съ шипцами въ рукахъ, имѣлъ право находиться въ этомъ гинекеѣ во время бала; на мосьё Рави не дѣйствовалъ магнетическій воздухъ женской уборной, отъ которой у другаго дрожь пробѣгаетъ по тѣлу; онъ не обращалъ вниманія на эти росношныя оттиски, остающіеся въ женской одеждѣ, которую такъ хорошо

понимали древніе ваятели, взмачивая покрывало на Афродитѣ; какъ начальникъ султанскаго гарема, онъ хладнокровно дремалъ среди всего его окружающаго, не думая ни о значеніи своего имени, ни о томъ, что внушила подобная комната его пламенному единоплеменнику.

Передъ концемъ мазурки, одна молодая дама, сказавъ два слова своему кавалеру, незамѣтно отъ другихъ порхнула въ эту комнату, показала господину Рави свой развѣшенный локонъ, г. Рави вышелъ за другими шипцами, въ одно мгновеніе молодая дама оторвала отъ булавокъ лоскутъ бумажки, быстро выдернула тонкій карандашъ изъ сувенира, оперлась на диванъ своею маленькою ножкою, написала нѣсколько словъ на колѣнѣ, сжала записку въ непримѣтный комокъ, и, когда г. Рави возвратился, жаловалась на его медленность.

Послѣ окончанія танца, когда въ воздухѣ носится нѣсколько педоговоренныхъ словъ. танцовщицы въ хлопотахъ бѣгаютъ изъ угла въ уголъ за дамами, дамы лѣниво просматриваютъ номера своихъ контрадансовъ, и даже неподвижныя фигуры, окружающія танцующихъ, перемѣняютъ мѣсто, чтобы подать какой нибудь признакъ жизни. — въ эту минуту безпорядка та же дама проходила мимо Гранницкаго: дымчатый шарфъ слетѣлъ съ распаленныхъ плечъ ея, Гранницкій поднялъ его, дама наклонилась, ихъ руки встрѣтились, и свернутая бумажка осталась въ рукъ молодаго человѣка. Гранницкій не измѣнился въ лицѣ, остался нѣсколько

времени на томъ же мѣстѣ, тщательно поправилъ на рукѣ перчатку, и, потомъ, жалуюсь на духоту и усталость, пошелъ тихими шагами въ отдаленную комнату, гдѣ нѣсколько игроковъ въ сладкомъ уединеніи сидѣли за карточнымъ столомъ. Къ счастью, одинъ изъ нихъ объявилъ Границкому, что его пари проиграно. Границкій отошелъ въ сторону, вынулъ портфель, и, какъ-бы отыскивая въ немъ деньги, прочиталъ слѣдующія слова, наскоро написанныя знакомою рукою :

«Я не успѣла васъ предупредить. Не танцуйте со мною болѣе одного раза. Мнѣ, кажется, что мужъ мой начинаетъ замѣчать...»

Остальнаго нельзя было разобрать.

По праву нескромности, присвоенной раскашикамъ, мы объявимъ, къмъ была писана эта записка. Границкій зналъ ея сочинительницу еще дѣвушкой: она была первою его страстію; тогда еще они поклялись другъ другу въ вѣчной любви, хотя разные семейственные расчеты противились ихъ соединенію, — это было во Флоренціи. Вскорѣ они разстались; Границкій отправился въ Римъ; его Лидію мать увезла въ Петербургъ и, волею или неволею, выдала замужъ за графа Рифейскаго. Какъ бы то ни было, встрѣтившись снова, старые любовники вспомнили прежнюю свою клятву: вспыхнулъ огонь изъ-подъ пепла; они рѣшились возратить потерянное время и, въ отмщеніе свѣту за его своеволие, торжественно его обманывать.

Границкій привезъ къ графу цѣлый коробъ рекомендательныхъ писемъ, подарковъ, посылокъ, и проч.; успѣлъ въ самомъ Петербургѣ оказать ему какую-то услугу, и наконецъ сдѣлался въ его домѣ почти домашнимъ человѣкомъ.

Покорный своей владычицѣ, онъ, возвратясь въ залу, сталъ осматривать, не попадутся ли ему знакомыя дамы, которыя бы помогли ему добить сегодняшней вечеръ. Въ эту минуту, баронесса подошла къ нему, и спросила, не хочетъ ли онъ познакомиться съ танцовщицею. Границкій принялъ ея предложеніе съ величайшею радостію; она подвела его къ княжнѣ Мими.

Но баронесса ошиблась въ своемъ расчетѣ: княжна вспыхнула, отозвалась нездоровою, объявила, что она не намѣрена танцовать, и, когда смущенная баронесса удалилась, сказала сидѣвшей возлѣ нее старой дамѣ:

— Съ чего она взяла навязывать мнѣ своихъ друзей? Ей хочется мною прикрыть свои хитрости. Она думала, что трудно догадаться...

Цѣлый міръ злости былъ въ этихъ немногихъ словахъ. Какъ хотѣлось княжнѣ, чтобы кто-нибудь подошелъ пригласить ее на танцы! Съ какою бы радостію она показала баронессѣ, что не хочетъ танцовать только съ ея Границкимъ! Но княжнѣ, къ несчастію, не удалось это: цѣлый балъ она, по обыкновенію, не сошла съ своего стула, и возвратилась домой съ планами жесточайшаго мщенія.

Не подумайте однакожь, любезные читатели и читательницы, чтобы злоба княжны на баронессу была произведена лишь минутною досадою. Нѣтъ! Княжна Мими была дѣвушка очень благоразумная, и издавна цріучила себя безъ причинны не увлекаться сердечнымъ движеніемъ. Нѣтъ! давно, давно уже Элиза нанесла тяжкую обиду княжнѣ Мими: въ послѣднемъ періодѣ ея странствованія по баламъ, первый мужъ Элизы казался будто полуженихомъ княжны, то-есть, не имѣлъ къ ней такого отвращенія, какъ другіе мужчины; княжна была увѣрена, что если бъ не Элиза, то она бы теперь имѣла наслажденіе быть замужемъ, или по-крайней-мѣрѣ вдовою, — что не менѣе производитъ удовольствія. И все понапрасну! Явилась баронесса, отбила обожателя, вышла за него замужъ, уморила его, вышла за другаго, — и все еще всѣмъ правится, заставляетъ въ себя влюбляться, умѣетъ не сходить съ доски, а княжна Мими все въ дѣвкахъ да въ дѣвкахъ, — а время все бѣжитъ да бѣжитъ! Часто, за туалетомъ, княжна съ тайнымъ отчаяніемъ смотрѣла на свои перерѣвшія прелести: она сравнивала свой высокій станъ, свои широкія плеча, свой мужественный видъ, съ маленькимъ измятымъ личикомъ баронессы. О, если бъ кто могъ подсмотреть, что тогда дѣлалось въ сердцѣ княжны! что мерещилось ея воображенію! какъ было оно изобрѣтательно въ ту минуту! какою бы прекрасною моделью она могла служить живописцу, который бы хотѣлъ изобразить дикую островитянку, тер-

зающую попавшагося на ея долю плѣнника! И все это надобно было сжимать подъ узкимъ корсетомъ, подъ условными фразами, подъ вѣжливою наружностію!... Пламень цѣлаго ада выпускать тоненькою непримѣтною ниточкой!... О, это ужасно, ужасно!

Въ эти минуты грусти, скорби, зависти, досады, къ княжнѣ являлась утѣшительница.

То была горничная княжны. Сестра этой горничной занималась у баронессы. Часто сестрицы сходились вмѣстѣ, и, побранивъ порядкомъ своихъ барынь, каждая свою, — принимались рассказывать другъ другу домашнія происшествія; потомъ, возвратившись домой, передавали своимъ господамъ все собранныя ими извѣстія. Баронесса помирала со смѣху, слушая подробности туалета Мими, — какъ страдала она, затягивая свою широкую талию, — какъ бѣлила посинѣвшія отъ натуги свои шершавыя руки, — какъ дополняла разными способами нѣсколько скосившійся правый бокъ свой, — какъ на ночь привязывала къ багровымъ щекамъ своимъ ужасъ! — сырыя котлеты! какъ выдергивала изъ бровей лишніе волосы, подкрашивала сѣдые, и проч.

Извѣстія, получаемыя княжною, были гораздо важнѣе; въ этомъ была виновата сама баронесса: объ ней почти нѣчего было рассказывать, и Маша, — такъ называлась служанка княжны, — невольно должна была прибѣгать къ изобрѣтеніямъ. Спра-

ведливо старинное, опытомъ доказанное сказаніе, что человѣкъ всегда самъ подаетъ поводъ къ своимъ несчастіямъ!

Когда княжна возвратилась съ бала, — хотя въ это время она и всегда бывала не въ духъ, но сегодня Маша замѣтила, что съ ея госпожею произошло что-то особенное: ей показалось, будто уже шевелятся башмаки, банки съ помадою, стклянки и прочія вещи, которыя въ такихъ обстоятельствахъ княжна имѣла обыкновеніе отправлять — отправлять — какъ бы сказать это повѣжливѣе? — отправлять параллельно полу и перпендикулярно къ той линіи, которая оканчивалась лицомъ горничной. Кажется, довольно не ясно?... Бѣдная дѣвушка, чтобъ отвратить грозную тучу, не преминула прибѣгнуть къ единственной своей защитѣ:

«А я-съ сегодня была у сестрицы!» сказала она. «Ужь что тамъ дѣлается, ваше сіятельство!»

Маша не обманулась. Въ одно мгновеніе лице княжны прояснилось; она вся обратилась во вниманіе, и уже давно начался городскій шумъ, а Маша еще толковала съ княжною о томъ, какъ баронъ часто выѣзжаетъ со двора, какъ въ это время *новопріѣзжій* сидитъ съ баронессою, какъ они уговариваются ѣхать вмѣстѣ въ театръ, быть вмѣстѣ на балѣ, и проч., и проч.

Долго не могла заснуть княжна, и, заснувши, безпрестанно просыпалась отъ различныхъ сновидѣній: то ей кажется, что она выходитъ замужъ, стоитъ уже передъ налоемъ, всѣ ее поздравляютъ,

— вдругъ явится баронесса и утащитъ жениха ея; то княжна разсматриваетъ свое вѣнчальное платье, примѣриваетъ его, любитъся, — явится баронесса и раздеретъ платье на мелкія части; то княжна ложится въ постелю, хочетъ обнять своего мужа, — а въ постель баронесса лежитъ и хохочетъ; то княжна танцуетъ на балѣ, всѣ восхищаются ея красотою, говорятъ, что она танцуетъ съ женихомъ своимъ, — а баронесса подставитъ ногу, и княжна падаетъ на полъ. Но были и сны утѣшительные: то баронесса представляется ей въ видѣ ея горничной, — княжна бранитъ ее, бьетъ ее башмаками и обрѣзываетъ ей кругомъ волосы; то въ видѣ большаго чернаго пуделя, — княжна приказываетъ его выгнать и съ удовольствіемъ смотритъ въ окошко, какъ лакеи камнями бросаютъ въ ея непріятельницу, то въ видѣ канвы, — княжна колетъ ее большою острою иглой и прошиваетъ красными нитками.

И не вините ее въ томъ, но вините, плачьте, проклинайте развращенные нравы нашего общества. Что же дѣлать, если для дѣвушки въ обществѣ единственная цѣль жизни — выйдти замужъ! если ей съ колыбели слышатся эти слова — «когда ты будешь замужемъ!» Ее учатъ танцовать, рисовать, музыкѣ для того, чтобъ она могла выйдти замужъ; ее одѣваютъ, вывозятъ въ свѣтъ, ее заставляютъ молиться Господу Богу, чтобъ только скорѣе выйдти замужъ. Это предѣлъ и начало ея жизни. Это самая жизнь ея. Что же мудренаго,

если для нее всякая женщина дѣлается личнымъ врагомъ, а первымъ качествомъ въ мужчинѣ — *удобоженимость*. Плачьте и проклиняйте, — но не бѣдную дѣвушку.

II.

Круглый столъ.

On cause, on rit, on est heureux.

Romans français

Подъ кровомъ тишины и спокойствія,
въ кругу своего семейства ...

Русскіе романы.

На другой день, послѣ обѣда, княжна Мими, младшая сестра ея Марія, молодая вдова, старая княгиня-мать обѣихъ, да еще человекъ два домашнихъ сидѣли, но обыкновенно, за круглымъ столомъ въ гостиной, и, въ ожиданіи партнеровъ для виста, прилежно занимались канвою.

Княгиня была очень старая и почтенная женщина; во всей ея долгой, долгой жизни нельзя было найти ни одного поступка, ни одного слова, ни одного чувства, которое бы не было строго сообразовано съ принятыми приличіями; она говорила по-французски очень чисто и безъ ошибокъ; сохраняла

въ полной мѣрѣ суровость и неприступность, приличную женщинѣ хорошаго тона; не любила отвлеченныхъ разсужденій, но цѣлыя сутки могла поддерживать разговоръ о томъ, о сѣмъ; никогда не брала на себя неприятной обязанности вступаться за человѣка не въ ладу съ общимъ мнѣніемъ; вы могли быть увѣрены, что въ ея домъ не встрѣтитесь съ человѣкомъ, на котораго дурно смотрять, или котораго вы не встрѣчали въ обществѣ. Сверхъ того, княгиня была женщина ума необыкновеннаго: она была очень небогата, и не могла давать ни обѣдовъ, ни баловъ; но несмотря на то, умѣла такъ искусно нырять между интригами, такъ искусно оцѣплять людей посредствомъ своихъ племянниковъ, племянницъ, внуковъ и внучекъ, такъ искусно попросить объ одномъ, побранить другаго, что пріобрѣла всеобщее уваженіе и, какъ говорится, поставила себя на хорошую ногу.

Сверхъ того, она была женщина очень благотворительная: несмотря на недостаточное состояніе, ея гостиная была всякій день освѣщена, и чиновники иностранныхъ посольствъ могли быть увѣрены, что всегда найдутъ у ней каминъ или карточный столъ, за которымъ можно провести время между обѣдомъ и баломъ; въ ея домъ часто разыгрывались лоттереи для бѣдныхъ; она всегда была завалена концертными билетами дочернихъ учителей; она покровительствовала кому бы то ни было, когда кто ей былъ рекомендованъ порядочнымъ человѣкомъ. Словомъ, княгиня была добрая, благород-

умная и благотворительная дама во всѣхъ отношеніяхъ.

Все это, какъ мы сказали, давало ей право на всеобщее уваженіе: княгиня знала себѣ цѣну и любила пользоваться своимъ правомъ. Но только, съ нѣкотораго времени, княгинѣ все стало какъ-то скучно и досадно; вистъ и люди, люди и вистъ еще какъ-то оживляли ее, но до начала партіи она не могла (разумѣется, въ семейномъ кругу) скрывать своей невольной тоски, и внезапно наружу являлись какая-то жесткость сердца, какая-то маленькая ненависть ко всему окружающему, какое-то отсутствіе всякаго радушія, какое-то отвращеніе ко всякой услугѣ, даже какое-то отвращеніе къ жизни. Какъ не пожаловаться на судьбу? За что такая несправедливость? Зачѣмъ такъ худо награждена была эта почтенная дама? Ибо, увѣряю васъ, этотъ маленькій байронизмъ княгини происходилъ не отъ воспоминанія о какихъ-нибудь прежнихъ тайныхъ прегрѣшеніяхъ, не отъ раскаянія, — о, нѣтъ, не отъ раскаянія! Я уже сказалъ вамъ, что, въ-продолженіе всей своей жизни, княгиня не позволяла себѣ никогда дѣлать что-нибудь такое, чего бы не дѣлали другіе: она была невинна, какъ голубица; она смѣло могла смотрѣть на происшествія своей прежней жизни, — чистыя какъ стекло, — ни одинаго пятнышка. Словомъ, я никакъ не могу вамъ объяснить, отъ чего происходила тоска княгини. Пусть эту загадку рѣшатъ тѣ почтенныя дамы, которыя будутъ или не будутъ читать меня, и

пусть растолкуютъ ее своимъ внучкамъ, надеждъ новаго поколѣнія.

И такъ княгиня, среди своего семейства, сидѣла за круглымъ столомъ. О, круглый семейный столъ! свидѣтель домашнихъ тайнъ! чего тебѣ не вѣрили? чего ты не знаешь? Если бѣ къ твоимъ четыремъ ногамъ прибавить голову, ты бы сравнялся даже съ нашими глубокомысленными описателями нравовъ, которые столь вѣрно и рѣзко нападаютъ на недоступное имъ общество, и которымъ я столь тщетно подражать стараюсь. За круглымъ столомъ обыкновенно начинается маленькая откровенность; чувство досады, сжатое въ другое время, начинаетъ мало-помалу развертываться; изъ-подъ канвы выскакиваетъ эгоизмъ въ полномъ, роскошномъ цвѣтѣ; тутъ приходятъ на мысль счеты управителя и разстройство имѣнія; тутъ откровенно обнаруживается непреодолимое желаніе выйти или выдать замужъ; тутъ вспоминаются какая-нибудь неудача, какая-нибудь минута униженія; тутъ жалуется и на самыхъ близкихъ пріятелей и на людей, которымъ, кажется, вы преданы всею душою; тутъ дочери ропшутъ, мать сердится, сестры упрекаютъ другъ друга; словомъ, тутъ дѣлаются явными всѣ тѣ маленькія тайны, которыя тщательно скрываются отъ взоровъ свѣта. Послышится звонокъ, и все исчезло! Эгоизмъ спрячется за дымчатое канву, на лицѣ явится улыбка, и входящій въ комнату холостякъ съ умиленіемъ смотритъ на дружескій кружокъ милаго семейства.

«Я не знаю,» говорила старая княгиня княжнѣ Мими : «зачѣмъ вы ѣздите на балы, когда всякой разъ жалуетесь, что вамъ было скучно... что вы не танцуете..... Выѣзды стоѣтъ денегъ, и все понапрасну! Только, что я остаюсь одна дома, даже безъ партіи... Вотъ какъ вчера! Право, пора этому всему кончиться : вѣдь тебѣ уже гораздо за тридцать, Мими, — выходи, Бога ради, замужъ поскорѣе; по-крайней-мѣрѣ я тогда буду спокойнѣе. Я право не въ состоянїи одѣвать тебя...»

— Я думаю, сказала молодая вдова : — что ты, Мими, сама виновата во многомъ. Зачѣмъ эта безпрестанная презрительная мина на лицѣ твоемъ? Когда къ тебѣ подойдетъ кто-нибудь, то по лицу твоему можно подуматъ, что тебя лично обидѣли. Ты право страшна на балѣ... ты отталкиваешь всякаго отъ себя.

Княжна Мими. Неужли жъ мнѣ вѣшаться на шею всякому встрѣчному, какъ твоя баронесса? Жеманиться, показывать всякому мальчику мою благодарность за то, что онъ мнѣ сдѣлаетъ честь провести меня въ контрадансъ?

Марія. Не говори мнѣ о баронессѣ! Твой вчерашнїй съ нею поступокъ на балѣ таковъ, что я не знаю, какъ назвать его. Это была безпримѣрная неучтивость. Баронесса хотѣла тебѣ сдѣлать удовольствїе, подвела къ тебѣ кавалера...

Мими. Подвела ко мнѣ для того, чтобы мною прикрыть свои любовныя хитрости. Вотъ прекрасное одолженїе!

МАРІЯ. Ты любишь все толковать въ дурную сторону. Гдѣ ты замѣтила эти любовныя хитрости?

МИМИ. Одна ты ничего не видишь и не слышишь! Ты, разумѣется, какъ женщина замужня, можешь презирать свѣтское мнѣніе, — но я... я слишкомъ дорожу собою. Я не хочу, чтобъ обо мнѣ стали то же говорить, что о твоей баронессѣ.

МАРІЯ. Не знаю! Но что до-сихъ-поръ ни говорили о баронессѣ, все вышло неправда...

МИМИ. Конечно, все ошибаются! одна ты права!... Я не могу надивиться, какъ ты можешь за нее вступаться. Ея репутація сдѣлана.

МАРІЯ. О, я знаю! Баронесса имѣетъ много враговъ, — и на это есть причины: она прекрасна собою; мужъ ея уродъ; ея любезность привлекаетъ къ ней толпу мужчинъ.

МИМИ вспыхнула; а старая княгиня прервала Марію:

«Ужъ правду сказать, я совсѣмъ не рада вашему знакомству съ баронессою; она совсѣмъ не умѣетъ вести себя. Что это за безпрестанныя кавалькады, пикники? Нѣтъ бала, на которомъ бы она не вертѣлась; нѣтъ мужчины, съ которымъ бы она не была какъ съ братомъ. Я не знаю, какъ все это называется у васъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, но въ наше время такое поведеніе называлось неблагопристойнымъ.»

— Да дѣло идетъ не о баронессѣ! возразила Марія, хотѣвшая отклонить разговоръ о своей пріятельницѣ. Я говорю о тебѣ, Мими: ты меня

истинно приводишь въ отчаяніе. Ты говоришь объ общемъ мнѣніи! Не думаешь ли ты, что оно въ твою пользу? О, ты весьма ошибаешься! Ты думаешь, пріятно мнѣ видѣть, что твоего языка боятся какъ огня, перестаютъ говорить, когда ты подойдешь къ какому-нибудь кружку? Мнѣ, мнѣ, сестрѣ твоей, говорятъ въ глаза о твоихъ сплетняхъ, о твоей злости; ты мужу намекаешь о тайнахъ его жены; женѣ рассказываешь о мужѣ; молодые люди просто ненавидятъ тебя. Нѣтъ ихъ шалости, которой бы ты не знала, о которой бы ты не судила и не рядила. Увѣряю тебя, что съ твоимъ характеромъ ты вѣкъ не выйдешь замужъ.

«О, я объ этомъ очень мало забочусь!» отвѣчала Мими. «Лучше цѣлый вѣкъ оставаться въ дѣвкахъ, чѣмъ выйдти замужъ за какого-нибудь больного колѣку и до смерти затащить его на балахъ.»

Марія вспыхнула въ свою очередь и готовилась отвѣчать, но ударилъ звонокъ, дверь отворилась, и вошелъ графъ Сквирскій, старинный пріятель, или, что все равно, старинный партнеръ княгини. То былъ одинъ изъ тѣхъ счастливицевъ, которымъ нельзя не завидовать. Цѣлый вѣкъ и цѣлый день онъ былъ занятъ: поутру надобно поздравить того-то съ именинами, купить узоръ для княжны Зизи, сыскать собаку для княжны Биби, завернуть въ министерство за новостями, поспѣть на крестины или на похороны, потомъ на обѣдъ, и проч., и проч.. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ графъ

Сквирскій все собирався сдѣлать что-нибудь дѣльное, но отлагалъ день за днемъ, и, за ежедневными хлопотами, не успѣлъ даже жениться. Ему вчера и тридцать лѣтъ назадъ было одно и то же : перемѣнялись моды и мебели, но гостиныя и карты все были тѣ же, — сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня, — онъ уже третьему поколѣнію показывалъ свою неизмѣнную, спокойную улыбку.

«Сердце радуется,» говорилъ Сквирскій княгинѣ : «когда войдешь къ вамъ въ комнату, и помотришь на вашъ милый семейный кружокъ. Нынче уже мало такихъ согласныхъ семействъ ! Всѣ вы вмѣстѣ, всегда такъ веселы, такъ довольны, — и вздохнешь невольно, какъ вспомнишь о своемъ холостомъ углѣ. Честью могу васъ увѣрить, — пусть другіе говорятъ что хотятъ, — но что до меня касается, я, такъ думаю, холостая жизнь...»

Философическія разсужденія Сквирскаго были прерваны поданною ему карточкою.

Между-тѣмъ скоро гостиная княгини наполнилась : тутъ были и супруги, для которыхъ собственный домъ есть родъ Калмыцкой кибитки, годной лишь для ночлега ; и тѣ любезные молодые люди, которые пріѣзжаютъ къ вамъ въ домъ за тѣмъ, чтобъ было что сказать въ другомъ ; и тѣ, которыхъ судьба, наперекоръ природѣ, втанула въ маховое колесо гостиныхъ ; и тѣ, для которыхъ самый простой визитъ есть слѣдствіе глубокихъ расчетовъ и пособіе для годовой интриги. Тутъ были и тѣ лица, которымъ самъ Грибоѣдовъ не

могъ пріискать другаго характеристическаго имени, какъ г-нъ N и г-нъ D.

«Вы долго вчера оставались на балъ?» спросила княжна Мими у одного молодаго человѣка.

— Мы еще танцевали послѣ ужина.

«Скажите жъ, чѣмъ кончилась комедія?»

— Княжнѣ Биби наконецъ удалось прикрѣпить свою гребенку...

«Охъ! не то...»

— А, понимаю!... Длинная фигура въ черномъ фракѣ наконецъ рѣшилась разговориться: онъ задралъ шляпою графиню Рифейскую, и сказалъ: «Извините!»

«О! все не то... Вы стало быть ничего не замѣтили?»

— А, вы говорите про баронессу?...

«О, нѣтъ! Я и не думала объ ней... Да почему вы объ ней заговорили? Развѣ о чемъ нибудь говорятъ?»

— Нѣтъ! Я ничего не слыхалъ. Мнѣ хотѣлось только отгадать, что вы хотѣли сказать своимъ вопросомъ.

«Я ничего не хотѣла сказать.»

— Но о какой же комедіи?

«Я такъ говорила вообще о вчерашнемъ балѣ.»

— Нѣтъ, воля ваша, тутъ что-нибудь да есть! Вы сказали такимъ тономъ...

«Вотъ свѣтъ! Вы ужъ выводите заключенія! Я васъ увѣряю, что я ни о комъ особенно не думала.»

Кстасти о баронессѣ : она еще много послѣ меня танцевала ?»

— Не сходила съ доски.

«Она совсѣмъ не бережетъ себя. Съ ея здоровьемъ...»

— О! княжна, вы совсѣмъ не объ ея здоровьѣ говорите. Теперь все понимаю. Этотъ гвардейскій полковникъ?... Не такъ-ли ?

«Нѣтъ! Я его не замѣтила.»

— Такъ позвольте жь? Надобно вспомнить всѣхъ, съ кѣмъ она танцевала...

«Ахъ, Бога ради, перестаньте! Я вамъ говорю, что я объ ней и не думала. Я такъ боюсь этихъ всѣхъ пересудовъ, сплетней... Въ свѣтѣ люди такъ злы...»

— Позвольте, позвольте! Князь Петръ,... Бобо,... Лейденминцъ, Границкій?...

«Кто это? Это новое лицо, высокій съ черными бакенбардами?...»

— Такъ точно.

«Онъ, кажется, пріятель баронессина дѣверя?»

— Такъ точно.

«Такъ его зовутъ Границкимъ?»

— Скажите, пожалуйста, сказала одна, сидѣвшая за картами дама, вслушавшись въ слова Мими : что такое этотъ Границкій ?

— Его баронесса всюду развозитъ, отвѣчала соседка княжны на балѣ.

И сегодня, замѣтила третья дама, она показывала его въ своей ложѣ.

— Это только баронессъ можетъ прійти въ голову, сказала сосѣдка княжны. Богъ знаетъ, что онъ такое! Какой-то выходецъ съ того свѣта...

«То ужь правда, что онъ, Богъ-знаетъ, что такое! Онъ какой-то этакой якобинецъ не якобинецъ, ни frondeur, не умветъ жить. И какія глупости онъ говоритъ! Намедни я стала уговаривать графа Бориса взять билетъ къ нашему Целини, а этотъ, — какъ его, — Границкій, что ли, — принялся возлъ меня рассказывать о какой-то Страховой Конторѣ, которую здѣсь заводятъ противъ концертныхъ билетовъ...»

— Онъ не хорошій человекъ, замѣтили многіе.

«Не слышитъ этого баронесса!» сказала Мими.

— Ну, теперь понимаю! прервалъ ее молодой человекъ.

«О, нѣтъ! Ей-Богу, я только хотѣла сказать, какъ бы ей этотъ разговоръ былъ непріятенъ; онъ другъ ихъ дома... И для всякаго...»

— Позвольте мнѣ еще разъ перервать ваши слова, потому-что я расскажу именно то, что вамъ хотѣлось знать. Баронесса послѣ ужина не переставала танцовать съ Границкимъ. О, теперь я все понимаю! Онъ не отходилъ отъ нея: то она на стулъ оставитъ шарфъ, онъ принесетъ его; то ей жарко, онъ носится съ стаканомъ...

«Какъ вы злы! Я ни объ чемъ объ этомъ васъ не спрашивала. Что тутъ мудренаго, что онъ за ней ухаживаетъ! Онъ ей почти родной, живетъ у нихъ въ домъ...»

— А! живеть у нихъ въ домъ! Какая самоуверенность въ этомъ баронъ!... Не правда ли?

«О, Бога ради, перестаньте! Вы заставляете меня говорить то, чего у меня въ головѣ нѣтъ: съ вами тотчасъ попадешь въ кумушки, — а я, я такъ всего этого боюсь!... избави меня Богъ за кѣмъ-нибудь замѣчать!... А особливо баронесса, которую я такъ люблю...»

— Да! Она достойна любви и... сожалѣнія.

«Сожалѣнія?»

— Безъ-сомнѣнія! Согласитесь, что баронъ и баронесса *емьсть* составляютъ что-то странное.

«Да! это правда!... Мужъ баронессы совсѣмъ не занимается ею: она, бѣдная, дома, всегда одна...»

— Не одна! — возразилъ молодой человекъ, улыбаясь своему остроумію.

«О, вы все толкуете по-своему! Баронесса очень нравственная женщина...»

— О, будемте справедливы! замѣтила сосѣдка княжны. — Не надобно никого осуждать; но я не знаю, какія правила у баронессы. Не знаю, какъ-то зашла рѣчь объ Антони, объ этой ужасной, безнравственной пьесѣ: я не могла досидѣть до конца, а она вздумала вступаться за эту пьесу и увѣрять, что только такая пьеса можетъ остановить женщину на краю гибели...

«О! признаюсь вамъ,» замѣтила княгиня: «все, что говорится, дѣлается и пишется въ нынѣшнемъ вѣкѣ... Я ровно ничего не понимаю!»

— Да! отвѣчалъ Сквирскій. Я скажу, что до меня касается, я, такъ думаю, нравственность необходима; но и просвѣщеніе также...

«Ну ужь и вы, графъ, туда же!» возразила княгиня. «Нынѣче всѣ твердятъ — просвѣщеніе, просвѣщеніе! — куда ни оглянись, всюду просвѣщеніе, — и купцовъ просвѣщаютъ, и крестьянъ просвѣщаютъ, — встарину не было этого, а все шло лучше нынѣшняго. Я сужу по-старинному: говорятъ — просвѣщеніе, а поглядишь — развращеніе!»

— Нѣтъ, позвольте, княгиня! — отвѣчалъ Сквирскій. — Я съ вами не согласенъ. Просвѣщеніе необходимо, и это я докажу вамъ какъ дважды-два — четыре. Вѣдь что такое просвѣщеніе? Вотъ на примѣръ мой племянникъ: онъ вышелъ изъ университета, знаетъ всѣ науки: и математику, и полатынѣ — имѣетъ аттестатъ, и вотъ ему всюду открыта дорога, — и въ коллежскіе ассессоры, — и въ дѣйствительные. Вѣдь, позвольте сказать: просвѣщеніе просвѣщенію рознь. Вотъ на примѣръ свѣча: она свѣтитъ, намъ бы нельзя было безъ нея въ вистъ играть; но я взялъ свѣчу и поднесъ къ занавѣскѣ, — занавѣска загорится...

«Позвольте записать!» сказалъ одинъ изъ играющихъ.

— То, что я говорю? спросилъ Сквирскій, улыбаясь.

«Нѣтъ, робертъ!»

— Вы сдѣлали ренонсъ, графъ! Какъ это можно? сказалъ съ досадою партнеръ Сквирскаго.

«Какъ?... я?... ренонсъ? Ахъ Боже мой!... Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ вамъ и просвѣщеніе!... Ренонсъ! Ахъ, Боже мой, ренонсъ! Да, точно ренонсъ!

Тутъ уже ничего нельзя было разслушать : всѣ заговорили о несчастіи Сквирскаго, и всѣ разсужденія, всѣ интересы, всѣ чувства, сосредоточились въ этомъ предметѣ. Пользуясь общимъ движеніемъ, двое изъ гостей непримѣтно вышли изъ комнаты : одинъ изъ нихъ, казалось, только что пріѣхалъ опредѣлиться, другой возилъ его знакомить по гостинымъ. На лицѣ одного видны были досада и насмѣшка; другой спокойно и внимательно всматривался въ ступеньки лѣстницы, по которой они сходили.

— Мнѣ на роду написано встрѣчаться съ этимъ бездѣльникомъ! — сказалъ первый. — Этотъ Сквирскій, старый знакомецъ, — я его зналъ въ Казани, — чего онъ тамъ не чудесилъ! А здѣсь еще онъ ораторствуетъ! И о чемъ же? О нравственности. И что всего замѣчательнѣе, онъ убѣжденъ въ томъ, что говорить : напомни ему, что онъ вконецъ разорилъ своихъ племянниковъ, бывшихъ у него подъ опекою, онъ будетъ въ состояніи спросить : какое это имѣетъ отношеніе къ нравственности? Скажи, пожалуй, какъ вамъ возможно такого безнравственнаго человѣка принимать въ общество?

Товарищъ пожалъ плечами.

«Что жъ мнѣ дѣлать съ тобою, мой любезный!» отвѣчалъ онъ, садясь въ карету : «если ты не

знаешь нашего языка ; учишь, учишь, мой милый : это необходимо, — мы здѣсь перемѣшали значеніе всѣхъ словъ, и до такой степени, что если ты назовешь безнравственнымъ человѣка, который обыгрываетъ въ карты, клеветаетъ на ближняго, владеетъ чужимъ имѣніемъ, тебя не поймутъ, и твое прилагательное покажется страннымъ ; но если ты дашь волю уму и сердцу, протянешь руку къ какой-нибудь жертвѣ свѣтскихъ предразсудковъ, или попробуешь только запереть твою дверь отъ встрѣчнаго и поперечнаго, тебя тотчасъ назовутъ безнравственнымъ человѣкомъ, и это слово будетъ для всѣхъ понятно.

Послѣ нѣкотораго молчанія первый продолжалъ : — Знаете ли, что мнѣ гораздо сноснѣе ваши блестящія, большіе рауты ! Тутъ по-крайней-мѣрѣ говорятъ мало, у всѣхъ чинный видъ, — точно люди : но избави Богъ отъ ихъ семейныхъ кружковъ ! Минуты ихъ домашней откровенности ужасны, отвратительны, — отвратительны даже до любопытства. Княгиня — судья литературы ! Графъ Сквирскій — защитникъ просвѣщенія ! Право, послѣ этого захочется быть невѣждою.

«Однакожь, въ словахъ княгини было нѣчто справедливое ! Согласись самъ, — что такое въ нынѣшней литературѣ ? Безпрестанныя описанія пытокъ, злодѣяній, разврата ; безпрестанныя преступления и преступленія...»

— Извини ! отвѣчалъ его товарищъ : но такъ говорятъ тѣ, которые ничего не читали, кромѣ произ-

веденій нынѣшней литературы. Ты, конечно, увѣренъ, что она портитъ общественную нравственность, не правда ли? Было бы что портить, мой любезный! Съ середины XVIII вѣка все такъ исправно испортилось, что уже нашему вѣку ничего портить не осталось. И одну ли нынѣшнюю литературу можно попрекнуть этимъ грѣхомъ? На одно дѣйствительно безнравственное нынѣшнее произведение, я тебѣ укажу десять XVIII, XVII и даже XVI вѣка. Теперь нагота больше въ словахъ, тогда она была на самомъ дѣлѣ, въ самомъ вымыслѣ. Прочти хоть Брантома, прочти даже «Поѣздку на островъ любви», Тредьяковскаго: я не знаю на русскомъ языкѣ безнравственнѣе этой книги; это ручная книга для самой безстыдной кокетки. Нынче не напишутъ такой книги въ пользу чувственныхъ наслажденій; нынче авторъ, вопреки древнему правилу—*«si vis me flere...»* кощунствуетъ, смѣется для того, чтобъ заставить плакать читателя. Вся нынѣшняя литературная нагота есть послѣдній отблескъ прошедшей дѣйствительной жизни, невольная исповѣдь въ старыхъ прегрѣшеніяхъ человечества, хвостъ старинной беззаконной кометы, по которому, — знаешь ли что? — по которому можно судить, что сама комета удаляется съ горизонта, ибо кто пишетъ, тотъ уже не чувствуетъ. Наконецъ, нынѣшняя литература, по моему мнѣнію, есть казнь, ниспосланная на ледяное общество нашего вѣка: нѣтъ ему, лицемѣру, и тихихъ наслажденій поэзіи! оно недостойно ихъ!.. И, можетъ-

быть, это казнь благотворная: неисповѣдимы опредѣленія ума человѣческаго! Можетъ-быть, нужно нашему вѣку это сильное средство; можетъ-быть, оно, непрерывно потрясая его нервы, пробудить его заснувшую совѣсть, какъ тѣлесное страданіе пробуждаетъ утопленника. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ вашемъ свѣтъ, я понимаю нынѣшнюю литературу. Скажи мнѣ, чѣмъ другимъ, какою поэзіею она заинтересуетъ такое существо, какова княжна Мими? какою искусною катастрофою ты тронешь ее сердце? какое чувство можетъ быть понятно ей кромѣ отвращенія, — да, отвращенія! Это, можетъ-быть, единственный путь къ ее сердцу. О, эта женщина навела на меня ужасъ! Смотря на нее, я рядилъ ее въ разныя платья, то-есть, логически развивалъ ее мысли и чувства, представлялъ себѣ, чѣмъ бы могла быть такая душа въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, и примехонько дошелъ... до костровъ Инквизиціи! Не смѣйся надо мною: Лафатеръ говаривалъ — дайте мнѣ одну линію на лицѣ, и я вамъ расскажу всего человѣка. Найди мнѣ только степень, до которой человѣкъ любитъ сплетни, любитъ вывѣдывать и рассказывать домашнія тайны и все подъ личиною добродѣтели, и я тебѣ съ математическою точностію опредѣлю, до какой степени простирается въ немъ безнравственность, пустота души, отсутствіе всякой мысли, всякаго религіознаго, всякаго благороднаго чувства. Въ моихъ словахъ нѣтъ преувеличенія: я сошлюсь хотя на отцевъ церкви. Они глубоко знали

сердце человеческое. Послушай, съ какимъ горькимъ сожалѣніемъ они вспоминаютъ о такихъ людяхъ : «Горе будетъ имъ въ день судный,» говорятъ они: «лучше бы имъ не знать святыни, нежели посреди ея поставить престолъ діаволу.»

— Помилуй, братецъ! Да что съ тобою? Это ужь, кажется, проповѣдь.

«Ахъ, извини! Все, что я видѣлъ и слышалъ, такъ гадко, что надобно же мнѣ было отвести душу. Впрочемъ скажи, — развѣ ты не слышалъ разговора княжны Мими съ этимъ прокатнымъ танцовщикомъ?»

— Нѣтъ. Я не обратилъ вниманія.

«Ты? литераторъ?.. Да въ этомъ миломъ свѣтскомъ разговорѣ зародышь тысячи преступленій, тысячи бѣдствій!»

— Э, братецъ! Мнѣ въ это время рассказывали исторію по-интереснѣе, — какъ сдѣлалъ карьеру одинъ изъ моихъ сослуживцевъ...

Карета остановилась.

III.

Слѣдствіе домашнихъ разговоровъ.

Я говорю, ты говоришь, онъ говоритъ,
мы говоримъ, вы говорите, они или онъ
говорятъ.

Труды... ..?!

Къ счастью, немногіе раздѣляли грозное мнѣніе незнакомаго оратора о нынѣшнемъ обществѣ, и по-

тому всё его маленькія дѣла шли своимъ чередомъ безъ всякаго помѣшательства. А между-тѣмъ, незаметно ни для кого, двигался этотъ родъ предразсудка, который называютъ временемъ.

Графиня Рифейская, издавна дружная съ баронессою, старалась еще болѣе съ нею сблизиться съ тѣхъ-поръ, какъ пріѣхалъ Границкій: ихъ видали вмѣстѣ, и на прогулкѣ, и въ театрѣ; баронесса не знала ничего о старинномъ знакомствѣ Границкаго съ графинею; правда, она замѣчала, что они были не равнодушны другъ къ другу, но почитала это обыкновеннымъ, минутнымъ волокитствомъ, которое иногда предпринимаютъ люди отъ нечего-дѣлать, въ свободное отъ другихъ занятій время. Сказать ли? Баронесса незаметно для нея самой даже радовалась своему открытію: оно ей показалось вѣрною защитою противъ нападеній своей непріятельницы.

Но Границкій и графиня вели свои дѣла съ особеннымъ искусствомъ, приобретаемымъ долгою опытностію: въ обществѣ они умѣли быть совершенно равнодушными; говоря съ другими о предметахъ совершенно постороннихъ, они умѣли или назначить другъ другу мѣсто свиданія или передать какія-либо мѣры предосторожности; они даже умѣли кстати смѣяться другъ надъ другомъ. Пламенные ихъ взоры встрѣчались лишь въ зеркалѣ; но ни одна минута не была ими потеряна: они ловили тотъ мигъ, когда глаза другихъ были отвлечены какимъ-нибудь предметомъ. При мгновен-

номъ выходѣ изъ комнаты, изъ театра, словомъ, при какомъ бы то ни было удобномъ случаѣ, ихъ руки сливались вмѣстѣ и часто за долгое принужденіе ихъ награждалъ поцалуей любви, распаленный насмѣшкою надъ общимъ мнѣніемъ.

Между-тѣмъ сѣмена, брошенныя искусною рукою княжны Мими, росли и множились, какъ тѣ чудныя деревья дѣвственнаго бразильскаго лѣса, которыя раскинутъ свои вѣтви, и каждая вѣтвь опустится къ землѣ, и станетъ новымъ деревомъ, и снова вопьется въ землю вѣтвями, и еще, еще... И горе неосторожному путнику, попавшемуся въ эти безчисленныя сплетенія! Молодой болтунъ разсказалъ разговоръ съ княжною Мими другому; этотъ своей маменькѣ; маменька своей пріятельницѣ, и такъ далѣе. Такую же галерею устроила вокругъ себя и Мими; такую же и княгиня; такую же и старая сосѣдка княжны на балѣ. Всѣ эти галереи росли, росли: наконецъ встрѣтились, переплелись, укрѣпили другъ друга, и частая съѣхватила баронессу съ Границкимъ, какъ Марса съ Венерою. По этому случаю, всѣ языки, которые только могли шевелиться въ городѣ, зашевелились, — одни по желанію убѣдить слушателей, что они непричастны подобнымъ грѣхамъ, — другіе по ненависти къ баронессѣ, — третьи, чтобъ посмѣяться надъ ея мужемъ, — иные просто по желанію показать, что имъ также извѣстны гостинныя тайны.

Границкій, занятый своими стратегическими движеніями съ графинею, баронесса, успокоенная

своимъ открытіемъ , не знали бури , которая была готова надъ ними разразиться : они не знали , что каждое ихъ слово , каждое ихъ движеніе были замъчены , обсужены , растолкованы ; они не знали , что безпрестанно находились передъ глазами судилища , составленнаго изъ чепчиковъ всѣхъ возможныхъ фасоновъ . Когда баронесса за-просто , дружески , обращалась съ Границкимъ , тогда судилище рѣшало , что она играетъ роль невинности . Когда она , по какому-нибудь стеченію обстоятельствъ , въ продолженіе цѣлаго вечера ни слова не говорила съ Границкимъ , тогда судилище находило , что это сдѣлано для того , чтобъ отвлечь общее вниманіе . Когда Границкій говорилъ съ барономъ , это значило , что онъ желаетъ усыпить подозрѣніе бѣднаго мужа . Когда молчалъ , это значило , что любовникъ не въ силахъ преодолѣть своей ревности . Словомъ , что бы ни дѣлали баронесса и Границкій , — садился онъ или не садился подлѣ нея за столомъ , — танцевалъ или не танцевалъ съ нею , — встрѣчался или не встрѣчался на прогулкѣ , — была ли баронесса при людяхъ любезна или нелюбезна съ своимъ мужемъ , — выѣзжала съ нимъ или не выѣзжала , — все для досужаго судилища служило подтвержденіемъ его заключеній .

А бѣдный баронъ ! Если бы онъ зналъ , какое нѣжное участіе принимали въ немъ дамы , если бы онъ зналъ всѣ добродѣтели , открытыя ими въ его особѣ ! Его всегдашняя сонливость была названа внутреннимъ страданіемъ страстнаго мужа ; его

глупая улыбка знакомъ непритворнаго добродушія; въ его заспанныхъ глазахъ онъ нашли глубокомыслие; въ его страсти къ висту — желаніе не видать жениной невѣрности или сохранить наружное приличіе.

Однажды, въ домъ общей знакомой, баронесса Даурталь встрѣтилась съ княжною Мими. Онъ, разумѣется, очень обрадовались, дружески пожали другъ другу руки, сдѣлали другъ другу безчисленное множество вопросовъ, и съ обѣихъ сторонъ оставили ихъ почти безъ отвѣта: словомъ, ни тѣни вражды, ни тѣни воспоминанія о приключеніи на балъ, — какъ-будто-бы цѣлый вѣкъ онъ не переставали быть истинными пріятельницами. Въ гостиной, кромѣ ихъ, было мало гостей, — только старая княжна, молодая вдова -- сестра Мими, старая и всегдашняя ея сосѣдка на балахъ, Границкій и еще человѣка два, три.

Границкій цѣлый день протаскался по разнымъ гостинымъ, чтобъ увидѣться съ своею графинею, и, нигдѣ не нашедши ея, былъ скученъ и разсѣянъ. Баронессѣ было очень непріятно встрѣтиться съ княжною Мими, а старой княгинѣ съ баронессою. Одна Мими была очень рада удобному случаю дѣлать наблюденія надъ баронессою и Границкимъ въ маленькомъ обществѣ. Отъ всего этого произошла въ гостиной несносная принужденность: разговоръ безпрестанно переходилъ отъ предмета къ предмету, и безпрестанно перерывался. Хозяйка поднимала изъ-подъ спуда старыя новости, потому-

что о новыхъ все возможное было сказано, и всѣ смотрѣли на нее видимо не слушая. Мими торжествовала : говоря съ другими, она не пропускала ни одного слова ни баронессы, ни Границкаго, и въ каждомъ словѣ находила ключи для гіероглифическаго языка, обыкновенно употребляемаго въ такихъ случаяхъ. Примѣтную разсѣянность Границкаго она переводила то маленькою ссорой между любовниками, то возбужденнымъ подозрѣніемъ мужа. А баронесса! Ни одно ея движеніе не ускользало отъ внимательнаго наблюденія Мими, и каждое ей рассказывало цѣлую исторію со всѣми подробностями. Между-тѣмъ, бѣдная баронесса, какъ-будто виноватая, отворачивалась отъ Границкаго: то почти не отвѣчала на его слова, то вдругъ обращалась къ нему съ вопросами; не могла удерживаться, чтобъ иногда не взглядывать на княжну Мими, и часто, когда ихъ глаза искоса встрѣчались, баронесса приходила въ невольное смущеніе, которое еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что она сердилась на себя за свое смущеніе.

Спустя нѣсколько времени, Границкій посмотрѣлъ на часы, сказалъ, что онъ ѣдетъ въ оперу, и исчезъ.

«Вѣдь мы разстроили это свиданіе, тихо сказала Мими своей неразлучной сосѣдкѣ. Впрочемъ, они наведутъ!»

Едва вышелъ Границкій, какъ слуга доложилъ баронессѣ, что пріѣхала ея карета, которой она давно уже дожидалась.

Въ ту минуту, какая-то неясная мысль пробѣжала въ головѣ княжны Мими : она сама не могла дать себѣ отчета, — это было темное, безпредметное вдохновеніе злости, — это было чувство чело-вѣка, который ставитъ сто противъ одного, въ вѣр-ной надеждѣ не выиграть.

«У меня ужасный мигрень!» сказала она. «По-звольте, баронесса, вашей каретѣ перевезти меня домой черезъ улицу : мы свою отпустили.»

Онѣ взглянулись и поняли другъ друга. Баронес-са, по инстинкту, догадалась, что происходило въ душѣ княжны Мими. Она также не составляла себѣ ни какого опредѣленнаго понятія о намѣреніи по-слѣдней; но, — сама не зная чего-то испугалась; — она, разумѣется, безъ труда согласилась на предло-женіе Мими, но вспыхнула, и такъ вспыхнула, что всѣ это замѣтили. Все это произошло во сто разъ быстрее нежели во сколько мы могли рассказать сцену.

На дворѣ была сильная мятель; вѣтеръ задувалъ фонари, и, въ двухъ шагахъ, нельзя было разли-чить челоуѣка. Закутанная съ ногъ до головы въ салопъ, Мими, съ трепетомъ въ сердцѣ, всходила, поддерживаемая двумя лакеями, по ступенькамъ кареты. Она едва сдѣлала два шага, какъ вдругъ въ каретѣ большая мужская рука схватила ея ру-ку, помогая ей войти. Мими бросилась назадъ, вскрикнула, — и едва ли это былъ не крикъ радо-сти! Опрометью побѣжала она назадъ по лѣстницѣ, и, внѣ себя, задыхаясь отъ различныхъ чувствъ,

загорѣвшихся въ душѣ , бросилась къ сестрѣ , Маріи , которую крикъ ея , раздавшійся по всему дому , заставилъ выбѣжать изъ гостиной вмѣстѣ съ другими дамами .

« Ну , говорите еще ! » шептала она сестрѣ своей , но такъ , чтобъ всѣ могли слышать : « защищайте вашу баронессу ! У ней... въ каретѣ... ея Границкій . Посовѣтуйте ей по-крайней-мѣрѣ осторожныѣ устроить свои свиданія и не подвергать меня такому стыду... »

На шумъ пришла баронесса . Мими замолчала , и , какъ-бы безъ чувствъ , бросилась въ кресла . Пока баронесса тщетно спрашивала у княжны , что съ нею случилось , —

Дверь отворилась , и —

Но позвольте , милостивые государи ! Я думаю , что-теперь самая приличная минута заставить васъ прочесть —

ПРЕДИСЛОВІЕ.

C'est avoir l'esprit de son âge !

Съ нѣкотораго времени вошелъ въ употребленіе и успѣлъ уже обвѣтшать обычай писать предисловіе по-срединѣ книги . Я нахожу его прекраснымъ , то есть , очень выгоднымъ для автора . Бывало , сочинитель становился на колѣни , просилъ , умолялъ читателя обратить на него вниманіе ; а читатель гордо перевертывалъ нѣсколько страницъ , и хладнокровно оставлялъ сочи-

пителя въ его унижительномъ положеніи. Въ нашу эпоху справедливости и разсчета, сочинитель въ предисловіи ставитъ читателя на колѣни или выбираетъ ту минуту, когда самъ читатель становится на колѣни и вымаливаетъ развязки; тогда сочинитель важно надѣваетъ докторскій колпакъ, и доказываетъ читателю, почему онъ долженъ стоять на колѣняхъ, — все это съ невиннымъ намѣреніемъ заставить читателя прочесть предисловіе. Воля ваша, а это прекрасное средство, ибо кто не читалъ предисловія, тотъ знаетъ только половину книги. И такъ, милостивые государи, становитесь на колѣни, читайте, и читайте съ глубочайшимъ вниманіемъ и съ глубочайшимъ уваженіемъ, потому что я буду говорить вамъ то, что уже давно вамъ всѣмъ извѣстно.

Знаете ли вы, милостивые государи, читатели, что писать книги дѣло очень трудное?

Что, изъ книгъ, труднѣйшія для сочинителя, это романы и повѣсти.

Что изъ романовъ труднѣйшіе тѣ, которые должно писать на русскомъ языкѣ.

Что изъ романовъ на русскомъ языкѣ труднѣйшіе тѣ, въ которыхъ описываются нравы нынѣшняго общества.

Пропуская тысячи причинъ этихъ затрудненій, я упомяну о тысячѣ первой.

Эта причина, — извините! — pardon! — verzeihen sie! — scusate! — forgive me! — эта причина: наши дамы не говорятъ по-русски!!

Послушайте, милостивыя государыни: я не студентъ, не школьникъ, не издатель ни А, ни В; я не принадлежу ни къ какой литературной школѣ, и даже

не вѣрю въ существованіе русской словесности; я самъ говорю по-русски рѣдко; по-французски изъясняюсь почти безъ ошибокъ; картавлю самымъ чистымъ парижскимъ нарѣчіемъ: словомъ, я человекъ порядочный, — я увѣряю васъ, что стыдно, совѣстно и безсовѣстно не говорить по-русски! Знаю я, что французскій языкъ уже начинаетъ выходить изъ употребленія: но какой нечистый духъ шепнулъ вамъ замѣнить его не русскимъ, а проклятымъ англійскимъ, для котораго надобно ломать языкъ, стискивать зубы и выставлять нижнюю челюсть впередъ? А съ этою необходимостію, прощай, хорошенькій ротикъ, съ розовыми, свѣжими, славянскими губками! Лучше бы его не было.

Вы знаете не хуже моего, что въ обществѣ дѣйствуютъ сильныя страсти, — страсти, отъ которыхъ люди блѣднѣютъ, краснѣютъ, желтѣютъ, занемогаютъ и даже умираютъ; но въ высшихъ слояхъ общественной атмосферы эти страсти выражаются одною фразою, однимъ словомъ, словомъ условнымъ, котораго, какъ азбуку, нельзя ни перевести, ни выдумать. Романистъ, въ которомъ столько совѣсти, что онъ не можетъ рѣшиться выдавать алеутскій разговоръ за языкъ общества, долженъ знать въ совершенствѣ эту свѣтскую азбуку, долженъ ловить эти условныя слова, потому-что, повторяю, ихъ выдумать невозможно: они рождаются въ пылу свѣтскаго разговора, и приданный имъ въ ту минуту смыслъ остается при нихъ навсегда. Но гдѣ поймашь такое слово въ русской гостини? Здѣсь всѣ русскія страсти, мысли, насмѣшка, досада, малѣйшее движеніе души, выражаются готовыми словами, взятыми изъ богатаго французскаго запаса, которыми такъ искусно пользуются французскіе романи-

сты, и которымъ они (талантъ въ сторону) обязаны бѣльшею частію своихъ успѣховъ. Какъ часто имъ бываютъ ненужны эти длинныя описанія, объясненія, приготовленія, которыя мѣла и сочинителю и читателю; и которыя они легко замѣняютъ нѣсколькими свѣтскими для всѣхъ понятными фразами! Тѣ, которые знаютъ нѣсколько механизмовъ расположенія романа, тѣ поймутъ всѣ выгоды, приносимыя этимъ обстоятельствомъ. Спросите нашего поэта, одного изъ немногихъ русскихъ писателей, въ самомъ дѣлѣ знающихъ русскій языкъ, почему онъ, въ стихахъ своихъ, употребилъ цѣликомъ слово *vulgar, vulgaire*? Это слово рисуетъ половину характера чловека, половину его участи; но, чтобы выразить его по-русски, надобно написать страницы двѣ объясненій, — а куда какъ это ловко для сочинителя и какъ весело для читателя! Вотъ вамъ одинъ примѣръ, а такихъ можно найти тысячу. И потому я прошу моихъ читателей принять въ уваженіе всѣ эти обстоятельства и пенять не на меня, если, для однихъ, разговоръ моихъ героевъ покажется слишкомъ книжнымъ, а для другихъ не довольно грамматическимъ. Въ последнемъ случаѣ я сошлюсь на Грибоедова, едва ли не единственнаго, по моему мнѣнію, писателя, который постигъ тайну перевести на бумагу нашъ разговорный языкъ.

За симъ, я прошу извиненія у моихъ читателей, если наскучилъ имъ, повѣряя ихъ добродушному расположенію эти маленькія, въ полномъ смыслѣ слова домашнія затрудненія, и показывая подставки, на которыхъ движутся романическія кулисы. Я поступаю въ этомъ случаѣ какъ директоръ одного бѣднаго провинціального театра. Приведенный въ отчаяніе нетерпѣніемъ зрите-

лей, скучавшихъ долгимъ антрактомъ, онъ рѣшился поднять занавѣсъ, и показать имъ на дѣлѣ, какъ трудно превращать облака въ море, одѣяло въ царскій наметъ, ключницу въ принцессу, и арапа въ *premier ingénu*. Благосклонные зрители нашли этотъ спектакль любопытнѣе самой пьесы. Я думаю то же.

Конечно, родятся люди съ необыкновенными дарованіями, для которыхъ все готово, — и нравы, и ходъ романа, и языкъ, и характеры: надобно ли имъ изобразить человека высшаго общества или, какъ они говорятъ, моднаго тона, — ничего не можетъ быть легче! Они непременно пошлютъ его въ чужіе края; для большей вѣрности въ костюмъ, заставятъ его не служить, спать до двухъ часовъ пополудни, ходить по кондитерскимъ и пить до объѣда, разумется, шампанское. Нужно имъ написать разговоръ въ порядочномъ обществѣ, — и того легче! Развернуть первый переводный романъ г-жи Жанлисъ, прибавить въ необходимыхъ мѣстахъ слова *mon cher*, — *ma chère*, — *bon jour*, — *comment vous portez vous*, — и разговоръ готовъ! Но такую точность описанія, такой вѣрный, проникательный взглядъ, природа даетъ немногимъ геніямъ. Я былъ обиженъ ею въ этомъ отношеніи, и потому просто прошу читателя сердиться не на меня, если я въ некоторыхъ изъ моихъ домашнихъ разговоровъ не умѣлъ вполне сохранить свѣтскаго колорита; а дамамъ повторяю мою убѣдительную просьбу, говорить по-русски.

Не говоря по-русски, онъ лишаются множества выгодъ:

I. Онѣ не могутъ такъ хорошо понимать нашихъ сочиненій; но какъ съ этимъ, по большей части, ихъ

можно поздравить, то мы пропустимъ это обстоятельство.

II. Если онъ, несмотря на мои увѣщанія, все-таки не будутъ говорить по-русски, то я — я — впередь не напишу для нихъ ни одной повѣсти, пусть же читаютъ онъ гг. А, Б, В и проч.

Увѣренный, что эта угроза сильнѣе всѣхъ доказательствъ подѣйствуетъ на моихъ читателейницъ, я спокойно обращаюсь къ моему разсказу.

И такъ — дверь отворилась, и... ввалился старый баронъ, ничего непонимавшій въ этомъ приключеніи. Онъ пріѣзжалъ за женою, и какъ онъ намѣревался сейчасъ же куда-то ѣхать съ нею по какому-то непредвидѣнному обстоятельству, то разсудилъ остаться въ каретѣ и не говорить о себѣ хозяйкѣ дома. Крикъ княжны Мими, которую онъ сначала принялъ-было за жену, заставилъ его выйти.

Но таково было магнетическое дѣйствіе, приготовленное и городскими слухами и всѣмъ предшедшимъ, что всѣ смотрѣли на него и не вѣрили глазамъ своимъ : уже спустя нѣсколько времени, послѣ стакана воды, послѣ о-де-колоня, гофманскихъ капель и прочаго тому подобнаго, догадались, что въ такихъ случаяхъ надобно смѣяться. Я увѣренъ, что многіе изъ моихъ читателей замѣчали въ разныхъ случаяхъ жизни дѣйствіе этого магнетизма, производящаго въ толпѣ сильное убѣжденіе почти

безъ всякой видимой причины : подвергшись сему дѣйствию , мы потомъ уже тщетно хотимъ уничтожить его разсудкомъ ; слѣпое убѣжденіе такъ овладѣваетъ нашею волею , что въ насъ самъ разсудокъ невольно начинаетъ отыскивать обстоятельства , которыя бы могли подтвердить это убѣжденіе . Въ тѣ минуты , сказанное самое нелѣпое слово производитъ сильное вліяніе ; иногда самое это слово забывается , но произведенное имъ впечатлѣніе остается въ душѣ и , незамѣтно для человѣка , порождаетъ въ немъ рядъ такихъ мыслей , которыя бы не пришли въ голову безъ того слова и которыя къ нему имѣютъ иногда самое отдаленное отношеніе . Этотъ магнетизмъ играетъ весьма важную роль какъ въ важныхъ , такъ и въ самыхъ мелочныхъ происшествіяхъ , и , можетъ-быть , для многихъ долженъ служить единственнымъ объясненіемъ . Такъ случилось и теперь : происшествіе съ княжною было очень просто и понятно , но предрасположеніе всѣхъ присутствующихъ къ другому рода развязкѣ было такъ сильно , что у многихъ въ одно и то же мгновеніе родилась неясная мысль , какъ-будто-бы баронъ тутъ явился въ родѣ кума . Какимъ образомъ могло это случиться , въ ту минуту никто не былъ въ состояніи объяснить себѣ ; но впоследствии эта мысль развилась , укрѣпилась , и разсудокъ вмѣстѣ съ памятью отыскали въ прошедшемъ множество подтвержденій для того , что дѣйствительно было только одно слѣпое убѣжденіе .

Если бъ вы знали , какой шумъ поднялся въ го-

родъ послѣ этого происшествія! Во всѣхъ углахъ шопотомъ, въ слухъ, за канвою, за книгою, въ театрѣ, передъ алтаремъ Божиимъ, собесѣдники и собесѣдницы говорили, толковали, объясняли, спорили, выходили изъ себя. Огнь небесный не произвелъ бы въ нихъ сильнѣйшаго впечатлѣнія! И все отъ того, что мужу вздумалось прѣхать за женою. Наблюдая подобныя прискорбныя явленія, истинно приходишь въ изумленіе. Что привлекаетъ этихъ людей къ дѣламъ, которыя до нихъ не касаются? Какимъ образомъ эти люди, эти люди бездушные, ледяные при видѣ самаго благороднаго и самаго подлаго поступка, при видѣ самой высокой и самой пошлой мысли, при видѣ самаго изящнаго произведенія, и при нарушеніи всѣхъ законовъ природы и челоуѣчества, — какимъ образомъ эти люди дѣлаются пламенными, глубокомысленными, проніцательными, краснорѣчивыми, когда дѣло дойдетъ до креста, до чина, до свадьбы, до какой-нибудь домашней тайны или до того, что они выжали изъ своего сухаго мозга подъ именемъ приличія?

IV.

Спасительные совѣты.

БАРНИНЪ. Дуракъ! Тебѣ надобно было это сдѣлать стороною.

СЛУГА. Я и такъ, сударь, подошелъ къ нему со стороны.

У стараго барона былъ меньшей братъ, гораздо моложе его годами; офицеръ, вообще очень милый малой.

Описать его характеръ довольно трудно: надобно начать издалека.

Видите ли! отцовъ нашихъ добрые люди научили, что надобно во всемъ сомнѣваться, рассчитывать свой каждый поступокъ, избѣгать всякихъ системъ, всего безполезнаго, а вездѣ искать существенной пользы или, какъ тогда говаривали, обирать вокругъ себя и вдаль не пускаться. Отцы наши послушались, оставили всторону всѣ безполезныя вещи, которыхъ я не назову, чтобы не прослыть педантомъ, и очень были рады, что вся мудрость человѣческая ограничилась обѣдомъ, ужиномъ, и прочими тому подобными полезными предметами. Между-тѣмъ у отцовъ нашихъ завелись дѣти; дошло дѣло до воспитанія; они благоразумно продолжали во всемъ сомнѣваться, смѣяться надъ системами, и заниматься одними полезными предметами. Между-тѣмъ ихъ дѣти росли, росли, и, наперекоръ

добрымъ людямъ, сами составили для себя систему жизни, — однако систему не мечтательную, а въ которой помѣстились эпиграмма Вольтера, анекдотъ рассказанный бабушкою, стихъ изъ Парни, нравственно-арифметическая фраза Бентама, насмѣшливое воспоминаніе о примѣрѣ для прописи, газетная статья, кровавое слово Наполеона, законъ о карточной чести, и прочее тому подобное, чѣмъ досихъ-поръ пробавляются старые и молодые воспитанники XVIII столѣтія.

Молодой баронъ обладалъ этою системою въ совершенствѣ : влюбиться онъ не могъ, — въ этомъ чувствѣ было для него что-то смѣшное; онъ просто любилъ женщинъ, — всѣхъ, съ малыми исключеніями, — свою лягавую собаку, Лепажевы ружья и своихъ товарищей, когда они ему не надоѣдали; онъ вѣрилъ въ то, что дважды два четыре, въ то, что ему скоро откроется вакансія въ капитаны, въ то, что завтра онъ долженъ танцевать 2, 5 и 6 номера контраданса...

Впрочемъ, будемъ справедливы : молодой человекъ имѣлъ благородную, пылкую и добрую душу; но чего не задавило преступное воспитаніе гнилаго и раздушеннаго вѣка. Радуйтесь, люди разчета, сомнѣнія и существенной пользы! радуйтесь, защитники насмѣшливаго невѣрія во все святое! расплылись ваши мысли, все затопили, и просвѣщеніе и невѣжество. Гдѣ встанетъ солнце, которое должно высушить это болото и обратить его въ плодосную почву?

Въ комнатѣ, обвѣщенной парижскими литографіями и азіатскими кинжалами; на вогнутыхъ креслахъ, затянутый въ узкомъ архалухѣ лежалъ молодой баронъ, то посматривая на часы, то перевертывая листки французскаго водевиля.

Человѣкъ подалъ записку.

— Отъ кого?

— Отъ маркизы де-Креки.

— Отъ тетушки!

Записка была слѣдующаго содержанія :

«Завъжай ко мнѣ сегодня послѣ обѣда, мой милый. Да не забудь, по обыкновенію; у меня до тебя есть дѣло, и очень важное.»

— Ну, ужъ вѣрно, проворчалъ про себя молодой человѣкъ, — тетушка изобрѣла еще какую-нибудь кухню, которую надобно выводить на паркетъ! Ужъ мнѣ эти кухни! И откуда онъ берется?... Скажи тетушкѣ, сказалъ онъ громко, — что очень хорошо, — буду. Одѣваться.

Когда молодой баронъ Даурталь явился къ маркизѣ, она оставила свои большія вязальныя спицы, взяла его за руку, и съ таинственнымъ видомъ, черезъ рядъ комнатъ, отличавшихся характеристическимъ безвкусіемъ, повела къ себѣ въ кабинетъ, и посадила на маленькій диванъ, окруженный горшками съ гераніемъ, бальзаминомъ, мятою, и фамильными портретами. Воздухъ былъ напитанъ о-де-колономъ и спермацетомъ.

— Скажите, тетушка, спросилъ ее молодой чело-

вѣкъ, — что все это значитъ? Ужь не женить ли вы меня хотите?

— Пока еще нѣтъ, моя душа! Но шутки въ сторону: я должна съ тобою говорить очень и очень серьезно. Скажи мнѣ, сдѣлай милость, что у тебя за другъ такой, — Границкій, что ли онъ? какъ его?...

— Да, Границкій! Прекрасный молодой человекъ, хорошей фамилии...

— Я никогда объ ней не слыхала. Скажи мнѣ, отъ чего такая связь между вами?

— Въ одномъ мѣстечкѣ, въ Италіи, измученный, голодный, полубольной я не нашелъ комнаты въ трактирѣ: онъ подѣлился со мною своею; я занемогъ: онъ ухаживалъ за мной цѣлую недѣлю, ссудилъ меня деньгами; я взялъ съ него слово, пріѣзжая въ Петербургъ останавливаться у меня: вотъ начало нашего знакомства... Но что значатъ всѣ ваши вопросы, тетушка?

— Послушай, мой милый! Все это хорошо; я очень понимаю, что какойнибудь Границкій былъ радъ оказать услугу барону Даурталю.

— Тетушка, вы говорите о моемъ истинномъ пріятель! прервалъ ее молодой человекъ съ неудовольствиемъ.

— Все это очень хорошо, мой милый! Я не осуждаю твоего истиннаго пріятеля, — его поступокъ съ тобою дѣлаетъ ему много чести. Но позволь мнѣ тебѣ сказать откровенно: ты молодой человекъ, едва вступаешь въ свѣтъ: тебѣ надобно быть осто-

рожнымъ въ выборъ знакомства. Нынче молодые люди такъ развращены...

— Я думаю, тетушка, ни больше ни меньше какъ всегда...

— Ничего не бывало! Тогда по-крайней-мѣрѣ было больше почтенія къ родственникамъ; родственныя связи, не какъ теперь, — онѣ были тѣсны...

— И даже иногда слишкомъ тѣсны, любезная тетушка, не правда ли?

— Не правда! Да дѣло не о томъ. Позволь мнѣ тебѣ замѣтить, что ты въ этомъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ, поступилъ очень вѣтрено: встрѣтился и связался съ человѣкомъ, котораго никто не знаетъ. Служить ли онъ по-крайней-мѣрѣ гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ.

— Ну, скажи же самъ послѣ этого, что онъ за человѣкъ! Даже не служить! Ужъ вѣрно потому, что его не принимаютъ въ службу.

— Вы ошибаетесь, тетушка. Онъ не служить, потому что у него мать Италианка, и все его имѣніе въ Италиі: онъ не можетъ ее оставить, именно по причинѣ родственныхъ связей...

— Зачѣмъ же онъ здѣсь?

— По дѣламъ своего отца. Но скажите, Бога ради, къ чему ведутъ всѣ эти вопросы?

— Однимъ словомъ, мой милый, мнѣ очень непріятна твоя дружба съ этимъ человѣкомъ, и ты

мигъ сдѣлаешь большое одолженіе, если... если выживешь его изъ дома.

— Помилуйте, тетушка! Вы знаете, что я во всемъ вамъ безпрекословно повинуюсь; по войдите въ мое положеніе : съ какой стати я вдругъ перемѣнюсь къ человѣку, которому столько обязанъ, и ни съ того, ни съ сего выгоню его изъ дому? Воля ваша, я не могу рѣшиться на такую неблагодарность.

— Все это вздоръ, мой милый! романическія идеи, больше ничего! Есть манера, и очень вѣжливая, показать ему, что онъ тебѣ въ тягость.

— Разумѣется, тетушка, что это очень легко сдѣлать; но я повторяю вамъ, что я не могу взять на мою совѣсть такую гнусную неблагодарность. Воля ваша, не могу, никакъ не могу...

— Послушай же! отвѣчала маркиза послѣ нѣкотораго молчанія : — ты знаешь все, чѣмъ ты обязанъ твоему брату...

— Тетушка!

— Не перерывай меня. Ты знаешь, что по смерти твоего отца онъ могъ воспользоваться всѣмъ твоимъ имѣніемъ; онъ не сдѣлалъ этого, онъ взялъ тебя по третьему году на свои руки, воспиталъ тебя, привелъ всѣ запущенныя дѣла въ порядокъ; когда ты взросъ, записалъ тебя въ службу, честно подѣлился съ тобою имѣніемъ; словомъ, ты ему обязанъ всѣмъ, чѣмъ ты дышишь...

— Тетушка, что вы хотите сказать?

— Слушай. Ты уже не ребенокъ и малый не глу-

пый, но вынуждаешь меня сказать тебѣ то, чего бы я не хотѣла.

— Что такое, тетушка?

— Послушай! Дай мнѣ прежде слово не дѣлать ни какихъ глупостей, а поступить, какъ слѣдуетъ благоразумному человѣку.

— Бога ради, договорите, тетушка!

— Я въ тебѣ увѣрена, и потому спрашиваю тебя, не замѣтилъ ли ты чего-нибудь между баронессою и твоимъ Границкимъ?

— Баронессою! Чтò это значитъ?..

— Твой Границкій съ ней въ интригъ...

— Границкій?.. Быть не можетъ!

— Я тебя не стану обманывать. Это вѣрно: твой братъ обезчещенъ, его сѣдые волосы поруганы.

— Но надобны доказательства...

— Какія тебѣ доказательства? Ко мнѣ ужь объ этомъ пишутъ изъ Лифляндіи. Всѣ жалуютъ о твоёмъ братѣ, и удивляются, какъ ты можешь помогать его обманывать.

— Я? его обманывать? Это клевета, тетушка, сущая клевета. Кто осмѣлился къ вамъ написать это?

— Этого я тебѣ не скажу; но оставляю тебѣ только разсудить, можно ли Границкому оставаться у тебя въ домѣ. Твой долгъ тебя обязываетъ, пока эта связь не сдѣлалась еще слишкомъ гласною, стараться учтивымъ образомъ заставить его выѣхать изъ твоего дома, а если можно, и изъ Россіи. Ты понимаешь, что это должно сдѣлать безъ шума; найти какой-нибудь предлогъ....

— Будьте увѣрены, что все будетъ исполнено, тетушка. Благодарю васъ за извѣстіе. Мой братъ старъ, слабъ; это мое дѣло, мой долгъ.... Прощайте!

— Постой, постой! не горячись! Тутъ не надобно ни какой горячности, а хладнокровіе : ты мнѣ обещаешь, что ты не сдѣлаешь ни какой глупости, а поступишь, какъ слѣдуетъ благоразумному человеку, не мальчику?

— О, будьте спокойны, тетушка! Я все улажу какъ-нельзя-лучше. Прощайте.

— Не забудь, что тебѣ надобно поступить въ этомъ случаѣ очень осторожно! кричала ему въ слѣдъ маркиза. — Говори съ Границкимъ тихо, не горячись. Заведи рѣчь стороною, обиняками... Понимаешь?

— Будьте спокойны, будьте спокойны, тетушка! отвѣчалъ баронъ, убѣгая.

Кровь била ключемъ въ головѣ молодаго человека.

V.

Будущее.

..... l'avenir n'est à personne
Sire, l'avenir est à Dieu.

Victor Hugo.

Во время этой сцены происходила другая.

Во внутренности огромнаго дома, позади блестящаго магазина, находилась небольшая комната съ

однимъ окошкомъ на дворъ, завѣшеннымъ сторою. По виду комнаты трудно было отгадать, кому она принадлежала; простыя штукатурныя стѣны, низкій потолокъ, нѣсколько старыхъ стульевъ и огромное зеркало, въ альковѣ богатый диванъ, со всеми затѣями роскоши, низкія кресла съ выгнутою спинкою, — все это какъ-то спорило между собою. Одна дверь комнаты, черезъ глухой корридоръ, соединяла ее съ магазиномъ; другая выходила на противоположную улицу.

По комнатѣ ходилъ скорыми шагами молодой человекъ, и часто останавливался, то по срединѣ, то у дверей, и тщательно прислушивался. То былъ Границкій.

Вдругъ послышался шорохъ, дверь открылась, и прекрасная женщина, прекрасно одѣтая, бросилась въ его объятія. То была графиня Лидія Рифейская.

— Знаешь ли, Габріель, сказала она ему поспѣшно : — что здѣсь мы съ тобою видимся въ послѣдній разъ ?

— Въ послѣдній разъ ? вскричалъ молодой человекъ : — но постой ! что съ тобою ? ты такъ блѣдна ?

— Ничего ! Я немножко озябла. Спѣша къ тебѣ, я забыла надѣть ботинки. Корридоръ такой холодный... Это ничего !

— Какъ ты неосторожна ! Здоровьемъ пренебрегать не надо...

Молодой человекъ подвинулъ кресла къ камину, посадилъ на нихъ прекрасную женщину, разулъ ее, и старался согрѣть прелестныя ножки своимъ дыханіемъ.

— О перестань, Габріель! Минуты дороги; я насилу могла вырваться изъ дома; я пришла къ тебѣ съ важною новостью. У моего мужа второй ударъ и, — страшно выговорить, — доктора мнѣ сказали, что мужу не пережить его: у него отнялся языкъ, лицо перекосилось, онъ страшень! бѣдный, не можетъ выговорить ни слова!.. Едва поднимаетъ руку! Ты не можешь повѣрить, какъ онъ мнѣ жалокъ.

И графиня закрыла лицо свое рукою. Между тѣмъ, Габріель цаловалъ ея холодныя, какъ-будто изъ бѣлаго мрамора выточенныя, ножки, и прижималъ ихъ къ горячимъ щекамъ своимъ.

— Лидія, говорилъ онъ: — Лидія! ты будешь свободна...

— Ахъ, говори мнѣ это чаще, Габріель! Это одна мысль, которая на минуту заставляетъ меня забывать мое положеніе; но и въ этой мысли есть что-то страшное. Чтобы быть счастливою въ твоихъ объятіяхъ, мнѣ надобно перешагнуть черезъ гробъ!... Для моего счастья нужна смерть человека!... Я должна желать этой смерти!... Это ужасно, ужасно! Это переворачиваетъ сердце, это противно природѣ.

— Но, Лидія, если кто-нибудь виноватъ въ этомъ,

то вѣрно не ты. Ты невинна, какъ ангелъ. Ты жертва приличій; тебя выдали замужъ по-неволѣ. Вспомни, сколько ты сопротивлялась волѣ твоихъ родителей, вспомни всѣ твои страданія, всѣ наши страданія...

— Ахъ, Габріель, я все это знаю; и когда я подумаю о прошедшемъ, тогда совѣсть моя покойна. Богъ видѣлъ, чего я не перенесла въ моей жизни! Но когда я взгляну на моего мужа, на его скосившееся лицо, на его дрожащую руку; когда онъ манитъ меня къ себѣ, меня, въ которой онъ въ продолженіе шести лѣтъ производилъ одно чувство — отвращеніе; когда я вспомню, что его всегда обманывала, что его теперь обманываю, тогда забываю, какая цѣпь страданій, нравственныхъ и физическихъ, довела меня до этого обмана. Я изнываю между этими двумя мыслями, — и одна не уничтожаетъ другой!

Границкій молчалъ: тщетно бы сталъ онъ утѣшать Лидію въ эту минуту.

— Не сердись на меня, Габріель! сказала она наконецъ, обнимая его голову. — Ты понимаешь меня; ты съ дѣтства привыкъ понимать меня. Я одному тебѣ могу повѣрять мои страданія...

И она пламенно прижала его къ груди своей.

— Но полно! Время бѣжить; я не могу здѣсь болѣе оставаться... Вотъ тебѣ мой послѣдній поцалуй! Теперь слушай: я вѣрю, мы будемъ счастливы; я вѣрю, то, что у насъ отняло самовластіе общества,

возвратить намъ Провидѣніе ; но до того дня я вся принадлежу моему мужу. Съ сей поры я ежеминутною заботою , долгими ночами безъ сна у его постели , страданіемъ не видать тебя , должна выкупить нашу любовь , и вымолить у Бога наше счастье. Не старайся меня видѣть , не пиши ко мнѣ ; позволь мнѣ забыть тебя. Я тогда стану спокойнѣе , и совѣсть меньше меня будетъ мучить. Мнѣ легче будетъ вообразить себя совершенно чистою , невиною... Прощай!.. Еще два слова : не перемѣняй ничего въ твоемъ образѣ жизни , продолжай выѣзжать , танцовать , волочиться , какъ-будто для тебя не готовится ни какой перемѣны... Заѣзжай сегодня же навѣдаться о моемъ мужѣ , но я тебя не прійму : ты не родня. И сегодня же поѣзжай и вездѣ равнодушно рассказывай объ его болѣзни. Прощай !

— Постою ! Лидія ! Еще одинъ поцалуй !.. Сколько долгихъ дней пройдетъ...

— О , не напоминай мнѣ больше объ этомъ !.. Прощай. Будь терпѣливѣе меня. Помни : будетъ время , и я не буду говорить тебѣ : «идуть — отойди , Габріель !»... О , ужасно ! ужасно ! —

Они разстались.

VI.

Это можно было предвидеть.

— Vous allez me rabacher je ne sais quels lieux communs de morale, que tous ont dans la bouche, qu'on fait sonner bien haut, pourvu que personne ne soit obligé de les pratiquer.

— Mais s'ils se jettent dans le crime?

— C'est de leur condition.

Le neveu de Rameau.

Въ сильномъ волненіи молодой баронъ Даурталь возвратился домой.

— Дома ли Границкій? спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ.

— Сказать мнѣ, какъ скоро онъ пріѣдетъ.

Тутъ онъ вспомнилъ, что Границкій долженъ былъ вечеромъ ѣхать къ Б***.

Минуты этого ожиданія были ужасны для молодого человѣка: онъ чувствовалъ, что въ первый разъ въ жизни онъ призванъ на важное дѣло; что тутъ нельзя было отвертѣться ни эпиграммою, ни равнодушіемъ, ни улыбкою; что здѣсь надобно было сильно чувствовать, сильно думать, сосредоточить всѣ силы души; что, однимъ словомъ, надобно было дѣйствовать, и дѣйствовать самому, не требуя совѣтовъ, не ожидая подпоры. Но такое напряженіе было ему незнакомо; онъ не могъ себѣ отдать отчета въ своихъ мысляхъ. Лишь кровь его разгоралась, лишь сердце въ немъ билось чаще.

Ему представлялись, какъ-будто во снѣ, городскіе толки; его братъ въ сѣдинахъ, оскорбленный и слабый; желаніе показать свою любовь и благодарность къ старику; товарищи, эполеты, сабли, ребяческая досада; охота показать, что онъ уже не ребенокъ; мысль, что смертоубійствомъ заглаживается всякое преступленіе. Всѣ эти грезы смѣнялись одна другою, но все было темно, неопредѣленно: онъ не умѣлъ спросить у того судилища, которое не зависитъ отъ временныхъ предразсудковъ и мнѣній, произносить всегда точно и вѣрно: воспитаніе забыло ему сказать объ этомъ судилищѣ, а жизнь не научила спрашивать. Языкъ судилища былъ неизвѣстенъ барону.

Наконецъ, пробилъ часъ. Молодой человекъ бросился въ карету, поскакалъ, нашелъ Границкаго, взялъ его за руку, вывелъ изъ толпы въ отдаленную комнату, и... не зналъ, что сказать ему: наконецъ вспомнилъ слова тетюшки, и, стараясь принять видъ хладнокровный, проговорилъ:

— Ты ѣдешь въ Италію!

«Нѣтъ еще, отвѣчалъ Границкій, принявъ эти слова за вопросъ, и смотря на него съ удивленіемъ.

— Ты долженъ ѣхать въ Италію! Ты меня понимаешь?

«Ни сколько!

— Я хочу, чтобъ ты ѣхалъ въ Италію! сказалъ баронъ, возвысивъ голосъ. — Теперь понимаешь?

«Скажи мнѣ, сдѣлай милость : что ты, съ ума сошелъ, что ли ?

— Есть люди, которыхъ я не назову, для которыхъ всякое благородство — сумасшествіе...

«Баронъ, ты не знаешь, что говоришь ! Твои слова пахнуть порохомъ.

— Я привыкъ къ этому запаху.

«На маневрахъ ?

— Это мы увидимъ.

Глаза барона заблестали : дѣло шло уже о личной обидѣ.

Они взяли слово съ людей, вошедшихъ въ комнату къ концу разговора, сохранить его въ тайнѣ, воротились снова въ залу, сдѣлали нѣсколько вальсовыхъ круговъ, и исчезли.

Черезъ нѣсколько часовъ уже секунданты отмѣривали шаги и заряжали пистолеты.

Границкій подошелъ къ барону.

— Прежде нежели мы отправимъ другъ друга на тотъ свѣтъ, мнѣ очень любопытно узнать, за что мы стрѣляемся.

Баронъ отвелъ своего соперника въ сторону отъ секундантовъ.

— Вамъ это должно быть понятіе меня... — сказалъ онъ.

«Ни сколько.

— Если я вамъ назову одну женщину...

«Женщину !.. Но какую ?

— Это ужь слишкомъ ! Жена моего брата, моего

старого, больного брата, моего благодѣтеля... Понимаете?

«Теперь, ужь совершенно ничего не понимаю!»

— Это странно! Весь городъ говорить, что вы обезчестили моего брата; всѣ смѣются надъ нимъ...

«Баронъ! васъ безсовѣстно обманули. Прошу васъ назвать мнѣ обманщика.

— Это мнѣ сказала женщина.

«Баронъ! вы поступили очень опрометчиво. Если бъ вы прежде спросили меня, я бы вамъ разсказалъ мое положеніе; но теперь поздно, мы должны драться. Но я не хочу умереть, оставивъ васъ въ обманъ: вотъ вамъ моя рука, что я и не думалъ о баронессѣ.»

Молодой баронъ былъ въ сильномъ смущеніи въ продолженіи разговора: онъ любилъ Границкаго, зналъ его благородство, вѣрилъ, что онъ его не обманываетъ, и проклиналъ самого себя, тетушку, цѣлый свѣтъ.

Одинъ изъ секундантовъ, старинный дуэлистъ и очень строгій въ дѣлахъ этого рода, сказалъ:

— И, и, господа! У васъ, кажется, дѣло на ладъ идетъ? Тѣмъ лучше: миритесь, миритесь; право лучше...

Эти слова были сказаны очень просто, но барону они показались насмѣшкою, — или въ самомъ дѣлѣ въ тонѣ голоса секунданта было что-то насмѣшливое. Кровь вспыхнула въ молодомъ чловѣкѣ.

«О, нѣтъ!» вскричалъ онъ, почти самъ не зная,

что говорить. — Нѣтъ, мы и не думаемъ мириться. У насъ есть важное объясненіе...»

Последнее слово снова напомнило молодому человеку его преступную неосторожность : внѣ себя, волнуемый необъяснимыми чувствами, онъ вторично отвелъ своего соперника въ сторону.

«Границкій! сказалъ онъ ему : — я поступилъ какъ ребенокъ. Что намъ дѣлать ?

— Не знаю, отвѣчалъ Границкій.

«Разсказать секундантамъ нашу странную ошибку?...

— Это будетъ значить распространить слухи о женѣ твоего брата.

— Ты смѣялся надъ моею храбростію; секунданты знаютъ это.

«Ты мнѣ говорилъ такимъ тономъ...

— Это не можетъ такъ остаться!

«Это не можетъ такъ остаться!

— Скажутъ, что на нашемъ дуэль пролилась не кровь, а шампанское...

«Постараемся оцарапать другъ друга.»

Они стали къ барьеру. Разъ, два, три! — пуля Границкаго оцарапала руку барона ; Границкій упалъ мертвый.

VII.

Заключеніе.

Существуютъ охотники защищать всѣхъ и все: они ни въ чемъ не хотятъ видѣть дурнаго. Эти люди очень вредны.....

Святское сужденіе.

Всякій читатель вѣроятно уже догадывается, что вышло изъ всей этой исторіи.

Пока о дуэльъ знали одни мужчины, то приписывали его просто насмѣшкѣ Границкаго надъ храбростью молодаго барона; толки были различны. Но когда узнали объ этомъ происшествіи нравственныхъ дамы, описанныя нами выше, тогда прекратились всѣ недоразумѣнія: истинная причина была тотчасъ отыскана, изслѣдована, обработана, дополнена примѣчаніями и распространена всѣми возможными способами.

Бѣдная баронесса не устояла противъ этого жестокаго преслѣдованія: ея честь, единственное чувство, которое было въ ней живо и свято, — ея честь, которой она приносила въ жертву всѣ мысли ума, всѣ движенія юнаго сердца, — ея честь была поругана безъ вины и безъ возврата. Баронесса слегла въ постелю.

Молодой баронъ и двое секундантовъ были сосланы, — далеко отъ всѣхъ наслажденій свѣтской жизни, которая одна могла быть для нихъ счастьемъ.

Графиня Рифейская осталась вдовою.

Есть поступки, которые преслѣдуются обществомъ : погибаютъ виновные, погибаютъ невинные. Есть люди, которые полными руками съютъ бѣдствіе, въ душахъ высокихъ и нѣжныхъ возбуждаютъ отвращеніе къ человѣчеству, словомъ, торжественно подпиливаютъ основанія общества, и общество согрѣваетъ ихъ въ груди своей, какъ бессмысленное солнце, которое равнодушно всходитъ и надъ криками битвы, и надъ молитвою мудраго.

Для княжны Мими была составлена партія, — она уже отказалась отъ танцевъ. Молодой человѣкъ подошелъ къ зеленому столу.

— Сегодня поутру наконецъ кончились страданія баронессы Даурталь! — сказалъ онъ — здѣшнія дамы могутъ похвалиться, что онъ очень искусно ее убили до смерти.

— Какая дерзость! — шепнулъ кто-то другому.

— Ничего не бывало! — возразила княжна Мими, закрывая взятку — убиваютъ не люди, а незаконныя страсти.

— О, безъ сомнѣнія! — замѣтили многіе.

КНЯЖНА ЗИЗИ.

(ПОСВ. Е. А. СУХОЗАНЕТЪ.)

Иногда въ домашнемъ кругу нужно больше героизма, нежели на самокъ блестящемъ поприщѣ жизни. Домашній кругъ — для женщины поле чести и святыхъ подвиговъ. Зачѣмъ немногія это понимаютъ?...

Слова женщины.

— Откуда ты?

— Съ биржи.

— Ну, что?

— Каждый день выше!

— Тѣмъ лучше.

— Какъ тѣмъ лучше? Я отъ этого теряю двадцать тысячъ пятьсотъ рублей.

— Теряешь?

— О, да что съ тобой толковать! ты не поймешь меня...

— Однакожъ...

— Видишь ли ты : у меня теперь свободныхъ денегъ сто-двадцать тысячъ пятьсотъ рублей : на сто тысячъ я покупаю землю къ моей Тульской деревнѣ, на двадцать тысячъ пять сотъ я хотѣлъ купить акцій новой страховой компаніи, но онѣ теперь поднялись въ такую цѣну, которой не сто́ятъ, и мои двадцать тысячъ пятьсотъ рублей я долженъ держать у себя почти безъ всякой пользы.

— Это ты называешь потерять двадцать тысячъ?..

— О, я уже сказалъ, что ты ничего не понимаешь!

Съ сими словами, мой пріятель, принадлежавшій къ новой породѣ фешёнеблей-индустріалистовъ, бросился въ кресла, погрузился въ задумчивость и съ досадою крутилъ усы свои.

— У тебя сегодня сплинъ? спросилъ я его.

— Да, сплинъ, и ужасный.... Чему жь ты смѣешься?

— Я не смѣюсь, а наблюдаю, какимъ образомъ байронизмъ соединяется съ биржею. Если и на наше поколѣніе повѣялъ этотъ мрачно-промышленный духъ, что же будетъ съ новымъ?...

— Новое будетъ умнѣ насъ : оно не потеряетъ столько времени и особенно столько денегъ на мечты, на звонкія слова и на филантропическія бредни; оно будетъ заниматься солиднымъ, положительнымъ...

— Скажи мнѣ, вѣдь ты, кажется, въ-старину писалъ элегіи?...

— Какъ же! И про нихъ толковали въ журналахъ, что онѣ обличаютъ во мнѣ рѣшительное направленіе къ элегическому роду...

— Въ-самомъ дѣлѣ, ты и теперь смотришь элегическимъ поэтомъ... И ты, разумѣется, бывалъ и влюбленъ?...

— Я и теперь отъ этого не отказываюсь.

— Я это знаю, и это доказываетъ твоя коллекція писемъ въ нѣсколькихъ томахъ. Только берегись, я когда-нибудь ее украду, хоть для того только, чтобы посмотрѣть, чѣмъ ты могъ нравиться женщинамъ, и какъ уживаются всѣ эти разноязычныя соперницы, сдавленные однимъ и тѣмъ же переплетомъ? Нѣтъ, безъ шутокъ — давно мнѣ хотѣлось спросить тебя: бывалъ ли ты влюбленъ въ-самомъ-дѣлѣ, влюбленъ хоть одинъ разъ въ жизни, но такъ, какъ понимаютъ тѣ люди, которые занимаются сочиненіемъ романовъ, сказокъ и прочаго тому подобнаго?

Мой промышленникъ всталъ. «Некогда мнѣ теперь объ этомъ толковать», сказалъ онъ: — прощай; мнѣ надобно навѣдаться у одного человѣка, который обѣщалъ мнѣ достать акцій подешевле.

— Погоди! Кого ты теперь застанешь? Ужь пять часовъ; обѣдай у меня — и отвѣдаемъ вмѣстѣ новое вино, которое мнѣ предлагаютъ купить. Ты, между-тѣмъ, мнѣ расскажешь...

— А! понимаю, зачѣмъ тебѣ хочется остановить меня: у тебя требуютъ повѣсти — *et le baron s'embarrasse*; въ портфель и головъ пусто; ты думаешь,

не наткнешься ли на какую-нибудь мысль въ моемъ болтаньи.

— Можетъ-быть; тебѣ что за дѣло? Это моя биржевая спекуляція.

— Хорошо, я тебя потѣшу, буду сантиментальничать; но только вели давать объѣдать скорѣе. Повторяю тебѣ, мнѣ нѣкогда.

Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина мой пріятель въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлался гораздо нѣжнѣе. Вино — великое дѣло; это единственная поэтическая сторона нашего вѣка. Если оно вредно въ физическомъ отношеніи, какъ утверждаютъ гомеопаты, то необходимо въ нравственномъ. Оно сдерживаетъ съ чловѣка хоть на нѣсколько минутъ его промышленную, расчетливую оболочку, естественное состояніе выводитъ наружу, и часто помогаетъ вамъ открывать подъ холоднымъ, насмѣшливымъ чловѣкомъ — другаго, у котораго есть и душа и сердце, или нѣчто похожее на то и другое. Отнимите у насъ вино — мы будемъ хуже Китайцевъ и Американцевъ.

— Да, я былъ влюбленъ, сказалъ наконецъ мой рассказчикъ: т. е., влюбленъ по вашему, такъ влюбленъ, что и до-сихъ-поръ не могу отвыкнуть отъ негодной привычки вздыхать, вспоминая о моей красавицѣ... Красавицѣ!... Но постой, не хочу тебѣ сказывать конца прежде начала. Я самъ, признаюсь, люблю начинать романъ съ четвертаго тома, но по опыту знаю, что это не приноситъ ни

пользы, ни удовольствія ; къ тому же надобно для тебя и историческія свидѣтельства : пошли своего человѣка принести отъ меня зеленый портфель, который лежитъ возлѣ бритвеннаго столика.

Въ 18... я возвратился въ Москву изъ чужихъ краевъ. Десять лѣтъ я не видалъ моей родины, и потому для меня все было ново, — и улицы, и дома, и люди. Въ гостиной моего опекуна собирались каждый вечеръ гости ; занятія были обыкновенныя : пили чай, играли въ вистъ и рассказывали городскія новости ; многіе изъ этихъ рассказовъ возбуждали во всѣхъ живѣйшее участіе, но для меня, разумѣется, долго были тарабарскою грамотою : я не понималъ ни условныхъ названій, ни семейныхъ намековъ, ни занимательности именъ, которыя доходили до моего слуха, — словомъ, ничего, чѣмъ живетъ домашній разговоръ. Ты знаешь, я не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые изъ чужихъ краевъ привозятъ полное равнодушіе ко всему отечественному, и которымъ такъ же непонятна своя родина, какъ непонятны имъ были и чужіе края ; я не хотѣлъ быть совершенно-чуждымъ въ моемъ семействѣ, старался прислушиваться къ ежедневнымъ разговорамъ и почти заучивалъ имена. Одно изъ нихъ, не знаю отъ чего, болѣе привлекло мое вниманіе ; это имя было княжна *Зизи*. Оно напомнило мнѣ неподражаемаго Грибоѣдова, заставило подумать, какъ бесполезны ваши, гг. сочинители, насмѣшки надъ страннымъ обычаемъ коверкать имена ; — или въ этомъ имени было что-то особен-

ное, но я невольно придвигалъ къ кружку мои кресла, когда произносили это имя.

Вотъ тебѣ разговоръ о ней :

— Княжна Зизи выходитъ за-мужъ, сказала одна изъ моихъ кузинъ.

— За кого ?

— За какого-то деревенскаго помѣщика.

— Очень бы хорошо сдѣлала — замѣтила тетушка.

— А жаль ! преумная дѣвушка — замѣтилъ кто-то.

— Большая чудиха — замѣтила одна дама.

— Настоящая христіанка.

— Большая ханжа, притворщица.

— Премилая...

— Прегордая...

— Она все ждетъ, что на ней женится какой-нибудь крон-принцъ — проговорила пожилая дама, невольно взглянувъ на своего сына, пожилаго архивнаго юношу, приготовлявшагося въ дипломаты.

— И, помилуйте ! — отвѣчала другая съ видимымъ злобнымъ умысломъ : — кто на ней и захочетъ жениться ? развѣ какой-нибудь сумасшедшій : у нея ничего нѣтъ...

— Извините, она очень богата.

— Все, батюшка, буки — и пропасть долговъ.

— Я васъ могу увѣрить, сказалъ съ значительнымъ видомъ чиновникъ, занимавшійся дядюшкиными дѣлами, своему партнеру : — что княжна никогда не выйдетъ замужъ.

— Почему же ?

— На это есть важныя причины, отвѣчалъ чиновникъ, понизивъ голосъ.

— Скажите мнѣ, сдѣлайте милость, наконецъ обратился я къ тетущкѣ : — что это за княжна Зизи ?

— Она въ роднѣ съ Городковыми. Ты, я думаю, его помнишь : одинъ Городковъ хаживалъ къ твоему отцу.

— Помню — высокаго роста, худощавый и съ большими поклонами.

— Княжна въ-самомъ-дѣлѣ имѣетъ большія странности въ характерѣ ; напримѣръ, не успѣла умереть ея мать, какъ она, не ожидая года, бросилась ѣздить повсюду — по театрамъ, по баламъ, то жила съ сестрою душа-въ-душу, то вдругъ разсорилась съ нею и хотѣла ее оставить ; потомъ опять осталась у ней въ домѣ, согласилась-было выдти замужъ за одного очень порядочнаго человѣка, потомъ вдругъ, ни-съ-того, ни-съ-сего ему отказала ; потомъ завела пренегодный процессъ съ своимъ зятемъ ; то хотѣла идти въ монастырь, то вдругъ опять явилась въ свѣтъ, — вообще въ ней очень много страннаго. Прошлою зимою она прѣвзжала сюда и никому визитовъ не сдѣлала — даже у меня не была... Въ ней, говорю тебѣ, много странностей. Она большая кокетка — однакожь имѣла хорошія партіи и ни за кого не вышла замужъ... Въ ней много, много страннаго...

Слова тетущки не удовлетворяли моему любопытству ; изъ нихъ узналъ я только то, что тетущка

сердита на княжну Зизи, потому-что княжна не была у ней съ визитомъ. Я старался составить себѣ какое-нибудь понятіе объ этой дѣвушкѣ, которая успѣла возбудить о себѣ столько разнорѣчащихъ мнѣній. То она мнѣ представлялась просто московскою зрѣлою дѣвою, вскормленною романами мадамъ-Жанлисъ и со всеми причудами монастырки; то находилъ я, что, можетъ-быть, ее называли странною по той причинѣ, по которой всякаго чело-вѣка, непохожаго на другихъ, называютъ чудак-комъ. Въ этихъ размышленіяхъ я присѣлъ къ столику, гдѣ Марья Ивановна, небогатая вдова, жившая у тетушки, какъ говорятъ, «для компаніи», по обыкновенію разливала чай. Она, какъ всѣ «дамы для компаніи», была большая болтунья, мастерица варить варенье и страстная охотница до романовъ.

— Вы спрашивали тетушку о княжнѣ Зизи, сказала мнѣ Марья Ивановна тихимъ голосомъ: — я не смѣла вмѣшаться въ разговоръ, потому-что всѣ бы поднялись на меня; но никто лучше меня ее не знаетъ. Я ѣзжала въ домъ къ старой княгинѣ учиться танцовать; тамъ мы познакомились съ княжной Зинаидой и до-сихъ-поръ мы съ ней въ дружбѣ и въ перепискѣ. Прійдите завтра къ намъ передъ обѣдомъ, и я вамъ расскажу подробно пространную жизнь этой несчастной дѣвушки: ее совсѣмъ безъ вины опорочили въ свѣтъ.

Съ сими словами мой рассказчикъ вынулъ изъ зеленого портфѣля связку писемъ, вздохнулъ, по-

качалъ головою : « я храню эти письма какъ нѣчто святое », сказалъ онъ , подавая мнѣ одно изъ нихъ .

« Нумеръ первый » продолжалъ мой пріятель . Это было письмо княжны Зизи къ Марьѣ Ивановнѣ . Взглянувъ на него , я съ удивленіемъ увидѣлъ , что оно было написано по-русски довольно правильно , — а уже одно это , особенно въ то время , было очень замѣчательно . Вотъ это письмо :

Москва . 4 Февр . 18 . .

« Ты забыла меня , Маша , совсѣмъ забыла . Вотъ ужь прошло два мѣсяца послѣ послѣдняго твоего письма . Не-ужь-ли ты въ своей Казани нашла другую пріятельницу , которая заставила тебя позабыть твою бѣдную Зизи ? Напиши мнѣ , что ты дѣлаешь ? довольна ли ты своимъ мѣстомъ ? танцуешь ли ты ? — Дядюшка прислалъ намъ изъ Парижа прекрасные эшарпы — голубой съ бѣлыми полосками для Лидіи , и пунцовый для меня ; но намъ нѣтъ и случая надѣть ихъ . Къ тому же маменька хочетъ , чтобъ я носила голубой эшарпъ , а Лидія пунцовой . Когда я сказала , что черноволосымъ голубой цвѣтъ не къ-лицу , маменька по обыкновенію разсердилась . Мы живемъ по-прежнему : маменька все больна , все скучаетъ , всѣмъ недовольна , никуда сама не выѣзжаетъ , и къ намъ никто не ѣздитъ . Мы , Богъ знаетъ , какъ рады , когда пріѣдетъ къ намъ старая Ракитина , да хоть расскажетъ то , что она видѣла у обѣдни въ своей приходской церкви ; больше къ намъ никто не ѣздитъ . Поэтому ты ви-

дишь, что мы живемъ очень скучно. Поутру, пока маменька молится, мы сидимъ съ Лидіей на мезонинѣ : она зѣваетъ за канвою, я за книгою, ибо я по-прежнему продолжаю красть книги изъ папенькиной библіотеки : это одна моя отрада. Хоть маменька и не даетъ намъ ключа, говоря, что въ этой библіотекѣ всѣ мужскія книги, но я прочла всего Карамзина, всю исторію о странствіяхъ аббата Лапорта, весь «Вѣстникъ Европы». Мнѣ наконецъ удалось достать «Клариссу» изъ шкафа, помнишь — у котораго была такая крѣпкая проволока, — хоть я оцарапала себѣ руку, за то наплакалась вдоволь ; только послѣдняго тома никакъ не могу достать: онъ упалъ за большой лексиконъ и рука никакъ не доходитъ, — такая досада. Ракитина дала намъ нѣсколько разрозненныхъ русскихъ номеровъ журналовъ, — гдѣ не достаетъ конца, гдѣ начала ; что за охота этимъ господамъ писать : *продолженіе впредь* ; терпѣть не могу этого слова ! Но за то я нашла тамъ прекрасные стихи Жуковскаго и новаго стихотворца Пушкина. Постарайся достать его стиховъ. Ахъ, никто такъ хорошо не пишетъ, какъ Жуковскій и Пушкинъ ! Такъ все у нихъ идетъ къ сердцу и невольно остается въ памяти. Я всѣ ихъ стихи вписала въ мою знакомую тебѣ тетрадку : теперь она очень потолстѣла. Къ обѣду, мы ходимъ внизъ, до ночи мы сидимъ съ маменькой и молчимъ. Чтò ни заговоримъ, она сердится, безпрестанно жалуется и на погоду, и на здоровье, и на людей. Мы ужь съ сестрою рѣшились-было молчать и считать трубы у

окошка ; но маменька опять сердится — говорить, что мы ее оставляемъ , чуждаемся , что мы неблагодарныя , что , разумѣется , съ старухою скучно , — и знаешь все , что она обыкновенно прибираетъ . Богъ видитъ мое сердце ; объ одномъ и прошу его , чтобъ какъ-нибудь развеселить маменьку ; но какъ это сдѣлать — онъ же одинъ и знаетъ ! Лѣтомъ было еще сносно : бывало , хоть мы ѣзжали въ Симонъ-Монастырь , а теперь — хоть плакать . О выѣздѣ и не говори . Попросишь маменьку въ каретѣ выѣхать прогуляться — она вздохнетъ , охнетъ , да тѣмъ и кончится . Прощай , милая Маша . Пиши , Бога ради , ко мнѣ : по-крайней-мѣрѣ будетъ хоть о чемъ слово сказать . Твоя вѣрная *Зизи* .»

«Р. S. Совсѣмъ было-забыла тебѣ написать , да Лидія напомнила : вчера за обѣдней маменька устала , лакей былъ далеко ; это замѣтилъ одинъ молодой человекъ , тотчасъ бросился , отыскалъ стулъ , усадилъ маменьку ; она его благодарила . Это какой-то господинъ Городковъ ; мы его уже нѣсколько разъ видѣли въ нашемъ приходѣ ; кажется , соседъ нашъ ; онъ очень понравился маменькѣ , и она , ты не повѣришь , кажется , даже звала его къ себѣ . Да , дожидайся , поѣдетъ онъ въ нашу пустыню !..»

— Нумеръ второй , сказалъ мой пріятель , подавая мнѣ другое письмо .

Москва . Февраля 15-го .

«Благодарю тебя , Маша , за твое письмо : оно много меня порадовало . Если бы ты знала , — ужь

мы хохотали, хохотали, читая, какъ Казанскіе кавалеры хлопаютъ каблуками во французской кадрили; даже маменька улыбнулась. Вообще она теперь веселѣе. У насъ былъ Владиміръ Лукьяновичъ Городковъ — премилый человекъ. Какъ онъ умѣлъ занять маменьку! Она къ нему съ своими тяжбами, а онъ тотчасъ вошелъ въ дѣло, успокоилъ маменьку и взялъ у нея цѣлый пукъ бумагъ, обѣщалъ хлопотать въ судахъ... Добрый человекъ! Самъ Богъ его послалъ. Можетъ-быть, маменька будетъ повеселѣе — дай-то Богъ! На радости маменька поѣхала съ нами въ *городъ* (*). Ахъ, какъ тамъ весело! Пропастъ народа, экипажей, шумъ... А какія прелести въ магазинахъ! Я видѣла совсѣмъ новую матерію: ее называютъ *satin turque*; ее дѣлаютъ двучичевою — прелесть! Маменька купила для Лидіи сѣренькую съ оранжевымъ отливомъ: это теперь въ большой модѣ; посылаю тебѣ образчикъ. Мнѣ маменька купила также клѣтчатую тафтичку; посоветуй, какимъ фасономъ сдѣлать; я хочу, чтобы лифъ былъ разрѣзной, съ эполетами на плечахъ, кушачекъ съ мыскомъ, а кругомъ обшить выпушенной фалбалой. Не правда ли, это будетъ прекрасно?..»

— Во всемъ этомъ письмѣ, сказалъ я моему приятелю, дѣло идетъ о тряпкахъ; что тутъ интереснаго? Да, и признаюсь тебѣ, до-сихъ-поръ не вижу никакихъ необычайностей, о которыхъ ты столько

(*) Такъ называется гостинный дворъ въ Москвѣ.

толковалъ ; вижу, что мать старая дура, въ хандрѣ, которая мучитъ безъ толка своихъ дочерей, а дочерямъ до-смерти хочется наряжаться и выдти замужъ : это мы каждый день видимъ...

— Нумеръ третій, хладнокровно проговорилъ мой пріятель.

Москва. Апрѣля 3-го.

«Ты не знаешь, что дѣлается съ нами, Маша. Представь себѣ, что я въ-самомъ-дѣлѣ въ тюрьмѣ, — да, въ тюрьмѣ : я не схожу съ мезонина. Но постой, надобно все рассказать по-порядку. Все это время Городковъ не переставалъ навѣщать насъ ; маменька отъ него безъ ума. Онъ устроилъ маменькины дѣла, успѣлъ увѣрить ее, что они совсѣмъ не такъ худы, какъ она думаетъ, хотя и требуютъ вниманія... Право, этотъ человекъ лучше роднаго. Мы такъ привыкли къ нему, что когда онъ у насъ день не побываетъ, то мы уже думаемъ, не боленъ ли онъ, — и маменька посылаетъ навѣдываться о его здоровьи. Словомъ... Но слушай ; съ нѣкотораго времени, какъ скоро придетъ Владиміръ Лукьяновичъ, маменька начнетъ говорить, что ей кажется, будто я не-по-себѣ, или сыщеть какое-нибудь дѣло, какой-нибудь предлогъ, чтобъ отправить меня на мезонинъ. Я долго не понимала, но теперь, догадалась : маменька воображаетъ, что Владиміръ Лукьяновичъ дѣлаетъ намъ глазки, и ей хочется, чтобъ Лидія, какъ старшая, прежде меня вышла замужъ ; теперь она уже просто запретила мнѣ сходитъ съ мезонина, а Владиміра Лукьяновича увѣ-

рлетъ, что я все нездорова. Но, я думаю, все это пустое. Правда, онъ очень любезенъ съ нами, но съ нами обѣими. Лидіи онъ приноситъ узоры для канвы, мнѣ — книги; съ каждою говоритъ не больше, какъ съ другою, и вѣрно онъ и не помышляетъ о планахъ маменьки. Чѣмъ-то все это кончится! А между-тѣмъ, мнѣ очень скучно сидѣть на мезонинѣ, особливо когда внизу Владиміръ Лукьяновичъ: онъ такой веселый, такой смѣшливый, — всегда умѣетъ занять; онъ, кажется, и литераторъ, но этого еще я не могла узнать хорошенько, хотя мнѣ и очень хотѣлось поговорить съ нимъ о литературѣ, о Жуковскомъ, о Пушкинѣ, но боюсь, чтобъ онъ не счелъ меня педанткою, — да теперь нѣтъ и надежды. Я съ досады ничего не могу читать: только и дѣла, что вѣшаюсь на лѣстницѣ, да прислушиваюсь, что говорятъ внизу. И смѣхъ и горе! Хотъ бы какъ-нибудь, да поскорѣе все это кончилось. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ онъ женился на Лидіи: тогда мы вѣрно будемъ жить вселѣе; я буду съ нею выѣзжать и на танцы и на гулянье, потому что она ужъ будетъ дама. Непременно попрошу ее, чтобы она меня свозила въ книжную лавку: я еще никогда не бывала въ книжной лавкѣ. Владиміръ Лукьяновичъ вѣрно знакомъ съ сочинителями, и я увижу какого-нибудь сочинителя, можетъ-быть, Жуковского — какой это долженъ быть человекъ!.. А между-тѣмъ, я все сижу на мезонинѣ! прощай, милая Маша. Пиши къ твоей бѣдной затворницѣ Зизи.»

— Нумеръ четвертый.

«Маша! участь моя рѣшилась: я... влюблена, Маша, я влюблена до безумія! Я хотѣла скрыть это и отъ тебя, и отъ себя самой, но я не могу дальѣе сохранить въ душѣ моей этой тайны... Я полюбила его съ первой минуты нашего свиданія, я не могу жить безъ него... Еслибъ ты видѣла его — ты бы поняла меня. Онъ соединеніе всѣхъ совершенствъ: прекрасенъ собою, глаза его — огонь, а его сердце, его доброе, прекрасное сердце, его кроткій, тихій разговоръ, его милое обращеніе... Я безъ ума, Маша; я стыжусь себя самой, я готова бѣжать за нимъ на край свѣта, — и я не могу его видѣть. Цѣлый день я какъ прищита къ окошку на моемъ проклятомъ мезонинѣ, чтобъ услышать стукъ его дрожекъ: я ихъ узнаю между тысячи; услышу — и кровь у меня стынетъ въ жилахъ, сердце бьется, я вся дрожу, я вся въ огнѣ, въ глазахъ темно и голова кругомъ — нѣтъ силъ больше. Когда онъ уѣдетъ, я сбѣгаю внизъ, ишу стула, на которомъ онъ сидѣлъ, стола, къ которому онъ подходилъ, двери, въ которую онъ вышелъ; я готова распаловать ихъ, — а тутъ мученье; Лидія, холодная Лидія рассказываетъ, что онъ говорилъ, шутить, смѣется надъ нимъ, а я... я ревную, я готова растерзать Лидію... Ахъ, что дѣлаетъ со мною маменька? Зачѣмъ сначала позволила она мнѣ видѣть его? Зачѣмъ теперь запрещаетъ?.. Онъ не равнодушенъ ко мнѣ: онъ всякій разъ спрашиваетъ обо мнѣ, спрашиваетъ, что сказалъ докторъ. *Его без-*

жалостно обманываютъ... Чтò, если моя мнимая болѣзнь огорчаетъ его?.. А я должна молчать, скрывать все, чтò у меня на сердцѣ, и передъ сестрою и передъ маменькою!.. Иногда, я готова все рассказать ей; но когда посмотрю на ея суровой видъ — языкъ прилипнетъ; а она еще сердится или говоритъ, что и слышать не хочетъ о моей хандрѣ... Но, по-крайней-мѣрѣ, до-сихъ-поръ ей ничего не удастся; онъ до-сихъ-поръ еще не объяснился: я жду этого, какъ приговора къ смерти... Ахъ, хоть ты пожалѣй о твоей *Зизи!*

— Нумеръ пятый.

«Плачь, Маша, и молись за меня! Мнѣ нужна твоя молитва: сама я молиться не могу — ты понимаешь, что все кончено... Онъ объяснился, онъ помолвленъ... съ Лидіею. Это было вчера; я въ это время лежала безъ памяти въ постели и маменька въ-самомъ-дѣлѣ послала за докторомъ. Чтò можетъ докторъ? Все для меня кончилось! Миръ мой — гробъ, надежда — смерть. Ахъ, Лидія, счастливая Лидія!.. И что нашелъ онъ въ ней? Она какъ ни въ чемъ не бывало! Ей ли сдѣлать его счастливымъ? Она холодна какъ ледъ; ей выдти замужъ — какъ выпить стаканъ воды; она по прежнему также долго спитъ, также шьетъ по канвѣ, также кушаетъ за обѣдомъ, и удивляется, отъ чего я брожу цѣлую ночь какъ шальная, отъ чего мнѣ кусокъ въ горло нейдетъ, отъ чего я всѣ книги раскидала по полу. Я часто не хочу вѣрить, что все это не тяжелый сонъ. Часто мнѣ кажется — вотъ пройдетъ, вотъ

исчезнетъ ; я силуюсь проснуться — тщетная мечта ! Лидія приходитъ ко мнѣ показать свое подвѣчное платье ; она проситъ меня , чтобъ я помогла ей наложить оборку ; она смѣется , хохочетъ ; она не понимаетъ своего счастья... Ей ли быть женою этого ангела ?.. Неблагодарный , невѣрный , коварный , онъ не знаетъ , чего онъ во мнѣ лишился . Я бы утѣшала его каждую минуту жизни , я бы не спала надъ нимъ ночью , я бы ухаживала за нимъ цѣлый день , я бы смѣшила его , когда ему скучно , я бы лелѣяла его какъ ребенка... Но я не могу писать долѣе ; слезы падаютъ на бумагу , пальцы дрожатъ вся комната кругомъ меня вертится . Молись , молись обо мнѣ , Маша !..»

— Письма княжны Зинаиды , говорила мнѣ Марья Ивановна , занимали и пугали ее . Она знала пламенное воображеніе княжны , знала , что , привыкшая къ суровому обращенію своей матери , къ ея совершенному отсутствію всякой любезности , Зинаида должна была видѣть въ каждомъ ласковомъ словѣ несомнѣнный признакъ высокаго сердца ; знала , что , живя вѣкъ въ четырехъ стѣнахъ , она должна была влюбиться въ перваго мужчину , который ей на глаза попадется : но , можетъ-быть , этотъ человекъ былъ недостойнъ ея довѣренности , можетъ-быть , онъ хотѣлъ воспользоваться ея неопытностію... Все это представлялось Марьѣ Ивановнѣ въ видѣ ужасномъ . «Обстоятельства заставили меня» говорила она «съ раннихъ лѣтъ больше вникать въ людей , строже цѣнить ихъ ; сло-

вомъ, я была старѣ Зизи не только лѣтами, но и жизнью.»

Но что оставалось ей дѣлать? Писать, утѣшать свою пріятельницу — дѣло невозможное. Тѣ, у которыхъ Марья Ивановна жила въ домѣ, собирались ѣхать въ Москву; она упросила ихъ взять ее съ собой.

Пріѣхавъ сюда, она узнала разомъ двѣ новости: свадьбу княжны Лидіи и смерть ея матери. Марья Ивановна нашла княжну Зинаиду въ домѣ ея сестры. Послѣдній ударъ, казалось, уменьшилъ дѣйствіе перваго. Правда, княжна очень похудѣла, но все еще была прекрасна; очень грустна, но спокойнѣе, нежели ожидала Марья Ивановна. Зинаида мало говорила о Лидіи, объ ея мужѣ, но подробно рассказывала о послѣднихъ дняхъ своей матери: какъ она прощалась съ дѣтьми, какъ просила у нихъ прощенія, какъ просила поминать ее, какъ она заклинала Зинаиду никогда не оставлять сестры своей. «Ты знаешь» говорила старуха, оставшись одна съ Зинаидою, «что хотя ты младшая, но я на тебя больше надѣюсь; ты знаешь, у Лидіи нѣтъ царя въ головѣ; я вижу теперь: она не сѣумѣетъ ни съ мужемъ ужиться, ни дѣтей воспитать, ни съ имѣніемъ управиться; хоть я и рада, что выдала ее замужъ. но крѣпко боюсь за нее. Еслибъ Богъ продлилъ мою жизнь, я бы поддержала ее, остановила, наставила; но, вѣрно, Богу такъ не угодно — да будетъ его святая воля! Тебѣ поручаю мое дѣло, Зинаида: смотри за ней, какъ за ребенкомъ, не давай ей

тратить много денегъ , отводи ее отъ ссоры съ мужемъ , — она взбалмашна, ты знаешь; люби ее дѣтей , люби ее , люби...» Зинаида не могла выговорить, кого. Но повторяю, она была спокойна : она понимала великость своей жертвы и невольно въ ея сердце вкрадывалось чувство самодовольствія. Жизнь для нея была не безъ цѣли.

Марья Ивановна познакомилась и съ Городковымъ. Глядя на него , она поняла , что не всякая женщина могла быть къ нему равнодушною. Онъ былъ прекрасный молодой человекъ , одѣвался чисто и щегольски , былъ веселаго , даже шутиваго нрава , обращался съ Лидіею безъ излишней ласки , но съ большою любезностью , съ Зинаидой же — со всѣми возможными знаками уваженія. Марья Ивановна обѣдала съ ними вмѣстѣ въ комнатахъ Зинаиды , которая еще была несовсѣмъ здорова : ей была отведена особая половина. Владиміръ Лукьяновичъ во все время стола былъ очень милъ и говорливъ , читалъ нѣсколько шарадъ , которыя намѣревался послать въ «Вѣстникъ Европы» , которыя , какъ замѣтила Марья Ивановна , были написаны въ стихахъ и очень замысловаты. Потомъ рассказывалъ о своемъ знакомствѣ съ разными сочинителями и другими извѣстными лицами ; всѣ его анекдоты были очень любопытны , такъ что , какъ признавалась Марья Ивановна , она и не замѣтила , какъ прошло время , и сама Зинаида нѣсколько разъ принуждена была улыбнуться. Послѣ обѣда онъ распрощался съ ними , сказавъ , что долженъ ѣхать

хлопотать по дѣламъ, которыя послѣ старой княгини остались въ большомъ разстройствѣ. Вотъ какое впечатлѣніе произвелъ Городковъ даже на разсудительную Марью Ивановну. Вскорѣ затѣмъ она снова должна была ѣхать въ Казань съ своими домашними. Прошло около года; въ теченіи этого времени, она получила отъ Зинаиды нѣсколько писемъ, которыя впрочемъ ничего не содержали для нея новаго. Но вотъ одно изъ нихъ болѣе замѣчательное :

«Спѣшу тебя увѣдомить, любезная Маша, что Богъ даровалъ Лидіи дочь : вчера, около полудня, она разрѣшилась отъ бремени очень благополучно; дочь назвали Прасковьею, въ честь матушки. И такъ, наше семейство прибавилось еще однимъ лицомъ.—Что сказать тебѣ обо мнѣ? Горячка прошла; я не провожу ночей напролетъ въ слезахъ, но тебѣ могу признаться, что часто на сердцѣ у меня бываетъ такъ тяжело, что и описать нельзя. Еслибы я была за тысячу верстъ отъ Москвы, то, можетъ-быть, я бы обо всемъ позабыла ; но имѣть безпрестанно передъ глазами счастье, которое никогда не будетъ принадлежать мнѣ, — это ужасно; скрывать отъ всѣхъ, отъ сестры, отъ себя самой, отъ моего чувство — нестерпимо; одно мое утѣшеніе—молитва. Тогда я вспоминаю слова матушки, данное мною обѣщаніе, и становлюсь спокойною. Теперь я только начинаю понимать всю истину ея словъ, — съ тобой могу говорить откровенно : безъ меня Лидія погибла бы. Я никогда не могла вообразить въ

ней такой неспособности быть хозяйкою ; она не знаетъ цѣны ничему , дастъ приказаніе , потомъ забудетъ и прикажетъ совсѣмъ противное ; слуги не знаютъ , что дѣлать ; теперь они привыкли спрашиваться меня , а я , пользуясь забывчивостью Лидіи , безъ спроса отмѣняю ея приказанія ; ей и нужды до того нѣтъ — даже это ей такъ понравилось , что она теперь ужь вовсе не вмѣшивается ни во что , спитъ половину дня , а другую ѣздитъ по магазинамъ ; и тамъ я ее должна удерживать , ибо она , какъ ребенокъ , готова купить все , что ей на глаза попадется . Часто я такимъ образомъ предупреждаю домашнія вспышки , которыя были бы неизбежны , ибо онъ большой хозяинъ и любитъ во всемъ порядокъ ; часто въ долгіе зимніе вечера мы разговариваемъ съ нимъ о домашнихъ нашихъ дѣлахъ ; онъ отдаетъ мнѣ отчетъ въ управленіи общаго нашего имѣнія ; я рассказываю ему о моихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ , а Лидія дремлетъ , — ей ни до чего нѣтъ дѣла , — и тогда мнѣ кажется , что я настоящая хозяйка въ домѣ , что я — боюсь вымолвить — жена его... Но бьютъ часы , онъ остается съ Лидіей , а я съ сжатымъ сердцемъ бреду въ мою уединенную келью и бросаюсь въ холодную постелью... Но прочь эти мысли , я не буду роптать на провидѣніе : оно создало меня на томительное , ежедневное , медленное страданіе ; но оно дало мнѣ и утѣшеніе : оно дало мнѣ способъ содѣйствовать счастью благороднаго , честнаго человѣка — способъ сохранять спокойствіе его прекрасной души , хотя

онъ и не подозрѣваетъ этого ; я смотрю на себя какъ на жертву, принесенную его счастію, на жертву чистую, безкорыстную — и эта мысль возвышаетъ мою душу. Я почти счастлива, мои грезы вполнину исполнились. Съ каждымъ днемъ я стараюсь сдѣлаться достойною моего долга. Повѣришь ли, что какъ скоро Лидія сдѣлалась беременна, я принялась читать книги о воспитаніи ; эти книги, можетъ-быть, въ другое время показались бы мнѣ скучными, но не чувствительно расширили кругъ моихъ мыслей : многое я вижу яснѣе, и многія новыя чувства родились въ душѣ моей ; иногда въ забвеніи мнѣ кажется, что на меня возложено званіе матери, что я могу ему сказать : «нашъ ребенокъ». О, тогда мое сердце бьется сильно, кровь поднимается въ голову, и странныя вещи проходятъ чрезъ мои мысли, такія мысли, что я пугаюсь себя самой, вскакиваю и бросаюсь на колѣни передъ иконою. Вчера, когда я слезно молилась, раздался первый крикъ младенца Лидіи... его младенца. Чтò со мною сдѣлалось въ эту минуту — рассказать нѣтъ силъ ; это было — и невыразимая скорбь, и невыразимая радость, и адъ и рай ; я и плакала и смѣялась, я молилась и проклинала ; я чувствовала трепетаніе въ каждомъ нервѣ, въ ушахъ звенѣло, духъ захватывало, я была готова броситься къ младенцу, расцаловать и — растерзать его... Такое состояніе не могло быть продолжительно ; я упала безъ чувствъ ; когда очнулась, все порочное во мнѣ затихло, передо мной носился образъ матушки ; я

видѣла передъ собой только его ребенка и долгъ мой. А Лидія, Лидія... она еще слаба, но ужь горюетъ только о томъ, что ей нельзя будетъ выѣзжать въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Какъ она счастлива, или, лучше сказать, какъ она несчастлива!..»

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого письма, изъ Казани отправился въ Москву на службу молодой человекъ, родственникъ домашнимъ Марьи Ивановны; онъ былъ человекъ не безъ состоянія, молодъ, недуренъ собою, стихотворецъ и съ совершенно-романическимъ характеромъ; онъ попросилъ у Марьи Ивановны писемъ въ Москву къ ея знакомымъ, и тогда, при взглядѣ на него, какая-то неясная мысль пробѣжала въ головѣ Зинаидиной пріятельницы: она дала ему записочку къ княжнѣ съ порученіемъ вручить ей лично, только не влюбиться. «Почему знать», думала Марья Ивановна: «ей этотъ молодой человекъ можетъ понравиться; она молода, чувства ея живы, и тогда, можетъ-быть, въ душѣ ея произойдетъ счастливая переменна, и она избавится отъ своего мучительнаго положенія. Письмо, которое вскорѣ послѣ того Марья Ивановна получила отъ Зизи, убѣдило ее въ томъ, что она хорошо сдѣлала. Вотъ оно:

«Лидія совершенно оправилась. Мы уже начали выѣзжать. Часто я бы хотѣла оставаться дома съ моею Пашенькой, которая день-отъ-дня хорошѣетъ, любить меня больше, нежели свою кормилицу,

протягиваетъ ко мнѣ ручки; но нельзя Лидію оставлять одну : она, какъ я тебѣ писала, настоящей ребенокъ, любитъ моды, но не можетъ понять, которыя пристали къ ней, и которыя нѣтъ; великаго труда стоитъ мнѣ иногда уговорить ее не поднимать талии такъ высоко, что ее совершенно безобразить. Въ обществѣ она приводитъ меня въ совершенное отчаяніе : она такъ рада музыкѣ, балу, своему наряду, что не можетъ скрыть своего восхищенія; иногда забывшись, она захохочетъ во всю залу такъ, что всѣ на нее оглянутся; особенно въ театрѣ я должна безпрестанно дергать ее за рукавъ, чтобы она не сказала чего-нибудь неприличнаго молодымъ людямъ, которые толпою приходятъ къ намъ въ ложу. Владиміръ Лукьяновичъ, кажется, замѣчаетъ это и стороною даетъ мнѣ чувствовать свою благодарность. Вчера, пока Лидія въ десятый разъ примѣривала въ уборной новое платье, я, сидя въ спальнѣ, качала на рукахъ Пашу. Онъ подошелъ ко мнѣ и долго смотрѣлъ на меня задумавшись. Я невольно смутилась; чтобъ прекратить это странное состояніе, я спросила у него : о чемъ онъ задумался? «Объ васъ» отвѣчалъ онъ ласково: «вы, можетъ-быть, не знаете, какъ я часто объ васъ думаю, Зинаида.» Тутъ онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и съ меланхолическимъ взглядомъ пожалъ ее... Я затрепетала; еще въ первый разъ въ жизни онъ съ такою нѣжностію прикоснулся къ рукѣ моей... Не зная, что отвѣчать, я принялась ласкать Пашеньку, а онъ бросился въ кресла, сто-

явшія въ другомъ углу. Не знаю, замѣтилъ ли онъ мое смущеніе, или точно такой былъ смыслъ его словъ, но онъ продолжалъ съ особеннымъ выраженіемъ и придавая вѣсь каждому слову : «мнѣ бы хотѣлось устроить ваше имѣніе, чтобъ отдѣлить вамъ вашу часть, чтобъ вы имѣли свое, независимое». — А зачѣмъ это? спросила я. Развѣ оно не можетъ оставаться подъ вашимъ управленіемъ? — «Но вы можете выдти замужъ» отвѣчалъ онъ, глядя на меня пристально : «надобно, чтобы все было въ порядкѣ». — О, никогда! вскричала я забывшись, и потомъ, одумавшись, стала говорить разныя незначащія слова, чтобъ объяснить мою мысль; но они еще болѣе обнаруживали мое смущеніе. «Таковы-то вы всѣ дѣвушки : какъ можете вы за себя на одинъ день отвѣчать?» продолжалъ онъ съ тѣмъ же выраженіемъ и не сводя съ меня глазъ. Я не отвѣчала ничего, а онъ продолжалъ : «да, это необходимо будетъ слѣлать; я теперь стараюсь окончить нашу тяжбу о лѣсѣ, тогда у насъ руки будутъ развязаны». — Тутъ вошла Лидія, повертываясь и показывая свое платье; нашъ разговоръ прекратился. Выдти замужъ... До-сихъ-поръ эта мысль мнѣ не приходила еще въ голову; выдти замужъ за кого-нибудь другаго... Боже, пощади меня!»

Письмо отъ княжны Зизи къ Марьѣ Ивановнѣ, мѣсяцъ спустя.

«Благодарю тебя, любезная Маша, за письмо твое, которое мнѣ привезъ твой Казанскій знако-

мый, Радецкій. Я не могла тебѣ отвѣчать тотчасъ, потому-что Паша была больна и Лидія также : она опять беременна , и , не смотря на всѣ увѣщанія докторовъ, танцуетъ безъ отдыха, — вотъ что говорится, не сходитъ съ доски. Твой знакомый очень милъ, но только, кажется, слишкомъ романическаго характера ; онъ на меня смотритъ такими странными глазами, что мнѣ становится смѣшно, или у васъ въ Казани ужь такая мода ? Мнѣ кажется, онъ неслишкомъ понравился и Владиміру Лукьяновичу : онъ съ нимъ учтивъ и вѣжливъ по-обыкновенію, но, между нами, Владиміръ Лукьяновичъ шутя называетъ его *размазней*, въ чемъ и я, признаюсь тебѣ, согласна. Владиміръ Лукьяновичъ очень заботится о нашей тяжбѣ съ казною ; какъ ни твердь его характеръ, но это дѣло его видимо беспокоитъ. Часто, когда Лидія бываетъ на балѣ, онъ пріѣзжаетъ прежде ея домой и часто ночи просиживаетъ за бумагами ; я это очень хорошо знаю, ибо онъ всегда заходитъ ко мнѣ. Теперь, благодаря Бога, онъ не настаиваетъ больше, чтобъ я выѣзжала съ Лидією, и, кажется, радъ, что я остаюсь дома, потому-что Пашенька безпрестанно больна, а Лидія не можетъ обойтись безъ танцевъ. Меня же на балѣ ничто не занимаетъ, и я такъ счастлива, когда могу добратся до моей комнаты. Прощай.»

— Это письмо, не смотря на его холодный тонъ, очень встревожило Марью Ивановну ; въ немъ было что-то недосказанное ; княжна что-то отъ нея скры-

вала. Письмо Радецкого объяснить тебѣ до вѣкоторой степени эту загадку.

Письмо Радецкого къ Марьѣ Ивановнѣ :

«Милостивая государыня, Марья Ивановна! Хорошо дали вы мнѣ порученіе ; я исполнилъ его въ точности : влюбился въ вашу прекрасную пріятельницу, да такъ, какъ никогда не ожидалъ, то-есть, до безумія. Какъ это случилось, рассказывать вамъ не буду, потому-что самъ не знаю. Дѣло въ томъ, что моя участь рѣшена ; я чувствую, что не могу жить безъ княжны Зинаиды. Вы начали, вы должны кончить ; вы были причиною моего знакомства съ нею, вы должны помогать мнѣ. Вы, можетъ-быть, спросите меня : правлюсь ли я ей — въ этомъ вся и задача. Чувства княжны Зинаиды для меня непроницаемы ; въ разговорахъ съ нею я замѣтилъ прекрасный, образованный умъ ; но что скрывается за этимъ умомъ — неизвѣстно. Мнѣ кажется, она принадлежитъ къ числу женщинъ, одаренныхъ отъ природы вѣжнымъ сердцемъ, но которому гордость мѣшаетъ чувствовать. Чувство имъ кажется слабостью, чѣмъ-то унижительнымъ. Онѣ боятся обнажить свое сердце, онѣ стараются прикрыть его всякою мишурою, чтобъ избѣгнуть отъ проницательныхъ глазъ мужчины. Можетъ-быть, я ошибаюсь, но такую мнѣ кажется княжна Зинаида ; отъ чего это происходитъ, отъ образа ли воспитанія, или отъ ложной системы, — не знаю, только я не всегда понимаю мою княжну. Я еще и не загова-

ривалъ ей о моей любви : такъ я боюсь этой дѣвушки ; отъ одного ея слова зависитъ жизнь или смерть моя, а, можетъ-быть, ея гордость или излишняя скромность заставитъ ее произнести страшное «нѣтъ» даже тогда, какъ сердце ея будетъ противорѣчить этому слову. Вы лучше меня знаете княжну Зинаиду : научите меня, что должно мнѣ дѣлать, что говорить, какъ глядѣть на нее. Она умѣетъ однимъ взглядомъ приводить меня въ трепетъ, и слова, которыя рвутся изъ моей души, замираютъ на языкѣ. Скажите, не лучше ли будетъ, если бы вы къ ней написали, если бы вы стороною постарались выпытать ея обо мнѣ мысли. Не можетъ быть, чтобъ она не понимала, что во мнѣ происходитъ ; не-ужь-ли она думаетъ, что я стараюсь ѣздить къ нимъ въ домъ такъ часто только для того, чтобъ слушать холодныя учтивости ея зятя, его толкованія о литературѣ «Вѣстника Европы», перемѣшанныя съ разказами о большихъ обѣдахъ ? Сверхъ того она должна понимать, что я, говоря по-свѣтски, имѣю право предложить ей руку ; я, какъ вы знаете, не бѣденъ, лѣта наши сходны, я имѣю порядочный чинъ, надежды на будущее — все это, разумѣется, вздоръ, но я упоминаю обо всемъ этомъ потому только, что все это должно было бы обратить на меня вниманіе княжны въ ту или другую сторону, но ничего не бывало ; — вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ я ѣзжу къ нимъ въ домъ, и княжна обходится со мною, какъ въ первое свиданіе : ни знака неудовольствія, ни знака пріязни ;

она по-прежнему со мною ласкова, любезна и холодна. Какъ объяснить? Съ другой стороны, неужь-ли ей такъ дорога ея теперешняя дѣвическая жизнь? У ней нѣтъ матери, живетъ она почти въ чужомъ домѣ, цѣлый день нянчится съ чужимъ ребенкомъ, играетъ въ домѣ роль какой-то гувернантки или даже ключницы; она — женщина съ большимъ умомъ, съ начитанностью, съ пламеннымъ воображеніемъ!... Не понимаю. Бога ради, объясните мнѣ все это, если можете, и не замедлите отвѣтомъ; каждая минута для меня вѣкъ страданія. — *Радецкій*».

— Получивъ это письмо, Марья Ивановна, какъ видно, пришла въ большое недоумѣніе. Что, въ самомъ-дѣлѣ, ей было отвѣчать Радецкому? Вѣрить ему тайну Зинаиды — было дѣломъ невозможнымъ; писать къ Зинаидѣ, описывать ей всѣ достоинства Радецкаго — было бы бесполезно. Она могла ожидать успѣха отъ молодыхъ его глазъ, отъ его ума, любезности, но не отъ своихъ писемъ. Сколько я могъ догадаться, эгоизмъ, кажется, уже нашептывалъ Марьѣ Ивановнѣ, что она напрасно вмѣшалась въ это дѣло, и она рѣшилась, на что обыкновенно рѣшались нерѣшительные люди, то-есть, ничего не дѣлать, не отвѣчать Радецкому, и предоставить развязку его собственному уму и времени. Но не прошло двухъ почтовыхъ дней, Марья Ивановна получила новое письмо отъ Радецкаго. Вотъ оно:

«Вы не отвѣчаете мнѣ, Богъ вамъ судья! Не отвѣчать мнѣ въ такую минуту, когда вся жизнь моя есть цѣпь непрерывныхъ терзаній!... Мое дѣло не только не подвинулось впередъ, но еще отодвинулось назадъ, потому-что я рассорился съ Городковымъ, и самъ не знаю какъ. Вотъ какъ это случилось. У нихъ былъ вечеръ; всѣ ушли за карты; изъ неиграющихъ остались только трое: хозяйка дома, княжна и я. Я присѣлъ къ столу у дивана, на которомъ сидѣли обѣ сестры; я очень былъ радъ этому случаю говорить съ нею наединѣ, потому-что хозяйки дома нѣчего было считать: она или молчала, не понимая нашего разговора, или хохотала безъ всякой причины, или вскакивала съ мѣста. Княжна была задумчивѣе обыкновеннаго.

«Вы не играете?» сказала мнѣ княжна, поднявъ на меня свои блестящіе, черные глаза.

— И безъ игры — отвѣчалъ я — довольно терзаній на свѣтъ. Я не знаю, зачѣмъ человѣку изобрѣтать новое средство себя мучить, когда слишкомъ довольно и старыхъ.

Княжна улыбнулась; но, если не ошибаюсь, въ ея улыбкѣ было что-то грустное.

«Сдѣлайте милость,» сказала она насмѣшливымъ тономъ: «перестаньте притворяться; я знаю, теперь въ модѣ у молодыхъ людей играть роль страдальцевъ, твердить объ увядшей молодости, о потерянныхъ надеждахъ; вы не можете себѣ представить, какъ все это смѣшно.»

Эти слова тронули меня за живое.

— Не-ужь-ли, сказалъ я : — отъ-того, что есть люди, которые притворяются больными, вы въ состояніи засмѣяться, видя человѣка на смертной постель ?

« Нѣтъ, но я бы послала за докторомъ. »

— А если бъ докторъ не захотѣлъ прійти ?

« Я бы послала за другимъ. »

— Не-ужь-ли вы думаете, что мѣнять докторовъ такъ легко ?

Не знаю, отъ-чего этотъ незначашій вопросъ заставилъ княжну задуматься, по-крайней-мѣрѣ мнѣ такъ показалось, — но она скоро перемѣнила разговоръ :

« Вы еще долго останетесь въ Москвѣ ? »

— Не знаю; я не принадлежу самому себѣ...

« Кому же ? » спросила княжна простодушно.

— Я принадлежу одному изъ тѣхъ словъ, надъ которыми вы смѣетесь.

« Опять! Какъ вы странны теперь, молодые люди! »

— Столько же странны, какъ и всѣ молодые люди отъ сотворенія міра, разумѣется, въ извѣстныхъ случаяхъ.

« Я безъ шутокъ думаю, что по большой части вы сами не знаете, чего хотите; въ головѣ у васъ бродитъ нѣсколько словъ, нѣсколько заученыхъ стиховъ, изъ которыхъ вы составляете что-то похожее на жизнь, и потомъ увѣряете себя, что эта жизнь васъ терзаетъ. »

— Не-уже-ли, княжна, вы обо всѣхъ такъ думаете безъ исключенія ?..

«О, нѣтъ! сказала она съ обыкновеннымъ выраженіемъ : — но о многихъ, прибавила она спокойно. — Такъ мало надобно для счастья жизни, а это не многіе понимаютъ : всѣ гоняются за невозможнымъ, какъ дѣти за тѣнью, и потомъ жалуются, что не могутъ поймать ее.»

— Вы справедливо замѣтили, что для счастья надобно мало, но также мало надобно и для страданій. Иногда въ нихъ виноватъ самъ человѣкъ, нечистая совѣсть, корыстныя чувства, порочная, непозволенная страсть — объ этомъ и говорить нечего. Но бываетъ, что въ душѣ горитъ чистое, святое чувство, что ощущаешь въ себѣ способность посвятить всю свою жизнь, напримѣръ, женщинѣ, что на это отвѣчаютъ холодностію, презрѣніемъ... —

Мои слова явно производили впечатлѣніе на княжну : она была въ волненіи — то краснѣла, то блѣднѣла; грудь ея высоко поднималась; я видѣлъ это дѣйствіе, производимое моими словами, старался воспользоваться рѣдкою минутою пробудившагося въ княжнѣ чувства и выразить въ словахъ все, что волновалось въ душѣ моей; но ко мнѣ подошелъ хозяинъ дома. «Сдѣлайте мнѣ одолженіе» сказалъ онъ привѣтливо : «займите на минуту мое мѣсто за бостономъ; мнѣ надобно кое-что приказать въ домѣ...»

Въ сію минуту я готовъ былъ выбросить его за окошко: «я не играю... я не умѣю играть!» сказалъ я съ видимою досадою.

— Но одну минуту, только одну минуту подержать карты въ рукахъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь. — Впрочемъ, какъ вамъ угодно; я не хочу принуждать васъ сдѣлать мнѣ одолженіе. Извините, что обезпокоилъ васъ — прибавилъ онъ холодно.

Я опаматовался, хотѣлъ-было просить у него карты, но онъ уже раскланивался со входившимъ гостемъ, который съ радостью принялъ его предложеніе. Я посмотрѣлъ вокругъ себя — княжна исчезла; я остался съ-глаза на-глазъ съ хозяйкой дома. «Что сдѣлалось съ княжною?» спросилъ я ее.

— Ей спать захотѣлось, — отвѣчала Лидія и захотала во все горло.

О чемъ мнѣ было говорить съ нею? Я былъ огорченъ, взбѣшонъ, и не въ состояніи пересыпать изъ пустаго въ порожнее. Воспользовавшись первою минутою, когда Лидія Петровна вскочила по своему обыкновенію, я выбѣжалъ изъ дома какъ сумасшедшій.

Вы можете себѣ представить, что во мнѣ происходило въ это время! Дождаться въ-теченіи долгихъ дней этой минуты, какъ завѣтнаго рая; быть прерваннымъ тогда, какъ, можетъ-быть, душа ея стала открываться для чувства, и остаться не разрѣшивъ загадки, не высказавъ вполнѣ души своей... это ужасно!

Я цѣлую ночь не могъ заснуть, и поутру рано поѣхалъ къ Городкову, чтобъ извиниться въ моей

невѣжливости; — меня не приняли. На другой день тоже, на третій день опять то же. Я осведомляюсь о здоровьѣ всѣхъ домашнихъ поименно; лакеи мнѣ отвѣчаютъ, что всѣ, слава Богу, здоровы и изволили уѣхать со двора; но это была неправда: на дворѣ стояли экипажи, слѣдственно, хозяева были дома; — это значило просто, что меня не хотѣли принимать. Я не зналъ, что дѣлать; я уже рѣшился писать къ Городкову и откровенно объяснить ему все; но страхъ подвергнуть свою участь одному слову, не приготовивъ княжну къ моему объясненію, удержалъ меня. Вечеромъ я встрѣтилъ Городкова въ одномъ знакомомъ домѣ, и, скрѣпя сердце, подошелъ къ нему, началъ было извиняться въ моей невѣжливости; онъ прервалъ мои слова съ обыкновенною своею улыбкою, говоря: «и! помилуйте, какъ это можно! есть ли о чемъ и говорить! сдѣлайте милость, не беспокойтесь!» — и прочее, тому подобное; а между-тѣмъ онъ обратился къ другому. Еще разъ начать говорить съ нимъ — въ эту минуту было выше силъ моихъ; однакожъ я рѣшился ѣхать къ нему на другой день, но меня опять не приняли. Я былъ совершенно въ отчаяніи и не зналъ, что предпринять; каждый день ходилъ я на почту, чтобъ узнать, нѣтъ ли отъ васъ письма, не затерялось ли оно — тщетно! Бога ради, не медлите отвѣтомъ, не мучьте меня. Вы лучше знаете семейственныя отношенія этого дома: объясните мнѣ, что все это значитъ. Не-уже-ли Зинаидинъ зять могъ на меня разсердиться за вещь столь

обыкновенную въ свѣтъ? Тутъ должна скриваться какая-то тайна, надъ которой я тщетно ломалъ себѣ голову. Я не могу скрыть отъ васъ, что поведеніе г. Городкова мнѣ кажется очень страннымъ: онъ пользуется прекраснѣйшею репутаціею въ свѣтъ; онъ принятъ въ лучшихъ домахъ; онъ очень любезенъ въ обращеніи, но мнѣ не понравился онъ съ перваго раза — и знаете отъ чего? Онъ входитъ въ комнату бокомъ, всегда какъ-то пролѣзаетъ между людьми. Не хочу безъ вины обвинять его: это невольное движеніе можетъ происходить и отъ глубоко-сокрытаго въ душѣ низкаго чувства, можетъ происходить и отъ излишней скромности, и отъ застѣнчивости; но, воля ваша: онъ право что-то слишкомъ любезенъ, слишкомъ привѣтливъ, слишкомъ уступчивъ; достигнувъ въ свѣтъ нѣкоторой осѣдлости, или что называютъ *aplomb*, онъ все во всякомъ чего-то ищетъ, соглашается съ чѣмъ не должно соглашаться, улыбается тому, кто ему надѣдаетъ; — все это, какъ хотите, переступаетъ предѣлы обыкновенной свѣтскости и переходитъ за ту черту, гдѣ любезности не отличишь отъ притворства и безцвѣтность характера — можетъ-быть, отъ грѣховъ тайныхъ и тяжкихъ. Я не могу постигнуть существованія человѣка, который никогда никому не противорѣчитъ, точно такъ же, какъ человѣка, который споритъ только для спора. Словомъ, есть что-то непонятное въ этомъ Городковѣ. Въ нынѣшнемъ свѣтъ, когда искусство лицемѣрія вошло въ правила воспитанія между грамматикой

и нравственностью, человека угадать трудно: надобно знать всю его историю съ колыбели, чтобъ составить себѣ о немъ какое-нибудь понятіе. Я старался навѣдываться о Городковѣ сколько можно, и узналъ, что онъ цѣлый вѣкъ служилъ, взятокъ не бралъ, что онъ *классикъ*, прекрасно играетъ въ бостонъ, пишетъ шарады — и только. Но когда я смотрю на его голову, уплывшую въ воротникъ фрака, на эту едва-примѣтную складку возлѣ глазъ подъ висками, на его румяное, вѣчно улыбающееся лицо, — что-то тайное говоритъ мнѣ, что все это маска, и что въ душѣ его не то. Бога ради, расскажите о немъ все, что вы знаете, и что вы заключаете изъ послѣдняго его поступка, а больше всего напишите о Зинаидѣ. Писали ли вы къ ней? что она отвѣчала вамъ? Бога ради, не морите меня медленною смертью. Родныхъ у ней никого нѣтъ: вы одни моя надежда. Я не знаю, на что я въ состояніи теперь рѣшиться.»

Бѣдная Марья Ивановна, получивъ это письмо, была не въ меньшемъ замѣшательствѣ. Пока она собиралась отвѣчать ему, пришло новое, слѣдующее письмо :

«Спѣшу васъ увѣдомить, что участь моя рѣшена. Я счастливъ, такъ счастливъ, что не могу этого и выразить: княжна Зинаида соглашается выдти за меня замужъ! Я плачу отъ радости, какъ ребенокъ. Наше объясненіе съ княжною было очень странно. Вотъ какъ это случилось, посудите сами:

«Получая безпрестанно отказы въ домъ, я, какъ

пошлый любовникъ, бродилъ подъ окнами моей красавицы; но все было тщетно: княжна не выѣзжала со двора и не подходила къ окошку: люди, у которыхъ я освѣдомлялся объ ея здоровьѣ, смотрѣли на меня съ насмѣшкою; неприязнь господъ перешла къ слугамъ, какъ обыкновенно случается, безъ всякаго съ ихъ стороны сознанія: баринъ косятся и они также. Но, къ счастью, на семь свѣтъ существуютъ могущественные полтинники, которыми отпираются двери и отъ которыхъ нѣмые дѣлаются говорливыми; этимъ способомъ узналъ я однажды, что княжна въ церкви—я поспѣшилъ туда; — вхожу: въ церкви темно; съ трудомъ, въ отдаленномъ углу за столбомъ, я узнаю княжну: прихожанъ мало; она, вѣроятно думая, что на нее нисколько не обращаютъ вниманія, стояла на колѣняхъ, горячо молилась и горько плакала. Я не хотѣлъ мѣшать ей и сталъ такъ, чтобъ она не могла меня замѣтить. Что значили эти слезы? Были ли онѣ дѣйствіемъ одной набожности, или тайной скорби? Какъ бы то ни было, мнѣ показалось, что теперь говорить съ княжною было для меня долгомъ. Я дождался окончанія службы, и, когда княжна вышла съ другими въ притворъ, подошелъ къ ней. Взглянувъ на нее, при тускломъ свѣтѣ свѣчи, горѣвшей у образа, я испугался: глаза ея были красны, щеки впали, лицо носило отпечатокъ жестокаго внутренняго страданія. «Княжна!» сказалъ я ей: «мнѣ необходимо сказать вамъ нѣсколько словъ.»

«Въ первую минуту она какъ-будто испугалась и хотѣла скрыться отъ меня; но потомъ, подумавъ немного, остановилась и отвѣчала: «говорите, я васъ слушаю». Мы вышли на паперть: она отослала провожавшаго ее лакея къ церковной оградѣ. Никогда еще она не казалась мнѣ столь прекрасною... Вечеръ былъ тихій, послѣдніе багряные лучи солнца освѣщали ея прекрасное, благородное лицо, вокругъ котораго изъ-подъ соломенной шляпки вились по плечамъ въ беспорядкѣ черныя, мелкія кудри.

— «Княжна!» сказалъ я твердымъ голосомъ: «вы несчастливы!»

Въ одно мгновеніе, на этомъ лицѣ, удрученномъ горестью, блеснуло ея обыкновенное, гордое чувство.

— Кто даетъ вамъ право, — отвѣчала она — спрашивать у меня отчета??

— «Мнѣ на это даетъ право то чувство, которое вы мнѣ внушили, и клятва, данная мною передъ Богомъ, которому мы вмѣстѣ теперь молились, посвятить вамъ жизнь мою до послѣдняго издыханія. Въ моемъ теперешнемъ положеніи я долженъ говорить прямо и рѣшительно.»

«Княжна задумалась; горькія слезы полились изъ ея глазъ; исчезло выраженіе гордости, на минуту мелькнувшее въ лицѣ ея: я видѣлъ предъ собою слабую, истерзанную женщину...

«Вдругъ она взяла меня за руку: «скажите, вы меня не обманываете?..»

— Княжна !..

— « Вы были бы готовы на мнѣ жениться, еслибы я согласилась? »

— Я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ.

— « Здѣсь говорить намъ нельзя ; не спрашивайте меня ни о чемъ... Черезъ нѣсколько часовъ я пришло къ вамъ въ домъ записку... »

« Я хотѣлъ поцаловать ея руку ; но она, отдернувъ ее , поспѣшно пошла къ оградѣ ; я хотѣлъ за ней слѣдовать , но она дала мнѣ знакъ рукою , чтобъ я оставилъ ее одну . Я возвратился домой въ большомъ раздумьи ; какъ ни радовала меня надежда на счастье , но такое быстрое , неожиданное исполненіе моихъ желаній пугало меня ; въ поведеніи княжны , по прежнему , было что-то странное и неизъяснимое ; я терялся въ догадкахъ . Не прошло получаса , какъ я получилъ отъ нея слѣдующую записку . « Я согласна отдать вамъ мою руку и ввѣриться вамъ , какъ благородному человѣку ; но особенныя обстоятельства заставляютъ меня желать , чтобы нашъ бракъ совершился какъ-можно-скорѣе . Одно мое условіе : не спрашивать меня о причинѣ такой странной просьбы ; не спрашивать меня ни о чемъ ; ввѣриться безусловно моей совѣсти... Когда-нибудь вы все узнаете . »

« Я отвѣчалъ на эту записку , что вѣрю ея благородному сердцу , не буду ея ни о чемъ спрашивать , и что надѣюсь завтра же устроить все для нашей свадьбы .

«Вотъ, что со мной было! Хотя я и не получилъ еще отъ васъ отвѣта, но здѣсь не имѣю никого, съ кѣмъ подѣлиться моимъ страннымъ счастьемъ. Пишу къ вамъ ночью; душевное волненіе мѣшаетъ мнѣ сомкнуть глаза. Со свѣтомъ отправляюсь хлопотать, чтобъ устроить все для вѣнчанія. Едва ли кому-нибудь удавалось жениться такъ чудно!»

На слѣдующей почтѣ Марья Ивановна получила слѣдующее письмо отъ молодаго человѣка :

«Все кончено; участь моя рѣшена! Вотъ новая записка ко мнѣ отъ княжны Зинаиды: «Простите меня, не проклиняйте меня, сочтите меня безумною, если хотите... Нѣтъ, благородный молодой человѣкъ, я не могу быть вашею женою! Я не хочу васъ обманывать: я не могу любить васъ. Постарайтесь найти другую женщину, которая бы была васъ достойна. Я знаю, для моего поступка нѣтъ оправданія, но въ вашемъ сердцѣ я найду себѣ, по-крайней-мѣрѣ, прощеніе. Не спрашивайте отчета у несчастной жертвы судьбы; не допытывайтесь узнать мою тайну; забудьте, забудьте меня!»

«Мнѣ нѣчего прибавлять къ этому письму: вы можете вообразить себѣ мое положеніе. Бога ради, напишите мнѣ, что вы можете понять во всемъ этомъ. Если я и не могу самъ быть счастливымъ, то это не мѣшаетъ мнѣ пожертвовать, если нужно, моею жизнію, чтобъ спасти бѣдную дѣвушку отъ козней неизъяснимыхъ, но дѣйствительныхъ, которыя, можетъ-быть, ее окружаютъ. Проникнуть

эти козни я почитаю святымъ долгомъ; я уже начинаю подозрѣвать нѣкоторыя изъ нихъ, но, можетъ-быть, все это мечта... Мои мысли не имѣютъ никакого прочнаго основанія; сътъ, въ которой находится княжна, заплетена такъ искусно, что укрывается отъ самаго пронизательнаго взора. Въ смертной скорби моей я не имѣю даже силъ дѣйствовать; мысли мои мѣшаются, одна истребляетъ другую, и, послѣ долгаго напряженія, я нахожу только то, что я страдаю, страдаю ужасно и не вижу конца моимъ страданіямъ. Напишите мнѣ хоть два слова; можетъ-быть, они наведутъ меня на открытіе того, надъ чѣмъ я тщетно терзаюсь.»

Марья Ивановна на этотъ разъ рѣшилась отвѣчать молодому человѣку; она, кажется, отвѣчала ему пустыми фразами и увѣреніями, что ей самой совершенно непонятенъ поступокъ Зинаиды. Пріязнь къ подругѣ своего дѣтства мѣшала ей открыть страшную тайну, но между-тѣмъ, она написала къ ней письмо, гдѣ, какъ мнѣ говорила, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какія умѣла только найти, упрекала ее за ея поступки, намекала, что догадывается объ ихъ причинѣ, и первый разъ въ жизни осмѣлилась говорить княжнѣ о томъ, какъ порочно ея чувство. Отвѣтъ княжны Зинаиды довольно любопытенъ. Вотъ онъ:

«Если бы кто-нибудь другой упрекалъ меня, а не ты, я бы оставила эти упреки безъ вниманія; но ты — ты знаешь мое положеніе, ты знаешь всѣ терзанія моего сердца, все долгое бореніе съ самой

собою, продолжающееся не день, не два, но годы, — и ты можешь упрекать меня! Да, мой поступокъ съ Радецкимъ можетъ быть неизвинительнымъ въ глазахъ свѣта, но не въ твоихъ глазахъ. Мнѣ жаль молодаго челоуѣка, но что же дѣлать? Въ минуту скорби и отчаянія я думала, что могу замужствомъ съ нимъ заглушить то, что происходитъ въ моемъ сердцѣ и о чемъ говорить не смѣю; но, когда я прочла въ его запискѣ, что завтра я должна предстать съ нимъ предъ алтаремъ, вся твердость меня оставила. Обмануть челоуѣка, поклясться ему въ вѣчной любви, когда я... нѣтъ, это было невозможно! Я рѣшилась лучше принести себя въ жертву, прослыть вѣтреною, безумною... Моя участь рѣшена: никогда никому не буду принадлежать я; и когда ни Лидія, ни ея дѣти не будутъ во мнѣ нуждаться, монастырь сокроетъ несчастную, если не отъ собственныхъ страданій, то, по-крайней-мѣрѣ, отъ свѣтскихъ толковъ. Впрочемъ, если я во многомъ виновата предъ Радецкимъ, то и онъ нанесъ мнѣ оскорбленіе жесточайшее, какое только могла изобрѣсти его ревность. Радецкій челоуѣкъ безъ сердца. То, что онъ говоритъ обо мнѣ, оскорбительное подозрѣніе, котораго онъ не могъ скрыть, — это все я ему прощаю; но, въ негодованіи на меня, онъ старается излить желчь на все, меня окружающее. Представь себѣ, онъ осмѣлился написать ко мнѣ, что проникнулъ въ жизнь мою, что онъ угадываетъ, кто мнѣ *препятствуетъ* выдти за него замужъ; онъ осмѣлился предостерегать меня и обвинять въ

какихъ-то корыстныхъ видахъ—кого ты думаешь?— его, ангела доброты, безкорыстія.. Отъ того, что прямота его ума, прямота его сердца не допускаютъ его до романическихъ бредней; отъ того, что онъ видитъ жизнь яснѣе другихъ, и въ глубинѣ сердца скрываетъ свои высокія чувства, твой Чайльдъ-Гарольдъ *romanqué* почитаетъ его способнымъ къ низкимъ, корыстнымъ видамъ!.. Это письмо, признаюсь тебѣ, даже утѣшило меня: я показала себя не столь виновною предъ Радецкимъ, какъ прежде; ибо лишь тотъ, кто самъ способенъ къ низкимъ расчетамъ, могъ изобрѣсти такую выдумку, и противъ кого же?.. Гдѣ справедливость на свѣтѣ? Юноша влюбляется, его намѣреніе не удается, и онъ почитаетъ себя въ правѣ чернить героя добродѣтели, несчастнаго... несчастнаго, можетъ-быть, столько же, сколько и я?»

Въ этомъ письмѣ также, какъ ты видишь, много недосказаннаго: княжна многое скрывала отъ своей пріятельницы.

Ужь впоследствии Марья Ивановна узнала все, что случилось въ промежуткахъ между сими письмами.

Съ нѣкотораго времени, когда княжна начала болѣе выѣзжать, Городковъ примѣтно сталъ беспокоенъ; онъ изыскивалъ разные предлоги, чтобъ удерживать жену свою отъ выѣздовъ: онъ часто заводилъ рѣчь о семейственномъ счастіи, о расходахъ, съ которыми сопряжены выѣзды, и о святой обязанности отца семейства стараться умѣрять свои

посланъ управитель съ низкимъ поклономъ и извѣщеніемъ, что баринъ хочетъ переселиться въ занимаемая ею комнаты, потому-что дескать ему очень тяжело оставаться въ тѣхъ, гдѣ находилась покойная Лидія Петровна.

Зинаида оставила домъ, переѣхала къ одной пріятельницѣ — у княжны не было ни копейки денегъ.

— Мало-по-малу пріѣзжающимъ утѣшителямъ было растолковано, что княжна Зинаида въ послѣднее время оказала очень дурной характеръ; что она старалась овладѣть больною сестрою и выманить у покойницы разныя щедроты въ изъѣнъ мужу и дѣтямъ; что даже при ея заносчивомъ характерѣ опасно было оставлять ее при ребенкѣ, и прочее тому подобное. Эти краски очень хорошо ложились на приготовленную растушевку.

Наступило время чтенія завѣщаній. Ихъ было два: первое предоставляло Городкову неограниченное право располагать дѣтьми и имѣніемъ, второе — то, о которомъ я говорилъ выше. Оно одно, какъ послѣднее, имѣло законную силу.

Городковъ выслушавъ все, хладнокровно сказалъ :

«Я весьма радуюсь, что имѣю въ почтенномъ Иванѣ Гавриловичѣ (имя предводителя) столь достойнаго помощника; но долгомъ считаю объявить, что покойница состояла мнѣ должною на такую сумму, которая превосходитъ цѣну имѣнія. Если

бы мнѣ, отцу (это сказано было сквозь слезы) было оказано больше довѣренности и не было никакого посторонняго вмѣшательства, я бы изорвалъ заемныя письма : на что мнѣ они? развѣ я не отецъ моему ребенку? Но теперь я считаю себя въ обязанности предъявить ихъ, дабы имѣть право предохранять отъ посторонняго управленія достоиніе моего ребенка». Всѣ эти слова были произнесены тономъ достойнымъ, благороднымъ и трогательнымъ. Они произвели видимое дѣйствіе на всѣхъ слушателей : многіе изъ нихъ плакали, другіе съ негодованіемъ говорили объ *интриганткѣ* Зинаидѣ.

Одна она не потеряла головы. «Неправда!» сказала она, когда предводитель почти упрекалъ ее, что она посвятила его въ дураки : «неправда! сестра не могла быть ему должною — ему нѣчего ей дать ; я буду доказывать предъ судомъ безденежность заемныхъ писемъ.»

— Какъ, княжна! вамъ, дѣвушка, входить въ процессъ съ мужемъ вашей сестры?

«Такъ вы подайте просьбу...»

— Это легко сказать : какія доказательства могу я представить въ безденежности этихъ заемныхъ писемъ? Знаете ли, къ чему ведетъ это? Въдь Гороккова надобно будетъ обвинить въ безчестномъ поведеніи...

«А вы еще сомнѣваетесь въ этомъ, послѣ письма его?...»

— Да, письмо! развѣ письмо бы годилось. Но подумайте о себѣ : оно компрометируетъ васъ...

«Что нужды!» отвѣчала она; но потомъ, одумавшись, спросила съ трепетомъ : «это письмо необходимо?»

— Необходимо.

«Оно — у Городкова!»

У опекуна опустились руки. Онъ рѣшительно отказался отъ всякаго процесса.

Княжна была въ отчаяніи, но не теряла духа. Безъ денегъ, безъ друзей, поражаемая свѣтской болтовней, негодованіемъ честныхъ, но обманутыхъ людей — она начала процессъ о безденежности заемныхъ писемъ, данныхъ ея сестрою. Къ такому дѣйствию ее еще болѣе понуждала открытая ею связь Городкова съ одною безнравственною женщиною, которая, перехитривъ и самого Владимира Лукьяновича, вытягивала изъ него деньги и навѣрное должна была обвинять его на себѣ. Необходимость имѣть капиталъ для такого процесса заставила княжну завести другой — о раздѣлѣ имѣнія, а къ этому процессу третій — о разореніи, сдѣланномъ Городковымъ въ имѣніи. И во всѣхъ гостиныхъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, толковали, смѣялись, порицали дѣвушку, которая забыла стыдъ, обложила себя указами, окружила себя стряпчими, приказными; болтливость и клевета прибавляли къ сему тысячи оскорбительныхъ небылицъ, которыя имѣли видъ истины.

Посреди самаго разгара этого дѣла, въ Москву возвратился изъ Парижа дядя обѣихъ сестеръ, князь Э... Княжна бросилась къ нему какъ къ своему избавителю; она рассказала ему всю исторію — рассказала съ жаромъ, съ чувствомъ, съ силою. Старый князь, чопорный, чинный, въ коричневомъ фракъ съ иностранною звѣздою, сначала ничего не понималъ; но жаръ, съ которымъ говорила его племянница, какъ-то подѣйствовалъ на его благоприличную душу: онъ самъ ни съ-того, ни съ-сего разгорячился и началъ приговаривать: «*comment donc! nous lui ferons rendre gorge, mordicus!*»

Одинъ мой пріятель сдѣлалъ очень глубокомысленное замѣчаніе, а именно: что есть люди, которые очень умны, когда говорятъ по-французски, и дѣлаются невыразимо пошлы и глупы, какъ скоро заговорятъ по русски. Это довольно странно, но справедливо и понятно. Мы учимся не языку, но только заучиваемъ тысячи фразъ, сказанныхъ на этомъ языкѣ умными людьми; говорить хорошо по-французски — значитъ повторять эти тысячи готовыхъ фразъ; эти фразы и мѣшаютъ мыслямъ и избавляютъ отъ своихъ собственныхъ; вы слушаете, чужой умъ выглядываетъ изъ болтовни, обманываетъ васъ: кажется — дѣло, переведите по-русски — пустошь, ни къ селу, ни къ городу. Князь принадлежалъ къ числу такихъ людей. Едва ввалился онъ въ гостиныя, какъ посыпались къ нему со всѣхъ сторонъ нареканія на Зинаиду; добрый князь обомлѣлъ. Едва заговорилъ онъ по-русски съ дѣловы-

ми людьми, какъ и совсѣмъ потерялся; въ головѣ его осталось только одно, что племянница его играетъ самую смѣшную, самую неприличную роль — *un rôle ridicule et peu convenable!*

Князь счелъ долгомъ принять на себя достойный видъ старшаго родственника и, положивъ одну ногу на другую, преподать княжнѣ нужные, спасительные совѣты самымъ чистымъ парижскимъ нарѣчіемъ, съ завѣтными поговорками и съ особенною интонаціею, которая такъ несносно-скучна въ разговорѣ и природныхъ Французовъ.

Хотя онъ съ княжною говорилъ и по-французски, слѣдственно очень умно, но не убѣдилъ ее; она продолжала начатое и въ гостиныхъ явился ея новый гонитель — ея собственный дядя: онъ пожималъ плечами, поутру увѣрялъ встрѣчнаго и поперечнаго, что онъ въ этомъ дѣлѣ умываетъ руки, а вечеромъ, вздыхая, ѣздилъ смотрѣть французскіе водевили.

Однажды къ княжнѣ Зинаидѣ явился ея стряпчій.

— Ваше сіятельство, сказалъ онъ: — вамъ остается теперь одно: *очистительная присяга* — и я долгомъ считаю васъ увѣдомить, что вашъ соперникъ, говоря, что для дѣтей отецъ долженъ на все рѣшиться, не прочь отъ такой присяги.

— Что такое очистительная присяга?

— Вы должны будете идти съ большой церемоніею въ церковь, и публично присягать въ истинѣ

вашего показанія касательно безденежности заемныхъ писемъ...

Княжна окаменѣла при такомъ извѣстїи. Это было слишкомъ!

Но твердость ея не оставила; она готова была принести и эту жертву любимому ей ребенку, но ее спасло одно изъ тѣхъ нечаянныхъ происшествій, которыя не правдоподобны, но очень просто разрешаются, по волю провидѣнія, самыя трудныя задачи. Городкова разбили лошади — и онъ умеръ. При послѣднемъ издыханіи онъ не хотѣлъ или не успѣлъ испросить прошенія Зинаиды.

Смерть Городкова возвратила всѣ права несчастной дѣвушкѣ надъ ея племянницею. Она взяла ее къ себѣ, не выходитъ за-мужъ и всѣ минуты жизни посвящаетъ на ея воспитаніе: а въ гостиныхъ толкуютъ, что она, разстроивъ свое семейство, теперь надѣла маску и играетъ роль нѣжной родственницы, чтобы прикрыть старые грѣхи, и между-тѣмъ воспользоваться имѣніемъ племянницы.

Вотъ что я узналъ — продолжалъ мой прїятель: — отъ Марьи Ивановны. Разумѣется, она рассказывала все это гораздо короче, нежели какъ я тебѣ скажываю. Но ты человекъ аккуратный — тебѣ надобно было знать всѣ подробности. Этотъ рассказъ возбудилъ во мнѣ сильное любопытство познакомиться съ столь необыкновенною женщиною, которая въ маломъ семейномъ кругѣ умѣла показать болѣе благородства и твердости души, нежели мно-

гіе мужчины на поприщахъ болѣе возвышенныхъ.

У графини Дарфельдъ бывали по вторникамъ маскарады. Въ тогдашнюю зиму на маскарады была мода; всѣ рядились, мистифировали другъ друга, танцовали и волочились безъ ума; подъ снѣга съвера перенеслись всѣ оболъстительныя прелести старинныхъ итальянскихъ маскарадовъ.

Однажды я съ любопытствомъ осматривалъ пестрый міръ, вертѣвшійся вокругъ меня, и почти съ досадою отгрызался отъ масокъ, которыя не давали мнѣ покоя. «Княжна Зизи здѣсь,» сказалъ кто-то за мною. — Гдѣ? гдѣ? — спросилъ другой. «Вотъ сидитъ въ зеленомъ домино; моя племянница съ нею.»

Этого разговора съ меня было довольно; я отправился къ зеленому домино... Въ жизни я не видывалъ такой стройной талии, такихъ прекрасныхъ ножекъ, которыя, ты знаешь, въ женщинѣ для меня — почти все; изъ-подъ капишона были видны знакомыя мнѣ черныя, мелкія кудри, а въ отверстіяхъ маски горѣли живыя, блестящія глаза.

«Позвольте мнѣ васъ мистифировать,» сказалъ я, «хотя я и безъ маски». Я сѣлъ подлѣ княжны и ни съ-того ни съ-сего принялся рассказывать ей всю ея исторію со всѣми подробностями. Княжна была встревожена моимъ рассказомъ; но участіе въ ней, уваженіе къ ея подвигу, которымъ дышало каждое мое слово, ее тронуло. Когда я окончилъ, она мнѣ сказала: «благодарю васъ; вы мнѣ доставили первое наслажденіе въ жизни: видѣть, что

клевета не совсѣмъ могла очернить меня, и что есть люди, убѣжденные въ чистотѣ моего сердца.»

На слѣдующій вторникъ мы встрѣтились уже какъ знакомые. Разговоръ княжны былъ живъ, уменъ и занимателенъ; я не замѣчалъ, какъ проходили часы и какъ посматривали на насъ любопытные.

На третій вторникъ я счелъ уже нужнымъ также нарядиться въ домино, чтобы спокойнѣе говорить съ княжною...

Что тебѣ рассказывать! Черезъ нѣсколько времени быть съ княжною сдѣлалось для меня необходимою; тщетно я искалъ ее въ гостиныхъ: она выѣзжала только въ маскарады — безъ домино она боялась показываться въ свѣтъ, и сначала лишь подъ маскою хотѣла къ нему привыкнуть.

Однажды, послѣ долгаго вечера, котораго я считаю однимъ изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни, сходя съ подѣзда, я сказалъ ей: «Княжна! мнѣ тяжело видѣть васъ только одинъ разъ въ недѣлю; позвольте мнѣ быть у васъ.»

Она задумалась, и потомъ отвѣчала:

— Это невозможно!

«Почему же?»

— Я живу почти одна. Вы знаете Москву и знаете, что заговорятъ, если вы будете ко мнѣ ѣздить. —

Эти слова заставили меня въ мою очередь задуматься.

«Послушайте, сказалъ я: — не сочтите меня вѣтреннымъ, легкомысленнымъ. Что вамъ до толковъ? Не-ужь-ли нѣтъ средства посмѣяться надъ клеветниками?»

— Какъ же? — спросила она почти съ насмѣшкою.

Эта насмѣшка разсердила меня. Я говорилъ, говорилъ — и, самъ не знаю, какъ сказалъ ей, что я влюбленъ въ нее до безумія, и предложилъ ей свою руку.

Княжна вздохнула. «И я люблю васъ, молодой челоѣкъ!» отвѣчала она: «но вы знаете, что о такомъ дѣлѣ надобно подумать...» Тутъ закричали карету съ условленнымъ именемъ; княжна поспѣшно меня оставила, говоря: «до будущаго вторника! ко мнѣ пока я вамъ ѣздить запрещаю...»

Въ эту ночь я прошелъ все степени любовнаго безумія: я и писалъ нѣсколько писемъ, и бросался въ кресла, и закрывалъ себѣ лицо руками, и бродилъ изъ угла въ уголъ — и... какъ это все у васъ описывается?

Къ утру не стало мнѣ больше силъ. Я бросился въ карету и велѣлъ ѣхать къ княжнѣ Зинаидѣ; она заставила меня довольно долго ждать у подъѣзда, но наконецъ меня приняли. Я взбѣжалъ на лѣстницу, какъ угорѣлый, и первый предметъ, который бросился въ глаза въ гостиной, была княжна — и въ своемъ домино.

«Вы не исполнили моей просьбы,» сказала она: «что дѣлать! — Но за то я хочу наказать васъ, вы будете говорить со мною, но не увидите меня...»

Я бросился къ ней, и сталъ умолять, чтобы она сняла маску; — чего уже тутъ я наговорилъ, не помню, потому-что былъ въ совершенномъ бреду.

«Сядемъ-те,» сказала она мнѣ: «и поговоримъ; дѣло серьезное... Вы любите меня, молодой человекъ; — я вамъ вѣрю, вѣрю чистой, юной, прекрасной душѣ вашей; когда смотрю на васъ, мнѣ приходитъ на мысль, что я бы могла еще быть счастливою въ жизни... да, сударь, я къ вамъ почти равнодушна... вы воскресили для меня старыя, забытыя чувства... какъ бы я желала продолжить эту минуту...»

Я былъ внѣ себя, цаловалъ ея руку, дыханіе мое захватывало. — «Постойте!» сказала княжна: «въ этомъ дѣлѣ есть препятствіе и очень важное...»

— Препятствіе! сказалъ я: — какое? Вы свободны. —

«Препятствіе небольшое, но важное,» повторила княжна со смѣхомъ, срывая съ себя маску: «мнѣ сорокъ, а вамъ едва ли восемнадцать! Моя племянница вамъ ровесница и уже за-мужемъ! Жаль мнѣ разрушить свое и ваше очарованіе, но — вы опоздали, и я также; мнѣ не суждено этого рода счастья въ жизни, вы — найдете другое.»

— Что тебѣ рассказывать далѣе! продолжалъ мой пріятель. Я-было принялся выдумывать пошлыя фразы о томъ, что я молодъ на лицо, что неравенство лѣтъ не мѣшаетъ счастью, и прочее, тому

подобное; но мои слова какъ-то не вязались, а княжна грустно и насмѣшливо забавлялась моимъ смущеніемъ... На другой день я уѣхалъ изъ Москвы — а теперь мнѣ пора ѣхать за акціями.

Онъ взялъ шляпу.

«Постой! постой!» кричалъ я ему во слѣдъ. — «Какъ же ты не догадался о лѣтахъ княжны по письмамъ?»

— Развѣ я тебѣ не сказалъ, что получилъ ихъ послѣ всей этой исторіи? — отвѣчалъ мой пріятель.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Оглавление второй части.

Стр.

Домашніе разговоры.

Новый годъ (1831).	3.
Черная перчатка (1838).	17.
Imbroglіo (1835).	59.
Сильфида (1837).	104.
Саламандра (1841).	141.
Южный берегъ Финляндіи въ началѣ XVIII столѣтія.	
Эльса.	
Княжна Мими (1834).	287.
Княжна Зизи (1839).	355.

Замлъченныя опечатки

ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

<i>Стран.</i>	<i>Стр</i>	<i>Напечатано :</i>	<i>Должно читать :</i>
32.	16	картинкахъ	тартинкахъ
329.	18	для сочинителя, это романы и повѣсти.	для сочинителя, — романы и повѣсти.
